

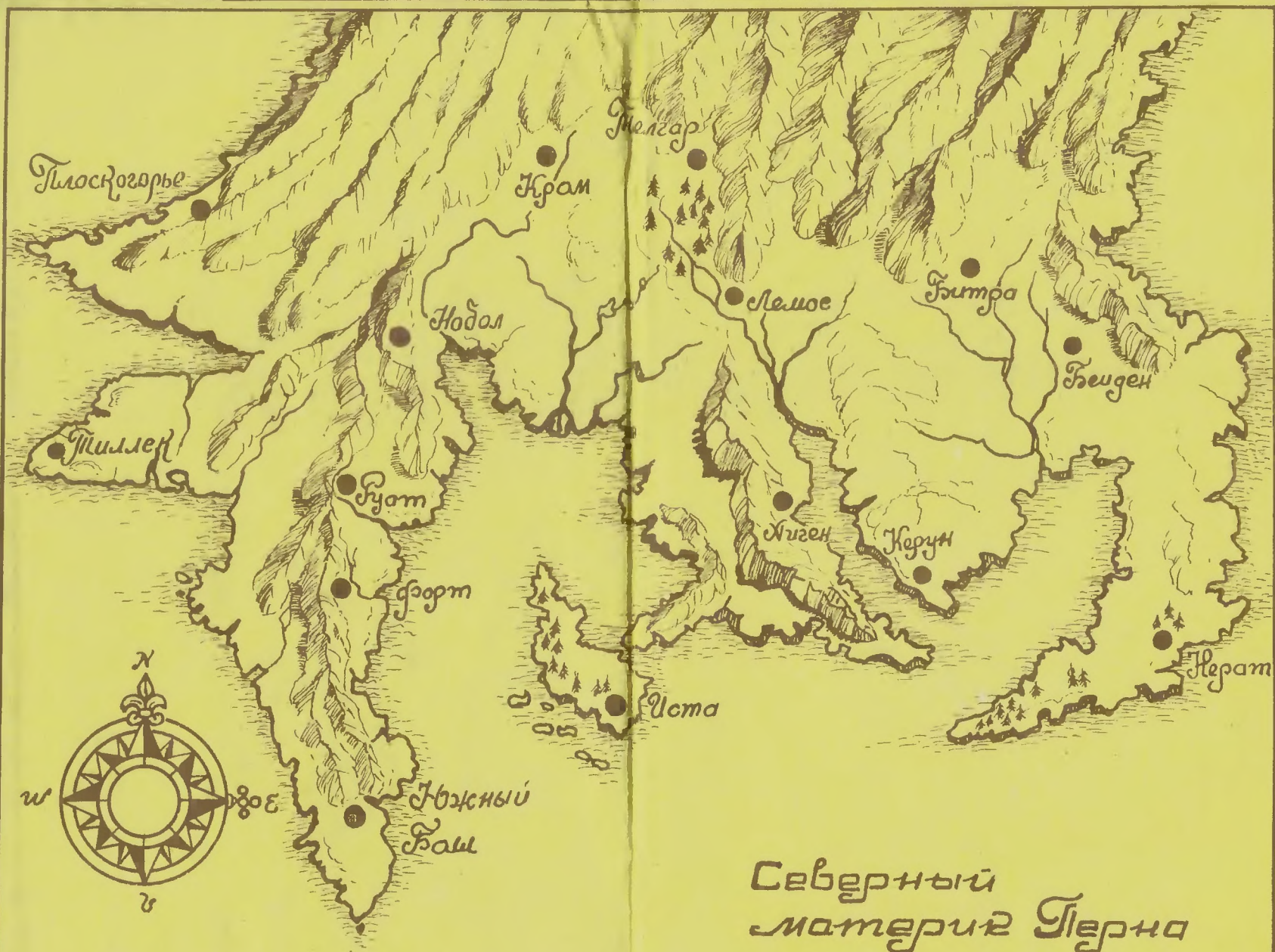
ЭНН МАККЕФРИ

ДРЕВНИЙ ПЕРН

ЭНН МАККЕФРИ

• Всадники Перна •

Северный
материк Терра

ЭНН МАККЕФРИ

ДРЕВНИЙ ПЕРН

**Морита – повелительница
драконов**

История Нерилки

• Всадники Перна •

IV

Санкт-Петербург

Лекла

1993

Перевод с английского

М. Сайнер и М. Сайнер-мл.

Маккефри Э.

М 15 Древний Перн: Роман из цикла «Всадники Перна». Пер. с англ. — СПб.: ТОО «Лейла», 1993.

ISBN 5-85871-003-4

«Древний Перн» является четвертой книгой из цикла «Всадники Перна» и следует за романами «Полет дракона», «Странствия дракона» и «Белый дракон». Книга содержит два романа, составляющих диологию о древних временах Перна, отстоящих примерно на тысячу лет от эпохи Ф'лара и Лессы, описанной в трех первых произведениях. Заканчивается Шестое Прохождение Алой Звезды; поток губительных Нитей, десятилетиями терзавших Перн, становится реже; всадники и драконы, жители холдов и мастерских предвкушают наступление мирных времен. И в этот момент на Перн обрушивается новое бедствие — страшная эпидемия, занесенная в обитаемую зону планеты таинственным животным с южного материка. Всадники, вместе с Цехами арфистов и целителей, напрягают последние силы в поисках противоядия; они путешествуют во времени и пространстве, разыскивая волшебный эликсир. В эти суровые дни имена двух женщин, Мориты и Нерилки, стали известны многим; женщин, чья самоотверженность спасла жизни сотен людей.

ISBN 5-85871-003-4

- © М. Сайнер, М. Сайнер-мл., перевод, 1993
- © М. Нахмансон, предисловие, пролог, комментарии
- © А. Ширкин, рисунки, оформление форзаца

ПРЕДИСЛОВИЕ

Необходимость настоящего предисловия вызвана многочисленными вопросами любителей научной фантастики, прочитавших два первых романа Энн Маккефри — «Полет дракона» и «Странствия дракона». Эти вопросы, при всем их разнообразии, сводились к двум основным: а что там дальше?.. а кто такие фэйры? (или скакуны, драконы, стражи, лорды, холдеры, арфисты и т. д.). Приветствуя любознательность читателей, у которых вызвало интерес творчество Маккефри, я попытаюсь хотя бы отчасти ввести их в мир Перна — прекрасной планеты, на которой в отдаленном будущем наши потомки будут сражаться со смертоносными Нитями.

Энн Маккефри написала одиннадцать романов о Перне. Сама она рекомендует читать их в следующем порядке (видимо, в последовательности их создания):

1. Первоначальная трилогия — «Полет дракона», «Странствия дракона», «Белый дракон».
2. Дилогия о древнем Перне — «Морита — повелительница драконов» и «История Нерилки».
3. Трилогия об арфистке Менолли — «Песня драконов», «Певица драконов», «Барабаны драконов».
4. Роман «Заря драконов».
5. Первый и второй романы, дополняющие первоначальную трилогию — «Отщепенцы Перна» и «Все Вейры Перна».

Указанный автором порядок чтения представляется самым естественным. Если же следовать хронологии описываемых событий, то романы можно разбить на три группы. Первая включает только «Зарю драконов» — роман, в котором описывается высадка земных колонистов на южном материке Перна, начало Первого Прохождения Алой Звезды, обрушившей на поселенцев ливень всепожирающих Нитей, Великое переселение на северный континент и основание в скалах первых убежищ-холдов. Здесь же повествуется о том, как из крохотных ящерок-фэйров методами генной инженерии были выведены драконы.

Вторая группа состоит из двух романов о женщинах — Морите и Нерилке; именно эта дилогия включена в данный том. Ее действие происходит через полторы тысячи лет (или Оборотов Перна) после высадки коло-

Интервал указан как Долгий. Нам точно известно, что Восьмой Интервал, предшествующий событиям основного цикла, был Долгим. В «Полете дракона» Ф'лар не раз упоминает, что и до того бывали Долгие Интервалы, когда Вейры приходили в упадок. Но, если времена Ф'лара и Лессы (Девятое Прохождение) примерно соответствуют две тысячи четыреста пятидесятому Обороту, то легко вычислить, что лишь еще один Интервал, кроме Восьмого, мог быть Долгим. Я условно счел таковым Четвертый.

Перейдем теперь ко второму вопросу, который касается различных реалий и тонкостей перинитской жизни. Здесь необходимо сделать следующее предварительное замечание.

Эни Маккефри создавала перинитский сериал на протяжении почти двух десятилетий. По-видимому, едва ли не каждое очередное произведение представлялось ей последним — и, к сожалению, она не продумала ряд нюансов и реалий, кочующих из романа в роман со значительными изменениями. О некоторых важных мелочах быта (деньги, упряжь драконов, названия животных и т. п.) Маккефри не говорит ничего на протяжении романа или двух; затем эта мелочь вдруг становится нужной в какой-то сцене, и автор начинает описывать ее и упоминать на каждой странице. Иногда Маккефри допускает логические несоответствия при описании отдельных сцен и ситуаций; случается, что психологическая мотивировка действий героев выглядит наивной.

Безусловно, сказанное выше надо расценивать как досадные погрешности, почти неизбежные при создании эпопеи в три с половиной тысячи страниц, и не снижающие ни величия замысла автора, ни интереса при чтении ее романов. По мере возможности мы старались убирать подобные «хвосты» и «проколы» в логике, в результате чего почти произвольно возникал не перевод, а пересказ-переложение на русский язык. Мне кажется, что для читателя это оптимальная ситуация — в силу особенностей языка Маккефри, перевод ее произведений на русский близко к тексту выглядел бы довольно нелепым.

Итак, коснемся некоторых обстоятельств, не до конца раскрытых в романах и требующих дополнительных пояснений. Начнем с той же хронологии, с Долгих Интервалов. Маккефри ошиблась, исчисляя их длительность. Действительно, Долгий Интервал возникает, когда Алая Звезда проходит слишком далеко от Перна, чтобы сбро-

силь на него Нити. Но это «холостое» Прохождение должно занимать время — по-видимому, те же пятьдесят Оборотов. Значит, Долгий Интервал включает предшествующий Прохождению Интервал (двести Оборотов), «холостое» Прохождение (пятьдесят Оборотов) и последующий Интервал (еще двести Оборотов); он равен четырёмстам пятидесяти Оборотам, а не четырёмстам, как неоднократно сообщается в романах. Если учесть данное обстоятельство, то вся хронология сдвигается и возникают неустрашимые противоречия с датировкой событий, приведенной у автора (см. первый раздел комментария). Поэтому я вынужден вслед за Маккефри считать, что Долгий Интервал равен четырёмстам Оборотам, хотя с точки зрения астрономии это кажется более чем странным.

Теперь прокомментируем несколько неясных вопросов и реалий, встречающихся в романах.

У п р я ж ь д р а к о н о в. О ней Маккефри упоминает лишь в конце «Странствий дракона». До этого предполагается, что всадник просто сидит на шее летающего зверя. Но вот Ф'нор с Кантом попадают на Алую Звезду, где их так кружит чудовищный ураган, что без упряжи явно не обойтись. И упряжь появляется. Теперь мы знаем, что всадник сидит на шее дракона в ложбинке между двумя позвонками спинного гребня (словно меж верблюжьих горбов), да еще привязан к чему-то прочными ремнями. К чему? Пока неясно. Я полагаю, что шею и основание хвоста дракона охватывают кожаные кольца, между которыми вдоль туловища зверя протянуты ремни; к ним крепится груз, и к ним же пристегиваются сидящие за всадником пассажиры. Надеть такую упряжь на огромного зверя — нелегкая работа; летать же на «неоседланном» драконе, особенно во время сражения с Нитями, явно опасно. Однако Морита справляется с этой обязанностью одна и с завидной легкостью, что вызывает некоторое недоумение.

П о л и г р а д а ц и и д р а к о н о в. В первом романе («Полет») золотые драконы — это самки-королевы, от которых зависит существование драконьего рода; бронзовые, коричневые и голубые — безусловно, самцы. Относительно зеленых ситуация неясна; можно полагать, что среди них есть и самки, и самцы. В «Странствиях» эта концепция несколько уточнилась — Маккефри указывает, что существуют зеленые самки, бесплодные, но

весьма любвеобильные. С зелеными самцами вопрос по-прежнему остался открытым. Наконец, в прологе к «Морите» и «Нерилке» расставлены все точки над «и»: зеленые — только самки; самцы же — бронзовые, коричневые и голубые.

В связи с этим возникает забавная коллизия. Вспомним Лайтола, Оберегающего Руата и воспитателя Джаксома, бывшего всадника, который потерял в первой книге («Полет») своего зеленого дракона. Во втором романе («Странствия») Маккефри повысила статус покойного зверя до коричневого. Вспомним также, что все всадники боевых драконов — мужчины, а брачный полет их подопечных вызывает у людей совершенно определенные эмоции (очень ярко описанные во второй книге). Отсюда следует неопровержимый вывод: всадники зеленой самки и коричневого или голубого самца волей-неволей связаны гомосексуальными отношениями. Это буквально читается между строк в начале «Странствий» — там, где описана ссора Ф'нора с зеленым всадником из Форт Вейра. Видимо, Энн Маккефри не хотела, чтобы один из главных персонажей, мужественный сумрачный Лайтол, был заподозрен как пассивный партнер в столь грешном деянии. В результате его дракон во втором романе оказался «перекрашенным».

Д е н ь г и. Трудно поверить, но в романах первоначальной трилогии почти не упоминается о деньгах, хотя на Перне существуют весьма развитые торговые отношения. Есть только один намек — в «Белом драконе». Робинтон, во время полета в Исту, просит коричневого всадника Д'фио сделать за него ставку на предполагаемого победителя в очередном брачном полете истинской королевы и сует ему в руку пару монет.

И вдруг в «Нерилке», в главе 10, мы получаем массу информации о перинитских деньгах — словно Маккефри вспомнила, наконец, об этом необходимом атрибуте цивилизации. Оказывается, на Перне существуют как минимум две денежные единицы — серебряная и золотая марки; что их ценность весьма высока — сундучок с монетами, приданое Нерилки, не раз выручает Руат; что во время брачной церемонии жених подносит невесте золотую монету с выгравированной датой торжества. Возможно, монеты выпускались каждым Великим холдом, но, скорее, их чеканили для всего Перна в одной из мастерских Цеха кузнецов.

С к а к у н ы. Они произошли от земных лошадей, зародышей которых колонисты привезли с Земли — как и эмбрионов многих других животных. Это обстоятельство выясняется только в «Морите»; до того можно полагать, что скакуны выведены людьми из какой-нибудь породы местных животных. Действительно, Маккефри не называет их лошадьми. Она говорит о верховых животных, о тяжеловозах и бегунах-раннерах, о жеребцах и кобылах, о конюхах и конюшнях, сбруе и стойлах, пастухах и пастбищах — но нигде не описывает внешнего вида мутировавших коней. А они на Перне как-то видоизменились — методами генной инженерии первопоселенцы приспособили их к местным условиям. Поэтому я полагаю, что лучше именовать их нейтральным словом «скакуны», чтобы подчеркнуть некоторое отличие этих верховых животных от земных лошадей.

Замечу, что на обложке одного из оригинальных изданий «Нерилки» нарисован скакун. Видимо, художник Эдвин Хердер испытывал те же затруднения, что и мы с вами: он не рискнул изобразить коня — его скакун скорее похож на маленького верблюда или ламу.

Ф а й р ы и д р а к о н ы. В «Морите» только один раз вскользь упоминаются фэйры (огненные ящерицы); напомним, что это небольшие летающие создания, коренные обитатели Перна. Они очень благожелательно относятся к людям и обладают почти всеми качествами драконов; согласно смутным легендам (см. роман «Странствия»), драконы были выведены первопоселенцами из фэйров с целью защиты от Нитей.

О драконах уже было сказано немало, поэтому остановимся на перечислении их основных талантов. Детеныша дракона нужно запечатлить в момент появления из яйца; он избирает себе одного из предложенных подростков-кандидатов и мгновенно устанавливает с ним телепатическую связь, которая длится всю жизнь. Живут же драконы несколько меньше людей — по-видимому, лет пятьдесят. Телепатический симбиоз между всадником и драконом отнюдь не является отношениями господина и слуги; скорее, это союз равных партнеров, исполненный взаимной любви. Если всадник гибнет, дракон кончает жизнь самоубийством, уходя в Промежуток. В случае смерти дракона, его напарник-человек остается безутешным до конца дней своих.

Драконы разумны — или, по крайней мере, полура-

зумны — и обладают гораздо более ясным сознанием, чем фэйры (в этом, а также в размерах, и заключаются основные отличия между ними). Драконы превосходно летают и свободно могут нести груз, равный весу пяти-шести человек; их размеры — от двадцати пяти до сорока пяти метров. У них великолепное зрение — гораздо лучшее, чем у людей. Своими огромными челюстями они дробят в порошок огненный камень; затем в их желудках происходят некие химические реакции, позволяющие им выдыхать пламя. Драконы — плотоядные животные; раз в три-четыре дня они съедают около полутонны мяса. Они очень любят греться на солнце и купаться; прекрасно плавают и ныряют.

Наконец, главное свойство драконов — умение перемещаться в Промежутке. Очевидно, Промежуток — некое подпространство, в котором огромные расстояния (в том числе — и во времени) могут быть преодолены за две-три секунды. В природе Промежуток нет ничего потустороннего; это некая физическая реальность, доступная драконам в силу их врожденных свойств. Там царят ледяной холод и тьма, там человек теряет ориентацию и вскоре гибнет. Гибнет и дракон, если всадник не передал ему четкого мысленного образа того места — во времени и в пространстве — где необходимо выйти в обычный мир.

Драконы для перинитов священны. С ними связано множество сказаний и песен, а также мера расстояния — «длина дракона», которая составляет, по-видимому, от двадцати до пятидесяти метров.

Прочие животные. Периниты имеют крупный рогатый скот, доставленный в виде эмбрионов с Земли и подвергнутый целенаправленной мутации. Кроме того, холдеры разводят огромных нелетающих птиц величиной со страуса — либо также доставленных с Земли, либо представителей фауны Перна.

На планете водятся довольно опасные хищники — всеядные летающие ящеры весом до ста килограммов. На них охотятся; кроме того, дрессируют, подрезают крылья и сажают на цепь во дворе холда. В одомашненном состоянии эти звери называются стражами порога, в естественном — дикими стражами. Они — дальние родичи драконов и фэйров, и обладают небольшими телепатическими способностями. Драконы — а иногда и всадники — могут «говорить» с ними.

Р а с т е н и я. Маккефри упоминает довольно много плодовых, злаковых и лекарственных растений. Поля, вероятно, засеивались пшеницей и другими зерновыми, доставленными с Земли. В садах, окружавших холды (особенно знамениты были руатанские сады), росли плодовые деревья — скорее всего, местного происхождения. Их плоды, похожие на яблоки, сушили на зиму. На юге континента росли лозы с ягодами вроде винограда — они шли на вино; лучшим на всем Перне считалось белое бенденское. Подробно описывается местное лунное дерево с огромными плодами, величиной и вкусом напоминавшими дыню.

Ряд растений использовался в медицине — в «Нерилке» дан целый перечень этих трав, имеющих вполне земные названия. Видимо, они и на самом деле являются земными растениями, семена которых были привезены колонистами и высажены вокруг холдов. Но на Перне был также обнаружен местный целебный кустарник, из которого медики научились готовить анестезирующую мазь и бальзам — это средство полностью снимало боль и способствовало заживлению ран и ожогов.

А р ф и с т ы. Напомним социальную организацию Перна. Симбионты — всадники и драконы — живут в Вейрах; их кормит остальное население. Во время Прохождения всадники защищают материк от Нитей, в мирные периоды — тренируются и выращивают драконов. Земли северного континента делятся на районы с административными центрами в Великих холдах. На каждой из таких территорий — десятки, если не сотни, малых холдов, обитатели которых занимаются сельским хозяйством. Ремесленники объединены в Цеха — кузнецов, ткачей, скотоводов, моряков, горняков и т. д.; к Цехам относится и наука, имеющая чисто прикладной характер — например, оптикой, механикой и электричеством занимаются в мастерских кузнецов.

Два Цеха, однако, не носят производственного характера — это целители и арфисты. Функции медиков на Перне аналогичны земным, но Цех арфистов представляет совершенно уникальное явление. Арфисты не только сочиняют баллады и песни, исполняя их в назидание и для развлечения публики; их задачи гораздо шире. Во-первых, они являются хранителями исторических сведений и учителями — воспитателями молодежи. Во-вторых, они выполняют юридические обязанности, ре-

гистрируют браки, рождения, посредничают в спорах. В-третьих, они разрабатывают системы связи — например, коды, используемые при передаче сообщений с помощью барабанов. В-четвертых, они исследуют новые земли и составляют карты. Наконец, в-пятых, через огромную сеть странствующих арфистов их Главный мастер получает как информацию о событиях во всех холдах, так и возможность влиять на эти события. Таким образом, арфисты являются одновременно поэтами, певцами и музыкантами, историками, учителями и юристами, путешественниками, географами и разведчиками. Они — та сила, иногда — явная, часто — тайная, которая стремится сохранить на Перне мир, знания и стабильность.

Б а р а б а н н а я с в я з ь. Эта связь охватывала весь северный континент; с ее помощью сообщения передавались на тысячи миль за два-три дня. В Великих холдах была специальная служба — опытные и очень сильные люди, способные часами бить в барабаны; сигнальные пункты располагались высоко в скалах, чтобы звук разносился на отдаленные расстояния. Малые холды, возможно, держали одного барабанщика; но, скорее всего, сам холдер и его сыновья тоже могли отстучать сообщение.

Кроме общепринятой, существовало много систем кодов; фактически, каждый Великий холд и Цех имели свой код для передачи тайных сообщений. Искусство воспринимать на слух сигналы барабана являлось обязательным для образованного человека; так, Нерилка упоминает, что ей знакомы все системы связи, кроме личного кода мастера арфистов. Этим умением обладали лорды, владельцы малых холдов, члены их семей, мастера со своими помощниками и, конечно, всадники.

Завершая краткий обзор перинитских реалий, обращая внимание читателей на помещенные в конце книги комментарии. Кроме примерной хронологической таблицы, в них приведен перечень всех Великих холдов и защищающих их Вейров, дан список всех действующих лиц «Мориты» и «Нерилки» и пояснены некоторые термины. Перед чтением романов рекомендую ознакомиться с этой информацией.

М. Нахмансон

ПРОЛОГ

Ракбет, в созвездии Стрельца, был золотистой звездой класса G. В его систему входили два пояса астероидов, пять планет — и еще одна, блуждающая, притянутая и связанная узами тяготения в последние тысячелетия. Когда люди впервые обосновались на третьей планете системы Ракбета, получившей название Перн, они не обратили особого внимания на странную планету-пришлицу, что вращалась вокруг центрального светила по очень вытянутой и неустойчивой эллиптической орбите. В течение нескольких поколений люди не очень задумывались об этой Алой Звезде — пока однажды она не подошла в перигелии близко к Перну.

Когда влияние остальных небесных тел системы Ракбета не мешало сближению двух планет, чуждая жизнь, безжалостная и хищная, стремилась преодолеть узкую пространственную щель между ними и перебраться в более гостеприимный мир. В такие времена с небес Перна падали серебристые Нити, уничтожая все живое на своем пути. В период первой атаки потери, понесенные колонистами, были устрашающими. Затем началась длительная борьба за выживание, отчаянное сражение с регулярными падениями Нитей. Это отнимало много сил и постепенно непрочная связь с материнской планетой была окончательно утрачена.

В свое время периниты разобрали транспортные корабли и отказались от многих технологических достижений — все это представлялось ненужным и неуместным на девственной, благодатной планете. Теперь же, чтобы защититься от вторжения Нитей, наиболее изобретательная и предприимчивая часть колонистов разработала план, рассчитанный на века. Его первая стадия заключалась в совершенствовании одного из уникальных биологических видов усыновившей их планеты. Мужчин и женщин, способных к глубокому сопереживанию, обладавших врожденным даром телепатии, обучали использовать и сохранять этих необычных животных. «Драконы», названные так в память о сказочных созданиях из земных легенд, обладали двумя чрезвычайно полезными свойствами: они почти мгновенно перемещались из одного места в другое, и, после того, как заглатывали некий местный минерал, содержащий фос-

форин, обретали способность выдыхать пламя. Таким образом, поднявшись под облака, драконы могли сжигать Нити в воздухе, не допуская их падения на почву.

Чтобы реализовать первый этап этого плана, потребовалось несколько поколений. Одновременно осуществлялась и вторая стадия, но для ее окончательного завершения было нужно еще больше времени. Нити являлись всего лишь микозоидными спорами, способными преодолевать космическое пространство и с бессмысленной прожорливостью поглощать любую органическую материю. Попадая на плодородную поверхность Перна, они зарывались в мягкую землю и начинали стремительно размножаться. Периниты вывели особых личинок, обладающих сходными качествами и способных противостоять нашествию паразитов, и внесли их в почву южного материка. Первоначальный план предполагал, что драконы будут сжигать Нити в полете, защищая жилища и скот колонистов; личинки же предназначались для охраны растительности и уничтожения Нитей, сумевших ускользнуть от огнедышащих стражей.

Но инициаторы двухступенчатой программы не смогли учесть грядущих геологических катаклизмов и социальных изменений. Южный континент, на первый взгляд более привлекательный, чем суровые северные земли, оказался небезопасным. В результате вся колония была вынуждена переселиться на север и искать защиты от Нитей в естественных горных пещерах северного материка.

Форт, первоначальное поселение, вырубленное в восточном склоне Великого Западного хребта, вскоре стал слишком тесен для колонистов. Второй город-холд был заложен дальше к северу, около большого озера, где в скалах обнаружилось множество пещер. Однако через несколько поколений холд Руат тоже оказался переполненным. Поскольку Алая Звезда всходила на восточном небосклоне, периниты решили заложить следующие поселения в Восточных горах, если там окажутся подходящие пещеры. Ведь только камень и металл, (которым Перн, к сожалению, оказался не очень богат) могли защитить от обжигающих ударов Нитей.

К тому времени в процессе селекции крылатые, длиннохвостые, огнедышащие драконы достигли таких размеров, что содержать их в тесноте пещерных городов-холдов стало невозможно. Тогда периниты обратили вни-

мание на кратеры древних потухших вулканов, внутренние склоны которых были источены огромными пещерами. Одна такая вершина находилась вблизи Форта, другую обнаружили в горах Бендена на восточной оконечности материка. Их приспособили для обитания драконов и их всадников, но на этот проект ушли последние запасы горючего для гигантских горнопроходческих машин, и все остальные холды и Вейры высекались в скалах вручную.

Задачи у всадников и у людей, обитавших в холдах, были различны; разными стали и их жизненные уклады. Постепенно они освящались временем и привычкой — пока не превратились в традицию, незыблемую, как закон.

Наступил период, равный двумстам Оборотам Перна вокруг светила, когда Алая Звезда, одинокая, замерзшая пленница, находилась на дальнем конце своей эллиптической орбиты. На почву северного материка больше не падали Нити. Люди стерли следы опустошения, разбили фруктовые сады, вспахали поля и даже собирались восстановить на склонах гор уничтоженные Нитями леса. Вскоре они едва не позабыли о том, что совсем недавно находились на грани вымирания. Но блуждающая планета вернулась с неизменностью космического маятника, и Нити стали падать опять; начались пятьдесят Оборотов ужаса, которым грозили небеса. И периниты благословляли далеких предков, чья мудрая предусмотрительность спасала их в эти трудные времена. Теперь у них были драконы, которые своим огненным дыханием уничтожали в воздухе падающие Нити.

В течение мирного Интервала род драконов множился и процветал; согласно разработанному ранее плану защиты были основаны четыре новых поселения в кратерах вулканов. Но в пылу строительства холдов, освоения девственных земель, странствий по бескрайним лесам и пустыням была утрачена память о червях-пожирателях Нитей с южного материка, о самом материке и о прародине перинитов. С каждым последующим поколением воспоминания о Земле отступали все дальше вглубь времен, пока не превратились в миф, в легенду и, наконец, не канули в вечность. Эпоха же Великого Переселения с южного на северный континент оставила лишь смутные следы в балладах арфистов.

К моменту, когда Алая Звезда в шестой раз сблизи-

лась с Перном, на планете уже сложилась прочная политико-экономическая структура, позволяющая успешно бороться с регулярными бедствиями. Шесть Вейров — так стали называть лагеря всадников в кратерах потухших вулканов — взяли под защиту весь северный материк, разделив его на шесть областей. Остальное население должно было оказывать поддержку Вейрам, так как обитавшие в них бойцы не могли тратить силы и время на поиски пропитания — тем более, что в горах не было пригодной для обработки земли. В мирное время всадники растили драконов и обучали молодежь; во время прохождения Алой Звезды они сражались с Нитями.

В районах, изобиловавших естественными пещерами, в плодородных долинах рек росли города-холды. Некоторые из них, расположенные в стратегических точках, развивались особо стремительно. Чтобы управлять ими, бороться с ужасом и отчаянием, которые охватывали население во время атак Нитей, требовались сильные люди. Нужны были мудрые администраторы, способные организовать сбор и хранение запасов продовольствия — на тот случай, если урожай погибнет; опытные ремесленники, трудолюбивые фермеры, отважные мореходы. Людей, обладавших способностями к работе с металлом, умевших разводить животных, ловить рыбу, ткать, добывать руду — там, где она была, — объединили в Цеха. Каждый Цех включал несколько мастерских, расположенных, как правило, в самых больших холдах. Одна из них считалась главной — там ремесленники совершенствовали свое искусство, там обучали молодежь, передавая из поколения в поколение секреты мастерства. Чтобы лорды-правители холдов, на землях которых находились мастерские, не могли прибрать к рукам их продукцию, ремесленникам было предоставлено самоуправление. Они подчинялись только Главному мастеру своего цеха, которого выбирали из числа наиболее опытных и уважаемых людей. Главный мастер полностью отвечал за продукцию цеха, ее качество и распределение; его мастерские работали для всего Перна.

Со временем, конечно, права и привилегии властителей холдов и Главных мастеров возросли; то же самое относилось и к всадникам, под защитой которых находились все поселения на планете.

Именно в Вейрах произошли самые значительные изменения. Социальные структуры, подобные Цехам и

холдам, когда-то существовали и на Земле. Цех напоминал свободное объединение средневековых ремесленников, холд — укрепленный замок барона, под властью которого находились окрестные земли; однако аналогов Вейров в земной истории не было.

Их жизнь полностью определялась потребностями драконов — гигантских теплокровных ящеров, размножавшихся яйцами. Самки крылатого племени были золотыми и зелеными; кожа самцов отливала бронзовым, коричневым и голубым цветами. Лишь золотые самки-королевы, самые крупные и весьма малочисленные представительницы драконьего рода, обладали способностью к продуктивному размножению; процветание и жизнь Вейра зависели от них. В принципе, зеленые тоже могли давать потомство, однако они участвовали в сражениях с Нитями и, чтобы выдыхать пламя, жевали огненный камень, порождавший бесплодие. К тому же зеленые самки достигали не очень больших размеров, а их отпрыски оказывались еще мельче.

Но в битве с Нитями зеленые были незаменимы. Ловкие, яростные и отважные, они принимали на себя первый удар, располагаясь на верхней ступени воздушной лестницы — боевого строя Вейра. За ними, чуть ниже, следовали более крупные и сильные голубые самцы; затем — гиганты коричневые и бронзовые, отличавшиеся большой выносливостью, способные вынести тяжесть многочасового сражения. Золотые королевы летали над самой землей, выискивая Нити, прорвавшиеся сквозь строй Вейра. Это было опасным занятием; ведь королевы не выдыхали пламени, и их всадницам приходилось пользоваться огнеметами.

Во время брачного периода золотые пускались в стремительный полет со стаям самцов по пятам. Любой из них, догнавший королеву, — или тот, кому она позволяла себя догнать, — мог оказаться производителем будущего потомства. На деле же такие полеты были по силам лишь бронзовым, и желанный приз получал самый могучий и быстрый из них. Всадник дракона, догнавшего старшую королеву, становился Предводителем Вейра, боевым вождем, руководившим борьбой с Нитями; в более мирные времена он отвечал за подготовку всадников и драконов, за сохранение традиций и военного искусства предков. Всадница старшей королевы — Госпожа Вейра и подруга его вождя — также обладала немалой властью: она забо-

тилась о здоровье людей и животных, о воспитании детей, управляла хозяйством Вейра. При сильной и умной Госпоже Вейр процветал; слабая могла привести его к гибели.

Молодой дракон избирал себе человека-напарника на всю жизнь в момент появления из яйца. Этот обряд назывался Запечатлением и был главным событием в жизни избранного подростка. Он покидал свой холд или мастерскую — или просто расставался с детством, если был уроженцем Вейра; огненные он превращался во всадника — бронзового или коричневого, голубого или зеленого — в зависимости от того, сколь благосклонна была к нему судьба. Стать членом братства Парящих на Драконах... Для любого юного перинита не существовало более высокой мечты, а для его родичей — большей чести.

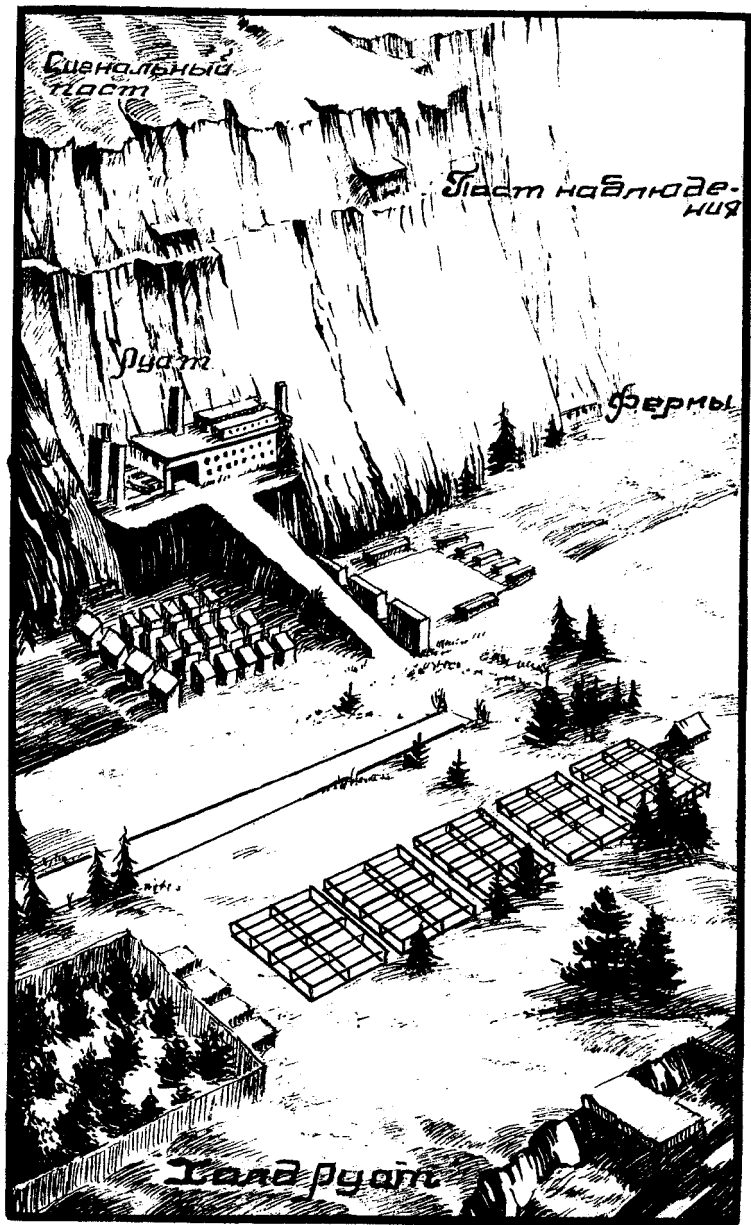
Люди, одаренные телепатическими способностями, рождались не часто и, чтобы набрать молодых для очередного Запечатления, Вейр устраивал Поиск, рассылая посланцев по холдам и мастерским. Выбор подходящих претендентов тоже относился к числу важнейших обязанностей Предводителя и Госпожи Вейра — особенно, когда речь шла о золотом королевском яйце.

Так шла жизнь. Перн крутился по своей орбите, отсчитывая Оборот за Оборотом, страшные года прохождения Алой Звезды сменялись спокойными мирными Интервалами; миновало полтора тысячелетия с тех пор, как нога человека ступила на почву девственной планеты. Заканчивалось Шестое Прохождение. Нити падали все реже, и люди, мечтая о приближавшейся эпохе безопасности и процветания, уже начали строить планы на будущее. Они жаждали расширить свои владения, заложить новые холды, исследовать далекие земли; жизнь, благоденствие, успех сулили голубые и чистые небеса Перна. И в этот миг надежд на северный материк обрушилось новое бедствие, столь же страшное, как всепожирающие Нити.

Книга первая

Морита – повелительница драконов

Глава 1

*Год 1543, десятый день третьего месяца;
Форт Вейр и холод Руат*

— Ш'гал улетел по делам Вейра, — Морита сказала об этом Нессо уже в третий раз.

Сказала и начала развязывать свою покрытую пятнами пота и масла тунику.

— Его главное дело — сопровождать тебя на Встречу в Руат!

Даже когда у Нессо было хорошее настроение, в ее голосе слышались визгливые нотки. Теперь же в нем звучало глубочайшее возмущение воображаемым оскорблением, нанесенным Предводителем Вейра его Госпоже. Морите невольно подумалось о несмазанных дверных петлях.

— Он вчера виделся с лордом Алессаном. Встреча — не самое удобное место для обсуждения важных вопросов.

Морита встала, стремясь поскорее закончить неприятный для нее разговор. Нессо могла жаловаться на Ш'гала, на обиды истинные или выдуманные, практически бесконечно. И надо сказать, что их антипатия была взаимной: слишком часто Морите приходилось успокаивать то одного, то другую. Она не могла изменить Ш'гала. И ей до смерти не хотелось терять Нессо, которая, несмотря на свои недостатки, была необыкновенно умелой и трудолюбивой хозяйкой Нижних Пещер.

— Знаешь, Нессо, мне надо принять ванну. Стоит поторопиться, или я опоздаю в Руат. Я знаю, ты приготовила отличный ужин для тех, кто остается. К'лон чувствует себя уже совсем прилично, жар спадает. За ним присмотрит Берчар. Ты только его не трогай.

Морита пристально поглядела на Нессо, желая, чтобы та получше запомнила ее совет. У Нессо была привычка «занимать место» Мориты, когда Госпожа покидала Вейр — если только ей строго-настрого не запрещали это делать.

— Ну ладно, Нессо, иди. У тебя много дел, а мне не терпится помыться, — улыбнувшись, Морита подтолкнула женщину к выходу из спальни.

— Ш'галу следовало лететь с тобой, — не унималась

Нессо. — Он должен, — бормотала она, — должен...

Только проходя мимо спящей королевы, она наконец-то замолчала.

Тяжелая от еще не отложенных яиц, Орлита дремала, не замечая проходивших мимо нее женщин. Золотая королева уютно устроилась на каменном ложе — так, чтобы не смазать масло, которым Морита растерла ее, готовясь к Встрече в Руате. Морита как раз направлялась к столь желанной ванне, когда ее попросили посмотреть на больного К'лона. В итоге она не успела обсудить с Лери, старой Госпожой Вейра, что из лекарств потребуется ей на следующий день. Лери никогда не потерпит, чтобы за ней ухаживала Нессо.

Разговор с Нессо был неизбежным. Та прослышала, что Ш'гал и Морита «обменялись любезностями», после чего Предводитель немедленно покинул Вейр. При чем покинул, одетый в повседневный костюм для полетов, а не в роскошные одеяния, подобающие Встрече. Затем потребовалось успокоить Нессо, что К'лон не страдает от страшной лихорадки, которая вот-вот охватит весь Вейр. Ужасная перспектива — если к тому же учесть, что до Падения осталось всего три дня!

Морита скинула тунику. Ей давным-давно пора было появиться на Встрече и нырнуть в толпу гостей, обмениваясь вежливыми и пустыми фразами в ожидании начала скачек.

— Орлита? — тихо позвала она, вложив в этот зов силу своей мысли. Сонный ответ королевы, как всегда, мигом заставил ее забыть о навязчивой хозяйке Нижних Пещер. — Проснись, моя золотая красавица. Мы скоро отправляемся в Руат.

«Там сейчас солнце?» — с надеждой спросила Орлита.

— Похоже, что да. Т'рал побывал там только сегодня утром, — ответила Морита, открывая сундук с одеждой. С самого верха лежало новое платье: золотые и нежно-коричневые складки — цвета, прекрасно оттеняющие ее глаза. — Ты же знаешь, как Т'рал чувствует погоду.

Морита услышала как королева потянулась и заурчала от удовольствия.

— Постарайся не слишком ерзать, — ласково посоветовала ей всадница.

«Знаю. Я и сама не хочу потерять свой блеск, — отозвалась Орлита. — Я уж, так и быть, постараюсь не

испачкаться, пока мы не доберемся до Руата. Там я погреюсь и поплаваю в озере».

— А это не слишком рискованно, милая? Тебе ведь скоро откладывать яйца. А озеро холодное, как Промежуток.

«Нет ничего холоднее Промежутка», — уверенно возразила Орлита.

Приготовив подобающий Встрече наряд, Морита прошла в ванную. Забравшись в бассейн, полный теплой воды, она взяла горсть песка и начала растирать плечи, пока кожа не покраснела. На несколько секунд Морита с головой окунулась в воду; затем, подплыв к краю бассейна, набрала еще песка и приступила к своим густым волосам.

«Хотя тебя и немного, — нетерпеливо заметила Орлита, — ты моешься на удивление долго».

— Пусть меня действительно немного, зато сколько тебя мне пришлось вычистить и смазать маслом!

«Ты всегда так говоришь».

— Ты тоже.

В этих взаимных упреках звучали нежность и взаимопонимание. Хотя Орлита и ее всадница стали старшей парой в Форт Вейре совсем недавно, когда прошлой зимой Холта старой Лери не поднялась в свой брачный полет, они выбрали друг друга почти двадцать Оборотов назад.

Вытерев голову, Морита предоставила своим коротким волосам лечь так, как это было предначертано им природой. От кожаного шлема, который приходилось носить во время сражений с Нитями, голова так сильно чесалась, что пришлось распрощаться с длинными русыми косами, ее гордостью. Когда закончится Прохождение, она снова сможет отпустить длинные волосы.

Когда закончится Прохождение... Натягивая свежую нижнюю тунику, Морита даже застыла от этой неожиданной мысли. Подумать только, через каких-то шесть Оборотов это Прохождение закончится! Нет, через пять, если не считать этот Оборот, четверть которого уже осталась позади. Усилием воли она заставила себя не поддаваться излишнему оптимизму. Из всего Оборота прошло только семьдесят дней. Ну, хорошо! Шесть Оборотов. Через шесть Оборотов, ей, Морите, Госпоже Форт Вейра, больше не придется вылетать на борьбу с Нитями. Через шесть оборотов Алая Звезда будет слишком

далеко от Перна, чтобы осыпать его усталые континенты всепожирающими спорами.

«Интересно, — думала Морита, одевая мягкие коричневые туфли, — как это произойдет? Нити просто в один прекрасный день перестанут падать — как конец летнего шквала? Или они будут сыпаться с небес все реже и реже — словно стихающий зимний дождь?»

Кстати, дождь сейчас совсем бы не помешал. А снег был бы еще лучше. Или крепкий мороз. Мороз — извечный союзник Вейров.

Она одела платье, расправила его на своих чуть широковатых плечах, на груди, небольшой и упругой, на ягодицах, плоских от бесчисленных часов, проведенных верхов. Платье скрадывало ее мускулистые бедра, которые Морита порой проклинала, за которые она тоже должна была благодарить двадцать Оборотов, проведенные верховом на драконе. Впрочем, все это — не слишком дорогая цена для всадницы золотой королевы.

Морите очень хотелось бы, чтоб Ш'гал отправился на Встречу вместе с ней. Она была незнакома с Алесаном — новым лордом Руата. Ей смутно помнился длинноногий юноша, светло-зеленые глаза которого удивительно не подходили к смуглому лицу и лохматой шапке черных волос. Он всегда, как и подобает, стоял за спиной своего отца, владетеля Руата. Лорд Лиф был суров, но справедлив. От него Вейр мог рассчитывать на все, что полагалось по традиции; как раз тот человек, которого Вейр и Перн хотели бы видеть во главе процветающего холда. Ничего удивительного — в Руате древние законы всегда пользовались искренним уважением, и многие дочери и сыны этого рода запечатлели в свое время золотых королей и бронзовых драконов.

Никто из многочисленных сыновей лорда Лифа не знал, кого старый правитель объявит своим наследником. Несмотря на атаки Нитей и прочие опасности Прохождения, лорд Лиф построил на крутых склонах долины Руата несколько новых холдов. Там он поселил своих самых достойных сыновей с их семьями. Подобное строительство было одно из многочисленных затей Лифа по поддержанию мира и порядка в холде. Старый лорд спланировал не только все, касающееся наследования своего холда, но и то, чем и как следует заниматься после Прохождения. Морита не видела в этих планах ничего дурного, хотя Ш'гал, как и некоторые дру-

гие всадники, с некоторым неодобрением взирал на постепенный рост Руата. В это Прохождение шесть Вейров, двадцать три сотни драконов, с трудом защищали от Нитей обработанные поля сотен больших и малых холдов. Поговаривали даже о том, что в будущем придется заложить еще один, седьмой, Вейр. Но это произойдет еще не скоро — на долю Мориты, видимо, не выпадут тяготы строительства.

Поправив на шее золотой, украшенный камнями обруч, Морита одела роскошные и очень тяжелые браслеты. Юноша со светло-зелеными глазами — это точно Алессан. Она частенько видела его после Падений во главе отряда огнеметчиков. Несмотря на его скромность и безукоризненную вежливость, присутствие Алессана было трудно не заметить. Даже ради спасения собственной жизни Морита не смогла бы столь же ясно припомнить хотя бы еще одного из сыновей лорда Лифа. Несмотря на то, что все они куда больше походили на своего отца, чем на многочисленных матерей!

Сегодня лорд Алессан проводил свою первую Встречу — с тех пор, как Конклав лордов в начале Оборота утвердил его наследником высшей власти в Руате. Да, нечасто бывают теперь праздничные дни, в которые, к тому же, стоит хорошая погода и не валятся с небес прожорливые Нити!

— Раз одновременно начались две Встречи, то я полечу в Исту, — заявил этим утром Морите Ш'гал. — Вчера я сказал об этом Алессану, и он, похоже, не слишком-то огорчился, — Ш'гал пренебрежительно хмыкнул. — На свои скачки он притащил всех кляч, каких смог только раздобыть, так что ты получишь море удовольствия.

Предводитель Форта не одобрял увлечения Мориты скачками. После брачного полета Орлиты и Кадита, на тех редких Встречах, где им с Моритой случалось бывать вместе, Ш'гал всегда портил ей удовольствие от любимого зрелища.

— Я буду наслаждаться солнцем и морскими деликатесами, — продолжал он. — Лорд Фитатрик всегда готовит гостям отменнейшее угощение. Могу только надеяться, что в Руате ты проведешь время не хуже.

— У меня никогда еще не было повода жаловаться на гостеприимство Руата, — что-то в тоне Ш'гала заставило Мориту броситься на защиту холда.

Ш'гал восхищался лордом Лифом, но не новым властителем Руата. Морита не всегда соглашалась с порой поспешными суждениями Предводителя Вейра. Она лучше немного подождет и составит собственное мнение об Алессане.

— Кроме того, я обещал лорду Рейтошигану отвезти его в Исту. Он вовсе не хочет ехать на Встречу в Руат. Ему не терпится поглядеть на новое диковинное животное, которое будут показывать в Исте.

— Животное?

— Я думал, ты знаешь, — Ш'гал сказал это таким тоном, словно Морита просто обязана была понимать, что он имеет в виду. — Рыбаки Морского холда из Айгена сняли его с дерева, плававшего посреди океана, в Великом Течении. Они никогда не видывали ничего подобного, и потому доставили этого зверя мастеру скотоводов в Керун.

Ага, подумала Морита, вот почему Ш'гал полагает, что ей должно быть об этом известно. Она и понятия не имела, с чего тот вообразил, будто ей ведомо все, творящееся в родном холде. Вот уже десять Оборотов, как она целиком и полностью занималась только Форт Вейром.

— Как я слышал, — добавил Ш'гал, — этот зверек из породы кошачьих. Возможно, какой-то вид из оставленных на южном континенте. Весьма свирепое животное. Лучше бы оставить его в покое.

— Если вспомнить, что в последнее время нас замучили пещерные змеи, свирепый и вечно голодный представитель семейства кошачьих пришелся бы очень кстати. Собаки недостаточно быстры.

Это замечание чем-то не понравилось Ш'галу, и предводитель, бросив на Госпожу Форта один из своих мрачных и таинственных взглядов, тут же вышел из королевского вейра.

Странная реакция на ее слова разозлила Мориту. Уже не в первый раз она от всей души пожелала, чтобы кто-нибудь другой, а не Ш'галов Кадит догнал Орлиту во время брачного полета. И, как всегда, тут же напомнила сама себе, что старый Л'мал отзывался о Ш'гале как об одном из самых умелых командиров боевого крыла. Л'мал всегда нравился Морите, а Лери, не один Оборот делившая с ним власть над Вейром, говорила о нем только хорошее. Ш'гал молод, снова напомнила себе Морита,

и сейчас Прохождение — не самое простое время для всадников. К тому же, Ш'гал проигрывал в сравнении со старым, но значительно более опытным Л'малом. Со временем он научится и терпению, и пониманию. А пока он учился, Морите приходилось проявлять эти качества за двоих.

Она затянула на груди тесемки шерстяного плаща, и тяжелые браслеты соскользнули с запястий к локтям. Их ей подарил старый лорд Лиф — за то, что она уничтожила клубок Нитей, угрожавших его драгоценным фруктовым деревьям. Для этого, правда, Морите пришлось подобраться к ним слишком близко, рискуя безопасностью своей королевы. Благодаря ловкому маневру Орлиты, она спалила Нити из огнемета прямо в воздухе. Тогда она была еще очень молода — ее только-только перевели в Форт Вейр из Исты, и ей не терпелось показать новым соратникам, как ловка и умна ее золотая. Теперь Морита никогда не пошла бы на такой риск — даже не из-за воспоминания о разное, учиненном ей Л'малом. Как он разозлился! Как ругал ее за безрассудство! Подарок Лифа не стер пятна с совести и не принес ей прощения Предводителя. Но эти браслеты отлично смотрелись с ее новым платьем.

«Мы собираемся в Руат или нет?» — задумчиво поинтересовалась Орлита.

— Конечно, мы же летим на Встречу, — ответила Морита и потрясла головой, отбрасывая нахлынувшие воспоминания.

Она отлично повеселится в Руате. Там теперь заправляют молодые друзья нового лорда. Ш'гал упомянул, что там все так радовались избранию Алессана, что ему, мол, даже пришлось напомнить, что Нити не слишком располагают к веселью, и что долг лорда — ставить свои обязанности превыше развлечений.

— Может, это и к лучшему, что Ш'гал решил отправиться в Исту, — сказала Морита своей королеве. — И не только сам туда улетел, но и прихватил с собой лорда Рейтошигана.

Сама себя Морита уже успела в этом убедить.

«Они с Кадитом неплохо проводят время», — благодушно заметила Орлита, вслед за своей всадницей покидая вейр.

Королева остановилась у выхода из пещеры и оглядела чашу Вейра. Большинство скальных уступов, на

которых обычно грелись на солнце драконы, были сейчас пусты.

«Они что, уже все улетели?» — удивленно спросила Орлита, вытягивая шею, чтобы получше рассмотреть лежащую в тени западную часть чаши.

— Когда проходят сразу две Встречи? Ну, разумеется! Надеюсь только, мы не опоздаем к началу скачек.

Орлита сонно смежила свои огромные фасетчатые глаза.

«Вечно ты со своими скачками...»

— Да ты же глазеешь на них с не меньшим удовольствием, чем я! Ведь только видно тебе все гораздо лучше. Не волнуйся, моя красавица! Я люблю посмотреть на скачки, но езжу только на тебе.

Успокоенная шутивыми заверениями своей подруги, Орлита присела, согнув ногу, чтобы Морита могла без труда забраться на свое обычное место — впадину между двумя гребнями на спине, чуть выше плеч. Усевшись, всадница аккуратно расправила свои юбки и плотно запахнулась в плащ. Ничто на всем белом свете не сможет согреть ее в ужасающем холоде Промежутка, но перелет длится лишь несколько мгновений и всякий способен его вынести.

Орлита прыгнула вниз. Несмотря на приближавшийся срок кладки, она не уподоблялась тем ленивым драконам, что падают почти до земли, прежде чем распахнуть крылья. Холта, старая королева, протрубила на прощание, сторожевой дракон приветственно взмахнул могучими крыльями, закрыв на миг Звездные Камни на вершине. Его всадник вытянул руку в салюте. Морита помахала в ответ.

Орлита поймала воздушный поток, спускавшийся вдоль продолговатой чаши — кратера потухшего вулкана, ставшего домом для Вейра. Давным-давно, много Оборотов тому назад, со склона сошел мощный оползень, обрушивший в озеро скалы на юго-западной части кратера. Каменщики очистили водоем и воздвигли вдоль его берега огромную стену, но привести в порядок заваленные пещеры и вейры им было не под силу. Ничто не могло восстановить былую симметричность гигантской чаши.

— Осматриваешь свой Вейр? — спросила Морита у лениво парящей королевы.

«С высоты все видится в подходящей перспективе.

Все в порядке».

Вой ветра заглушил смех всадницы, которой пришлось крепко вцепиться в кожаные ремни упряжи. Орлита постоянно поражала свою подругу невесть чем вызванными глубокомысленными сентенциями. Можно было не сомневаться, что теперь она поделится своими взглядами на жизнь Вейра, поразмышляет о боевом духе крыльев, расскажет последние новости о драконе Предводителя Кадите. О самом Штале она предпочитала молчать. Но по прошествии двадцати Оборотов Морита научилась столь же многое понимать из молчания королевы, как и из ее чистосердечных ответов. Летать на золотой всегда было непростым делом. А быть Госпожой Вейра, как Лери не раз говорила Морите, значило удвоить как славу, так и кошмары золотой всадницы. Что ж, надо спокойно принимать и хорошее, и плохое, не жалуясь на судьбу...

Морита мысленно представила вид с высоты на холд Руат с его затейливым узором канав для огненного камня, башнями и высоким валом.

— Летим в Руат, — приказала она Орлите и крепко стиснула зубы, готовясь к обжигающему холоду Промежутка.

Там мрак, ледяная тьма,
Молчанье: ни крика, ни стога.
И с жизнью непрочная связь —
Лишь хрупкие крылья дракона.

Морита частенько вспоминала слова этой старой песни — словно талисман против ледящего кровь путешествия. От Форт Вейра до Руата было совсем недалеко, и она успела добраться только до «стога», когда солнце уже залило радостным светом их с Орлитой и руатанские высоты внизу. На вершинах скал над холдом расселась стая драконов — не меньше нескольких крыльев. Они громогласно приветствовали появление в воздухе золотой королевы. «Драконы так редко встречаются ради собственного удовольствия», — подумалось Морите. О, тяжелые, страшные времена! Но скоро, очень скоро... Еще шесть Оборотов, и...

Королева плавно спускалась; по узорам шрамов на телах и крыльях Морита узнала нескольких драконов Форты и других Вейров.

«Бронзовые из Телгара и Плоскогорья, — сообщила

Орлита, самостоятельно разобравшись, кто есть кто, — и коричневые, голубые, зеленые. Бенден был здесь и уже улетел. Нам следовало появиться чуть раньше,» — в тоне Орлиты слышались жалобные нотки: она была неравнодушна к бронзовому из Бендена по имени Тузут.

— Извини, дорогая, но у меня было так много дел...

Орлита фыркнула и начала кружить, спускаясь к скалам. Приготовившись к посадке, Морита крепче ухватила за ремни. Но королева, проскользнув над утесами, планировала вдоль дороги, окруженной лотками торговцев и запруженной толпами празднично одетых людей. Внезапно Морита поняла, что ее золотая намерена приземлиться на пустой площадке для танцев, вокруг которой располагались столы со скамейками для гостей и вились на шестах праздничные флаги.

«Я помню, что мы здесь самые старшие, — гордо заявила Орлита, — и что Госпоже Форт Вейра полагается почетная встреча».

С необыкновенной точностью королева приземлилась на площадке: гигантские крылья подняты кверху, чтобы не взметнуть песок. Флаги, однако, яростно захлопали, но пыли с тщательно прометенной площадки поднялось совсем немного.

— Отлично сработано, малышка, — похвалила Морита, ласково почесывая выступавший на шее гребень; кожа королевы была теплой и мягкой.

Она покосилась на внушительные утесы, усыпанные сейчас десятками греющихся на солнце драконов. На скалы, в которых прятался Руат. Из открытых окон холда свисали праздничные знамена и пестрые ковры. А во дворе, под открытым небом, были расставлены скамьи и столы — так, чтобы знатные гости могли с комфортом обозревать и прилавки многочисленных торговцев, и площадку для танцев. Морита быстро бросила взгляд в другую сторону — на равнину, туда, где вскоре состоятся скачки. Ярko раскрашенных столбов еще не было видно; значит она ничего не пропустила.

Гости замерли, почтительно наблюдая за приземлением старшей королевы Форты. Теперь собравшиеся снова начали шевелиться. Толпа расступилась, пропуская вперед черноволосого юношу.

«Смотри, — услышала Морита беззвучный голос своей золотой, — идет лорд этого холда».

Перекинув правую ногу через золотистую шею и по-

добрав юбки, Морита приготовилась спешиться. Она поглядела на приближающегося к ней молодого человека. То, что она могла рассмотреть, совпадало с ее воспоминаниями о светлоглазом сыне лорда Лифа. Он шел, уверенно расправив плечи, широкой свободной походкой, не лениво, но и не слишком поторапливаясь.

Подойдя почти вплотную, юноша остановился и низко поклонился Орлите, которая склонила голову, отвечая на приветствие. Затем, пристально глядя на золотую всадницу, он шагнул вперед, чтобы помочь ей спуститься на землю.

Его светло-зеленые глаза, такие необычные для человека со столь смуглой кожей, неотрывно смотрели на Мориту. Взгляд был таким же беспристрастным и официальным, как и руки, подхватившие ее. Он осторожно поставил женщину на землю и снова поклонился. Морита заметила, что его пышные волосы сегодня были аккуратно подстрижены.

— Госпожа Форт Вейра, добро пожаловать в Руат. Я уже начал подумывать, что вы с Орлитой не окажете нам честь.

— Я хочу передать тебе сожаления Предводителя Вейра... он не сможет прибыть в Руат.

— Он сказал об этом еще вчера, — опять поклонился Алессан, — и до крайности огорчил нас... Орлита выглядит просто великолепно, — добавил он с неожиданной теплотой в голосе, — особенно для королевы, готовящейся отложить яйца.

Яркие многофасеточные глаза Орлиты сверкнули; она не меньше всадницы была удивлена тем, как строго Алессан придерживается традиций. Морита никак не ожидала услышать столь изысканные и зрелые речи из уст молодого человека — хотя лорд Лиф наверняка позаботился о том, чтобы обучить своего наследника правилам приличия и самым лучшим манерам. Впрочем, госпожа Форты всегда была готова поговорить об Орлите.

— Моя королева замечательно себя чувствует, — сказала она, — и ее кожа всегда отливает таким необыкновенным оттенком золотого.

Ответ Мориты был весьма далек от традиционного, и Алессан несколько растерялся.

— Некоторые драконы такие светлые, что кажутся светло-желтыми, а не золотыми. Другие так темны, что с успехом могли бы соперничать с бронзовыми. Од-

нако, — Морита с кажущимся беспристрастием оглядела свою подругу, — оттенок моей королевы далек от классического.

— А что, — хмыкнул Алессан, — это имеет какое-нибудь значение?

— Для меня, разумеется, нет. Пусть Орлита была бы даже зеленовато-золотой, мне все равно. Она — моя королева, а я — ее всадница.

Морита покосилась на Алессана, пытаясь сообразить, не насмехается ли он над ней. Но в светло-зеленых глазах молодого лорда читалось только вежливое любопытство.

— К тому же, твоя королева — самая старшая в Форт Вейре, — улыбнулся Алессан.

— Да. Так же, как ты — лорд Руата.

Морите казалось, будто за невинными словами Алессана кроется нечто невысказанное. Может, Шгал сплетничал о Госпоже своего Вейра с молодым лордом?

— Орлита?

«Скалы так приятно согрелись на солнце...» — уклончиво ответила королева, поворачивая огромную клиновидную голову к своей наезднице. В ее фасетчатых глазах светилось нетерпение.

— Ну и лети себе, моя радость, — Морита любовно похлопала золотую по плечу и, спрыгнув на землю, вместе с Алессаном пошла прочь.

Когда Морита и руатанский лорд сошли с танцевальной площадки, Орлита подпрыгнула в воздух — огромные крылья взметнулись вверх и опустились, едва не задев землю. Медленно набирая высоту, королева полетела к скалам, нависавшим над холдом Руат. До Мориты донеслись испуганные крики — ее дракон пронесся буквально над самыми головами столпившихся у прилавок людей.

— Ты, надеюсь, знаешь, что делаешь, любовь моя? — твердо, но спокойно поинтересовалась Морита. — Сейчас не самое лучшее время для акробатики — тебе же скоро откладывать яйца.

«Я просто хотела показать, на что способна золотая королева. Мне это ничуть не повредит, а им легкий испуг пойдет на пользу. Видишь?»

Полет Орлиты был рассчитан абсолютно точно, хотя на мгновение казалось, будто она вот-вот врежется в скалу. Но, с легкостью взмыв над утесом, золотая

королева круто развернулась — почти на кончике крыла — и уверенно приземлилась на самой вершине, прямо над главным входом в холд. Она аккуратно сложила крылья и блаженно улеглась на теплый камень.

— Кокетка! — беззлобно пожурела ее Морита. — Она уютно устроилась и теперь довольна, — добавила она, обращаясь к Алессану.

— Я слышал, что Орлита славится рискованными полетами, — ответил молодой лорд, покосившись на украшавшие запястья Мориты драгоценные браслеты.

Значит, Алессан знает их историю.

— Лишний козырь во время атаки Нитей.

— Сейчас праздник, а не битва, — напомнил Алессан.

— Где же, как не здесь, можно продемонстрировать ловкость, мастерство и красоту? — Морита показала на ярко изукрашенные прилавки и богатые разноцветные туники гостей.

Тепло полуденного солнца заставило ее забыть холод Промежутка.

— Пойдем, лорд Алессан, — сказала она, взяв молодого властителя Руата под локоть, — забудем обо всем неприятном на этой первой Встрече, которую ты проводишь как лорд этого холда. Сегодня я впервые вышла в свет после зимнего солнцестояния.

Они подошли к дороге и расположенным вдоль нее прилавками, где толпы людей разглядывали товары, шумно и весело торгуясь с продавцами. Морита улыбнулась Алессану, словно подтверждая свое намерение хорошо провести время. Тот недоуменно поглядел на нее, растерянно заморгал и нахмурился. Потом ответная улыбка заиграла на его лице, сменив выражение дежурной почтительности.

— Леди Морита, боюсь, я не унаследовал от своей матери ее достоинств.

— А как насчет недостатков твоего отца?

— У моего отца, лорда Лифа, не было недостатков, — не задумываясь, ответил Алессан, но в его глазах Морита заметила искорки веселья — похоже, старый властитель передал сыну не только холд, но и чувство юмора.

— Что, скачки еще не начались?

Алессан от неожиданности даже споткнулся. Он настороженно взглянул на гостью.

— Нет, еще нет, — ответил он. — Мы хотели еще немного подождать — не все успели приехать.

Теперь пришла очередь Мориты настороженно коситься на лорда Алессана. Неужели он не одобряет скачки?

— Я вижу, собралось уже много зрителей. Сколько всего заездов ты собираешься провести?

— Запланировано десять, хотя собралось меньше участников, чем я рассчитывал. Леди Морита, ты любишь скачки?

— Я выросла в Керуне, в холде, где разводят скакунов. И я, лорд Алессан, на всю жизнь сохранила к ним любовь.

— Значит, ты знаешь, на кого надо делать ставки?

— Лорд Алессан, — произнесла Морита нарочито небрежным тоном, — я никогда не играю на скачках. Зрелище хорошего заезда доставляет мне радость. Вот и все.

Ее спутник, похоже, все еще колебался, и потому Морита решила переменить тему разговора.

— Мне кажется, мы прозевали прибытие гостей с востока.

— Предводитель и Госпожа Вейра Бенден только что улетели, — глаза Алессана горели гордостью, что он только что принимал у себя столь знатных гостей.

— А я так надеялась с ними поговорить, — расстроилась Морита.

Ее огорчение было совершенно искренним, но на душе у нее стало легче. Предводителю Бендена вовсе не нравились чувства, кои питала Орлита к его бронзовому Тузуту. Как, впрочем, и самой Морите. Подобные симпатии между драконами из разных Вейров хороши для молодых, но не старших королев.

— А лорд холда Бенден тоже прилетел?

— Да, — радостно ответил Алессан. — С лордом Шадером у нас уже состоялась краткая, но очень теплая беседа. Очень теплая! Не часто Западу и Востоку удастся встретиться. А ты знаешь его?

— Познакомилась, когда была в Вейре Иста, — кивнула Морита, улыбаясь Алессану — Шадера единодушно признавали самым популярным правителем холда на Перне. — Жаль, что мне не удалось прилететь пораньше, — она вздохнула. — А кто еще здесь?

— В настоящий момент, — едва заметно нахмурился Алессан, — на Встрече присутствуют жители и мастера холдов Руат, Форт, Кром, Тиллек и Плоскогорье. Кое-

кому пришлось проделать неблизкий путь, чтобы попасть сюда. И все рады хорошей солнечной погоде, — юноша окинул взглядом забытые народом торговые ряды, отметив про себя, как бойко там идет торговля. — Лорд Тиллека, наверно, прилетит немного позже, вместе с Предводителем Вейра Плоскогорье. Лорд Толокамп из Форта приехал пару часов назад и сейчас переодевается.

Морита сочувственно поглядела на Алессана. Лорд Толокамп был энергичным и весьма назойливым. Он стремился высказать свое мнение по любому без исключения вопросу, словно разбирался во всем и вся. А так как был он, к тому же, начисто лишен чувства юмора, то разговаривать с ним оказывалось нелегко и весьма скучно. Морита старалась, насколько это возможно, избегать встреч с владельцем Форта. Но теперь, когда она стала Госпожой Вейра, это становилось все труднее и труднее.

— И сколько он привез с собой дам на сей раз?

— Пять, — подчеркнуто невозмутимо ответил Алессан. — Моя мать, леди Ома, всегда рада встрече с леди Пендрой.

Морита с трудом удержалась, чтобы не рассмеяться. Весь Перн уже знал, что леди Пендра намерена женить Алессана на одной из своих многочисленных дочерей, племянниц или кузин. Суриана, молодая жена Алессана, трагически погибла в прошлый Оборот. Тогда лорд Лиф не стал настаивать, чтобы его сын немедленно женился снова — по мнению многих это свидетельствовало, что Алессану не бывать наследником старого владыки. Так как девушки холда Форт славились умелыми руками, но отнюдь не отличались красотой, Морита не думала, что теперь у них есть шанс заполучить Алессана. Тем не менее, если лорд Руата хотел, чтобы его род сохранил власть над процветающим холдом, ему не следовало затягивать с новой женитьбой.

— Госпоже Вейра Форт доставит удовольствие видеть меня женатым на дочери лорда Толокампа? — сухо поинтересовался Алессан, словно прочитав мысли гостыи.

— Возможно, ты сможешь найти себе пару и лучше, — не менее сухо отозвалась Морита и расхохоталась. — Извини! Я понимаю, это не тема для веселья, но если бы ты только видел себя со стороны!

— И что же я такого сказал? — спросил Алессан с озорным блеском в глазах.

— Не что, а как! Ты говоришь, как человек которого отчаянно тащат туда, куда ему до смерти не хочется идти. Послушай, это же твоя первая Встреча! Ты должен веселиться!

— А ты мне поможешь? — на его губах заиграла лукавая улыбка.

— Как?

— Ты — моя Госпожа, — лицо молодого лорда приняло почтительное выражение. — Раз Ш'гал не сопровождает тебя, значит, эта обязанность ложится на мои плечи.

— Здесь так много гостей... Ты не можешь потратить на меня все свое время, — возразила Морита.

Раньше, чем вылетели ее слова, она поняла, что как раз этого ей хотелось.

— Ну, хотя бы большую его часть... — с надеждой в голосе взмолился Алессан — странное сочетание с горящими озорством глазами и хитроватой ухмылкой на губах. — Я знаю свои обязанности, но...

— Здесь собрались девушки со всего...

— Да, я знаю. Ради меня провели настоящий Поиск.

— Ну, а как же ты думал? Особенно теперь, когда ты стал весьма подходящим женихом? Очень и очень перспективным.

— Суриана любила меня, а не мои перспективы, — пустым бесцветным голосом отозвался Алессан. — Конечно, когда мы с ней вступали в брак, у меня не было ровным счетом ничего, и мы могли делать все, что нам заблагорассудится. Чем мы и занимались.

Так вот почему Алессану позволили отложить новую свадьбу! Морита никогда не думала, что лорд Лиф был способен проявить тактичность в таком вопросе.

— Тебе повезло больше, чем другим, — сказала она, испытывая странную зависть к молодому лорду.

С тех пор, как она запечатлела Орлиту, она начисто лишилась выбора. Они с Орлитой... Их любовь способна была заменить все остальное — в том числе, и чувство к мужчине.

— Я прекрасно понимал, как мне повезло.

В одной этой тихо сказанной фразе Алессан умудрился не только передать всю свою горечь своей потери, но и намекнуть, что он помнит о своем долге, сопряженном с его новым положением. «Интересно, — подумала Морита, — и что это Ш'гал его невзлюбил...»

Они шли мимо прилавков. Морита с наслаждением вдыхала пряные ароматы жарящегося мяса и сладких фруктовых пирогов, благоухание выставленных на продажу духов и разнообразных снадобий, запахи, долетавшие из палатки стеклодувов и от прилавка с хорошо выделанными кожами — и, конечно, неистребимый запах человеческого пота. Вокруг царило радостное оживление.

— В рамках приличий, подобающих Встрече, ты можешь стать моим партнером на этот день. Если, конечно, ты любишь скачки и танцы.

— Именно в таком порядке?

— Ну, раз скачки будут раньше танцев...

— Я так благодарен тебе, моя госпожа, за твое милостивое разрешение! — его тон был издевательски-серьезным.

— Кстати, арфисты уже приехали?

— Еще вчера... — нахмурившись, ответил Алессан.

— Ну и здоровы же они поесть, правда?

— Они болтают. Без умолку! Банда, однако, достаточно многочисленная, чтобы устроить танцы хоть до самого утра... Их Главный мастер тоже пообещал порадовать нашу Встречу своим посещением.

Морита задумалась над этими словами. Теперь пришел ее черед хмуриться. Разве Алессан не любит Тайрона? Главный мастер арфистов был видным и рослым мужчиной; его голос — громкий жизнерадостный баритон — отчетливо выделялся, где бы и с кем бы вместе он ни пел. Тайрон предпочитал исполнять героические баллады и берущие за душу саги, что в самом выгодном свете представляло его талант. В сем заключалась его единственная слабость, и Морита, по правде сказать, никогда не считала это недостатком. С другой стороны, только недавно став Госпожой Вейра, она еще практически не сталкивалась с ним в роли Главного мастера Цеха арфистов Перна, как, несомненно, уже приходилось Алессану. Перспектива конфликтовать с Тайроном ее совершенно не вдохновляла.

— У него очень красивый голос, — осторожно сказала Морита. — А мастер Капайм тоже приехал в Руат?

— Насколько я знаю, да.

«Клянусь Скорлупой и ее Осколками!» — Морита не знала, что и подумать, услышав сухой ответ Алессана. Если не считать лорда Шадера, их взгляды на великих

сынов Перна явно не совпадали! Ей еще не доводилось слышать, чтобы кто-нибудь недолюбливал Капайма, главу Цеха лекарей. Может, Алессан винит его в том, что Капайм не сумел исцелить сломанный позвоночник его жены?

— Разве Орлите, в ее теперешнем положении, можно выделять столь рискованные трюки? — громогласно спросил незаметно подошедший лорд Толокамп.

Судя по всему, он внимательно наблюдал за Моритой и Алессаном, и потому сумел их перехватить.

— Орлита начнет кладку не раньше, чем дней через десять, — сухо ответила Морита, раздраженная и самим вопросом, и тем, кто его задал.

— У этой королевы отличный глазомер, — добавил Алессан. — И мы в Руате высоко ценим ее таланты.

Лорд Толокамп закашлялся, с опозданием прикрывая рот рукой. Он явно не понял, что Алессан имеет в виду.

— Как только ей представляется случай показать свое мастерство, — продолжала Морита, — она просто не может удержаться. Орлита ужасно тщеславна. И, однако, она ни разу даже когтя не оцарапала.

— А, ну и ладно, моя госпожа. Леди Пендра сейчас вон там, — заявил Толокамп со свойственным ему тяжеловесным радушием. — Кстати, Алессан, мне бы хотелось, чтобы ты получше познакомился с нашими дочерьми.

— В настоящий момент, лорд Толокамп, — ответил Алессан, — я хочу получше познакомиться с Госпожой Форт Вейра. Мне придется сопровождать ее, так как Ш'гал не присутствует на нашей Встрече. Ваши дочери, — Алессан покосился на девушек, о чем-то оживленно болтавших с его помощниками, — похоже, не очень-то скучают.

Толокамп начал закипать.

— Чашу вина, госпожа Морита? Вот сюда... — и, подхватив всадницу под локоть, Алессан быстро повел ее прочь от лорда Толокампа.

Тот, несколько удивленный столь внезапным уходом его собеседников, остался стоять, растерянно глядя им вслед.

— Я еще наслушаюсь от Толокампа о своем поведении, — усмехнулась Морита.

— Тогда, пока еще не поздно, попробуй утопить свою печаль по этому поводу в бенденском вине... Я приказал его охладить.

Он помахал одному из слуг и изобразил, будто наполняет кружку.

— Вино из Бендена? Да это же мое самое любимое!

— А я-то думал, что ты равнодушна к тиллекскому!

— Приходится делать вид, — Морита состроила гримаску.

— Вина Тиллека несколько резковаты. Там слишком кислая почва.

— Все так. Но именно Тиллек поставляет вино в Форт Вейр. А с лордом Диатиссом всегда легче согласиться, чем спорить.

Алессан расхохотался.

Тут к ним подошел слуга с двумя резными кубками в руках и небольшим мехом вина. Оглядевшись, Морита заметила неуклонно приближавшихся к ним лорда Толокампа, леди Ому и леди Пендру в окружении дочерей. И в этот миг зычный голос глашатая возвестил о начале скачек.

— Похоже, тебе не отвертеться от встречи с леди Пендрой, — покачала головой Морита. — Что же теперь делать?

Но Алессан, не отрываясь, смотрел на размеченное для скачек поле.

— У меня есть особая причина не пропустить первый заезд, — сказал он. — И если мы поторопимся...

Он кивнул на дорогу, круто спускающуюся к равнине, на которой проводились скачки. Увы, на этом пути их поджидала неизбежная встреча с леди Пендрой.

— Нам ее не обойти, — пробормотала всадница. — Разве что попросить помощи у Орлиты... Но она спит...

И тут Морита заметила леса у строившейся в южной части двора стены.

— Может, там проскочим? — спросила она, показывая на переплетение деревянных столбов и помостов.

— Отлично... Если только ты не боишься высоты.

Взяв женщину за руку, Алессан уверенно повел ее сквозь толпу. Они подошли к недостроенной стене. Передав Морите свой кубок, Алессан ловко запрыгнул на самый верх. Затем, встав на колени, принял от Мориты оба кубка и предложил ей руку.

На мгновение она заколебалась. Л'мал частенько поучал ее, как должна вести себя Госпожа Вейра — особенно там, где за ней могут наблюдать простые люди.

Вполне возможно, что на нее подействовало устроенное Орлитой представление. Каков дракон, таков и всадник! Что действует на одного, действует и на другого. Преклестный солнечный праздник... именно то, что требуется для отдыха от тяжких трудов этого Оборота. Скачки и вино из Бендена, а потом — танцы... Морита, Госпожа Форт Вейра, решила развлекаться от души.

«Ну и давно пора», — сонно заметила Орлита.

— Быстрее, — поторопил ее Алессан. — Скакуны уже выходят на старт!

Морита повернулась к одному из всадников — тот подпирал стену неподалеку.

— Подсади-ка меня, Р'лимак. Ладно?

— Моя госпожа!

— Да брось ты! Я хочу увидеть скачки! — Морита расправила свои юбки. — Подсади как следует. Мне не хотелось бы ободрать нос из-за твоей стеснительности.

Р'лимак явно вложил в толчок не всю силу — если бы ее не подхватили крепкие руки Алессана, Морита наверняка не удержалась бы наверху.

— Как он смущен! — рассмеялся Алессан.

— И поделом! Наездники голубых бывают такими занудами! — Морита взяла из рук юноши свой кубок. — Какой прекрасный вид!

Заметив, что скачки еще не начались, она повернулась, наслаждаясь восхитительным зрелищем: крутой спуск к равнине от подножия отвесной скалы, в которой был вырублен Руат, разукрашенные навесы торговых прилавков вдоль дороги, пустая площадка для танцев, раскинувшиеся вдалеке поля, окруженные изгородями сады, а за ними — плавный спуск к реке, вытекавшей из Ледяного озера высоко-высоко в горах. Сады, правда, стояли совершенно голые, а поля — грязно-коричневые, но зато небо — светлое, яркое, зеленовато-голубое, без единого облачка, и воздух волшебно теплый! Глянув на равнину, Морита увидела, что три скакуна из первого заезда замешкались и еще не вышли на старт.

— Руат выглядит сегодня таким веселым, — заметила она. — Раньше, когда я у вас появлялась, все ставни были закрыты наглухо и кругом ни души. Сегодня — совсем другое дело.

— Мы умеем веселиться, — ответил Алессан, не отрывая взора от линии старта. — Считается, что выбранное для Руата место — одно из самых лучших на всем

Перне. Хотя Форт холд древнее, но расположен, мне кажется, не так удачно.

— Арфисты говорят, будто Форт холд строился как временное убежище сразу после переселения с южного континента.

— Прошло четырнадцать сотен Оборотов, и все еще — временное убежище! В то время как мы, в Руате, все спланировали наперед. Мы даже позаботились о поле для любителей скачек.

Морита весело улыбнулась молодому лорду. Они оба явно сгорали от нетерпения, ожидая начала заезда.

— Смотри! Наконец-то все готовы!

Словно придя на помощь, легкий ветерок сдул поднятую скакунами пыль, открыв зрителям шеренгу выстроившихся на старте животных. Морита увидела, как упал красный флаг, и гонка началась. У нее захватило дух при виде рванувшихся вперед бегунов.

— Это спринт? — спросила она у Алессана, пытаясь разглядеть в мелькании ног, голов и крупов, кто же идет впереди.

Скакуны мчались такой тесной группой, что было невозможно различить цвета холдов на седлах и головных уборах наездников.

— Спринт, — ответил Алессан, прикрывая глаза ладонью от солнца. — Как обычно.

— Отличное поле для скачек. Просторное, и... О! Мне кажется, лидируют цвета Руата!

— Надеюсь, что так! — в волнении воскликнул Алессан.

Крики, радостные и ободряющие, раздавались вокруг; они долетали и с равнины от столпившихся вдоль скакового круга зрителей.

— Форт догоняет! — заметила Морита, когда второй скакун оторвался от основной группы. — И очень быстро!

— Нам надо только сохранить дистанцию! — слова Алессана звучали одновременно и мольбой, и угрозой.

— Твой бегун ее удержит!

Алессан недоверчиво покосился на спокойную, уверенную всадницу. Он буквально дрожал от волнения вплоть до того момента, когда скакуны пересекли финишную черту.

— Победа! — воскликнула Морита.

— Ты точно видишь?

— Ну, конечно! Руат победил! Ты сам вывел эту породу?

— Да, да, сам! И мой бегун победил! — Алессану словно хотелось, чтобы Морита опять подтвердила его успех.

— Конечно, победил. Твой скакун обошел соперника почти на два корпуса, если я только не совсем ослепла. А со зрением у меня пока что все в порядке. Особенно во время скачек. За твоего чемпиона! — и она поднесла кубок к губам.

— Мой чемпион! — в его голосе звучала какая-то свирепая гордость, но в глазах светился скорее вызов, чем торжество.

— Хочешь, я пойду с тобой на финиш? — предложила Морита.

— Я вполне могу насладиться торжеством и здесь, в твоём обществе, — неожиданно весело заявил Алессан. — Ты мне ничем не помешаешь. — И, ухмыльнувшись, добавил: — Там сейчас Даг, мой старший конюх. Эта победа в равной степени принадлежит нам обоим. Не хочу его сейчас отвлекать. К тому же, не подобает лорду холда на первой своей Встрече прыгать от радости как последнему недоумку из-за победы в спринте.

Это смущенное признание, по мнению Мориты, прозвучало весьма мило.

— Думаю, сегодня не первая твоя победа?

— По правде сказать, первая, — Алессан оглянулся и, заметив слугу, жестом приказал принести еще вина. — Вывести новую породу с особыми свойствами — такое задание дал отец восемь Оборотов назад. — Теперь Алессан говорил уже спокойнее, хотя в его голосе еще слышались торжествующие нотки.

— Восемь Оборотов? — Морита испытующе посмотрела на юношу. — Если ты занимался селекцией целых восемь Оборотов, то наверняка это уже не первая твоя победа на скачках.

— Все же первая, — покачал головой Алессан. — Лорд Лиф хотел, чтобы я вывел породу выносливых животных, способных перевозить грузы на дальние расстояния. И чтобы они не слишком много ели.

— Работы больше, а корма меньше? — Морита без труда могла поверить в такую мечту у старого Лифа. Она поглядела на Алессана с невольным уважением. — А ты, значит, вместо этого вывел самых быстрых бегунов на короткие дистанции?

— Не специально, — Алессан печально улыбнулся.

ся. — Наш победитель произошел от тех, кого отбраковывали в ходе основной селекции. Это крепкие, сильные, работающие звери, но слишком маленькие и с очень тонкими костями. Они мало едят и не способны к длительным усилиям. Короткий бурный всплеск энергии — и все. Например, проскакать дистанцию в пятьдесят длин дракона. Но не больше. По правде сказать, уже девяносто длин в таком темпе им просто не по силам. Но дайте им полчаса передышки, и они способны снова мчаться, как наш недавний победитель. И живут они долго. Даг первым распознал, что у нас получилась отличная скаковая порода.

— И, разумеется, ты боялся выставлять их на скачки, пока был жив твой отец, — думая о хитростях Алессана, Морита даже захихикала.

— Где уж... — ухмыльнулся молодой лорд.

— Мне кажется, сегодня ты немало выиграл на ставках — никому неизвестный бегун, и победил в первом же заезде...

— Надеюсь, что так. Особенно, если учесть, сколько мы положили труда на это проклятое животное!

— Прими самые искренние поздравления, лорд Алессан! — салютуя, Морита подняла заново наполненный бокал. — Пью за то, что ты умудрился перехитрить лорда Лифа и выиграл свою первую скачку на самой первой своей Встрече. Ты не просто коварен, ты прямо-таки опасен для всех авантюристов, играющих на скачках.

— Если бы я догадывался, что ты так любишь скачки, я бы сказал тебе, на кого ставить...

— Я люблю смотреть на скачки, а не играть на них. В следующий раз ты выставишь свое новое чудо на Встрече в Форте?

— Я мог бы выставить его даже сегодня, в последнем заезде. И победа была бы нашей! Но это невежливо по отношению к гостям. — Мечтательное выражение на лице Алессана лучше всяких слов говорило, что, не будь он лордом холда, проводящего Встречу, кошельки многих гостей к вечеру бы изрядно полегчали. — Думаю, большинство зрителей сочтут эту победу простой случайностью. Ничуть не удивлюсь, если этой твари не выдержать больше одного заезда... — Алессан очень похоже изобразил голос завязтого игрока, ворчливого и недоверчивого. — Ну, а пока они так считают, мы побываем на

всех Встречах, на какие только сможем попасть. Мне нравится выигрывать. Такое, знаешь ли, непривычное ощущение — побеждать.

Его прямота и откровенность поразили Мориту.

— Ты уверен, что твой отец не догадывался о том, чем занимаетесь вы с Дагом? Лорд Лиф всегда казался мне весьма проникательным человеком... он был отлично осведомлен обо всем, что творится в его холде; да что там! — на всем западе!

— Знаешь, — после минутного раздумья ответил Алессан, пристально глядя на золотую всадницу, — я ничуть не удивлюсь, если он и вправду прознал о нашем маленьком секрете. Мы с Дагом принимали все меры предосторожности. Мы, как нам казалось, были исключительно осторожны и предусмотрительны. Никто, думали мы, не может узнать нашей тайны, — Алессан покачал головой. — Ты не поверишь, на что мы шли... Но, возможно, ты права. Старый лорд мог догадаться.

— Не думаю, что он выбрал тебя наследником только из-за успехов в животноводстве. Чем же ты еще занимался?

— Вейру принадлежит моя преданность, — подмигнул ей в ответ Алессан, — но не мои тайны.

— Ну, одну из них я уже узнала. Не могу ли я... — она запнулась, только сейчас заметив, что за их веселой беседой пристально наблюдают со стороны.

Но почему бы ей не посмеяться на Встрече? Она сурово посмотрела на Р'лимака, и голубой всадник отвернулся.

Заметив, как изменилось выражение лица Мориты, Алессан повернул голову и вполголоса выругался.

— Он достанет меня даже тут... на этой недостроенной стене... — к ним приближался лорд Толокамп в окружении женщин.

— Клянусь Яйцом и Скорлупой! — воскликнула Морита. — Я не позволю, чтобы мне портили удовольствие от скачек пустой болтовней и глупыми намеками! Послушай, вон с того пригорка на поле нам будет видно ничуть не хуже, чем отсюда.

Не дожидаясь ответа, она подобрала подол и начала осторожно спускаться по куче камней, сложенных около стены.

— И не забудь по дороге раздобыть мех бенденского!

— Осторожнее! — воскликнул Алессан, одновременно взмахом руки подзывая слугу, разносившего вино. — Шею сломаешь! — И прежде, чем кто-либо успел понять, что происходит, молодой лорд последовал за Моритой.

Скользя по камням, они без приключений выбрались на дорогу. А оттуда, огибая конюшни, поспешили через поле к намеченному холмику. Заметив, что юбка непрерывно цепляется за репейники, Морита подобрала ее повыше.

— Вот уж совсем не подобающее для тебя поведение, — Алессан усмехнулся и покачал головой.

Сам он внимательно следил, куда ставить ноги, обутые в элегантные башмаки.

— Это же Встреча! Праздничная, непринужденная атмосфера...

— Я бы не назвал бы твой туалет непринужденным, — заметил Алессан, подхватив под локоть споткнувшуюся всадницу. — Это платье явно не предназначено для лазанья по стенам и продирания сквозь кусты. Ага! Вот мы и на месте... — Он остановился. — И перед нами во всей красе открываются и старт, и финиш. Теперь позволь мне наполнить твою чашу.

— С удовольствием, — Морита подставила кубок.

— И почему же я не знал, что Госпожа Форт Вейра так любит скачки, что ради них готова покинуть уютный двор со столиками для почетных гостей...

— Я была на всех Встречах в Руате за последние десять Оборотов...

— Но лишь там, наверху, — Алессан показал на дворик.

— Разумеется! Как мне и положено по рангу. Л'малу не понравилось бы, стань я разгуливать по скаковому полю.

— То есть там, где я обычно и находился, — усмехнулся Алессан.

— Выращивая своих чемпионов?

— Ну, конечно, нет! — воскликнул Алессан с видом оскорбленной невинности. — Предполагалось, что я занят выведением выносливых скакунов, а вовсе не этих тонконогих зверюшек... Просто во время Встречи я должен был помогать Норману, распорядителю скачек.

Морита снова подняла кубок.

— За человека, который не сдался и выиграл свой заезд!

Оценив намек, Алессан улыбнулся комплименту. Их глаза встретились. Морите все больше и больше нравились новый лорд Руата, и не только потому, что оба они любили скачки. У него был живой ум, совсем не такой как у других лордов — например, Толокампа, Рейтошигана или Диатисса. Он обладал чувством юмора, с ним было интересно... если, к тому же, он хорошо танцует, то вряд ли они расстанутся и вечером.

Оторвав взор от светло-зеленых зрачков Алессана, Морита посмотрела вверх, где как раз в этот момент появились два новых дракона. Затем, переведя глаза на Орлиту, устроившуюся прямо над главным входом, она подумала, как хорошо золото ее королевы сочетается с цветом занавесей на окнах верхнего яруса. Смущенная, Морита отвернулась, только сейчас заметив, что Алессан по-прежнему пристально смотрит на нее.

— Ты говорила с Орлитой?

— Нет... Просто привычка... иногда поглядывать на свою королеву, — она пожала плечами.

— Вы провели вместе двадцать Оборотов и наверняка...

— Ты уже привык к тому, что стал лордом Руата?

— Еще нет. Но ведь я же только... — Алессан заппнул, увидев счастливую улыбку Мориты. — Вот как... Даже после двадцати Оборотов?!

— Смотри! Флаг нового заезда! — она поспешила отвлечь молодого лорда.

Лишь всадник мог понять, ощутить ту связь, что возникала во время Запечатления. Это было маленькое чудо. Очень личное чудо.

Глава 2

*Год 1543, десятый день третьего месяца;
холод Руат*

Второй заезд был на более длинную дистанцию, чем первый. И скакунов в нем участвовало несколько больше, чем в первом.

— Ты выставил кого-нибудь и на этот круг? — поинтересовалась Морита, когда бегуны, поднимая клубы пыли, ушли со старта.

— Нет. Мы вывели только длинноногих спринтеров и массивных тяжеловозов. Но один из наших холдеров послал довольно сильного жеребца — его цвета синий с красным. Впрочем, все равно ничего не разглядеть.

Животные не прошли еще и четверти дистанции, когда вдруг один — в середине основной группы — упал, сбив с ног еще двух. Морита затаила дыхание, мысленно умоляя их поскорее подняться. Она не могла видеть завал без волнения. Два бегуна встали; один одурело тряс головой, другой — уже без своего наездника — испуганно помчался прочь. Третий даже не пытался подняться.

Морита помчалась к упавшему скакуну.

— Он не должен был упасть!.. Орлита!

— Слишком плотная группа. Вот и споткнулся, — озабоченный не меньше ее, Алессан бежал рядом.

— Ну, не такая уж и тесная. И упал он вовсе не так, как если бы споткнулся...

Экономя дыхание, она замолчала, стараясь бежать побыстрее. Два наездника уже осматривали упавшего зверя, а с линии старта к ним торопились конюхи.

— Орлита, что случилось? Почему он не встает?

Подбежав поближе, Морита увидела, как тяжело ходят бока рухнувшего на землю скакуна. Он лежал, уткнувшись носом в пыль, даже не стараясь подняться. Это было совсем странно! Беговые скакуны всегда предпочитали стоять на ногах.

— Орлита, может, он сломал ногу?

— Он не может отдышаться, — сказал один наездник другому. — И, посмотри-ка, у него весь нос в крови!

— Наверно, разбился... Попробуем поднять его на ноги, — второй мужчина начал тянуть животное за узду.

— Орлита, просыпайся! Ты мне нужна!

— Странно! Почему он не встает? Лорд Алессан! Леди Морита!

Первый наездник повернулся к ним, и Морита узнала Гелли, умелого скотовода и фанатичного любителя скачек.

«Он не может дышать, — сонно отозвалась Орлита; похоже, она не слишком обрадовалась, что ее разбудили. — В горле кровь».

Встав на колени у головы зверя, Морита заметила, как раздуваются его ноздри, из которых струйками текла кровь. Она потрогала пульс — слабый и слишком неровный для бегуна, проскакавшего едва ли несколько длин дракона.

Вокруг них собралась толпа. Все наперебой кричали, что скакуна нужно скорее поставить на ноги. Кто-то даже приготовился его поднимать. Властным жестом Морита велела им оставить несчастное животное в покое.

— Он не может дышать, — пояснила она. — В легкие не поступает воздух.

— Надо вскрыть дыхательное горло! У кого есть с собой нож?

— Поздно, — всадница покачала головой и, закатив верхнюю губу бегуна, обнажила побелевшие десны.

Все собравшиеся тут, как и сама Морита, прекрасно понимали, что это означает. Жеребец умирал. Со стороны финиша донеслись радостные крики. Упавший скакун тяжело, словно бы виновато, вздохнул, дернулся и затих.

— В жизни не видывал ничего подобного, — прошептал второй наездник. — А я забрался на скакуна еще мальчишкой... едва мог затянуть подпругу...

— Гелли, ты скакал на нем? — спросил Алессан.

— Да. Маленькая любезность Вандеру. А то его сын заболел. Я сел на него сегодня в первый раз. Спокойный жеребчик, — Гелли задумался. — Теперь, задним числом, я бы сказал — даже слишком спокойный. Я скакал в первом заезде, так что его оседлали и подготовили без меня... Со старта он пошел отлично, с охотой!.. — в голосе Гелли слышались удивление, злость и отчаяние. Все сразу.

— Может, сердце не выдержало, — тоном знатока предположил один из зрителей. — Этаким внезапный приступ. Заранее нипочем не угадаешь. Только что был жив-здоров, и вдруг — на тебе, бац! — и крышка! И с людьми такое бывает.

«Но только при этом, — подумала Морита, — из носа кровь не течет».

— Ну, что тут у нас? — громко спросил чей-то голос. — Почему этот бегун... О, лорд Алессан! Не знал, что ты здесь. — В середину круга протиснулся распорядитель скачек. — Он мертв? Прошу прощения, мой лорд, нам нужно очистить дорожку для следующего заезда.

Алессан взял все еще не пришедшего в себя Гелли под руку; Морита, поднявшись с колен, подхватила его под другую. Вместе они повели огорченного наездника прочь сквозь расступившуюся перед ними толпу.

— Ничего не понимаю, — бормотал Гелли. — Совершенно ничего...

Только теперь Морита заметила, что все еще держит в руке кубок. Она протянула его Алессану и тот, быстро развязав маленький мех с вином, наполнил чашу до краев. Морита протянула кубок Гелли, и тот, не раздумывая, осушил его в три глотка.

— Эй, Гелли, что случилось? У него заплелись ноги?

Крепкий мужчина, одетый в цвета Руата, запнулся, увидев, кто сопровождает наездника. Прижимая ко лбу мокрое полотенце, он попробовал поклониться одновременно и Алессану, и Морите, в итоге чуть не упав.

— Гелли, что же все-таки произошло? Ох ты... — последнее он прошептал, увидев тележку, увозившую с поля труп его бегуна.

— Вандер, с тобой все в порядке? — спросил Гелли.

Он вернул Морите ее кубок и подошел к ошеломленному холдеру. Поддерживая друг друга, они двинулись вслед за тележкой.

Морита и Алессан остались стоять, наблюдая, как траурная процессия растворяется в суматохе Встречи. Кто тащил ведра с водой, кто еду, кто попоны. Крики и оживленные споры людей перемежались с визгом и ржанием скакунов.

— Я не могу припомнить болезни, которая приводила бы к столь быстрой смерти, — задумчиво сказала Морита.

— А мне казалось, что жеребец всего лишь оглушен падением, и я хотел поставить его на ноги, — покачал головой Алессан. — Как ты сумела так быстро догадаться, что с ним случилось?

— Моя семья испокон веку разводила скаковых ло-

шадей, — быстро пояснила всадница; вне Вейра мало кто знал, что Орлита часто помогает ей во врачевании.

— Я полагал, что кое-что знаю о скакунах, однако...

— Ну, если ты умудрился вывести спринтера вместо тяжеловоза, то уж кое-что ты действительно знаешь!

Тут мимо них провели двух скакунов, судя по виду — стайеров; Морита следила за ними, пока животные не скрылись из виду.

— С этими, похоже, все в порядке?

— Вроде так... Могут выходить на старт. И совсем не нервничают — даже не вспотели.

— Кстати, ты упомянула, что жеребец Вандера мог стать жертвой какой-то болезни. Я правильно тебя понял?

— У меня мелькнула такая мысль, — кивнула Морита. — Но это очень маловероятно. Гелли говорил, что конь начал скачку с охотой. Не похоже на больного... Видимо, все-таки сердце.

— Знаешь, мне вовсе не нужны лишние проблемы. Особенно сегодня, во время моей первой Встречи. — Алессан нахмурился, придирчивым взглядом окинул ряды загонов с животными и сказал: — Наверняка, простая случайность... Я знаю Вандера. Его холд лежит в дне езды к югу от Руата, и этого бегуна он готовил специально к нашей Встрече, — Алессан тяжело вздохнул. — Мы можем пока взглянуть на остальных его скакунов. Если я правильно помню, то его табун должен стоять вон там... — и, взяв Мориту за руку, он потянул ее направо.

«Если на старте конь был в порядке, — между тем думала Морита, — то как же его горло так быстро наполнилось кровью?» Она хотела было адресовать этот вопрос Орлите, но та опять уснула. Скакуны волновали золотую королеву совсем не так сильно, как ее всадницу.

Внезапно Алессан крепко прижал Мориту к себе — мимо них, выкатив глаза в предвкушении скачки, пронесся жеребец. Вслед за ним, держась на почтительном расстоянии от копыт и что-то крича мотавшемуся в седле наезднику, бежали два конюха. Морита с любопытством наблюдала за ними.

— Ну, и как? — раздался над самым ее ухом голос Алессана.

Внезапно осознав, что она все еще стоит, прижавшись к груди молодого лорда, Морита сделала шаг в сторону.

— Этот вполне здоров, — ответила она.

— А вот и загон Вандера. Насколько я помню, он заявил семь скакунов. Говоришь, ты родом из Керуна? Вот жеребец, которого он там приобрел в прошлый оборот.

Засмеявшись, Морита позволила зверю обнюхать ее ладонь. Она погладила его по голове, и чувствуя, что тот уже немного привык к ее рукам, пощупала ухо в поисках характерной для каждой породы татуировки.

— Нет, — она покачала головой, — этот конь не из моего холда.

Алессан ухмыльнулся. Он тем временем разглядывал остальных скакунов.

— Они все в хорошей форме, — сказал он. — Вандер прибыл сюда два дня назад. Он хотел, чтобы его бегуны как следует отдохнули перед скачками. Я с ним еще поговорю... О, великое Яйцо! Ну вот, еще заезд пропустили...

Крики и шум толпы наглядно свидетельствовали, что начался новый круг; в воздух поднялись клубы пыли.

— Я гляжу на скачки потому, что благородной Госпоже Вейра не подобает лазить по стойлам да загонам... чем, откровенно говоря, я занималась бы все свободное время... Ну, раз мы здесь, не могу ли я поглядеть на твоего чемпиона? Мне почему-то кажется, что лишь чувство долга перед гостьей, которую ты вызвался сопровождать, мешает тебе его проводить.

Радость и облегчение, вспыхнувшие в глазах Алессана, подтвердили ее догадку. Но они двинулись к загонам, как к ним подошел невысокий пожилой мужчина с мощной грудной клеткой, мускулистыми руками и кривыми ногами наездника. Он улыбался до ушей.

— Мой лорд? Ты, наверно, ищешь Визгуна?

— Так оно и есть, Даг. Отлично сработано! Просто отлично! — Обняв конюха, Алессан весело похлопал его по плечу. — Великолепная скачка! Поистине замечательная!

Даг отвесил Морите холодный поклон.

— Вас обоих надо поздравить с успехом, — сказала всадница и, не удержавшись, добавила: — Мало кому удалось обхитрить лорда Лифа.

Удивление и испуг сменяли друг друга на лице ошеломленного Дага.

— Леди Морита, да я никогда... Я не...

— Леди Морита выросла среди скаковых бегунов, — рассмеялся Алессан, дружески похлопывая Дага по плечу, — она одобряет наши действия.

— Где же этот Визгун? Мне бы очень хотелось поближе взглянуть на чемпиона.

— Сюда, леди... По правде сказать, он довольно невзрачен на вид, — с энтузиазмом начал Даг. — Вот сюда, направо, если тебе угодно... Я прогулял его после скачки, пока он не остыл. А потом, лорд Алессан, я растер его. Он ничуть не устал. Он мог бы снова... — Даг запнулся, настороженно глядя на Алессана и Мориту.

— Значит, это взрослый жеребец? — спросила Морита, желая вывести Дага из затруднения.

— Да, — кивнул конюх. — Он выглядит таким тощим, что мне едва удавалось убедить пастухов, что он не болен и не слишком юн... в общем, что его пока не стоит оскоплять. Мол, лучше немного подождать. А потом я тайком переводил Визгуна на другое пастбище.

— И так — Оборот за Оборотом? — удивилась Морита.

— Да ничем особенным не отличается этот Визгун, — заметил Алессан. — Вот он сам!

Внезапно Морита оказалась перед костлявым тонконогим скакуном, одиноко стоявшим в последнем из длинного ряда полупустых загонов. Ей хотелось похвалить это творение Алессана, но в голову ничего подходящего не приходило.

— У него добрые глаза, — выдавила она наконец.

Визгун, словно понимая, что говорят о нем, уставился на всадницу немигающим взглядом.

— И умный, похоже. Спокойный...

Визгун покивал головой, словно соглашаясь с этими заключениями; Даг, Алессан и Морита дружно расхохотались.

— Трудно сказать что-то хорошее о Визгуне, если судить по внешности, — заметил Алессан, приходя на помощь госте.

— Он выиграл свою первую скачку, — напомнила Морита. — Больше ничего говорить не требуется. Пусть он побеждает еще много-много раз. Но, — лукаво добавила она, — не в один и тот же день.

Застонав, с выражением смущения и разочарования на лице, Даг отвернулся.

— Лорд Алессан, — спросила Морита, показывая на

пустующие загоны, — похоже, ты рассчитывал, что участников будет больше?

— Да, по правде сказать, мы надеялись на большее — все-таки последние семь дней стояла отличная погода, да и вокруг полным полно холдов, где можно подкормить табун во время пути в Руат. Я ожидал, что лорд Рейтошиган привезет своего бегуна — того, что выигрывает все скачки в этом сезоне. На Встрече в Болле его конюх хвастал, будто...

— Ну, не жалею, что тебе не удалось выставить Визгуна против лучшего скакуна на всем западе. Вполне возможно, его отсутствие подарило вам победу.

— Ничего подобного! — горячо запротестовал Даг и тут же понял, что Морита просто-напросто поддразнивает их. Он повернулся к хозяину. — Визгун уже остыл. Отведу-ка я его обратно в стойло...

— Куда теперь? Пойдем к старту или финишу? — спросил Алессан у Мориты.

— К финишу. Может, успеем посмотреть конец этого заезда.

Они двинулись по полю — не слишком торопясь, словно вдруг потеряли интерес к скачкам. Они шли мимо загонов с животными, что устраивало Мориту целиком и полностью.

— Интересно, почему не приехал Рейтошиган?

— Его отсутствие — лишний повод для радости, — ответила Морита, не скрывая своей неприязни.

— Вполне возможно... Но мне так хотелось, чтобы Визгун померился силами с его хваленым бегуном.

— Ради торжества над Рейтошиганом? Тогда я не возражаю.

— Южный Болл относится к Форт Вейру, не так ли?

— Это еще не значит, что он должен мне нравиться.

— Но ты же пьешь кислое вино лорда Диатисса...

Морита открыла рот, чтобы ответить, но тут ее с ног до головы окатили водой. Алессану тоже досталось, и он весьма цветисто и изобретательно высказал свое возмущение.

«Что тебя так расстроило?» — Орлита отреагировала почти мгновенно.

Ее всадница стояла с закрытыми глазами, холодная вода текла по волосам, и моральная поддержка королевы была в этот миг совсем не лишней.

— Я всего лишь промокла! — невозмутимо сообщила она.

«Солнце сегодня жаркое. Ты быстро высохнешь.»
— Всего лишь промокла? — вскричал Алессан. —
Да на тебе сухого места нет!

Конюх, с опозданием сообразивший, что выплеснул полное ведро грязной воды на Госпожу Вейра и лорда Руата — которым, говоря по правде, вовсе нечего было делать среди загонов и стойл, когда все с волнением наблюдали за ходом скачки, — с извинениями предложил Морите полотенце. Однако эту тряпку явно использовали для самых разнообразных целей, так что, обтерев лицо, Морита не стала чище. Алессан громкогласно велел немедленно принести воду и сухую одежду в какой-нибудь из свободных шатров.

Поднятый им шум привлек всеобщее внимание. Посыпались предложения помощи, забегали туда-сюда слуги, торопясь выполнить приказ лорда, кто-то уже грозился пересчитать ребра бедному конюху. Морита же стояла мокрая в своем новом роскошном платье, прилипшем к телу. Она попыталась успокоить страсти, заявив, что ничего ужасного не произошло; однако ей было ясно, что надежды хорошо провести вечер, наблюдая за долгожданними скачками, пошли прахом. С тем же успехом она могла вызвать Орлиту и возвратиться в Вейр. Вполне возможно, что в этом мокром платье она простудится в холоде Промежутка, заболеет и умрет... впрочем, какая теперь разница?

— Морита, — Алессан дергал ее за рукав, — вот... Я понимаю, эта туника не слишком нарядна... Но она чистая и сухая, и ты сможешь досмотреть скачки. Не уверен, что моей сестре и служанкам матери удастся просушить твоё платье до вечера, но к окончанию скачек они предложат тебе что-нибудь подходящее... Мы вернемся в холд, и ты выберешь сама...

В руках молодого лорда была простая коричневая туника, а также сандалии и красивый пояс из разноцветных шнуров. Жестом он указал на полосатый шатер распорядителя скачек, куда слуги торопливо тащили ведро исходившей паром воды и стопку чистых полотенец.

— Пойдем, Морита... — искреннее сожаление и мольба не покидать Руат, читавшиеся на лице Алессана, смягчили бы и более непреклонную женщину.

— А ты сам, Алессан? — вежливо поинтересовалась она, направляясь к шатру.

Правая сторона роскошного костюма руатанского лорда промокла насквозь.

— Боюсь, что тебе досталось куда больше, чем мне, — улыбнулся он. — Я высохну на солнце, пока мы будем смотреть скачки, хорошо? — в его лукавом вопросе слышалась надежда.

— Постараюсь не слишком задерживаться.

Взяв сухое платье, она вошла в шатер и задернула полог.

Нижняя туника тоже промокла и ее пришлось снять; к счастью, ткань предложенного Алессаном одеяния оказалась довольно плотной. Волосы Мориты были грязны от воды, которой явно только что обмывали пыльные ноги и бока закончившего скачку бегуна. Она умылась, не жалея ни воды, ни полотенец. Переодевшись, всадница вышла из шатра как раз в тот момент, когда громкие крики возвестили об окончании четвертого заезда.

— Теперь я готов поверить, что ты и впрямь родилась в холде, — усмехнулся Алессан, протягивая госте кубок, полный вина. — Хорошо еще, что вино не пострадало.

— Ну, нам просто повезло!

Низко кланяясь, подбежал конюх. Он снова извинялся и клял себя на все лады, так что Морите пришлось прервать его, заметив, что порой из загонов и конюшен вылетают вещи и похуже грязной воды. Затем, в сопровождении Алессана, она направилась к финишу.

— Последний заезд был спринтом. Всего пять участников, — сообщил по дороге молодой лорд.

— И Визгуна ты не выпускал? — Морита расхохоталась, увидев несчастное выражение лица Алессана.

Остальные заезды были весьма захватывающими, и с лихвой вознаградили ее за все, что она перенесла и пропустила. Они даже заставили всадницу на время позабыть о трагедии, недавно разыгравшейся на скаковом поле. Вместе с Алессаном, который в своем подмоченном платье не слишком походил на властителя процветающего холда, они уютно устроились у финишной черты, наблюдая за скачками и потягивая вино. Они спорили друг с другом о том, кто окажется победителем — после того, как Морита наотрез отказалась делать ставки. Ей нравилось находиться в толпе зрителей, как часто случалось в Керуне, когда она была еще маленькой

девочкой. Тогда она бегала на скачки вместе со своим приятелем Талпаном... Она не вспоминала о нем уже много-много Оборотов.

Предприимчивый лоточник обходил собравшуюся на финише толпу, предлагая горячие булочки. Только почуввав сладкий аромат свежее испеченного теста, Морита поняла, что ужасно проголодалась.

— Сегодня угощаю я, — заявил Алессан и, рука в руке, они стали протискиваться к торговцу.

Слоеные пирожки с фруктовой начинкой оказались восхитительными; Морита мигом проглотила три штуки.

— Что, повара в Вейре совсем не кормят вас перед Встречей? — поинтересовался Алессан.

— В Нижних Пещерах на очаге всегда кипят котлы с похлебкой и жарким, — ответила Морита, облизывая липкие пальцы. — Но разве суп или мясо могут сравниться с этими булочками?

Алессан взглянул на нее, словно видел в первый раз. На его лице застыло странное выражение.

— Морита, ты совсем не такая, какой я привык видеть Госпожу Вейра, — с подкупающей искренностью признался он. «Интересно, — устало подумала Морита, — что наговорил обо мне Ш'гал?» Алессан же, покачивая головой, заметил: — Я довольно хорошо знаком с Лери. Она обычно задерживается после Падения, чтобы поболтать с наземной командой...

— Я бы тоже не прочь поболтать, — заметила всадница в ответ на мягкий упрек Алессана. — Но сразу после Падения я должна немедленно возвращаться в Вейр.

— Должна? — он удивленно поднял брови.

— А ты никогда не думал о том, кто лечит раненых драконов? — несколько резче, чем собиралась, спросила Морита.

Вплоть до этого момента ей удавалось не вспоминать, что всего через два дня начнется новое Падение, а значит, опять будут раненые. И люди, и драконы.

— Я полагал, что в Вейре есть искусные лекари, — так сухо и бесстрастно ответил Алессан, что Морита тут же пожалела о своей резкости.

Надеясь восстановить прежнюю дружескую атмосферу, она положила ладонь на его руку.

— Я и не подозревал, что ты этим занимаешься, — улыбнулся Алессан, накрывая ее ладонь своей. — Как

насчет еще одной булочки — пока их все не разобрали?

— Лорд Алессан, — к ним подбежал запыхавшийся Даг. — Рунел болтает, что победа Визгуна — случайность! Называет его посмешищем! Я перечислил ему всю родословную, но он ничего не хочет слышать! Он мне просто-напросто не верит!

Лицо Алессана приняло страдальческое выражение. На мгновение он даже закрыл глаза.

— Я надеялся, что не увижу Рунела на этой Встрече...

— Тут, мой лорд, я ничем помочь не могу!

Алессан тяжело вздохнул, как человек, смилившийся со своей судьбой.

— Кто этот Рунел? — поинтересовалась Морита.

Двое мужчин в изумлении уставились на нее.

— Ты хочешь сказать, что никогда не встречалась с Рунелом? — безграничное удивление сменило выражение обреченности на лице Алессана. — Ну, тогда ты просто обязана хоть разок его послушать!

Даг что-то протестующе забормотал, но лорд Руата махнул на него рукой.

— Скоро начнется новый заезд, — напомнил он конюху и, повернувшись к Морите, пояснил: — Только скачки да еще Падение Нитей способны прервать поток воспоминаний Рунела.

Морита была заинтригована.

— Он где-то там... Вместе со своими друзьями.

Первое, на что Морита обратила внимание — то, что трех мужчин, к которым они направлялись, окружало пустое пространство. И это посреди толпы! Двое из них были, судя по цветам одеяний, жителями Руата и Форта. Третий — морщинистый табунщик, чья одежда, хоть и тщательно вычищенная к празднику, все равно пахла навозом и потом скакунов. Заметив лорда Алессана, самый высокий из троих, руатанец, горделиво выпрямился. На Мориту он не обратил никакого внимания.

— Я готов подтвердить родословную моего бегуна, — начал Алессан. — Знаешь ли, Рунел, я сам его вывел четыре Оборота назад. Он происходит от скаковой кобылы лорда Лифа по кличке Декстра и жеребца Вандера, прозванного Эвестом.

Какое-то новое выражение появилось на лице Рунела. Он запрокинул голову и невидящим взглядом уставился в небо.

— Бегун Алессана по кличке Визгун победил в первом заезде на Встрече в холде Руат, третий месяц, сорок пятый Оборот Шестого Прохождения. Выведен Алессаном от Декстры, владелец лорд Лиф, пятикратной победительницы в спринте среди западных холдов, и Эвеста, владелец Вандер, девятикратного победителя в спринте. Декстра, в свою очередь, происходит от жеребца Дисмала и кобылы Тран, девятнадцать раз побеждавшей в спринте. Дисмал происходит от жеребца Файрекса и кобылы Крик, а Файрекс — от жеребца...

— Ну, поехали... — вполголоса сказал Морите Даг и печально покачал головой.

— Он что, так и будет продолжать, не останавливаясь?

— Так и будет. Он теперь расскажет родословную Визгуна аж до того времени, когда люди еще только-только перебрались на северный континент... — прошептал Алессан, делая вид, будто внимательно слушает Рунела.

— Однако он знает только то, что происходило на западе, — заметил Даг.

— У него абсолютная память? Я слышала, что бывают такие люди, но никогда не встречалась с ними.

— Достаточно назвать кличку скакуна, и его уже не остановишь. Вся беда в том, что он всегда начинает с самого начала.

— Но разве, упомянув победу Визгуна, он не начал с конца?

Голос Рунела нараспев сыпал кличками победителей, кобыл и жеребцов.

— Начало — самые последние скачки.

— А что, Рунел бывает на всех Встречах?

— На всех, на которые может попасть, — Даг покоился на Алессана.

«Было бы просто удивительно, — подумала Морита, — если Алессан знал хотя бы половину тех скачек, которые удостоились внимания Рунела.»

— Больше от него все равно нет никакого толку, — махнул рукой Алессан. — Мой отец позаботился, чтобы старшие сыновья Рунела пошли в ученики к хорошим мастерам. Его феноменальная память...

— Слушая его, с тоски помереть можно, — пробормотал Даг и, оглянувшись в сторону старта воскликнул. — Начинается! — Он явно испытывал огромное об-

легчение. — Скачка! — проорал он в самое ухо самозабвенного декламатора.

Приятели Рунела начали дергать его за руки.

— Эй, очнись! Начинается заезд! Сейчас старт!

Рунел прервал свой рассказ и удивленно огляделся.

— Рунел, начинается заезд, — повторил табунщик и повел его в сторону финиша.

Морита заметила, что перед этой троицей толпа расступалась куда быстрее, чем перед лордом Руата и Госпожой Форт Вейра.

— Ты бы слышала, как он излагает генеалогию... кто кого «породил»!

— А ты слышал?

— Да уж, можешь не сомневаться! На каждом пиру в честь рождения нового ребенка в холде. — Алессан даже глаза закатил, показывая как тяжело ему пришлось.

— Мне кажется, он принес бы больше пользы среди арфистов, чем в холде.

— У моего отца хватило ума помешать подобному повороту событий.

— Но почему? С его памятью...

— Хотя бы потому, что дед Рунела как раз и был арфистом и порой вспоминал больше, чем следовало бы, — Алессан ехидно улыбнулся. — Мой же дед, как я понимаю, позаботился перевести этот семейный талант в более... как бы это сказать... безопасное русло. Но я не сомневаюсь, что в мастерской арфистов всегда трудились родственники Рунела, читавшие и запоминавшие свитки до того, как чернила на них окончательно выцветут.

Найдя удобное местечко, Морита и Алессан с интересом посмотрели финиш шестого заезда. Дождаясь следующей скачки, они слышали много интересного — кругом беседовали, не обращая на них ни малейшего внимания. О лорде Руата и устроенной им Встрече люди отзывались большей частью хорошо, хотя Морита с удовольствием наблюдала смущение Алессана от некоторых довольно откровенных комментариев. Но больше всего в толпе говорили о погоде.

— Слишком рано пришло тепло. Этим летом мы все растаем...

— Не могу сказать, что предпочитаю дождь и снег хорошей солнечной погоде, но, помяните мои слова, это ненормально. Нарушается естественный ритм Оборота...

— Мошкara уже не дает стадам покоя. Жрет их

заживо, вот так! Кошмарные язвы! Животные не хотят есть. Не хотят двигаться. Только жмутся друг к другу и стонут, точно вам говорю...

— Небольшой снегопад пошел бы даже на пользу. Поморозил бы напрочь этих проклятых пещерных змей! Холода им в этот Оборот не мешают, вот они и плодятся, как бешеные...

— Не могу решить, то ли остричь их сейчас и получить шерсти меньше обычного, то ли рискнуть и не стричь... но тогда кто знает, что с ними станется по такой жаре...

— Снег нам нужен просто позарез. Надо же как-то известить этих червей в почве, что высасывают соки из доброго зерна и превращают поле в форменное наказание. Да уж, без мороза и снега никуда...

— Знаешь, Алессан, ты должен испытывать облегчение, что они жалуются только на погоду. В конце концов, никто не считает, что лорд, даже самого древнего рода, способен изменить погоду. Этим занимаются Вейры, — она скривила губы в усмешке.

И Алессан улыбнулся в ответ.

Финал последнего заезда оказался неожиданным: два скакуна пересекли черту одновременно — ни один из них даже на длину носа не сумел обогнать другого. Споры, какой же из них все-таки пришел первым, стали такими горячими, что Алессану пришлось вмешаться. Чтобы разделаться с этой практически неразрешимой проблемой, он громко объявил, что удваивает награду, дабы никто не остался обиженным. Пусть владельцы сполна получают за удовольствие, которое доставила зрителям увлекательная скачка.

«Как раз такое решение, какое требовалось, чтобы счастливо завершить соревнования,» — подумала про себя Морита. Владельцы скакунов, наездники, конюхи и зрители разошлись в отличном настроении, очень довольные друг другом.

— Ты, Алессан, не только умен, но и щедр.

— Спасибо за комплимент, моя госпожа... Ага, как раз вовремя! — воскликнул Алессан, и Морита, повернувшись, увидела конюха, который вел в поводу тяжеловоза с крупным костяком и могучей спиной; на ней красовалось седло с цветами Руата.

— Знаешь, я все-таки предпочитаю Визгуна, — пробормотала Морита, когда Алессан велел подвести жеребца поближе.

— Это в тебе говорит любитель скачек, а не благо-разумный и расчетливый труженик...

Они шли через покрытое жнивьем поле; Алессан все время поглядывал налево, и Морита поняла, что завершив встречу, он всерьез займется загадкой пустых загонов.

— Это так непохоже на Рейтошигана — упустить шанс слегка подзаработать за счет Руата, — пробормотал он, подтверждая подозрения Мориты. — Они за-просто могли подняться по реке прямо до холда. А Сувер — ты, наверно, встречала его в Южном Боле — приехал бы, несмотря ни на что. Ну, разве Падение Нитей, или пожар, или ураган... Я как-то не замечал, — продолжал он без видимой связи с предыдущим, — что все так озабочены погодой... которую тебе так не хочется менять, — закончил он с улыбкой.

— Однако, на этой Встрече нет недостатка в гос-тях, — заметила Морита.

Несмотря на то, что многие пошли смотреть скачки, торговля у дороги шла весьма бойко.

Кое-кто уже начал занимать места за столиками во-круг танцевальной площадки. Плыл по ветру неземной аромат жарящегося мяса...

Алессан повел гостью напрямик через поле, потом свернул к воротам холда. Морита поглядела на вершины скал, где расселись гревшиеся на солнце драконы. Похо-же, их стало больше. Рядом с Орлитой она заметила другую королеву: судя по цвету и размеру — Тамианту с Плоскогорья.

— Некоторые существа обожают тепло и солнце, — произнес Алессан. — Может, драконы любят греться из-за того, что это позволяет забыть холод Промежутка.

При одном упоминании о Промежутке Морита не-вольно содрогнулась — и Алессан крепче прижал ее ло-коть к себе. Нельзя сказать, чтобы ей это показалось неприятным.

— Когда мы сражаемся с Нитями, я весьма благо-дарна холоду Промежутка, — туманно ответила она, по-гружаясь в раздумья о предстоящем через два дня Падении.

Каменная арка главных ворот проплыла над ними. Морита весело помахала Фальге, госпоже Вейра Плоско-горье, оживленно беседовавшей с двумя всадниками.

— Морита, разве твое новое платье еще не готово? — поинтересовалась она.

— Новое платье? — удивленно переспросил Алессан, но так тихо, что его могла услышать только спутница.

— Ты увидишь его на следующей Встрече, — со смехом ответила Морита. — А это одеяние — специально для скачек!

— Да ну тебя с этими скачками, — добродушно улыбнулась Фальга, возвращаясь к прерванному разговору.

Внезапно появился Толокамп, чья любезная улыбка не могла скрыть явного неодобрения; вид Госпожи Форт Вейра казался ему неподобающе легкомысленным. Он хотел что-то заметить по этому поводу, но тут сквозь толпу пробилась леди Ома и быстро взяла ситуацию под контроль.

— Если ты последуешь за мной, леди Морита... — старая госпожа ловко оттерла Толокампа от гостыи.

Пользуясь благоприятным случаем, Морита повернулась спиной к угрюмо взиравшему на нее лорду Форту и с готовностью последовала за леди Омой. Она подозревала, что мать Алессана, как и лорд Толокамп, не одобряет ее поведения. Но неудовольствие леди Омы было вызвано не легкомыслием гостыи, а лишь тем, что она, вольно или невольно, расстроила некие планы насчет избрания новой хозяйки Руата.

Вслед за старой госпожой Морита прошла через роскошно украшенный к Встрече главный зал и поднялась по лестнице в ее личные покои. Там, ожидая выбора благородной госпожи, были разложены платья, накидки, туники. Из ванной доносилось хихиканье служанок и сладкий запах ароматизированной воды.

— Леди Морита, — сказала леди Ома, закрывая дверь, — твое платье уже постирали, но я сомневаюсь, что оно успеет высохнуть к началу танцев. — Она окинула Мориту оценивающим взглядом. — Ты несколько тоньше, чем мне вначале показалось... Может, вот это, красно-коричневое... — она показала на платье, но тут же нетерпеливым взмахом руки, очень напомнившей гостье Алессана, отмела это предложение. — Нет, оно не идет ни в какое сравнение с твоим прежним нарядом! Зеленое платье... да, пожалуй, оно больше подойдет тебе.

Морита подняла красно-коричневое платье, потрогала простую, но удивительно мягкую ткань, приложила его к плечам. Похоже, по размеру как раз... и сидеть должно неплохо. Вот только юбка немного коротковата — не

закрывает лодыжки. Она покосилась на зеленое. Красивая ткань, но уж больно толстая... явно не для танцев! А сегодня ей хотелось поплясать вволю. В конце концов, она не посмотрела и половины заездов, так что танцы — вполне законная компенсация потерянному удовольствию...

— Красно-коричневое вполне подойдет, — с улыбкой сказала Морита, оглядывая собравшихся в комнате женщин. Но если хозяйка платья и была здесь, она ничем не выдала себя. — Спасибо за то, что вы мне его одолжили. Замечательное платье. Я ненадолго... — и, еще раз улыбнувшись, Морита прошла в ванную, задернув за собой занавески.

Может, они поймут намек и уйдут...

Она нежилась в ароматной теплой воде несколько дольше, чем собиралась — так приятно было расслабиться после всех утренних приключений. Только выбравшись из бассейна и вытирая голову, она услышала в комнате какой-то шум. Значит, кто-то остался ее ждать.

— Леди Ома? — позвала Морита, со страхом ожидая ответа.

— Нет, это я, Оклина, — словно извиняясь, ответил девичий голосок. — Ты все нашла?

— Да, спасибо.

— Может, помочь тебе уложить волосы?

— Они у меня короткие и быстро высохнут.

— Ох... — Морита усмехнулась, услышав смущение и досаду в голосе девушки.

— Я до отвращения самостоятельная, — сообщила она, натягивая красно-коричневое платье. — Вот только с завязками на спине мне никак не справиться.

Она раздвинула занавес и чуть не столкнулась с бросившейся на помощь Оклиной. Бедная девушка не знала, куда деваться от стыда из-за своей неловкости.

Оклина удивительно походила на брата, лорда Алессана, и ничем не напоминала свою мать, леди Ому (если та и впрямь приходилась ей матерью). Правда, смуглая кожа, которая так шла Алессану, вовсе не красила девушку. Лицо ее, однако, выдавало тонкую натуру, а врожденная грация движений дарила неповторимое очарование. К тому же, с невольной завистью отметила про себя Морита, у Оклины были роскошные длинные волосы, черные, как смоль.

— Мне очень жаль, леди Морита, что тебя дождалась только я одна, — между тем говорила Оклина, умело расправляя складки платья и затягивая шнуровку, — но подошло время подавать жаркое. Сегодня так много гостей...

— Если бы я внимательней смотрела, куда иду...

— Ах, леди Морита, Марл готов просто сквозь землю провалиться от стыда. Он примчался сюда с вашим платьем и ждал, затаив дыхание, пока мы его стирали. Он так волновался, не останется ли на платье пятен... Ты, наверно, ужасно рассердилась, что этот увалень испортил новехонькое платье, которое ты и одела-то в первый раз... испортил еще до того, как ты успела показаться в нем на танцах...

В голосе Оклины слышался благоговейный трепет — вполне понятный; скорее всего, девушка носила платье, доставшиеся ей от старших сестер.

— В этом будет куда легче танцевать, — Морита сделала несколько па.

— Алессан велел, чтобы мы подобрали тебе самое красивое платье... он хочет, чтобы ты непременно осталась на танцы.

— Вот как...

— Ой!.. — Оклина, казалось, вот-вот заплачет — о просьбе Алессана ей рассказывать не стоило. — С тех пор, как погибла Суриана, он не был ни на одной Встрече, не танцевал, не пел, вообще ходил сам не свой, — попыталась исправить положение Оклина. — Он совсем не радовался... даже когда стал лордом нашего холда. Скажи пожалуйста, он был доволен победой Визгуна?

— Он был просто в восторге, — Морита ласково улыбнулась девушке, явно обожавшей своего старшего брата. — Между прочим, это весьма убедительная победа. Почти пять корпусов!

— И он в самом деле улыбался? И радовался? — услышав утвердительный ответ, Оклина даже руками всплеснула от удовольствия. Ее черные глаза так и сияли. — Я видела самое начало заезда и слышала крики. Готова биться об заклад, Алессан кричал громче всех! Ты видела Визгуна после скачки? А с Дагом познакомилась? Даг всегда рядом с Визгуном. Он так предан этому бегуну, ты б только знала... Он лучше всех разбирается в скачках и скакунах, потому что в молодости

был первым наездником у лорда Лифа. Даг всегда знает, кто победит в заезде. Он верил в Алессана, когда все кругом говорили, что брат должен отказаться от своей затеи вывести новую породу бегунов, пока лорд Лиф... — охнув, Оклина замолчала. — Я слишком много болтаю...

— А я тебя внимательно слушаю, — Морите было не привыкать к тому, что с ней делились сокровенными тайнами. — Мне кажется, Визгун с лихвой оплатит за то время и силы, которые Алессан и Даг на него потратили.

— Ты действительно так думаешь? — Это предположение, похоже, очень обрадовало Оклину. — Послушай... арфисты уже начинают.

Заслышав музыку, девушка подбежала к окну, распахнутые металлические ставни которого не закрывали начинающего темнеть неба.

— Ну и отлично! — воскликнула Морита. — Тогда пошли танцевать. Постараемся получше провести время.

На мгновение Оклина выглядела испуганной, как будто сомневалась в том, что ей разрешат развлекаться в этот вечер. Именно молодым на Встречах обычно поручались все самые тягостные и скучные обязанности. Но на сей раз Морита решила позаботиться, чтобы Оклина все-таки сумела повеселиться.

Коридоры и главный зал холда были пустынные, но во дворе, на платформе, слуги уже расставляли светильники и жаровни с горячими углями — ночью здесь будет светло. Задержавшись на миг, Морита бросила взгляд на скалы. Орлита все так же дремала, нежась в лучах садившегося за горизонт солнца. Вряд ли она проснется до того, как дневная жара окончательно сменится ночной прохладой. Другие драконы, сверкая многоцветными глазами, наблюдали за происходящим.

— Ах, — вздохнула Оклина с тоской и страхом в голосе. — Они такие... такие внушительные... — она замялась и вдруг выпалила: — Тебе было очень страшно?

— Во время Запечатления? До смерти! Поиск добрался до холда моего отца в самый последний день. Все случилось так быстро... Я и оглянуться не успела, как меня привезли в Исту, переодели и вытолкали на Площадку Рождений... я даже толком не представляла, что происходит. Орлита, — всадница не смогла сдержать счастливой и торжествующей улыбки, — простила мне, что я чуть не опоздала.

— Ах... — снова вздохнула Оклина, и Морита улыбнулась, поняв, что девушка мечтает о том, чтобы очередной Поиск не обошел стороной Руат. Ей даже стало немного стыдно — от того, что она удостоилась такого сказочного счастья — запечатлела Орлиту, ставшую ее подругой, утешением, ее жизнью. Но голос разума тут же заглушил чувство вины; она хорошо понимала разницу между желанием и его воплощением. Каждый должен принять свою судьбу, какие мечты не таились бы в сердце.

— Если бы мой брат не был наследником холда, он стал бы всадником, — шепотом поделилась с Моритой девушка.

— Неужели? — искренне удивилась гостя.

Она не слышала, чтобы Вейр собирался принять к себе одного из сыновей лорда Лифа. Во всяком случае, в последние десять Оборотов, с тех пор, как она сама появилась в Форте.

— Мне рассказал Даг, — торопливо объяснила Оклина. — Это было двенадцать Оборотов назад. Даг говорил, что лорд Лиф был буквально вне себя от ярости... и все из-за того, что хотел сделать Алессана своим наследником. Отец заявил всадникам, что те могут забрать кого угодно в холде Руат, кроме Алессана. Но, сказал Даг, больше никто драконам не подошел... а откуда драконы знают, кто пригоден, а кто — нет?

— Драконы в Поиске всегда это знают, — таинственным голосом сообщила Морита (привычный и хорошо отработанный ответ). — В каждом Вейре есть драконы, чувствующие тех, кто может стать всадником, — ее голос понизился до шепота. — Есть люди, родившиеся в Вейре, которые всю жизнь провели рядом с драконами — и, однако, они не способны запечатлеть даже скорлупу от битого яйца... А у других, родившихся в холде, вроде меня или тебя, это получается. Драконы знают, кто на что способен.

— Драконы знают... — прошептала Оклина, не то молясь, не то проклиная.

Она кинула быстрый взгляд на мирно дремлющих огромных зверей, словно опасаясь, что те могут обидеться.

— Пойдем, Оклина, — сказала всадница. — Я просто умираю, как хочется потанцевать.

Глава 3

*Год 1543, одиннадцатый день третьего месяца;
холод Руат*

Из всех Встреч, на которых Морита когда-либо бывала, Встреча в Руате в этот вечерний час казалась воплощением самого духа праздника; люди из Вейров, холдов и мастерских собрались вместе — поесть, выпить, потанцевать и вообще приятно провести время в обществе друг друга. Золотистый свет фонарей вырывал из ночного мрака то сидевших за столами гостей, то стоявших и о чем-то оживленно беседующих; танцоров, женщин и мужчин, выпивох, столпившихся у винных бочек. Дети то и дело вылетали на свет — лишь для того, чтобы снова нырнуть в темноту; их смех и крики порой перекрывали музыку и гул толпы. В теплом ночном воздухе плыл аромат жареного мяса, запахи пыли и едкого дыма.

На деревянном помосте расположились сразу девять арфистов, и еще пять отдыхали внизу, поджидая своей очереди. Морита не видела, был ли среди них Тайрон; скорее всего, главный мастер арфистов бродил где-то между столиками. Алессан мог недолюбливать Тайрона, но тот, несомненно, выполнит свой долг по отношению к молодому лорду, проводящему первую в жизни Встречу.

При виде Мориты и Оклины толпа расступилась и, под шепоток приветствий, они прошествовали к площадке для танцев. Проводив Мориту до стола в первом ряду, прямо напротив помоста арфистов, Оклина повернулась было, чтобы уйти, но Госпожа Форт Вейра поймала ее за руку. Когда Алессан, вскочив, пригласил Мориту присесть, она, несмотря на протесты девушки, потянула ее на скамью.

— Здесь нам всем хватит места, не правда ли? — спросила она, со значением глядя на Алессана. — Оклина так хорошо обо мне позаботилась.

— Конечно, места хватит всем, — любезно ответил Алессан, жестом попросив сидевших за столом чуть подвинуться. Лорд критически оглядел наряд своей гостьи и нахмурился. — И это лучшее, что для тебя нашли? — неодобрительно спросил он, трогая рукав красно-коричневого платья.

— Это платье мне подходит. Танцевать, во всяком случае, в нем куда удобнее, чем в моем. И мне было из чего выбирать, — торопливо добавила Морита, сообразив, что именно вызвало неудовольствие Алессана. — По-моему, стоит взять за правило привозить на Встречу сразу два платья; одно — смотреть скачки и танцевать, — она озорно улыбнулась, — другое — чтобы соблюсти достоинство, — и она с нарочитой высокомерностью вздержнула подбородок.

Умиротворенный, Алессан улыбнулся и жестом велел слуге наполнить чашу гостыи.

— У меня есть еще немного вина из Бендена, — он поднял свой кубок в тосте.

Морита едва успела пригубить вино, как арфисты заиграли веселую мелодию.

— Соболаговолит ли Госпожа Вейра подарить мне танец? — спросил Алессан, вскакивая на ноги и протягивая Морите руку.

— А зачем еще я сюда пришла? — вопросом на вопрос ответила всадница и, повернувшись к Оклине, с улыбкой добавила: — Посторожи, пожалуйста, мое место и мой кубок.

Взяв затем Алессана за руку, она позволила увлечь себя на площадку, и они закружились в такт музыке.

Морита любила танцевать. В Вейре тоже были музыканты, и вечерами там порой звучали песни, но танцы обычно устраивали только во время празднеств Запечатления. Иногда голубой или зеленый всадник демонстрировали пару-другую безумных прыжков — обычно как следует выпив после отражения тяжелой атаки, смерти дракона или соратника по крылу. Подобные танцы вызывали у Мориты откровенный ужас. Лери и Л'мал считали, что они снимают напряжение, но Морита в подобных случаях всегда предпочитала поскорее улететь из Вейра, оставив позади душераздирающий рокот барабанов и дергающиеся тела. Но печальные воспоминания вскоре покинули ее, изгнанные очарованием Встречи.

Танец кончился. Запыхавшиеся Морита и Алессан вернулись к своему столу. Они от всей души поаплодировали музыкантам; мелодия была нежной и простой, радостной и до боли знакомой.

— Теперь я должен потанцевать с Фальгой, — сказал Алессан, усадив Мориту на место. — Надеюсь, ты побережешь для меня еще один танец?

— Тебе понравилось танцевать с Алессаном? — застеснявшись, спросила Оклина, ставя перед всадницей кубок, полный вина.

— Очень! Он превосходный танцор!

— Он и меня учил танцевать. Когда в нашем зале звучит музыка, он всегда приглашает меня хотя бы на один танец. Но сегодня, боюсь, ничего не получится — здесь столько девушек...

— Ну, тогда я найду тебе другого партнера, — Морита начала оглядываться в поисках свободного всадника.

— Ах, мне нельзя... — испуганно запротестовала девушка, беспокойно поглядывая на переполненную площадку для танцев. — Я должна обслуживать гостей...

— Ты и делаешь это — заботясь о моих удобствах и охраняя мой кубок бенденского вина, — Морита ласково улыбнулась своей соседке. — И сегодня ты просто обязана потанцевать!

— Морита! — крепкая рука легла ей на плечо и, подняв взор, Морита увидела рядом Б'лериона, всадника бронзового Набета из Вейра Плоскогогорье. — Эта чудная музыка не дает ногам стоять на месте! Она зовет тебя! И меня тоже!

Не дожидаясь согласия, всадник увлек Госпожу Фор-та за собой.

— Я знал, что Морита не сможет мне отказать, — засмеялся он, через плечо подмигивая зардевшейся Оклине.

От внимания Мориты не ускользнуло печальное и чуть завистливое выражение, промелькнувшее на лице Оклины — многие женщины глядели на Б'лериона именно так. Он был красивый, высокий, мускулистый, с карими глазами, веселыми и добрыми. У этого парня всегда имелась в запасе шутка или какая-нибудь сплетня пошлее. Когда Морита впервые появилась в Форт Вейре, у них был небольшой роман — она почти не сомневалась, что именно Б'лерион — отец ее третьего ребенка. Жаль, что пришлось отдать малыша на воспитание... но она — целитель людей и драконов, а это — с точки зрения традиций — куда важнее, чем приглядывать за собственным сынишкой. Хотя Б'лерион был не таким опытным предводителем боевого крыла, как Ш'гал, Морита в свое время надеялась, что именно Набет догонит ее королеву во время брачного полета. Но, как

и положено, победил самый сильный и умный дракон: единственный способ постоянно улучшать породу. Дважды подряд Кадит, дракон Ш'гала оказывался сильнее и быстрее всех остальных. Так, во всяком случае, Морита утешала сама себя.

У Б'лериона было превосходное настроение. Он еще не успел опьянеть — его язык не начал заплетаться, а шаг оставался по-прежнему упругим и уверенным. Он уже прослышал, как Госпожу Форт Вейра окатили грязной водой, и не преминул поддразнить ее, заявив, что она заслужила расплату за то, что вздумала похитить у общества лорда Алессана; попутно сообщил, что любовь к скачкам еще никого не доводила до добра, и поинтересовался, почему Ш'гал не прилетел в Руат.

— Не понимаю, — шепнул он Морите на ухо, — почему ты позволила Кадиту догнать свою королеву. На его месте вполне мог оказаться мой Набет, и тогда я стал бы Предводителем Форт Вейра. Со мной куда веселее, чем с этим Ш'галом. Так ты, по крайней мере, когда-то говорила.

По блеску в глазах и крепкому объятию во время последней фигуры танца Морита поняла, что Б'лерион рассуждает наполовину шутя, наполовину всерьез. Впрочем, тут же напонила она себе, он всегда говорит такие вещи всерьез, пока не приходит черед другой девушки. Обворожительный искатель приключений, не ограничивающий своего внимания рамками какого-либо холда или Вейра.

— Что? Ты бы стал Предводителем Форты? Да ты же до смерти боишься взять на себя такую ответственность!

— С тобой в роли Госпожи Вейра я готов измениться до неузнаваемости. Я стал бы совсем другим человеком. К тому же, осталось всего шесть Оборотов, а потом мы вольны делать что угодно! — Он еще крепче прижал к себе Мориту. — Раньше мы прекрасно проводили время вместе...

— А когда ты плохо проводил время?

— Что правда, то правда... А эта ночь словно создана для развлечений, согласна?

Засмеявшись, Морита выскользнула из его объятий, решив, что на сегодня хватит авантюры. Повышенное внимание Б'лериона к ее особе может быть неправильно понято. По крайней мере, до окончания этого Падения

она просто обязана во всем поддерживать Ш'гала. Она вернулась к своему столу. Б'лерион, еще издали весело улыбаясь Оклине, последовал за Моритой. Заметив, как девушка затаила дыхание, когда всадник присел за стол рядом с ней, Морита мысленно пожелала, чтобы Б'лерион выбрал себе какой-нибудь другой столик.

— Леди Оклина, могу я пригласить тебя на следующий танец? Морита подтвердит, что я совершенно безобиден. Я — Б'лерион, всадник бронзового Набета из Вейра Плоскогорье. Можно мне глотнуть твоего вина?

— Это вино леди Мориты! — запротестовала Оклина, пытаюсь отобрать чашу.

— Ну, она-то никогда не откажет мне в глоточке вина! А выпить я хочу за тебя, леди Оклина, и твои огромные черные глаза.

Оставаясь внешне бесстрастной, Морита наблюдала за девушкой, залившейся румянцем от комплиментов симпатичного всадника. Она видела волнение Оклины; ей вряд ли было больше шестнадцати оборотов. Она родилась и выросла в этом холде. Очень скоро ее выдадут замуж в другой холд или мастерскую где-нибудь на востоке или на юге, далеко-далеко от Руата, чтобы потомство было здоровее — законы наследственности, ничего не поделаешь. К тому времени, когда Прохождение закончится, у Оклины уже будут дети, она и думать забудет об этой Встрече. Или, возможно, сегодняшняя ночь запомнится на всю жизнь... Кто знает! Арфисты заиграли медленный, немного торжественный танец и Б'лерион повел счастливую Оклину на площадку. Морита улыбнулась.

Большинство гостей сочло, что этот танец им по силам, и столики кругом опустели. Неподалеку Морита увидела леди Ому; та внимательно слушала какую-то богато одетую женщину. Вот они обе, улыбаясь, кивнули кому-то на площадке, и Морита разглядела среди пар Алессана — он вел в танце юную девушку. Возможная претендентка на леди Руата? Старая госпожа бросала на них оценивающие взгляды. Девушка, довольно хорошенькая, с черными кудрявыми волосами, жеманно улыбнулась Алессану — и Морита составила свое собственное мнение о ее шансах стать второй женой руатанского лорда. Подобная наивность никогда не привлечет его внимания, решила всадница, особенно теперь, когда он волен выбирать себе невесту из любого холда на всем

континенте. Тут Морита заметила С'перена, бронзового всадника из Форта. А она-то полагала, будто С'перен отправился на Встречу в Исту!

— Что, Встреча в Исте уже окончилась? — удивленно спросила Морита у всадника.

— Когда увезли этого забавного зверька, — отвечал С'перен, — стало, по правде говоря, совсем скучно. Никаких скачек. И народа не так много, как здесь... — он с удовлетворением кивнул в сторону переполненной танцевальной площадки. — Да и вообще, у людей там не такое праздничное настроение, как в Руате. В Айгене, Керуне и Телгаре появилась какая-то новая болезнь.

— У скакунов? — Морите почему-то вспомнилась странная смерть бегуна.

— У скакунов? — удивился бронзовый всадник. — Нет, у людей. Как я слышал, нечто вроде лихорадки. Капайм вроде уже в Исте, хотя я сам его не видел.

— Предводитель и Госпожа Вейра Иста, надеюсь, здоровы? — в те Обороты, что Морита провела в Исте, Ф'гал и Вимма были ее добрыми друзьями.

— Здоровы и шлют тебе самые лучшие пожелания. Как всегда. Да, между прочим, я обещал передать тебе привет от целителя животных по имени Талпан. Он говорил, будто вы знакомы с детства.

«Как странно,» — подумала Морита, покинув общество С'перена, который начал оживленно беседовать о чем-то с истинскими всадниками. Вплоть до этого дня она не вспоминала о Талпане много Оборотов... и вдруг ей передают от него привет.

Танец закончился, и она решила отыскать Алессана; он на самом деле был превосходным танцором. Но потом Морита увидела его рядом с другой девушкой, черные кудри которой заставили всадницу на миг подумать, что это Оклина. Потом девушка повернулась, и ей стало ясно — Алессан выполняет свой долг, знакомясь с еще одной потенциальной невестой. Вспомнив, как накануне брачного полета Орлиты ей самой не дают прохода бронзовые всадники, Морита ощутила огромную жалость к молодому лорду.

Допив вино, она отправилась на поиски новой порции и партнера для танцев. Сперва, как бы ей ни хотелось вернуться на площадку, Морита устремилась к объемистым бочкам. Виночерпий быстро наполнил ее кубок, но после первого же глотка ей стало ясно, какую

ошибку она совершила. Вино было кислым; Тиллек, а не ароматное бенденское. Всадница чуть не выплеснула напиток на землю и повернулась к площадке.

За танцем, быстрым и веселым, было столь же интересно наблюдать со стороны, как и танцевать самой. С блеском доиграв мелодию, арфисты несколькими звонкими аккордами объявили перерыв. Наступило время баллад и песен. Морита ожидала, что сейчас вперед выйдет Тайрон — именно ему подобало открыть череду веселых и торжественных песнопений — но вместо него на помосте появились молодой арфист Руата и степенный бродячий менестрель.

Посмотрев в сторону своего стола, Морита увидела Алессана в обществе двух новых девушек; леди Ома явно не теряла времени даром. Не чувствуя горячего желания к ним присоединиться, Морита присела на свой удобный табурет.

Ей очень понравилась первая песня, героическая баллада, и она подхватила припев вместе с остальными гостями. Красивые сильные голоса арфистов помогали вести мелодию — ее способностей не хватало, чтобы вытянуть партию сопрано. Во время второго припева всадница вдруг ощутила мысленное прикосновение Орлиты.

— Тебе тоже нравятся песни, не так ли? — мысленно спросила она у своей королевы.

«Петь — такое приятное занятие. От него мысли становятся легче... а если мыслей много, то они сливаются в одну.»

Морита сбилась с ритма, едва удержавшись от смеха. Расхохотаться во время исполнения серьезной баллады! Такое непозволительно даже Госпоже Вейра!

Арфисты вместе с гостями исполнили четыре традиционные песни; каждая последующая гремела со все большим и большим энтузиазмом — по мере того, как танцоры восстанавливали свои силы. Затем молодой певец из Руата, великолепный тенор, затянул незнакомую песню, которую, как он объявил, ему удалось отыскать в древних Архивах. Мелодия воспринималась на удивление легко, хотя местами была непривычной. Очень старая песня, решила Морита, и отлично подходящая для тенора. Орлите песня тоже понравилась.

— Наши с тобой вкусы совпадают, — заметила всадница.

«Ну, не всегда.»

— Что ты имеешь в виду?

«Арфисты начинают петь,» — сообщила королева, и Морита поняла, что не получит ответа на свой вопрос.

Теперь арфисты предложили сыграть по заявкам публики. Морите очень хотелось послушать одну из песен родного Керуна. Но эта печальная мелодия, которую так любил напевать Талпан (снова совпадение!), совсем не подходила буйному веселью руатанской Встречи.

После нескольких песен на платформу поднялся Алессан. Поблагодарив арфистов за музыку и доставленное наслаждение, он предложил им чувствовать себя среди винных бочек Руата как у себя дома — лишь бы играли, пока хоть один танцор остается на площадке. Громкие аплодисменты, крики и стук кружек о столы встретили это заявление — собравшиеся выражали свое одобрение лорду, которые не собирались экономить на своей самой первой Встрече.

Арфисты снова начали играть — на этот раз танец-хоровод, и Алессан вошел в круг с двумя девушками сразу. Б'лерион опять пригласил Оклину. Леди Ома, пристально следившая за сыном, похоже не заметила этого.

Морита, у которой от пения окончательно пересохло в горле, решила во что бы то ни стало разыскать бенденское. Она пробиралась к своему столу, по дороге отвечая на бесчисленные вопросы о здоровье Лери и Холты и обещая передать старой Госпоже искренние сожаления собравшихся — многие хотели бы увидеться с ней.

— Орлита, — позвала всадница, — передашь, ладно? Они будут рады, что люди не забывают их.

После недолгой паузы ее золотая ответила, что Холта даже довольна, оставшись дома. Говорит, что зато ей не придется сидеть целую ночь на холодных камнях.

— А ты? Ты не замерзнешь? — забеспокоилась Морита.

«Скалы долго хранят тепло, да и Набет с Тамиантом всегда готовы меня согреть. А ты, я чувствую, голодна. Ты всегда заставляешь меня есть. А теперь я напомню тебе про пищу.»

Слова Орлиты дышали таким удовлетворением, что ее всадница опять развеселилась. Однако ее напоминание было вполне обоснованным — крепкое вино Тиллека на-

чинало кружить Морите голову. В животе у нее ощущалась некая пустота — в общем, и впрямь стоило поесть, пока не закончился танец. Вскоре она уже обзавелась тарелкой, доверху наполненной кусочкамипряного жаркого, печеными клубнями и прочими яствами. Держа тарелку в руках, Морита направилась к столу, и тут танец закончился. Не успел Алессан раскланяться с двумя своими партнершами, как леди Ома уже знакомила его с новой девушкой.

Вдруг Морита заметила лорда Толокампа, который весьма целенаправленно двигался к ней. Не раздумывая, она скользнула в толпу. На физиономии Толокампа застыло мрачное выражение — он явно собирался прочесть ей нотацию о том, как следует вести себя Госпоже Форт Вейра. Но будь она проклята, если станет слушать его на Встрече! Всадница проталкивалась сквозь толпу, соображая, не остановиться ли ей у стола арфистов. Конечно, у них самое лучшее вино — но, увы! — вряд ли их общество спасет от лорда Толокампа. Не стоит портить им праздник; старый лорд успел надоесть арфистам до смерти — ведь их главная мастерская располагалась совсем рядом с Форт холдом. Больше не колеблясь, Морита нырнула в темноту, под платформу.

Она немного постояла, чтобы глаза привыкли к царившему здесь мраку, и шагнула вперед. И тут же чуть не упала, споткнувшись о грудусваленных седел и упряжи. Недолго думая, Морита выбрала себе седло поудобнее и расположилась на нем, вполне довольная и своим одиночеством, и избавлением от занудного лорда Форта. Вспомнив о Толокампе, Морита вздохнула. Вот кончится Прохождение, и управы на него уже не будет. Почему-то ей казалось, что Ш'галу проще совладать с Нитями, чем с Толокампом.

«Хорошо, — удовлетворенно заметила Орлита. — Ты наконец-то кушаешь.»

Аккуратно свернув ломтик жаркого, всадница откусила изрядный кусок. Мясо оказалось сочным и мягким — как она и рассчитывала.

— Потрясающе вкусно, — сообщила Морита своей королеве.

Она ела жадно, облизывая пальцы, стараясь не пролить ни капли восхитительной подливки. В этот миг кто-то затопал у входа под платформу, и Морита, проклиная судьбу, подхватила тарелку и быстро пере-

бралась в уголок потемнее. Может, это лорд Толокамп продолжает ее преследовать? Или кому-то просто захотелось справиться нужду?

«Это Алессан,» — с удивлением услышала она беззвучный голос Орлиты — королева никогда не отличалась хорошей памятью на имена людей.

— Морита? — неуверенно позвал Алессан. — Ах, вот ты где! — добавил он, когда всадница шагнула ему навстречу. — Мне показалось, я заметил, как ты проскользнула под платформу. Что, допек Толокамп? — она поняла, что молодой лорд улыбается. — Ну, я и пошел за тобой. И, кстати, прихватил с собой еду и питье. Надеюсь, я не помешал?

— Нет, если ты сообразил принести бенденского. Вино из Тиллека совсем неплохое, но...

— Но не идет ни в какое сравнение с вином из Бендена, — закончил за нее Алессан. — Надеюсь, ты никому не говорила об этом любопытном факте?

— Еще чего! Чтобы все тут же набросились на него? Ага! Ты и мясо принес! Прими поздравления, мой лорд, у тебя отличный повар — жаркое превосходное, а я просто умираю с голода. Давай, садись вот на это седло, — осушив кубок, она протянула его Алессану. — Налей-ка мне бенденского, если можно.

— У меня с собой полный мех.

— Не должна ли я поделиться с твоими партнершами по танцам?

— Только посмей... — с шутливой угрозой начал Алессан, протягивая руку к только что наполненному кубку Мориты.

— Пожалуй, не очень благородно с моей стороны напоминать об этом... Ты только выполнял свой долг. Долг лорда холда, проводящего Встречу.

— Выполнив сей долг, я могу вновь принять на себя приятную обязанность сопровождать мою Госпожу. Теперь-то, наконец, и я сумею получить удовольствие от Встречи.

— Хозяевам редко это удается.

— Моя мать, достойная и добродетельная...

— И весьма озабоченная...

— Продемонстрировала мне всех без исключения невест запада. И я со всеми послушно потанцевал. Разговаривать с ними, правда, особенно не о чем. Между

прочим, этот бронзовый, уделяющий такое внимание Оклине — человек порядочный?

— Б'лерион очень добрый и с ним можно хорошо провести время... я знаю его уже много Оборотов.

Не зря Оклина обожала своего брата! Тот имел острый глаз и побеспокоился навести справки у Госпожи Вейра о всаднике, который ухаживал за его сестрой.

Они ели в молчании — Алессан был так же голоден, как и Морита. Но вот арфисты заиграли новую мелодию — живой подвижный танец, в котором партнершу надлежало и поднимать, и крутить, и подбрасывать. Морита тихонько засмеялась — в глазах Алессана она прочла веселый вызов. Только молодые обычно рисковали принять участие в этой пляске, наполовину состоявшей из акробатических трюков. Но она — не застенчивая девочка-подросток и не почтенная матрона, измученная бесчисленным деторождением. Нет, она была Госпожой Вейра, сильной и крепкой всадницей золотой королевы. Она могла переплясать любого мужчину — будь он жителем холда, ремесленником или всадником. К тому же, ее подбадривала Орлита.

Бросив тарелку с остатками еды и кубок с недопитым вином, она потащила Алессана на танцевальную площадку, где одна пара уже успела оконфузиться: парень упал, не удержавшись на ногах.

Морита и Алессан выдержали до конца, оказавшись в гордом одиночестве. Громкие аплодисменты приветствовали их ловкость. Тяжело дыша, стараясь не качаться, хотя в голове у нее все так и плыло из-за последнего безумного вращения, Морита направилась к столам. Словно по волшебству, у нее в руке очутился кубок с вином и, даже еще не пригубив, она поняла, что в нем бенденское. Рядом с ней, хватая воздух раскрытым ртом, стоял раскрасневшийся и страшно довольный лорд Алессан.

— Клянусь Первым Яйцом! — воскликнула подошедшая к ним Фальга. — С хорошим партнером, Морита, ты смогла наконец-то показать, на что способны женщины из Вейров! Алессан, это самая лучшая Встреча за все последние Обороты. Прими поздравления — ты превзошел даже своего отца! А он-то всегда умел устроить хороший праздник! Но сегодня... Вот С'лигар строится, что не прилетел!

Сопровождающие Фальгу всадники подняли чаши в честь молодого лорда.

— Увидимся в Кроме, — бросила на прощание Фальга Морите, уплывая в танце.

— Ты еще можешь двигаться? — шепотом спросил Алессан.

— Разумеется! — воскликнула Морита, заметив, куда смотрит ее спутник; к ним направлялась леди Ома с очередной девицей.

— Достаточно я натерпелся за этот вечер! — Подхватив Мориту, Алессан устремился в самый центр танцевальной площадки.

Звучала старинная мелодия, и всадница отдалась неторопливому кружению торжественного танца. Она чувствовала, как отчаянно колотится сердце Алессана (как, впрочем, и ее собственное) после только что окончившейся бешеной пляски. Но постепенно ее дыхание стало ровным, ноги перестали дрожать; она кружилась, позабыв обо всем. Она не танцевала под эту мелодию с того дня, как покинула Керун... с той самой Встречи, на которой кружилась с Талпаном, много-много Оборотов назад.

— Ты думаешь о другом мужчине, — укоризненно прошептал ей на ухо Алессан.

— О мальчике, которого я знала в Керуне.

— И ты вспоминаешь его с нежностью?

— Нас отдали в ученики к одному и тому же целителю, — интересно, эта нотка ревности в голосе Алессана только слышалась ей или нет? — Он продолжил учебу, а я отправилась в Исту и запечатлела Орлиту.

— И теперь ты лечишь драконов, — на мгновение Алессан отпустил ее, но, видимо, лишь для того, чтобы тут же прижать еще крепче. — Танцуй, Морита из Керуна. В небе светит луна. Мы можем танцевать хоть всю ночь напролет.

— У арфистов, наверно, другие планы...

— Ну, пока есть бенденское вино...

Всю ночь Алессан оставался с Моритой, не давая опустеть ее кубку и уговаривая отведать горячих булочек, что разносили слуги. И он не собирался уступать ее другим партнерам.

Вино свалило арфистов с ног незадолго до рассвета. Даже невероятно выносливый Алессан — даже он начал уже спотыкаться, когда Орлита вновь приземлилась на танцевальной площадке.

— Это была незабываемая Встреча, лорд Алессан, — сказала на прощание Морита.

— Исключительно благодаря твоему присутствию, моя госпожа, — в тон ей ответил молодой лорд, подводя всадницу к ее королеве. — Смотри не поскользнись. Ты сумеешь добраться до Вейра, не заснув по дороге? — несмотря на шутливый тон, в его словах звучала озабоченность.

— Я всегда могу добраться до своего Вейра.

— Орлита, она и вправду может?

— Лорд Алессан! Ну и невежа! Обращается прямо к дракону, когда рядом — всадник!

Орлита покосилась на них.

«Он хочет тебе только добра.»

— Моя золотая утверждает, что ты хочешь мне только добра! — Морита понимала, что от усталости начинает говорить чушь, и потому засмеялась.

Ей не хотелось заканчивать такой восхитительный вечер на печальной ноте.

— Да, моя леди золотой королевы, я желаю тебе только добра. Счастливого пути!

Помахав на прощание рукой, Алессан медленно пошел прочь, мимо перевернутых скамеек и грязных столов, к опустевшей дороге.

— Давай возвращаться в Форт Вейр, — неохотно прошептала Морита.

Ее веки слипались, мышцы ныли от приятной усталости. Усилием воли она заставила себя представить Звездные Камни Форт Вейра. Подпрыгнув, Орлита устремилась в небо, и поникшие флаги вновь затрепетали на ветру. Они летели. Руат таял в темноте.

*Год 1543, одиннадцатый день третьего месяца;
Южный Болл и мастерская целителей в Форте холде*

— Ну, что?

Бесконечная усталость и неимоверное напряжение сморили Капайма; он крепко спал, уронив голову на сложенные на столе руки. При звуках голоса мастер целителей пробудился, тщетно пытаясь понять, где он и кто обращается к нему.

— Ну что, лекарь? Ты обещал немедленно вернуться и изложить мне свое заключение. Это было несколько часов назад. И что я вижу? Ты спишь!

Этот раздраженный голос и оставлявшие желать лучшего манеры принадлежали лорду Рейтошигану. За его спиной маячила высокая фигура Предводителя Вейра, доставившего Капайма и Рейтошигана из Исты в Южный Болл.

— Я присел только на минутку, — в отчаянии вскинул руки Капайм. — Хотел разобраться в своих записях.

— Ну так что? — в голосе лорда слышалось неудовольствие. — Какой диагноз ты ставишь этим... — Рейтошиган не сказал «симулянтам», но явно имел в виду именно это.

Лорд Южного Болла, как говорили Капайму, вообще считал симулянтам любого, кто упорным трудом в течение дня не отработал еду и защиту, дарованные ему холдом.

— Они тяжело больны, лорд Рейтошиган.

— Когда я отправлялся в Исту, с ними было все в порядке! Они не обожжены Нитями и не выглядят истощенными.

Глядя на Рейтошигана — тощего поджарого мужчину с длинным аскетическим лицом, тонким носом над узким безгубым ртом и маленькими, глубоко посаженными глазками — Капайм подумал, что этот лорд выглядит куда более больным, чем те, кто сейчас прощался с жизнью на койках в лазарете.

— Двое уже умерли... — сказал Капайм и, помедлив, повторил: — Умерли... непонятно, от чего...

Вот к какому страшному и неутешительному выводу он пришел перед тем, как уснуть.

— Умерли?! Двое?! И ты даже не знаешь, от чего?

Краем глаза Капайм заметил, что при первом же упоминании о смерти Ш'гал шагнул к выходу. Предводитель Форт Вейра весьма настороженно относился к ранениям и болезням; пока что ему удавалось избежать и того, и другого.

— Да, я точно не знаю, что за болезнь поразила этих людей. Симптомы — жар, головная боль, отсутствие аппетита, сухой кашель — необычайно сильны и не поддаются обычным методам лечения.

— Но ты же должен знать! Ты ведь главный мастер-целитель!

— В моем ремесле титул еще не дает всеобъемлющего знания, — Капайм старался говорить потише, не желая будить измученных лекарей, прикорнувших в соседней комнате.

Но Рейтошиган, как всегда, не желал ни с кем считаться; его голос негодующе гремел. Мастер целителей встал из-за стола, и подталкивая перед собой громогласно возмущавшегося лорда, вышел из лазарета.

— Мы многое успели забыть за ненадобностью, — устало вздохнул он, закрывая за собой дверь. И как он мог заснуть! Столько еще надо было сделать! — Эти смерти, лорд Рейтошиган — только начало. На Перне начинается эпидемия.

— Так вот почему вы с Талпаном убили то животное? — впервые подал голос Ш'гал.

— Эпидемия?! — вскричал Рейтошиган, не слушая всадника. — Какая эпидемия? Пара бездельников заболела...

— Вовсе не пара, — возразил Капайм. — Два дня назад меня срочно вызывали в Айген. Там уже умерло сорок человек, считая и трех матросов, выловивших то животное в море. Лучше бы они оставили его там, где нашли!

— Сорок человек? — не поверил своим ушам лорд Болла.

— В Айгене болезнь находит все новые и новые жертвы. И не только в Айгене. Та же самая картина и в других холдах, жители которых приходили поглазеть на невиданную тварь, которую выловили в море.

— И чего ради ее привезли на Встречу? — вне себя от возмущения воскликнул Рейтошиган.

— Чтобы все могли на нее посмотреть, — с горечью

в голосе ответил Капайм. — Но еще до того ее доставили в Керун, к мастеру скотоводов. Думали, может он знает, что это за зверь. Я, как мог, помогал лекарям Айгена, когда меня срочно вызвали в Керун. Барабаны передали, что у мастера скотоводов Суфура внезапно заболело множество людей и животных. Все симптомы — такие же, как в Айгене. Новое сообщение — и на коричневом драконе меня перебросили в Телгар. Болезнь добралась и сюда. Ее, судя по всему, принесли два холдера, покупавшие скакунов. Когда я прилетел, оба были уже мертвы, а заодно с ними — все кобылы, жеребцы и еще двадцать человек. Мне даже трудно представить, сколько народу заразилось за это время! Те из нас, кто выживет и сумеет рассказать эту историю арфистам, должны прославить Талпана, связавшего эту странную кошкообразную тварь с возникновением неведомой болезни.

— Но животное вовсе не выглядело больным! — запротестовал Ш'гал. — Даже наоборот!

— Что правда, то правда, — согласился Капайм. — Оно, похоже, обладает иммунитетом к болезни, которую принесло в Айген, Керун, Телгар и Исту.

— Но как же могло кого-то заразить животное, запертое в клетке? — тощий лорд явно начал горячиться.

— Ни в Айгене, ни, тем более, на корабле, когда зверек так ослабел от голода и жажды, что едва мог шевелиться, никто не думал сажать его в клетку. А в Керуне мастер Суфур держал его в большом вольере. В общем, у него было вполне достаточно возможностей заразить сотни людей.

При одной мысли о том, сколько человек успело подержать в руках этого зверька, мастера охватило отчаяние. А тут еще, как назло, Встреча! Проследить всех, кто пришел посмотреть диковину, всех, кто гладил его, всех, кто трогал, а потом вернулся обратно в свой холд, отмеченный смертельной заразой!.. Нет, проследить их всех не смогла бы даже целая армия лекарей!

— Но... Но... Я только что получил целый табун скакунов из Керуна!

— Я знаю, лорд Рейтошиган, — вздохнул Капайм. — Мастер Куитрин сказал мне, что те двое умерших как раз и занимались с керунскими кобылами. А еще он сообщил о болезни в холде, где табун останавливался на ночь.

Рейтошиган и Ш'гал, похоже, понемногу начинали

понимать всю серьезность происходящего.

— А до конца Прохождения еще шесть Оборотов, — прошептал Ш'гал.

— Вирусу наши проблемы так же безразличны, как и Нитям, — напомнил Капайм.

— Но ведь у вашего Цеха такие богатые Архивы! Покопайся в них! Нужно только как следует поискать!

— Изучение Архивов началось сразу же, как я увидел списки умерших в морском холде Айген, — Капайм поднял голову и пристально посмотрел на раздраженного владельца Болла. — Теперь — вот что ты должен сделать, лорд Рейтошиган...

— Д о л ж е н ? Я ?

— Да, лорд Рейтошиган, ты д о л ж е н ! Ты пришел узнать мой диагноз. Я сказал, что началась эпидемия. В этой ситуации я, как Главный мастер целителей Перна, отвечаю за все, что происходит в каждом холде, мастерской или Вейре, — Капайм покосился на Ш'гала, чтобы удостовериться, что тот тоже его слушает. — И я приказываю тебе немедленно объявить барабанами карантин и в этом холде, и в том, где твои табунчики останавливались на ночлег. Никто теперь не имеет права выходить за ворота. И внутри — никаких скоплений народа...

— Но надо собирать фрукты...

— Ты будешь собирать не фрукты, а больных — и людей, и животных! Соберешь и обеспечишь им надлежащий уход. Мы с мастером Куитрином обсудили методы лечения. Придется идти опытным путем... терять людей, выжимая крохи знаний из их смерти... Ничего другого не остается, раз уж целебные травы оказались совершенно неэффективными. Вели своим слугам, лорд, приготовить для больных главный зал...

— Мой зал?! — подобное предложение вызвало у Рейтошигана откровенный ужас.

— А затем ты освободишь новые конюшни, чтобы разместить людей хоть немного посвободнее. А то у тебя они спят буквально на голове друг у друга.

— Я так и знал, что ты опять привяжешься с этим! — Рейтошиган просто кипел от ярости.

— На свою беду ты скоро поймешь, что требования лекарей были совсем не так бессмысленны, как тебе казалось! — Капайм больше не мог сдерживаться. — Ты постарайся изолировать больных и организуешь за ни-

ми уход! Это твой долг! Или к концу Прохождения в твоём холде не останется ни одной живой души!

Ошеломленный Рейтошиган не знал, что ответить. А Капайм уже повернулся к Ш'галу.

— Отвези меня в Форт Холд. Я должен вернуться к себе. И чем быстрее, тем лучше. Да и тебе не стоит терять времени — надо как можно скорее оповестить Вейр.

Ш'гал заколебался, но дракона все-таки не вызвал.

— Предводитель!

Ш'гал сглотнул.

— А ты трогал эту тварь? — настороженно спросил он.

— Нет, не трогал. Талпан меня предупредил.

Краем глаза Капайм заметил, как побледнел Рейтошиган.

— Ты не должен улетать, мастер Капайм! — вскричал лорд, хватая целителя за руку. — Я касался животного, и я тоже могу умереть!

— Вполне вероятно. Ты отправился в Исту потыкать палкой в запертого в клетке зверька. А теперь он неожиданно мстит за твою жестокость!

Раскрыв рты, Ш'гал и Рейтошиган глядели на всегда такого сдержанного и вежливого мастера целителей.

— Но что же мне делать, мастер Капайм? Что мне делать?

— То, что я сказал. Через два или три дня станет ясно, заразился ты или нет. А пока я советую побыстрее реорганизовать жизнь в холде.

Жестом Капайм велел Ш'галу вести его во двор, где их дожидался бронзовый дракон. В предрассветном мраке мягко светились большие глаза великолепного Кадита.

— Драконы! — Ш'гал замер, словно налетев на стену. — Драконы могут заразиться или нет?

— Талпан сказал, что нет. Поверь мне, Предводитель, этот вопрос волновал его не меньше, чем тебя.

— Ты уверен?

— Талпан в этом не сомневался. Скакуны болеют, и очень серьезно, а остальной скот — нет. Ни птицы, ни стражи, дикие и домашние, не подвержены мору, хотя они имели контакт с разносчиком инфекции и в морском холде Айген, и в скотоводческом холде Керун. А раз драконы происходят от...

— Ну уж не от стражей!

Капайм не стал спорить, хотя среди представителей его ремесла эта родственная связь не вызывала особых сомнений.

— Дракон, на котором этого зверька перевезли из Айгена в Керун, не заболел, хотя с тех пор прошло уже больше десяти дней.

Ш'гала этот довод, похоже, не убедил, но больше спорить он не стал.

Возможность летать на драконах Капайм считал одной из самых приятных своих привилегий. Он уселся за спиной Ш'гала, и Кадит немедленно взмыл в воздух. Этот миг всегда казался мастеру целителей восхитительно прекрасным, но сейчас он не замечал ничего — все его мысли были заняты тем, что предстояло сделать в ближайшие часы.

Талпан обещал установить в Исте карантин, передать предупреждение дальше на восток и изолировать всех, кто мог заразиться во время Встречи. Еще он собирался проследить судьбу скакунов, покинувших холд за последние восемнадцать дней. Капайму же предстояло оповестить запад и организовать поиски в Архивах. Завтра кожа на барабанах задымится — так много сообщений полетит во все стороны. Но прежде всего мастера заботил Руат. Всадники, побывав на Встрече в Исте, полетели затем потанцевать и выпить вина на руатанской Встрече. Если бы только Капайм не уснул! Он упустил такое драгоценное сейчас время! Время, за которое можно было попытаться остановить распространение инфекции.

Тихое предупреждение Ш'гала, Капайм покрепче схватился за ремни — и они ушли в Промежуток. «Интересно, — мелькнула мысль у мастера целителей, — может, ужасный холод Промежутка убивает вирус?»

Мгновение, и вот они уже парят над Форт холдом, и мягко садятся на поле у главного входа. Ш'гал явно не собирался оставаться в обществе Капайма дольше, чем это было необходимо. Дождавшись, пока целитель спустится на землю, он попросил его еще раз повторить инструкции.

— Передай Берчару и Морите, чтобы наблюдали за симптомами. Если мы найдем эффективное средство, я сразу же сообщу. Инкубационный период — от двух до четырех дней. Кое-кто выживет. Попытайтесь установить, где и когда находились ваши всадники, — свобода

передвижений теперь оборачивалась против нас. И не собирайтесь вместе...

— Но как же во время Падения?!

— Конечно, у Вейров есть свой долг перед народом Перна... Ну, тогда хотя бы сведите контакт с наземными группами до минимума.

Благодарно потрепав Кадита по могучему плечу, Капайм повернулся к мастерской, а бронзовый дракон распустил крылья и, подпрыгнув, взмыл в небо.

Мастер следил за драконом и всадником, пока они не исчезли в Промежутке; затем, спотыкаясь, побрел дальше к своему Цеху, туда, где его ждала такая вожделенная сейчас постель. Но прежде он собирался составить послание в Руат.

В воздухе пахло сыростью. Наверно, скоро поднимется туман. Во дворе Форт холда и на дороге, что вела к мастерским арфистов и целителей, Капайм не встретил ни души. Пройдя по полутемным коридорам, он свернул в сторону Архива. А ведь до его комнаты и кровати в ней — о, блаженство сна! — было рукой подать.

Его встретил громкий храп. Удивленный мастер заглянул в библиотечный зал, узрев там двух учеников. Оба спали; один — положив голову на стопку Записей, которые он, видимо, читал перед тем, как его сморил сон; другой — уютно пристроившись у стенки. Капайм хотел было разбудить их, но передумал. Уже утро, и скоро сюда придет мастер Фортин. Уж он-то мигом растолкает этих юнцов и наставит их на путь истинный! Хорошая трепка и немного отдыха при кухне пойдут им только на пользу. А у него... у него уже нет сил отвечать на вопросы, которые наверняка последуют, стоит их разбудить.

Капайм тихонько взял со стола кусок хорошо выделанного пергамента и набросал на нем краткое послание старшему барабанщику — все, что требовалось передать в Вейры и крупные холды. Оттуда сообщение дойдет до мелких поселений и мастерских. Он оставил записку на столе Фортина; помощник увидит ее сразу после завтрака... а завтракает он рано. Так что еще до полудня весть об эпидемии распространится по всему Перну.

Провожаемый заливистым храпом, Капайм побрел в свою комнату. Он еще успеет немного поспать до того, как грохнут барабаны. Вполне возможно, что ему их даже

не слышать — так он устал. По крутым ступенькам мастер поднялся на второй ярус и открыл дверь своей комнаты.

У кровати горел светильник, на столике — чаша с фруктами и кувшин вина. Десдра! В который уже раз он был благодарен ей за предусмотрительность и заботу. Швырнув в угол сумку, Капайм тяжело рухнул на постель. Снимать башмаки — непосильный труд, но ничего не поделаешь, надо. Он расстегнул ремень, хотел стянуть тунику... нет, на это сил уже не было. Распластавшись на спине и уже засыпая, он дернул край заботливо приготовленного теплого покрывала. Какое же это счастье — преклонить голову на подушке!

Капайм застонал. Он оставил сообщения для барабанщиков. Фортин поймет, что Главный мастер вернулся, но не будет знать, когда. И полезет к нему в комнату... А ему так надо выспаться! Без этого он просто не мог. Последние несколько дней он мотался по всему Перну, из конца в конец. Если так пойдет дальше, он сам станет очередной жертвой эпидемии, заболеет и умрет, так ничего не успев сделать.

Шатаясь, Капайм встал с постели и подошел к столу.

«Не будить!!!» — крупно написал он, и держась рукой за стенку, повесил записку на самом видном месте.

Только теперь он мог позволить себе раствориться в блаженном забытии. Постель покачивалась под ним, словно взлетающий в небо дракон, и взмахи бронзовых крыльев баюкали Капайма, Главного мастера целителей, надежду Перна.

*Год 1543, одиннадцатый день третьего месяца;
Форт Вейр*

Когда ее разбудили, Морита не сомневалась, что проспала всего несколько минут.

«Ты спала два часа, — прошелестел у нее в голове голос Орлита, — Кадит словно обезумел».

— Почему? — спросила всадница, чувствуя, что не в силах оторвать голову от подушки.

Голова-то хоть не болела, не то, что ноги. Морита не могла догадаться, с чего вдруг у Ш'гала плохое настроение; впрочем, сейчас это ее не слишком интересовало.

«Появилась новая болезнь, — с удивлением в голосе пояснила Орлита. — Ш'гал отправился посмотреть, как дела у К'лона, и разбудил его».

— Разбудил К'лона? — раздраженно переспросила Морита, натягивая первую попавшуюся под руку тунику.

Одежда была немного сыроватой — видимо, погода успела измениться.

«Над Вейром стоит легкий туман», — услужливо сообщила Орлита.

— Чего ради он разбудил К'лона? — не унималась всадница, продолжая одеваться. — К'лон болен, и ему надо отдыхать.

«Ш'гал уверен, что К'лон принес в Вейр болезнь, — Орлита, похоже, сама удивилась такому предположению. — К'лон был в Айгене».

— К'лон часто летает в Айген. У него там друг. Зеленый всадник.

Морита умылась холодной водой и потерла зубы мятной палочкой, но лучше чувствовать себя не стала. Пригладив ладонью волосы, она взяла с тарелочки на столе зеленый плод. Может, кислый сок недозревших фруктов принесет облегчение после обильных возлияний бенденского вина.

— Морита! — голос Ш'гала эхом отозвался в низком коридоре, что вел в королевский вейр.

Она успела еще ласково потрепать свою золотую пошее, когда, размахивая руками, в вейр ворвался Предводитель. Орлита заморгала и закрыла глаза, делая вид, будто спит.

— Болезнь по всему Перну! Умирают люди, а исцеления нет. И скакуны тоже умирают. Никто не должен покидать Вейра!

Он даже побледнел от страха.

— Но, Ш'гал, — возразила удивленная Морита. — Завтра же Падение! Всадникам все равно придется вылететь.

— Не подходи ко мне! Я мог заразиться!

— Почему бы тебе не рассказать все с самого начала? спокойно предложила она.

— Животное, которое показывали в Исте... из-за него началась страшная болезнь. Это настоящая эпидемия. Больные и в Исте, и в Керуне, и в Телгаре. Даже в Южном Болле! В холде лорда Рейтошигана умерло уже несколько человек! Мастер Капайм объявил карантин. Везде! И у нас тоже.

— Ты сказал, что скакуны тоже болеют? — голос Мориты дрогнул, и она со страхом покосилась на Орлиту. — А драконы? — Что, если... она ведь трогала того бегуна, умершего на скачках... что, если она заразила Орлиту...

— Нет, нет, драконы не болеют. Капайм и Талпан — они оба так считают. А того зверька убили. Он вовсе не выглядел больным!

— Объясни мне теперь, пожалуйста, каким образом могли заболеть люди в Южном Болле, если животное все время находилось в Исте?

— Я же сказал, что это эпидемия! Все началось с того, что моряки выудили из воды эту тварь, напоминающую кошку. И привезли домой. Всем хотелось на нее поглядеть. Ее показывали и в Айгене, и в Керуне, и в Исте... пока Талпан не догадался, что она — разносчик инфекции. Да, да, Капайм так и сказал: разносчик инфекции!

— И эту кошечку демонстрировали на Встрече?

— Никто же ни о чем и не подозревал! Вплоть до того момента, как этот Талпан объяснил Капайму, что к чему. Он же побывал во всех холдах, где началась эта новая странная болезнь.

— Кто побывал, Талпан?

— Да нет же, Капайм, конечно! Талпан лечит животных.

— Я знаю, — видя, в каком состоянии находится Ш'гал, Морита всеми силами старалась сохранить спо-

койствие. — Но на Встрече в Руате ни о чем подобном даже и не упоминалось!

— Естественно, не упоминалось! — не унимался Ш'гал. — Тогда еще никто не знал, в чем дело. Кроме того, кому охота говорить о всяких неприятных вещах во время праздника. Но я только что отвез Капайма в его мастерскую. А до того мне пришлось отвезти Рейтошигана и Капайма в Южный Болл — лорду передали сообщение по барабанной связи. Просили, чтобы он срочно вернулся — в холде было несколько смертей. У него там новый табун из Керуна... Скорее всего, проклятые кобылы и принесли болезнь на запад, — Ш'гал нахмурился. — Капайм говорит, что если я не трогал ту тварь, то может и не заболел. Я просто не могу заболеть! Ведь я — Предводитель Вейра.

Морита окинула Ш'гала настороженным взглядом. Он был необыкновенно бледен, а губы прямо-таки посинели от холода. Из-под плема выбивались влажные волосы.

— Выглядишь ты, надо сказать, плохо.

— Со мной все в порядке! Все в порядке! Я только что искупался в Ледяном Озере. Капайм думает, что эта болезнь похожа на Нити. Нити не переносят ни холода, ни воды.

Подхватив шерстяной плащ, валявшийся на кресле — там, куда она сбросила его всего каких-то пару часов назад, Морита решительно направилась к Ш'галу.

— Не подходи ко мне! — воскликнул тот, отступая к стене.

— Не будь идиотом! — прикрикнула Морита, накидывая на него плащ. — Быстро надевай, если не хочешь простудиться. Простуда сделает тебя более подверженным заболеванию. В жизни не слышала о большей глупости — нырнуть в Ледяное Озеро, да еще до восхода солнца, а потом путешествовать через Промежуток! Садись-ка, выпей вина и расскажи подробно, что произошло на Встрече в Исте. И куда вы с Капаймом направились потом. И что он сказал.

Она слушала рассказ Ш'гала в пол-уха, перебирая в голове меры предосторожности, которые следовало предпринять.

— Ничего хорошего с южного континента прийти не могло, — между тем продолжал Ш'гал. — Наверняка есть очень веские причины, по которым предки наложили на него запрет.

— Никто не интересуется югом, — заметила Морита. — Предки, перебравшись на северный материк, все необходимое взяли с собой. Но ты не сказал, каковы симптомы заболевания. — Словно наяву, она увидела перед собой окровавленный нос погибшего скакуна.

Ш'гал смотрел на нее безумными непонимающими глазами. Усилием воли собравшись с мыслями, он ответил:

— Жар. Точно, жар.

— Жар тоже бывает разный.

— Ну, это, наверно, знает Берчар. Капайм сказал: жар, головная боль и сухой кашель. Но как такая мелочь может убить человека?

— Как Капайм советует проводить лечение?

— Да как же он может говорить о лечении, если даже не представляет, что это за болезнь? Но я думаю, они скоро узнают. Надо только как следует поискать в Архивах. Да, он еще просил понаблюдать за симптомами.

— Он что-нибудь говорил об инкубационном периоде? Не можем же мы устроить в Вейре карантин навечно!

— Это я понимаю. Но Капайм велел передать, чтобы мы избегали скопления народа. Он даже устроил изрядную трепку Рейтошигану за скученность, в которой живут его люди, — Ш'гал криво усмехнулся. — Мол, мы вас предупреждали, но вы не слушали. Теперь будете за это расплачиваться.

— Ш'гал, Капайм наверняка упоминал, какой период инкубации у этого нового заболевания.

— Я устал, — Предводитель Вейра допил вино, нахмурился и потер ладонью лоб. — Я полночи дожидался Капайма. Он сказал, что инкубационный период составляет от двух до четырех дней. Он велел мне выяснить, кто где был в последние дни, и настоятельно советовал не собираться в кучу. Но у Вейра есть свои обязанности. Мне надо поспать. Раз уж ты встала, оповести о карантине остальных. Только не надо рассказывать лишнего, — он пристально поглядел на Мориту. — Мне бы не хотелось, чтобы люди ударились в панику.

— Борьба с эпидемией — тяжелое дело... куда серьезней, чем успокаивать всадника, дракон которого повредил крыло.

— Найди Берчара. Я должен знать, чем болен К'лон.

Сам он ничего сказать не может, а Берчар куда-то пропал. — Ш'гал явно не одобрял такого поведения целителя.

— Я поговорю с ним, — сказала Морита, ничуть не сомневаясь, что найдет лекаря в вейре зеленого всадника по имени С'гор.

— И предупредишь Вейр? — шатаясь от усталости и выпитого на пустой желудок вина, Ш'гал поднялся на ноги. Пусть ни одна живая душа не высунет носа наружу... и к нам никого не пускать! Позаботься, чтобы дежурный всадник передал мой приказ сменщику.

— Не слишком ли поздно кричать «Нити!», когда они уже зарылись в землю, — с горечью произнесла Морита. — Надо было отменить все Встречи.

— Вчера никто еще не представлял, насколько серьезно положение.

Поплотнее завернувшись в теплый плащ, Ш'гал вышел из вейра. Морита глядела ему вслед, мучаясь тьмой невысказанных вопросов. Почему в самом деле не отменили Встречи? Подумать только, сколько людей пришло в Руат! И всадники из всех Вейров! Многие еще перелетали из Руата в Исту и обратно! Что там ей говорил С'перен? Болезнь в Айгене, Керуне и Телгаре? Но он ничего не говорил об эпидемии... И о смертях! А тот скакун Вандера? Алессан вроде упоминал о новом бегуне, привезенном Вандеру из Керуна? Вспомнив огромные толпы зрителей на скачках, Морита даже застонала. Как много людей! И этот умерший скакун! Скольких он успел заразить в миг своей смерти, когда вокруг него собрались обеспокоенные наездники, конюхи и просто любопытные. Ей нельзя было вмешиваться! Это не ее дело!

«Ты расстроена, — прозвучал в голове бесплотный голос Орлиты. — Разве стоит расстраиваться из-за скакуна?»

Морита обняла свою королеву, прижалась к ней, чувствуя, как раздражение и страх постепенно сменяются спокойной решимостью.

— Дело не в скакуне, любовь моя, — пояснила она королеве. — Мы столкнулись с неведомой болезнью. И очень опасной. Ты случайно не знаешь, где Берчар?

«У С'гора, спит. Еще очень рано. И сегодня, между прочим, туман».

— А вчера был такой хороший день! — воскликнула

Морита, вспоминая крепкие руки Алессана, что поддерживали ее в танце, его зеленоватые глаза, в которых горел вызов.

«Ты хорошо повеселилась», — с удовлетворением отметила Орлита.

— Да, — согласилась всадница, — неплохо.

«Ничто не может изменить вчерашний вечер, — философски отозвалась королева. — А теперь тебе надо решать проблемы сегодняшнего утра».

Этот образчик драконьей логики вызвал у Мориты улыбку. Между тем, ее золотая продолжала:

«Раз уж ты встала, поговори с Лери».

— Да, возможно, Лери слышала об эпидемии, похожей на эту. Во всяком случае, она посоветует, как сообщить о случившемся Вейру — да еще накануне Падения.

Ее плащ унес Ш'гал, и Морита, продрогнув, натянула толстую летнюю тунику. Насчет погоды Орлита, как всегда, не ошиблась. Завтра с неба посыплются Нити — есть туман или нет, им все равно. Морита надеялась от всей души, что туман, окутавший ее со всех сторон, скоро разойдется. Если ветер не развеет его, опасности, поджидавшие людей, возрастут. Драконы-то могут видеть сквозь туман, а вот их всадники...

— Орлита, передай стражу у Звездных Камней, что сегодня Форт закрыт для всех — и для всадников из других Вейров тоже. Еще скажи, что никто не должен покидать чаши. Это приказ. И пусть часовой объявит его тому, кто следующим заступит на дежурство.

«Да никому в голову не придет прилететь в Вейр в такой туман, — ворчливо заметила Орлита. — Особенно на следующий день после двух Встреч!»

— Орлита!

«Я передала твой приказ. Балгету слишком хочется спать, и он даже не спросил, с чего это вдруг такие строгости...»

— Добрый день, Холта, — вежливо поздоровалась Морита, входя в покои старой Госпожи Вейра.

Холта слегка повернула голову, отвечая на приветствие, а затем, закрыв глаза, вновь положила ее на сложенные передние лапы. Престарелая королева от возраста стала почти бронзовой.

Рядом с ней на краю каменного возвышения, служившего королеве ложем, среди груды подушек, завер-

нувшись в толстые шерстяные одеяла, сидела Лери. Она утверждала, что спит рядом со своим драконом не только ради тепла, запасенного Холтой за бесчисленные дни, проведенные на солнцепеке, но и чтобы поменьше ходить. Последние несколько Оборотов суставы доставляли старой Госпоже одни неприятности. Снова и снова Морита и мастер Капайм передавали ей приглашение перебраться на юг, в Вейр Иста. И раз за разом Лери упорно отказывалась, заявляя, что не может, как пещерная змея, менять кожу. Она, мол, родилась в Форт Вейре, и намерена прожить в нем в окружении друзей до конца дней своих.

— Я слышала, ты отлично провела время, — сказала Лери, вопросительно поглядывая на Мориту. — Вернулась в Вейр только на рассвете. Ш'гал поэтому ругался, да?

— Он не ругался. Он плакался. На Перне началась эпидемия.

— Что? — улыбка исчезла с лица Лери. — На Перне еще никогда не бывало эпидемий, — озабоченно сказала она. — Во всяком случае, я о таком еще не слыхивала. И не читала.

Вынужденная сидеть на одном месте, Лери взяла на себя обязанности по ведению Архивов Вейра. Благодаря этому у Мориты оставалось чуть больше времени на медицинскую практику. Лери частенько просматривала старые записи — как она говорила, «для интереса».

— А я надеялась, что ты где-то читала о подобных событиях. Что-нибудь, дающее нам надежду. Ш'гал просто вне себя, и сейчас у него есть для этого все основания.

— Может, я просто не дошла до таких интересных моментов нашей истории, как эпидемии, — кинув Морите одну из своих подушек, Лери величественным жестом указала молодой Госпоже на приготовленный для посетителей деревянный стул. — Большой частью мы здоровый народ. Порой ломаем кости, бывают ожоги от Нитей, иногда простуда, но ничего в глобальном масштабе. И что же это за новая болезнь?

— Даже мастер Капайм пока не знает.

— С каждой минутой мне это нравится все меньше и меньше, — заметила Лери. — И, клянусь Яйцом, вчера прошла сразу две Встречи!

— Тогда еще никто не знал об эпидемии. Никто не думал, что это так опасно. Мастер Капайм и Талпан...

— Твой старый знакомый Талпан?

— Ну да, он лечит животных. Так вот, он первый догадался, что зверек, которого показывали в Исте, является разносчиком инфекции.

— Животное с южного континента? — Лери покачала головой. — И какой-то дурак таскал эту зверюгу туда-сюда, и еще невесть куда, демонстрируя ее всем, кому не лень. А теперь болезнь и тут и там, и еще невесть где. А еще всадники, включая и нашего благородного Предводителя, все полные любопытства, слетелись поглазеть на невиданную диковину!

— Рассказ Ш'гала был несколько бессвязным, но насколько я смогла понять, он отвез лорда Рейтошигана в Исту посмотреть на этого зверька, а Капайм прибыл туда после поездки по охваченным болезнью Айгену, Керуну и Телгару... Потом Рейтошиган получил срочное сообщение по барабанной связи... его вызывали домой из-за разразившейся там болезни. В итоге Ш'гал отвез и его, и мастера Капайма в Южный Болл.

— Как же болезнь туда добралась? И так быстро! Животное-то в Болл не возили!

— Это так, но сперва его отправили в Керун, к мастеру Суфуру. Думали, он знает, что это за зверь. Никто же не подозревал, что оно заразное...

— А поскольку зима стоит теплая, керунцы рассылают табуны по всему континенту, — закончила за нее Лери.

— Талпан сказал Капайму, что драконы заболеть не могут.

— Нам следует быть благодарными провидению хотя бы за это, — отозвалась Лери.

— А завтра Падение. Тут мы пока можем не беспокоиться. Инкубационный период заболевания от двух до четырех дней.

— Ну, хотя бы это... Но ведь ты не была в Исте?

— Зато Ш'гал был. Кроме того, во время второго заезда в Руате погиб скакун... довольно странная смерть, мне кажется.

— И ты, конечно, находилась рядом, не так ли?

— Находилась, хотя и не стоило бы. А владелец того бегуна, между прочим, только что получил из Керуна нескольких животных.

— Ну и дела, — Лери тяжело вздохнула. — И какое же лечение рекомендует мастер Капайм? У него навер-

няка есть какая-нибудь идея — не зря же он мотался по всему континенту.

— Он рекомендует наблюдать симптомы. Делать выводы. Во всяком случае, до тех пор, пока он не найдет более эффективных средств.

— Какие же симптомы?

— Жар, головная боль и сухой кашель.

— Но от них не умирают.

— Не умирали до сих пор.

— Что-то не нравится мне все это... — протянула Лери, поплотнее укутываясь в шаль. — Но не будем забывать слов арфиста, когда-то гостившего у нас... Л'мал всегда считал его песни слишком печальными... этот парень любил повторять: «ничто не ново под луной». В данных обстоятельствах его слова вселяют некоторую надежду. Не стоит, наверно, отказываться даже от самого малого шанса. Пришли-ка мне старые Архивы... скажем, те, что начинаются с прошлого Прохождения. Хорошо еще, что я сегодня утром никуда не собиралась. — Последний Оборот Лери практически не покидала свой вейр, и Морита, оценив юмор, благодарно улыбнулась.

— Ш'гал предоставил тебе оповестить Вейр?

— Тех, кто проснулся. И Нессо...

— Точно, — фыркнула Лери. — С нее-то и следует начать. Объясни ей все как следует, а не то столкнешься не только с похмельем, но и с истерией. И раз уж ты все равно встала, может, приготовишь мне вина? Морита, ну пожалуйста... От этой проклятой погоды у меня все так и болит, — и видя, что Морита колеблется, старуха добавила: — Кроме того, если ты сама сделаешь смесь, то будешь точно знать, сколько же снотворного я принимаю.

Морита старалась ограничивать Лери в снотворном и утверждала, что стоит старой госпоже перебраться на юг, как ее состояние тут же улучшится и от половины лекарств можно будет отказаться.

Но на сей раз она не колебалась. Уж если у нее самой ломит кости от холода и сырости, то Лери явно пришлось не сладко.

— Расскажи, как прошла Встреча, — попросила старая всадница, пока Морита отмеряла снотворное — экстракт из плодов лунного дерева — в высокий высокий кубок.

— Мне очень понравилось. Я была на скаковом поле, а за скачками наблюдала вместе с лордом Алессаном.

— Что я слышу? Ты присвоила себе юного Алессана — в то время, когда его мать и матери всех невест, способных добраться до Руата...

— Он выполнил свой долг на танцевальной площадке, — усмехнулась Морита. — Мы с ним, — ее улыбка стала еще шире, — сумели выдержать до конца.

— Алессан и впрямь приятный юноша, — улыбнулась в ответ Лери. — Видимо, он уже оправился после смерти первой жены. Печальная история... А вот его дед, отец Лифа... Ах нет, ты наверняка уже об этом слышала. — Морита понятия не имела, что имеет в виду Лери, но спрашивать было совершенно бесполезно. — Я никогда не упускаю возможности поболтать с Алессаном — например, когда наземные группы отчитываются об уничтоженных Нитях. У него всегда есть про запас фляжка бенденского вина.

— Правда? — заинтересовалась Морита.

— Только не говори, что он и с тобой провернул тот же самый номер, — расхохоталась Лери. — Впрочем, у меня тут случайно завалялся мех бенденского... — и увидев реакцию Мориты на эти слова, она засмеялась еще веселее. — У него, похоже, полная кладовая этого вина. Я рада, что Лиф выбрал наследником Алессана... Он куда умнее, чем его старший брат... никогда не могла запомнить как их зовут. Алессан стоит трех таких, как он. Ты знаешь, что его избрали во время Поиска?

— Да, и лорд Лиф не разрешил ему покинуть холд, — Морита нахмурилась. — Из него получился бы отличный бронзовый всадник.

— Ну, если парню предстояло унаследовать холд, то лорд Лиф был вправе его не отпустить. Это произошло почти двенадцать Оборотов назад. Еще до того, как ты здесь появилась... Мне тоже кажется, что он бы запечатлел бронзового... Твое здоровье, — провозгласила Лери, поднимая переданный ей Моритой кубок. — Гм-м-м... Отдохнула бы ты сегодня... Два часа сна — это мало, особенно если завтра Падение, а всадники наверняка будут делать всякие глупости после двух Встреч накануне, не говоря уже о нервозности из-за этой неведомой болезни.

— Мне еще надо кое-что сделать... Но потом я отдохну.

— Иногда я сомневаюсь, правильно ли мы с Л'малом поступили, так загрузив тебя лекарской работой...

— Да! — хором ответили Морита и обе королевы.

— Ну вот, заставляешь меня задавать глупые вопросы...

— Ладно, скажи лучше, какие именно Записи тебе принести?

— Самые старые, какие только найдешь. Лишь бы их еще можно было прочитать...

Туман плыл по ущельям, затягивая все вокруг серой промозглой пеленой. Морита поежилась. Даже прожив тут десять Оборотов, она по-прежнему недолгоблизилала эти северные туманы; впрочем, на юге, в Исте, ее угнетала постоянная сырость. Она привыкла к прохладе Керуна. Интересно, там, в предгорьях, болезнь свирепствует так же, как на равнине? И распознал ее не кто иной, как Талпан! Как странно, что она как раз вчера его вспоминала. Может, теперь они встретятся?

Тряхнув головой, Морита стала спускаться в чашу. Сначала ей надо повидать К'лона. Потом встретиться с Берчаром, даже если для этого ей придется без приглашения забраться в вейр С'гора.

Добравшись до лазарета, она обнаружила, что К'лон крепко спит — спокойный, здоровый сон, на лбу и на верхней губе — ни капельки пота. Морита не стала его будить, и вышла, тихонько прикрыв за собой дверь.

В чаше суетились ученики, готовя все необходимое к завтрашнему Падению. До нее долетали их смех и веселые крики, приглушенные туманом. Надо найти наставника Ф'нелдрила, решила всадница, он должен знать, кто из учеников куда летал в последние дни. Несмотря на строжайший приказ не отклоняться от указанного маршрута, кое-кто мог не устоять и посетить Исту, поглядеть на никогда не виданного зверька.

— Давайте веселее, парни, — 'торопил учеников мастер Ф'нелдрил. — Сама Госпожа Вейра пришла посмотреть, как вы насыпаете в мешки огненный камень.

«У него, наверно, глаза на затылке», — решила Морита.

Еще мгновение, и рядом с ней из тумана возник сам наставник — один из ее самых первых друзей в Форт Вейре.

— С тобой все в порядке, моя госпожа? Орлита,

надеюсь, тоже чувствует себя хорошо? Время кладки приближается, не так ли?

— Да... Вылупятся дракончики, и у тебя появятся новые ученики. Будет кого пошпынять.

— Пошпынять?! — изображая смертельную обиду, Ф'нелдрил ткнул себя пальцем в грудь. — Это я-то шпыняю?!

Но сейчас Морите было не до шуток.

— У нас беда, Ф'нелдрил.

— Кто?

— Нет-нет, на этот раз твои ученики ни при чем. На юге появилась новая болезнь... возможна эпидемия. Похоже, зараза добралась и к нам. Мне надо знать, кто из учеников куда вчера легал, куда отвозил своих пассажиров и как долго оставался в Исте. Скоро весь Вейр начнет отвечать на эти вопросы. Если мы хотим остановить эпидемию, не дать ей опустошить наш Форт, мы должны это знать.

— Можешь не беспокоиться, Морита. Я все выясню.

— Главное сейчас — не допустить паники... хотя ситуация и вправду чрезвычайно серьезная. Да, вот еще что: Лери хотела бы просмотреть самые старые Записи — ну, из тех, что еще можно читать. Проследи, чтобы ей их доставили.

— Чем же занимаются врачи-лечители и все их ученики, что нам приходится делать их работу?

— Чем больше народа ищет в Архивах упоминание о подобной болезни, тем быстрее оно будет найдено.

— Как только мои ребята кончат насыпать мешки и вымоются, они немедленно доставят Лери ее Записи. Не стоит посыпать книги каменной крошкой... Эй, М'барак! Я бы не назвал этот мешок полным! Досыпка его доверху!

Одним из маленьких недостатков наставника Ф'нелдрила являлась пунктуальность; он считал, что надо закончить одну работу, прежде чем браться за другую. Зато Морита могла не сомневаться, что Лери получит свои Записи. И весьма скоро.

Она прошла в Нижние Пещеры. Остановившись на минуту у входа, Морита подивилась, как мало всадников сегодня встали к завтраку. За длинными столами было пусто, а те, кто все-таки нашел в себе силы спуститься поест, явно мучились головной болью с похмелья.

«Как это все некстати! — подумала Морита с отчая-

нием, — проклятая эпидемия вслед за двумя Встречами!» Теперь половина всадников расценит новости как дурную шутку, а вторая половина еще даже не протрезвела настолько, чтобы понять, о чем идет речь. А завтра Падение! Как же ей оповестить Вейр, если никто не сможет ее понять?

«Ты сначала поешь, а там, наверно, что-нибудь придумаешь» — невозмутиво посоветовала ей Орлита.

— Отличная мысль, — согласилась всадница, подходя к маленькому очагу и наливая себе чашу кла. Выбрав на стоящем рядом противне булочку порумянее, она огляделась, выбирая, куда сесть. И тут увидела Петерпара, главного конюха Вейра. Он сидел и с унылым видом точил нож. Душа его явно не лежала к этой работе.

— Смотри не порежься, — тихонько сказала Морита, садясь рядом с ним. — Ты был в Исте или в Руате?

— И там, и там... в наказание за мои грехи. Пиво в Исте, а в Руате это мерзкое кислое вино из Тиллека.

— А ты видел в Исте ту странную кошку?

— Да, — Петерпар нахмурился, — там еще был мастер Талпан. Он посоветовал мне не приближаться к ней, хотя она сидела в прочной клетке. Между прочим, он передавал тебе привет. А потом, — Петерпар, похоже, не слишком-то доверял своей памяти, — они вроде бы ее убили.

— И неспроста, — кивнула Морита и объяснила, почему.

Петерпар слушал, открыв рот. К тому времени, как всадница закончила свой рассказ, он уже успел оправиться.

— Если нам суждено заболеть, — невозмутимо заявил он, продолжая точить нож, — значит, мы заболеем. А если нет — то останемся здоровым.

— Мы недавно получили табун, — сказала Морита. — Из какого они холда?

— Из Тиллека, — в голосе Петерпара явно звучало облегчение. — Слышал я в Исте, что в Керуне померло множество скакунов. Это что, та же самая болезнь? Морита молча кивнула.

— Слушай, как могла кошка с южного материка заразить нас всех — и людей и скакунов?

— Мастер Талпан доказал, что виновата именно она. Судя по всему, ни у людей, ни у скакунов нет иммунитета

против этой безвредной для нее болезни.

— Значит, тот скаун в Руате, он тоже...

— Вполне вероятно.

— Тиллек не покупает скакунов в Керуне. Оно и к лучшему. Но как только я допью свой кла, я все-таки проверю всех наших животных, — он спрятал нож в ножны. — А драконы не могут заразиться?

— Мастер Талпан утверждал, что нет, — ответила Морита, вставая, — зато всадники — за милую душу.

— Ну, мы тут все крепкие парни, — гордо отозвался Петерпар, словно даже удивляясь, что Госпожа Вейра сама об этом не подумала. — Теперь мы станем осторожнее. Ты еще увидишь — из нас заболеют немногие! Об этом можешь не волноваться. Особенно учитывая, что завтра Падение.

«Никогда не угадаешь, кто и как тебя поддержит», — решила Морита. И однако, кое-в-чем Петерпар был прав: одна из причин выносливости всадников крылась в том, что они хорошо питались. Правильно составленная диета может предотвратить или ослабить болезнь. Изменение рациона в зависимости от времени года всегда являлось одной из самых важных обязанностей Госпожи Вейра. Оглядевшись, Морита заметила стоящую у очага Нессо. «Надо с ней поговорить, — подумала она, — а то будут обиды...»

— Нессо, мне бы хотелось, чтобы повара начали добавлять в пищу спирлик.

— Я уже сказала им об этом, — обиженно фыркнула Нессо. — А в утренних булочках был цитрон. Съешь и убедись сама. Лучше предотвратить болезнь, чем потом ее лечить.

— Значит, ты уже слышала об эпидемии?

— Когда тебя поднимают ни свет ни заря...

— Тебе что, Ш'гал рассказал?

— Он ничего мне не рассказывал. Он бродил тут вокруг очага, бормоча всякую всячину себе под нос и ничуть не заботясь о том, кто спит рядом.

Морита отлично знала, почему Нессо всегда дежурит в ночи Встреч. Снедаемой неуемным любопытством женщине доставляло удовольствие следить, кто куда и когда отправляется.

— И кто еще в Вейре знает об эпидемии? — спросила Морита.

— Все, кому ты уже успела рассказать, — обиженно

ответила Нессо и косо поглядела на торопящегося к выходу из пещеры Петерпара.

— И что же ты услышала? — Морита отлично знала любовь Нессо к всевозможным слухам и сплетням, а также то, как часто переданная таким образом информация изменялась до неузнаваемости.

— Я слышала, что на Перне началась эпидемия, и что мы все умрем. — Нессо негодуя поглядела на Мориту. — Вздор чистой воды, если тебя интересует мое мнение.

— Но мастер Капайм объявил, что эпидемия и в самом деле началась.

— Ну, у нас-то ничего подобного нет и в помине! — возмутилась Нессо. — К'лон чувствует себя отлично — спит, как младенец, хотя его и подняли посреди ночи, чтобы он отвечал на всякие глупые вопросы. Это в холдах умирают от эпидемий. — Нессо с презрением относилась ко всем и каждому, живущему не в Вейре. — Да и чего еще можно ожидать, если набить целую толпу народа в каморку, где я не поселила бы даже стража порога! — Нессо взглянула на Мориту, и слова возмущения умерли у нее на устах. — Ты это серьезно? Я-то думала, Ш'гал просто немного перебрал. Ох ты! И все, почти все всадники побывали или в Исте, или в Руате!

Нессо, может, и любила посудачить, но глупой ее назвать было никак нельзя. Теперь она прекрасно понимала всю серьезность положения. Она покачала головой и, вытерев о передник половник, так яростно помешала превшую на огне кашу, что чуть не вывалила ее из котелка.

— И какие же симптомы болезни?

— Жар, головная боль и сухой кашель.

— Именно то, на что жаловался К'лон.

— Ты уверена?

— Ну, конечно! И если уж на то пошло, то К'лон и в самом деле чувствует себя хорошо. Мы тут в Вейре не отличаемся слабым здоровьем! — Нессо, похоже, гордилась этим фактом ничуть не меньше, чем Петерпар. — И, не считая тебя, к нему заходил только Берчар... Между прочим, я бы не стала сейчас рассказывать о симптомах: утром после Встречи головы болят почти у всего Вейра. Но если это и эпидемия, то лишь с тяжелого похмелья. — Еще раз решительно помешав кашу, она спросила: — Как скоро это заболевание проявляется у человека?

— Капайм говорил, что инкубационный период составляет от двух до четырех дней.

— Ну, тогда хоть о завтрашнем Падении можно не беспокоиться.

— Нельзя собираться большими группами, — сказала Морита. — А еще — никто не должен ни покидать Вейр, ни входить в него. Я уже передала приказ Ш'гала дежурному всаднику.

— Сегодня вряд ли кто соберется нас навестить — все-таки две Встречи накануне, да и туман... Тебе надо поговорить с Берчаром. Он в вейре С'гора.

— Я так и думала. Проследи, чтобы Ш'гала сегодня не беспокоили.

— Вот как? — брови Нессо удивленно взлетели. — Он что, решил, что уже заболел? А о том, что завтра Падение, он не забыл? Что мне сказать, если его будут спрашивать?

— Отсылай всех ко мне. Он не болен. Просто двое суток возил по холдам мастера Капайма и смертельно устал.

На том они и расстались. Выспавшись, Ш'гал наверняка оправится от страха и с радостью вылетит сражаться с Нитями.

Морита вышла из Нижних Пещер. Снаружи по-прежнему клубился туман.

— Орлита, свяжись с Малтой и попроси ее подбросить меня до ее вейра.

«Я тебя отвезу».

— Я знаю, что ты это можешь, любовь моя. Но тебе скоро откладывать яйца, а туман такой густой... кроме того, обратившись к ним с такой просьбой, я заблаговременно предупреждаю их о моем прилете.

«Малта сейчас прилетит».

Что-то в том, как Орлита это сказала, заставило всадницу подумать, что зеленая не слишком охотно откликнулась на просьбу Госпожи Форт Вейра. Странно, Малта должна бы знать, что Морита не стала бы беспокоить ее понапрасну...

«Малта это знает», — быстро сообщила Орлита, явно намекая, что все дело здесь во всаднике.

Не успела королева договорить, как туман рядом с Моритой забурлил и в двух шагах от нее появился зеленый дракон.

— Орлита, передай мою благодарность. И похвали за точность посадки.

«Уже сделано».

По услужливо подставленной ноге всадница вскарабкалась на спину Малты. Она всегда чувствовала себя как-то странно, когда летала не на своей огромной королеве, а на других, более мелких драконах. Смешно думать, будто Малте может быть тяжело, но Морита ничего не могла с собой поделать.

Выждав мгновение — пока всадница устроится поудобнее — Малта легко взмыла в воздух. Хотя Морита целиком и полностью доверяла зеленой, тем не менее по спине пробежал холодок. Туман все-таки, ничего не видно...

«На мне ты бы не волновалась, — обиженно заметила Орлита. — И пусть мне скоро откладывать яйца, я еще не настолько неуклюжая...»

— Я знаю, любовь моя.

Мягкий, едва заметный толчок возвестил об окончании пути. Они приземлились перед вейром.

— Спасибо, Малта! — громко сказала Морита — еще одно предупреждение тем, кто находится внутри вейра.

Спрыгнув с дракона, всадница быстрым шагом направилась к входу.

— Сюда нельзя! — плечистая фигура С'гора загрозила ей дорогу.

— Слушай, С'гор, я не собираюсь стоять на пороге, особенно в такую сырость. Вы же знали о моем прилете заранее.

«С'гор, — решила Морита, — выбрал не самое лучшее время стесняться».

— Дело в том, что Берчар заболел. Ему ужасно плохо, и он велел никого к нему не пускать.

— Все равно мне необходимо с ним поговорить, — решительно сказала Морита и, шагнув мимо отступившего в сторону С'гора, вошла в вейр.

Она подошла к спальне, но тут С'гор вновь ее остановил.

— Не надо, — попросил он, — все равно ты ничего от него не узнаешь. Он без сознания. И ко мне тоже не прикасайся... Я наверняка заразился. — В наступившей тишине явственно раздавались тихие стоны Берчара.

Не раздумывая, Морита отодвинула занавеску и вошла в спальню. Даже в тусклом свете масляной лампы было видно, как страшно болезнь преобразила молодого

лекаря. Он осунулся, черты его лица как-то странно заострились, а бледная до синевы кожа была покрыта крупными каплями пота. На столе рядом с кроватью стояла открытая сумка с лекарствами.

— Когда он заболел? — спросила Морита, разглядывая пузырьки.

— Вчера он чувствовал себя необычайно усталым — ужасная головная боль и все такое. Мы даже не полетели на Встречу, хотя и собирались... За завтраком он вроде бы выглядел совершенно нормально, и мы уже решили отправиться в Исту поглядеть на выловленного в море зверька, но тут у Берчара начались жуткие головные боли. Я, честно говоря, ему сперва даже не поверил...

— От головной боли он пил настойку сладкого корня?

— Нет. Он принял ивовый эликсир, — С'гор ткнул пальцем в наполовину пустой пузырек.

— А потом сладкий корень?

— Да, но только легче ему от этого не стало. К полудню у него начался жар, и он решил принять, — С'гор взял в руки маленькую бутылочку и прочитал: «аконит». Мне это показалось несколько странным; я ведь не раз помогал ему, и мне казалось, что аконит ему вовсе ни к чему. Но он сказал мне, чтобы я не смел спорить с лекарем... с ним, то есть... А сегодня утром он попросил дать ему настойку из листьев папоротника, в которую я должен был добавить десять капель сока из плодов лунного дерева. Он говорил, что у него все болит, и снотворное, дескать, поможет...

Морита глубоко задумалась. Аконит от головной боли и жара? Настойка из листьев папоротника и сок лунного дерева — это хотя бы понятно.

— У него был сильный жар?

— Он прекрасно понимал, что делает, если ты об этом...

— Ничуть не сомневаюсь. Он же искуснейший мастер, и нам повезло, что он поселился в Форт Вейре. Что еще он велел тебе делать?

— Никого к нему не пускать! — с вызовом заявил С'гор и с неприязнью поглядел на Мориту, сделавшую вид, будто ничего не замечает. — Неразбавленную настойку из папоротника каждые два часа, пока не спадет жар, и сок лунного дерева через каждые четыре.

— Он полагал, что заразился от К'лона?

— Берчар никогда не обсуждал со мной дела своих пациентов!

— На этот раз было бы лучше, если бы он все тебе рассказал.

— А что, К'лону стало еще хуже? — испуганно спросил С'гор.

Морита покачала головой.

— Когда у Берчара спадет жар, я бы хотела с ним поговорить. Позовешь меня, ладно? Это очень важно.

Она задумчиво посмотрела на Берчара. Если у К'лона была та болезнь, о которой сообщил мастер Капайм, то почему же он выжил? Почему не умер, как жители холдов на юге континента? Может, дело как раз и заключается в том, что это были жители холдов? Может, теснота и теплый климат способствуют протеканию болезни?.. Схватившись, она вновь повернулась к начавшему уже волноваться С'гору.

— Делай все так, как тебе велел Берчар, — сказала она. — Я прослежу, чтобы тебя больше не беспокоили. Пусть Малта через Орлиту передаст мне, когда Берчар придет в себя. И поблагодари Малту от меня за то, что она меня сюда привезла...

Глаза С'гора стали пустыми и невидящими — он говорил со своим драконом. Затем, улыбнувшись, он вновь обратил свой взор на Мориту.

— Малта говорит — мол, не стоит благодарности. Она готова отвезти тебя вниз.

Падать сквозь туман к невидимой земле — ощущение не из самых приятных.

«Малта не уронит Госпожу своего Вейра», — хмыкнув, успокоила свою всадницу королева.

— Я только на это и надеюсь, — в том ей ответила Морита. — Но когда я не могу различить даже пальцев вытянутой руки...

«Нет, не настойка сладкого корня, — думала она, вновь очутившись на дне чаши и попрощавшись с раставшей в тумане Малтой, — не сладкий корень, способный полностью снять жар, а листья папоротника — средство несколько снизить температуру. И аконит для сердца. Так, что ли? Неужели такой страшный жар? И еще снотворное... Капайм ничего не передавал о болях. Жаль, что не удалось поговорить с Берчаром. Но, может, К'лон уже проснулся?»

«Он еще спит, — сообщила Орлита. — И тебе бы вовсе не помешало немного соснуть».

Морита и вправду чувствовала себя совершенно раз-

битой. Да еще этот проклятый туман! В нем запросто можно заблудиться!

«Меня-то ты всегда найдешь, — заверила ее Орлита. — Возьми чуть-чуть левее и придешь прямо ко мне. Я приведу тебя в наш вейр».

«Пожалуй, я и правда посплю, но только пару часов», — решила Морита.

Ей в самом деле следовало отдохнуть. Она сделала все, что могла...

«Иди сюда и никуда не сворачивай», — снова позвала ее Орлита.

«Легко ей говорить», — подумала всадница. Через несколько шагов желтоватый свет входа в Нижние Пещеры растаял в густом сером тумане. К'лон выздоровел, — эта мысль не шла у Мориты из головы. Может, жители холдов на юге и умирали от этой болезни, но всадник К'лон выздоровел. Или Ш'гал что-то перепутал? Впрочем, С'перен тоже говорил о какой-то болезни. А завтра еще предстояло Падение...

«Не стоит так волноваться, — успокоила ее Орлита. — Сейчас ты все равно больше ничего не можешь сделать. Подумай сама, большинство всадников еще даже не проснулись. А к вечеру Лери наверняка найдет что-нибудь в Архивах».

— Я не волнуюсь. Это все туман. У меня от него всегда портится настроение. У меня такое чувство, будто я бреду неизвестно куда... и буду так брести до окончания времен.

«Ты уже почти пришла. Осторожно, сейчас будет лестница».

И правда, еще пару шагов, и она больно ударилась ногой о самую нижнюю ступеньку. Вокруг по-прежнему клубился туман. Морита нащупала рукой стену, потом — вход в хранилище, рядом с лестницей. С трудом отворив массивную дверь, она шагнула внутрь. Ее встретил до боли знакомый пряный аромат сушеных трав и настоек. Даже в царящем здесь полумраке она видела, что висящих по стенам пучков папоротника с лихвой хватит, чтобы поставить на ноги весь Вейр. На полке напротив входа стояла большая стеклянная бутылка, до краев полная белого порошка — толченые корни аконита. Ивового эликсира тоже вполне достаточно. И четыре непочатые бутылки сока из плодов лунного дерева... Ш'гал что-то говорил о кашле... Морита повер-

нулась к другим полкам, где хранились необходимые лекарства: туссилаго, иссоп, тимус, борраго. Должно хватить. И с лихвой. Когда Древние переселились на северный континент, они прихватили с собой все растения, из которых готовили лекарства. Наверняка среди них найдется что-нибудь, помогающее при этой новой болезни.

Она вернулась к двери, и, наверно, как поколения лекарей до нее, устало прислонилась к косяку. Поколения! Да, поколения, пережившие и эпидемии, и Падения, и все природные катаклизмы этого мира...

Вокруг было так же серо и сыро, как и раньше. Угрюмо чернела смутной тенью уходящая к вейру лестница.

«Осторожнее», — предостерегла Орлита.

— Постараюсь, — отозвалась всадница и, придерживаясь рукой за стену, начала подниматься по ступенькам. Орлита что-то ободряюще шептала, и женщина рассмеялась — ведь до вейра и уютной постели было всего несколько шагов... В вейре было куда теплее, чем снаружи. Мягко светились глаза королевы, приветствуя переступившую порог Госпожу.

«Ты устала, тебе надо отдохнуть».

— Ишь ты, раскомандовалась! — покачала головой Морита, двигаясь к спальне.

Скинув тунику, она скользнула под покрывало, и через минуту уже крепко спала.

Глава 6

*Год 1543, одиннадцатый день третьего месяца;
холод Руат*

Алессан стоял и смотрел, как огромная золотая королева взлетает к небесам. Она буквально светилась в ночи, и тусклые огни факелов и масляных ламп здесь были совершенно ни при чем. Может, она сияет потому, что скоро придет срок откладывать яйца? Он глубоко вдохнул прохладный воздух, и тут случилось ожидаемое: золотой дракон исчез вместе со своей прекрасной всадницей.

Улыбнувшись Алессан глубоко вздохнул. Первая в его жизни Встреча, на которой он выступал в роли хозяина, прошла как нельзя лучше. Как нередко повторял его отец, хороший план — залог успеха. Что правда, то правда; долгая и тщательная подготовка позволила Визгуну без труда выиграть гонку. И это здорово! Но Алессан никак не мог рассчитывать, что Госпожа Вейра составит ему компанию на скачках. Не думал он и о том, что она согласится с ним танцевать. Никогда еще он не выходил на площадку с такой ловкой партнершей. Вот если бы его мать смогла найти девушку, хоть в чем-то похожую на леди Мориту...

— Лорд Алессан... — за спиной послышался хриплый шепот.

Он круто повернулся. Из темноты выскользнул Даг.

— Лорд Алессан... — беспокойство, звучащее в голосе конюха, встревожило молодого лорда.

— Что случилось, Даг? Что-нибудь с Визгуном?

— С ним-то все в порядке. Но скакуны Вандера заболели. У них кашель и страшный жар. Они покрыты холодным потом. И знаешь, с соседним табуном тоже что-то странное. Норман не знает, что и думать, так все это неожиданно. Но я не хочу рисковать. Я соберу всех наших бегунов, тех, что стояли в конюшне и близко не подходили к заболевшим. Я уведу их в горы, пока они тоже не начали кашлять и задыхаться.

— Даг, мне кажется...

— Знаешь, лорд Алессан, я не хочу ничего такого сказать, может, слишком быстро теплые дни наступили... да еще перемена травы... но я не стал бы рисковать Виз-

гуном. Особенно теперь, когда он наконец-то выиграл первую скачку!

Конюх так нервничал, что Алессан едва удержался от улыбки.

— Я просто возьму наш табун и отгоню его на высокогорные луга... знаешь, на всякий случай. Пока вот эти, — он ткнул пальцем в сторону загонов, — не уберутся отсюда восвояси. — Я тут собрал кое-какую еду... да еще прихвачу с собой этого бездельника, моего внука.

Только Визгун мог затмить в глазах Дага младшего сына его дочери Фергала — отчаянного сорванца, не способного прожить ни дня, чтобы не влипнуть в какую-нибудь историю. В тайне Алессан даже восхищался его изобретательностью, но как лорд холда он никак не мог мириться с шалостями этого юнца. Его самая последняя шутка — он ухитрился раскрасить белье приехавших в холд гостей — так рассердила леди Ому, что Фергалу запретили появляться на Встрече.

— Если бы я думал...

— Лучше не рисковать сегодня, чем завтра кусать себе локти, — прервал его Даг.

— Ладно, — кивнул Алессан, — отправляйся.

— Я буду ждать от тебя вестей. И как только наши почтенные гости уедут и увезут с собой этот поганый кашель, я мигом вернусь, — широко улыбнувшись, Даг вперевалку поспешил к конюшням.

Алессан задумчиво глядел ему вслед. Может, он слишком много позволяет старому конюху? Может, Даг пытается спасти своего внука от заслуженного наказания за какую-нибудь новую проделку? Но этот странный кашель, охвативший животных? Его-то Даг не выдумал! Ладно, он сперва немного поспит, а потом поговорит с Норманом — может, тому уже известно, отчего погиб скакун Вандера. Эта непонятная смерть очень беспокоила Алессана. Но бегун во втором заезде погиб не от кашля. Возможно ли, что Вандер, стремясь во что бы то ни стало выиграть гонку, выпустил на старт больного скакуна? Хотелось бы думать, что это не так, но чего не бывает...

Алессан медленно пошел обратно к холду. Хорошая была Встреча, и погода не подвела. Легкая влажность в воздухе намекала на скорое появление утреннего тумана.

Вдоль дороги, завернувшись в теплые шкуры, спали многочисленные гости, приехавшие на Встречу. Впрочем,

и сам холд (Алессан другого и не ожидал) был набит до верхнего яруса. Даже в широком коридоре перед самым входом в его собственную комнату лежали люди на соломенных матрасах. Хорошо еще, что мать никого не пихнула в его спальню... А может — Алессан криво усмехнулся — она как раз и надеялась, что он проведет ночь не один.

Тихонько, стараясь никого не разбудить, молодой лорд прикрыл за собой дверь. Он начал раздеваться и только тут вспомнил, что Морита забыла взять свое новое, так некстати испачканное платье. Ничего страшного! Вот и будет повод увидаться с ней после Падения. Алессан растянулся на кровати, закутался в покрывало и уснул.

Казалось, он только-только успел закрыть глаза, как кто-то уже тряс его за плечо. Вставать не хотелось.

— Алессан, — настойчивый голос леди Омы мигом заставил его вскочить с постели. — Вандер заболел, и мастер Сканд утверждает, что вино тут ни при чем. У двух конюхов, сопровождавших Вандера, тоже жар. А Норман просил тебе передать, что четыре скакуна умерли и невесть сколько еще больных.

— Чьи это животные? — быстро спросил Алессан.

— А я почему знаю! — скакуны совершенно не интересовали леди Ому. — Лорд Толокамп обсуждает с Норманом...

— Он слишком много на себя берет! — в один миг Алессан натянул штаны, тунику и башмаки.

Он уже успел забыть, как много народа расположилось на ночлег в коридорах, и чуть не наступил кому-то на руку, прежде чем выбрался в главный зал. Тут спящих уже не было. Проклиная про себя Толокампа, Алессан заторопился к выходу.

Толокампа он нашел во дворе. Лорд Форт холда стоял в глубокой задумчивости, а рядом с ним нервно переминался с ноги на ногу осунувшийся от бессонной ночи Норман. Увидев Алессана, распорядитель скачек вздохнул с явным облегчением.

— Доброе утро, лорд Толокамп, — сдерживая гнев, поздоровался Алессан. Даже с самыми лучшими намерениями не следует лезть не в свои дела! — Ты что-то хотел мне сказать? — обратился он к Норману, пытаясь отвести его в сторону.

Но отвязаться от Толокампа было нелегко.

— Дело весьма серьезное, — озабоченно начал он.

— Я, наверно, и сам могу это определить, — резко оборвал его Алессан, беря Нормана под руку.

— Четыре зверя из табуна Вандера уже мертвы, — тихо произнес распорядитель, — а остальные умирают. Девятнадцать скакунов — из тех, что по соседству — кашляют так, что хочется плакать.

— Ты изолировал их от здоровых?

— Мои люди занимаются этим с самого рассвета.

— Леди Ома сказала, что Вандер и два его конюха заболели.

— Так оно и есть, мой господин. Я пригласил к ним целителя Сканда. Это случилось еще ночью. Сначала я полагал, что Вандер просто разнервничался из-за смерти своего скакуна, но у его конюхов настоящий жар. А теперь еще и Хелли жалуется на невыносимую головную боль. Хелли, между прочим, вообще не пьет, так что это явно не похмелье.

— И у Вандера вчера тоже болела голова, так?

— Честно говоря, не помню, — развел руками Норман.

— Ну, конечно, у тебя и без этого забот хватало, — улыбнулся Алессан. — Скачки, кстати, прошли превосходно.

— Я рад, что все хорошо... — начал было Норман, но тут его взгляд привлекло какое-то движение на дороге. — Кулан уезжает, — сказал он, — и мне это не нравится.

Даже тут, у крыльца холда, было слышно, как кашляет одна из запряженных в повозку кобыл.

— Я сказал Кулану, что не надо уезжать с больным животным, но он даже разговаривать со мной не захотел.

— И многие решили уехать сегодня утром? — поднял брови Алессан.

Дело, похоже, и впрямь обстояло куда серьезнее, чем он полагал. Если эта странная болезнь распространится по холдам, причем сейчас, когда еще не все вспахано...

— Человек двадцать выехали еще на рассвете. Их животные вроде бы стояли вдалеке от табуна Вандера. Вот только у Кулана одна кобыла явно больна...

— С Куланом я поговорю. А ты узнай поточнее, кто уже успел отправиться по домам. И пришли ко мне несколько человек — мне потребуются посыльные. Надо

вернуть наших гостей. Ни одно животное не должно покинуть этот холд, пока мы не выясним, что это за болезнь и как с ней бороться.

— А как быть с людьми?

— Ну, где одни, там и другие... пожалуй, людям тоже нельзя покидать холд. Мне хотелось бы поговорить с мастером Скандом. О Вандере.

Кулан совсем не обрадовался, когда его остановили. «У кобылки просто утренний кашель, — утверждал он. — Трава тут другая, да и пыли много. Разойдется по дороге». Кулан нервничал. До его холда было три дня пути. Уезжая, он оставил вместо себя старшего сына и, по правде сказать, сильно сомневался, что тот справится с хозяйскими обязанностями. Но на все просьбы холдера Алессан твердо ответил, что вряд ли ему хочется привести домой больного и наверняка заразного скакуна. Потратить лишний день, чтобы иметь в руках надежное лекарство, вполне того стоит.

Нахмурившись, лорд Толокамп следил за этим спором.

— Нужны ли столь крутые меры? — с сомнением в голосе спросил он, когда Кулан и его спутники повернули обратно к холду. — Я имею в виду, что всем этим людям не терпится вернуться домой. Как, впрочем, и мне.

— Маленькая задержка, лорд Толокамп. Пока мы не выясним, что творится со скакунами. Ты и твои благородные спутницы, разумеется, не откажетесь погостить у нас подольше?

Толокамп явно не ожидал столь решительного ответа.

— Женщины вполне могут и погостить, но я как раз хотел попросить тебя связаться с Форт Вейром, чтобы они доставили меня домой.

— Ты сам сказал несколько минут назад, что дело тут весьма серьезное. Ни ты, ни я не можем позволить болезни беспрепятственно распространяться среди наших стад. Вполне возможно, что болеют только скакуны... Но я никогда не прощу себе, если не приму мер предосторожности. Кулан — мой холдер, но мне было бы очень приятно, если бы ты поговорил со своими людьми. Я не хочу никого пугать, но четыре скакуна уже умерли и неизвестно сколько еще умрет...

— Ну, я...

— Спасибо, лорд Толокамп. Я всегда знал, что могу на тебя рассчитывать, — и Алессан быстро пошел прочь, покинув ошеломленного собеседника.

Он направился на кухню, где усталые слуги варили большие котлы кла и пекли сладкие булочки для завтрака. Как он и рассчитывал, Оклина уже была здесь. Судя по ее измотанному виду, она еще даже не ложилась.

— Оклина, — позвал Алессан, — у нас неприятности. Появилась какая-то болезнь. Скажи леди Оме — пока мы не выясним, что это такое, я распорядился никого не выпускать из холда. Она умеет убеждать людей. Сейчас нам это весьма пригодится. Кстати, где братец Макфар? Все еще спит?

— Он уехал. Часа два назад.

Алессан нахмурился: Макфар выставил вчера двух скакунов.

— Когда поговоришь с матерью, пошли кого-нибудь за ним вдогонку. Вряд ли он успел далеко уехать. Передай ему...

— Что тебе срочно надо с ним посоветоваться, — усмехнувшись, подсказала Оклина.

— Точно! — согласился Алессан, ласково потрепав девушку по плечу. — И расскажи обо всем остальным братьям.

К тому времени, когда Алессан вернулся во двор, его уже поджидал там Норман с посыльными. Молодой лорд велел посыльным вооружиться короткими мечами и незамедлительно отправиться вдогонку за теми, кто успел покинуть холд. Уехавших следовало вернуть под любыми предлогами. В случае, если все доводы окажутся безрезультатными, Алессан велел применять силу. Своим братьям, откликнувшимся на его зов, он приказал проследить, чтобы ни одна живая душа не покидала Руат. И тут из зала во двор выскочил лорд Толокамп. Он явно был настроен как следует поспорить.

— Алессан, — громогласно начал он, — я совсем не уверен, что все эти меры так уж необходимы...

Протяжный гул барабанов Речного холда прервал его пламенную речь. Алессан уловил код «сверхсрочно», затем — позывные Главного мастера целителей, пославшего это сообщение; при виде ошарашенного лица лорда Толокампа он почувствовал мгновенный всплеск удовлетворения. Но барабаны продолжали гудеть, и вскоре Алессану стало не до тщеславной радости. Все кругом слушали, затаив дыхание, и те, кто не знал кодов барабанщиков, уже понимали, что произошло нечто

страшное. Барабаны, подумал Алессан, отличное средство связи, но слишком громогласное.

«Началась эпидемия, — гудело над холдом. — Болезнь быстро распространяется по континенту от Айгена, Керуна, Телгара и Исты. Очень заразна. Инкубационный период от двух до четырех дней. Головная боль. Кашель. Требуется предотвращать вторичную инфекцию. Высокий процент смертных случаев. Изолировать больных. Немедленно вводится карантин. Скакуны крайне подвержены заболеванию. Повтор: предупреждение об эпидемии. Передвижение запрещается. Встречи отменяются. Капайм».

В конце следовал код, требующий передачи сообщения дальше.

— Но у нас же только что окончилась Встреча! — яростно воскликнул Толокамп. — И никто не болен, не считая пары кляч! А они и близко не подходили ни к Керуну, ни к Исте!

Толокамп подозрительно взглянул на Алессана, словно подозревал, что молодой лорд каким-то образом подстроил послание Капайма.

— Болен Вандер и двое его конюхов...

— Перебрали немного, всего и делов-то! — отмахнулся Толокамп. — Капайм передает, что болезнь распространяется, но он не сказал, что она уже достигла Руата!

— Когда Главный мастер целителей Перна объявляет о введении карантина, — тихо, но твердо произнес Алессан, — наш долг, лорд Толокамп, следовать его указаниям!

Внезапно Алессан почувствовал, что говорит совсем как его покойный отец. Толокамп открыл было рот, но так и не нашелся что сказать.

Больше они ни о чем поговорить не успели, ибо все, кто понял суть послания, собрались вокруг двух лордов.

— О чем это сообщает Капайм?

— Нельзя вводить карантин! Мне надо срочно вернуться в свой холд!

— У меня скотина вот-вот должна отелиться...

— Моя жена дома одна с двумя маленькими детьми...

Плечом к плечу с Алессаном, лорд Толокамп подтверждал встревоженным людям сообщение об эпидемии, переданное Капаймом, и его право объявлять карантин.

— Мастер Капайм не стал бы вводить карантин

понапрасну! Как только сообщение будет передано дальше, мы запросим подробности... Это простая предосторожность... Да, вчера во время скачек действительно погиб скакун... Мастер Сканд, наверно, сможет сообщить нам кое-какие подробности о борьбе с этим заболеванием... Нет-нет, никто не имеет права покидать холд. Вы можете перенести болезнь в собственный холд, а кому это нужно?.. Пара дней — не так уж много, если на карту поставлена ваша жизнь и жизнь ваших близких...

Алессан отвечал на вопросы, а сам быстро пытался подсчитать, хватит ли в холде продовольствия. Скоро гости исчерпают взятые из дома припасы, и тогда кормить их придется ему. А если некоторые из них заболеют... если действительно начнется эпидемия, то где разместить больных? Лазарет рассчитан только на двадцать человек... И это уже слишком много! Придется устанавливать койки в зале... Или стоит переоборудовать конюшни?.. Как там сказал Норман? Четыре скакуна уже умерли и девятнадцать кашляют? Двадцать четыре из ста двадцати двух, и это — за первые же сутки! Он никогда не рассчитывал столкнуться с чем-либо подобным. Безразличная и неумолимая, словно Нити, эта новая болезнь грозила опустошить холды. И не было драконов, способных с ней справиться. Есть ли в древних Архивах, о которых всегда с таким почтением говорил его отец, хоть что-то о подобном бедствии?

— Вон идет твой лекарь, Алессан, — прервал его раздумья Толокамп. Вместе они двинулись навстречу появившемуся в дверях мастеру Сканду. Обычно невозмутимый целитель теперь казался запыхавшимся и встревоженным. Он поминутно вытирал покрасневшееся лицо не слишком чистым платком. Алессан всегда считал Сканда довольно заурядным лекарем — вполне способным справиться с частыми в холде родами да оказать первую помощь при травме. Но в случае эпидемии... Он сильно сомневался, что от Сканда будет хоть какой-то прок.

— Лорд Алессан... Лорд Толокамп... — Сканд тяжело дышал. — Я пришел, как только узнал, что вы хотите меня видеть. Мне кажется, я слышал барабаны. Там был код мастер Капайма, я не ошибся? Что-то случилось?

— Чем болен Вандер?

Резкий тон вопроса заставил лекаря насторожиться. Он хмыкнул и еще раз вытер лоб платком.

— Ну, по правде сказать, я несколько затрудняюсь вам ответить. Видите ли, как это ни странно, но приготовленная мною вчера настойка сладкого корня не оказала ни малейшего эффекта. Причем доза была такая, что заставила бы как следует пропотеть даже дракона. — Сканд снова воспользовался своим платком. — Вандер жалуется на страшную головную боль, которая не имеет ничего общего с чрезмерными возлияниями. Еще вчера вечером он чувствовал себя неважно, и потому вообще не пил.

— А двое других? Его конюхи?

— Они тоже больны. Оба жалуются на головные боли и какое-то безумное сердцебиение. Между прочим, и у Вандера, я забыл сказать, такой же симптом... Возможно, новая форма простуды... но пока лечение не дало эффекта... А теперь — теперь могу я узнать, что было в послании Капайма?

— Мастер Капайм объявил о введении карантина.

— Карантин?! Из-за каких-то трех человек?

— Лорд Алессан, — вмешался в разговор высокий худой мужчина, одетый в голубые цвета Цеха арфистов. Он выглядел человеком, способным без лишних слов справиться с любым делом, самым сложным и деликатным. — Я Тьеро, странствующий арфист, — представился он. — И я могу без труда процитировать мастеру Сканду полный текст сообщения, — подхватив лекаря под руку, арфист отвел его в сторонку.

Застучали барабаны Руата, передавая сообщения дальше, северным и западным холодам, и от наполнившего воздух глухого гула на душе у Алессана стало еще беспокойнее. Тут во двор ворвался всадник — один из посыльных; ему требовалась помощь, чтобы справиться с упрямым холдером, ни в какую не желавшим возвращаться назад. Вслед за ним въехала повозка Макфара, и Алессан тут же поручил ему заняться размещением приехавших на Встречу людей. Одно дело — провести ночь в зале или прихватить пару часов сна на матрасе в коридоре, и совсем другое — оказаться вынужденным провести в таких условиях несколько дней. Оставив брата вместе с Толокампом разбираться с этим вопросом, Алессан с Норманом отправились на скаковое поле, чтобы взглянуть на больных скакунов.

— Никогда еще не видел, чтобы болезнь косила животных так стремительно, — заметил Норман. — Ума

не приложу, как им помочь... если это вообще возможно. В своем сообщении Капайм ничего не сказал о лечении животных, — подумав, он уныло добавил: — Животные, к тому же, не могут сказать, что у них болит.

— Если они начнут отказываться от еды и питья...

— Только не тяжеловозы! Эти будут работать и есть, пока не рухнут замертво, — и они дружно поглядели туда, где в конце длинного ряда загонов размещались крупные могучие звери — плод стараний покойного лорда Лифа.

— Надо бегунов и тяжеловозов держать подальше друг от друга.

— Хорошо, лорд Алессан. Но дело в том, что бегунов поили выше по течению, чем тяжеловозов.

— Река широкая, Норман. Будем надеяться на лучшее.

Первым делом Алессан обратил внимание на то, чтобы здоровых животных рассредоточили по самым дальним загонам, а в центре оставались только больные. Несчастные звери кашляли, вытягивая шеи и широко раздувая ноздри. Они тяжело дышали, шатаясь на распухших ногах.

— Надо бы добавить в воду настойку из листьев папоротника... если они вообще станут пить такое. Возможно, стоит предложить им крапивы. У некоторых скакунов хватает ума понять, что может принести им облегчение. А крапивы у нас пока что предостаточно. — Алессан повернулся к лугу, где мирно паслось стадо рогатого скота. — А как среди них, — спросил он, — тоже есть больные?

— О них-то я и не подумал, — признался Норман, испытывающий, как все завзятые любители скачек и скакунов, презрение к ленивым и покорным быкам. — Капайм, насколько мне известно, упоминал только верховых животных.

— Знаешь, нам все равно придется резать скот, чтобы накормить наших людей. После Встречи у нас осталось не так уж много свежего мяса.

— Лорд Алессан, — неуверенно начал Норман, — Даг...

— Значит, и ты с ним заодно? — косо взглянул на него лорд.

— Да, мой господин, — твердо ответил распорядитель. — Нас с Дагом очень беспокоил этот странный

кашель... Мы не хотели тревожить тебя во время танцев, но так как наши скакуны не имели контакта... Смотри!

Прямо у них на глазах один из тяжеловозов, тащивших груженую повозку, внезапно рухнул на землю.

— Значит, так, Норман. Возьми пару человек — пусть оттащат труп вон туда, на самый край поля. Используй для этого других скакунов той же упряжки. Труп сожгите. И записывай всех мертвых животных. Потом мы компенсируем потери их владельцам.

— Но мне не на чем писать. И нечем. Да и не силен я в таких делах...

— Я пришлю тебе кого-нибудь в помощь. Еще я хочу знать, кто провел ночь на этом поле.

— Большинство конюхов, это уж точно. Ну, еще пара помешанных вроде Рунела и его приятелей. Еще некоторые наездники, не слишком интересующиеся танцами... Особенно после того, как ты любезно прислал сюда пару мехов с вином.

— Жаль, что мы так мало знаем об этой болезни, — покачал головой Алессан. — Если лечить так же, как от кашля...

— Вот и дадим больным скакунам тимус, листья папоротника и крапиву. Может, мы получим сообщение от главного мастера скотоводов. Может, оно уже идет к нам...

«Я бы не слишком на это рассчитывал», — подумал Алессан, но вслух об этом говорить не стал.

— Сделай все, что сможешь.

— Хорошо, лорд Алессан.

Он возвращался напрямик через поле к холду, и никак не мог заставить себя поверить, что все это не сон. Что все это на самом деле. Ведь только вчера они с Моритой остановились вон на том холмике, наблюдая за очередным заездом... А потом она осматривала умершего скакуна... Она его трогала! Но Вейр должен был принять сообщение Капайма! И даже раньше, чем Руат. Морита уже наверняка знает о возможных последствиях своего поступка. И, конечно, уж она-то знает, как действовать!

Как и все в холде Руат, Алессан много раз видел Госпожу Форт Вейра. Но никогда раньше он не встречался с ней лицом к лицу. Он считал Мориту холодной и чопорной; казалось, эту женщину интересовали только дела Вейра. То, что она разделяла его безудержную

страсть к скачкам, было неожиданным и приятным сюрпризом. Леди Ома даже сделала ему замечание — зачем, дескать, он навязывает Морите свое общество. Разумеется, Алессан сообразил, что на самом деле мать озабочена лишь тем, что он уделял недостаточно внимания приехавшим на Встречу девицам — потенциальным невестам. Знал он также и то, что ему и впрямь скоро придется жениться — надо продолжить род, дать Руату наследников. И он старался, как мог. Пока не заметил Мориту, спрятавшуюся под площадкой... Что ж, он выполнил свой долг как лорд холда, и ничто не могло помешать ему получить удовольствие от этой самой первой его Встречи. В обществе Мориты, разумеется...

Теперь, когда все дела со скакунами находились в надежных руках Нормана, Алессан решил заняться другой и, возможно, более важной проблемой. Надо во что бы то ни стало послать сообщения в малые холды, где нет барабанщиков. Особенно в те, где ждут возвращения своих отцов, матерей, братьев или сестер с необычно затянувшейся Встречи. Еще немного, и люди начнут приходить в Руат в поисках своих родных... И еще одно дело: необходимо узнать, кто еще, кроме Вандера, получил недавно керунских скакунов. А если получил, то где эти животные находятся. Их следовало как минимум изолировать, а лучше — просто уничтожить. Да, но как быть с недовольными...

— Лорд Алессан, — прервал его раздумья Толокамп, руководивший установкой шатра над недостроенным сараем, — хоть я понимаю, что карантин относится ко всем без исключения, в том числе — и ко мне, однако я должен вернуться в Форд холд. Я постараюсь не выходить из своих покоев и ни с кем не общаться. Уж если здесь такое началось, — и Толокамп указал на переполненный людьми двор, — то можешь представить, что творится у меня дома.

— Лорд Толокамп, полагаю, твои сыновья отлично подготовлены и вполне в состоянии присмотреть за холдом.

— Это так, — неохотно согласился Толокамп. — Отправляясь на Встречу, я оставил вместо себя старшего — Кампена. Мне хотелось, чтобы он попробовал свои силы...

— Вот и хорошо. Благодаря карантину у него будет

отличная возможность на деле проявить свои способности.

— Мой милый Алессан, его никто никогда не учил, что делать в такой, прямо скажем, чрезвычайной ситуации.

— Лорд Толокамп, — сжав зубы, процедил Алессан, которому этот разговор уже начинал надоедать. — Ты знаком с барабанными кодами ничуть не хуже меня. Скажи честно, ты бы позволил кому либо нарушить карантин, введенный Главным целителем Перна?

— Разумеется, нет! Но в данной ситуации...

— Я так и думал. К тому же, твоему сыну не придется иметь дело с множеством приехавших на Встречу гостей... — и он выразительно поглядел на группу мрачных холдеров, возвращавшихся в холл в окружении стражей. Вид обнаженных мечей наводил на мысль, что одних уговоров в данном случае оказалось недостаточно. — Кампен всегда может обратиться за помощью в главную мастерскую лекарей, не говоря уже об арфистах. — Алессан старался говорить спокойно и убедительно; ссориться с Толокампом сейчас было бы совсем некстати. Ему еще пригодится поддержка лорда Форты, особенно когда придется говорить с холдерами постарше, не склонными подчиняться зеленому и неопытному юнцам. — В сообщении что говорилось? Инкубационный период от двух до четырех дней. Один день ты уже провел здесь. Еще денек, и если ты по-прежнему будешь чувствовать себя нормально, возвращайся в Форт... конечно, особо это не афишируя. А пока... пока ты мог бы подать всем хороший пример.

— Да, пожалуй, — смягчился Толокамп. — Отпустишь одного — отпустишь и второго... Что правда, то правда. С точки зрения дисциплины мне не следует нарушать карантин, — он явно был готов пойти на уступки. — Скорее всего, вся эта болезнь связана со скачками. Никогда не разделял подобного увлечения, — брезгливая гримаса на его лице клеймила презрением и скачки, и многочисленных их поклонников.

Алессан ничего не успел ответить. К ним подошло несколько холдеров. Их физиономии, на которых читались тревога и мрачная решимость, не оставляли сомнений в том, что именно их волнует.

— Лорд Алессан...

— Да, Турвин, — отозвался Алессан, узнав говорившего — холдера с южной оконечности земель Руата.

— Около наших холдов нет барабанов, а нас ждут дома. Мне вовсе не хочется выступать против рекомендаций мастера Капайма, но бывают случаи...

Краем глаза Алессан заметил, как Макфар подозвал к себе несколько человек — все вооружены. Его брат, похоже, предвидел возможность осложнений.

— Вы будете ждать здесь! Это приказ! — резко ответил Алессан, и холдеры, не ожидавшие такого решительного отказа, растерянно переглянулись. Они с надеждой перевели взоры на Толокампа, но лорд Форта сделал вид, что ничего не слышит. — Барабаны объявили о введении карантина! — громко, так, чтобы его слышали все во дворе, продолжал Алессан. — Я — лорд вашего холда. Вы все должны подчиняться моим приказам — так же, как если бы нас ожидало Падение. Никто — ни человек, ни животное — не покинет Руат, пока барабаны не возвестят, что карантин окончен.

В гробовой тишине он быстро прошел ко входу в зал. Толокамп последовал за ним.

— Тебе придется каким-то образом оповестить людей, чтобы они не приходили в Руат, — тихо сказал лорд Форта.

— Знаю, — кивнул Алессан. — Только не могу придумать, как это сделать, чтобы не подвергать риску ни людей, ни животных.

Свернув налево, он прошел в свой кабинет, где высокими стопками лежали проклятые Архивы, до которых у него так и не дошли руки. Хотя здесь тоже спали, сейчас в комнате не было ни души. Лишь на полу валялись разбросанные в беспорядке шкуры, оставшиеся от торопливо покинувших свои постели гостей. Расшвыривая их ногами, Алессан пробрался к маленькому шкафчику, где хранились карты. Порывшись в нем, он вытащил небольшой план Руата с обозначенными разными цветами дорогами — пригодные для проезда фургонов, доступные выючным скакунам, пешеходные тропы.

— Никогда бы не подумал, что увижу у тебя такую прекрасную карту! — не слишком тактично воскликнул пораженный Толокамп.

— Как любят повторять арфисты, — с легкой улыбкой ответил Алессан, стараясь, чтобы его слова не прозвучали откровенной издевкой, — Форт холд случился, а Руат планировали.

Он провел пальцем по северному пути до его пере-

сечения с главной западной дорогой. Далее тропы расходились на север, на запад, на северо-запад — к двадцати малым холдам и трем рудникам.

— Лорд Алессан...

Повернувшись, Алессан увидел на пороге кабинета Тьеро, а за ним еще нескольких арфистов.

— Я подумал, что мы могли бы вызваться на роль курьеров, — весело предложил Тьеро. — Во дворе только и говорят о необходимости послать весточки семьям. Арфисты Перна в твоём распоряжении, мой лорд.

— Спасибо, но вы так же легко могли заразиться, как и все остальные. Я ведь хочу задержать в холде болезнь, а не людей.

— Лорд Алессан, — сказал Тьеро, не переставая улыбаться, — сообщение можно передать. — Он подошел к расстеленной на столе карте. — Кто-нибудь из этого холда, — арфист ткнул пальцем в ближайшее к Руату поселение, — пошлет его в следующий и, не вступая в контакт, вернется обратно. Ну и так далее, по цепочке.

Задумавшись, Алессан глядел на карту. Предложение, похоже, и впрямь дельное. Даг взял с собой самых быстрых скакунов, но в Руате их достаточно, чтобы отправить гонцов на первые этапы этой импровизированной эстафеты. Если посыльный и его скакун вернутся в тот же холд, откуда отправились, то опасность распространения инфекции и впрямь будет невелика. Если, конечно, они вернутся...

— А так как ни у кого из арфистов, — между тем продолжал Тьеро, — нет ни малейшего желания надолго покидать Руат, то ты можешь не сомневаться в нашем скорейшем возвращении. Кроме того, оповещать о беде — наш долг.

— Хорошо сказано, — одобрительно проворчал Толокамп.

— Согласен. Тьеро, могу я поручить тебе заняться этим делом с гонцами? А заодно напиши текст сообщения, чтобы никто ничего не перепутал. Чернила, перья и пергамент лежат вот здесь, в шкафчике. Скажешь, когда все будет готово. А я пока позабочусь о картах и подготовлю скакунов. Смотрите, барабанщики есть тут, тут и тут, — он провел пальцем по карте. — Значит, надо направить гонцов вот в эти семь холдов, а они, в свою очередь, смогут оповестить все остальные. Да, и пусть

арфисты объявят, что желающие могут передать весточку домой... На их месте я бы поторопился, — добавил Алессан, — чтобы не пришлось заночевать в пути.

— Уверяю тебя, для арфистов это дело привычное.

— Еще поинтересуйтесь, кто покупал скакунов в Керуне. Особенно в последние пару недель.

— Зачем? — удивился Тьеро.

— Вандеру недавно прислали из Керуна нескольких бегунов...

— И в сообщении тоже упоминался Керун, не так ли? Хорошо, будем спрашивать... — и, низко поклонившись, Тьеро повел своих собратьев по ремеслу в главный зал, готовиться к поездке.

— Алессан, у меня в Форт холде тоже много дел... — жалобно начал Толокамп.

— Толокамп, — прервал его Алессан, — мастер Фарелей находится сейчас в своей башне, там, где установлены барабаны. Он поступает под твою команду. Проследи, чтобы все сообщения ушли как можно скорее, — и с этими словами лорд Руата быстро вышел из кабинета.

Когда-то давным-давно лорд Лиф объяснил ему, что лучший способ избежать спора — это не дать ему начаться.

На мгновение Алессан задержался на пороге, у главной двери холда. Во дворе царила суматоха — устанавливались шатры и палатки, пылали костры, над которыми в котлах что-то варилось. Из-за пригорка на краю поля поднимался густой столб черного дыма. Норман, которому он поручил сжечь трупы мертвых животных, уже взялся за дело...

Вдруг во двор вбежал человек. Он затравленно оглядывался по сторонам, лицо налилось багровым румянцем. Невольно Алессан сделал шаг ему навстречу, выйдя из тени на свет. Человек увидел его и, не разбирая дороги, ринулся к крыльцу.

— Лорд Алессан, — задыхаясь, выдавил он, — Вандер умер!

Глава 7

*Год 1543, одиннадцатый день третьего месяца;
мастерская целителей и Форт холод*

Капайм проснулся от оглушительного грохота барабанов. Голова у него просто раскалывалась. Эти проклятые барабаны гудели даже в его кошмарах — трудно назвать снами ту мерзость, что ему сейчас снилась. Он и проснулся не столько из-за шума, сколько убегая от излишне мрачных грез. Он лежал на постели, ощущая себя совершенно опустошенным. Очередная серия барабанной дробы заставила его зарыться головой в подушку.

Неужели они никогда не смолкнут? Раньше Капайм не замечал, что барабаны стучат так невыносимо громко. Надо было бы целителям поселиться в более тихом месте! В тщетной надежде на облегчение, он зажал уши ладонями. И тут он вспомнил все те сообщения, что оставил для передачи в холды и Вейры. Неужели их до сих пор не отослали? Уже, наверно, полдень! Разве мастер барабанщиков не понимает, насколько все это важно?! Или какой-нибудь глупый ученик посмел спрятать его записку в надежде поспать лишнюю пару часов?

Подобной головной боли Капайм еще никогда не испытывал. Просто невыносимо! И сердце его билось под стать бешеному ритму барабанов. Весьма странно...

Но вот барабаны умолкли — но ни его голова, ни сердце этого даже не заметили. Перекатившись на бок, Капайм попытался сесть. Надо что-нибудь принять от головной боли. Собравшись с силами, которых оказалось не так уж много, он сел. И не сдержал глухого стога. Шатаясь из стороны в сторону, мастер встал на ноги и добрался до шкафа.

Экстракт сладкого корня... Несколько капель. Должно помочь. Это всегда ему помогало. Отмерив дозу, Капайм плеснул в кружку воды и одним глотком выпил лекарство. Не в силах больше стоять, он, чуть не падая, проковылял к ложу и ничком повалился на него. Сделать ему пришлось несколько шагов, а сердце теперь колотилось еще безумней, чем раньше, и он буквально обливался потом.

Капайм был слишком хорошим лекарем, чтобы тешить себя иллюзиями. Он снова застонал. Сейчас не

время болеть. Ему надо заниматься борьбой с этой непонятной эпидемией, а не лежать в постели. Лекари не болеют! Как же так... Ведь он так тщательно мылся после осмотра каждого больного!

Почему не помогает экстракт? Из-за этой головной боли он совершенно не может соображать... А сделать нужно так много всего! Надо перечитать и обработать записи, проанализировать ход болезни и вероятность вторичных инфекций типа пневмонии или ангины. Но как же он сможет работать, если ему даже глаз не разлепить? В отчаянии Капайм обхватил голову руками и застонал от чувства собственного бессилия.

Каким-то шестым чувством он вдруг ощутил, что в комнате есть кто-то еще. Минуту назад он был один.

— Не подходи ко мне, — воскликнул он, резко поднимая голову, и тут же вскрикнул от полыхнувшей в висках жгучей боли.

— Не буду.

— А, это ты, Десдра...

— Я поставила у твоей комнаты ученика. Не дело, если тебе не дадут выспаться, — Капайм слушал этот спокойный голос и чувствовал, как в него вливаются новые силы. — Ты ведь заразился этой новой болезнью, не так ли?

— В этом есть какая-то высшая справедливость, — чувство юмора редко покидало Капайма.

— Возможно, — усмехнулась Десдра, — но только сейчас тебя слишком часто поминают.

— Карантин, похоже, не прибавил мне популярности?

— Можно сказать и так. Пост барабанщиков — в настоящей осаде. Фортин делает все, что в его силах.

— Вон в той сумке лежат мои записи. Передай их Фортину. Ему всегда лучше давались организационные дела, чем диагностика. Ты только передай ему мои заметки. В них все, что мне удалось узнать об этой болезни.

Десдра пересекла комнату и вытащила из вещевого мешка довольно тонкую стопку.

— Узнал ты, похоже, не так уж много, — заметила она, просматривая ее листы.

— Да, так, — согласился Капайм и, криво усмехнувшись, добавил: — Но скоро я ознакомлюсь со всеми подробностями.

— Разумеется, — кивнула Десдра. — Ничто не сравнится с собственным опытом. Что тебе принести?

— Ничего не надо! Нет, принеси воды... и какого-нибудь сока...

— С введением карантина нам уже никто ничего не подвозит...

— Тогда только воды. Теперь вот что. Никто не должен входить в эту комнату, Десдра. Даже ты не приближайся к постели. Все, что я попрошу, оставляя на столе у входа.

— Я могла бы все время находиться рядом с тобой.

— В этом нет нужды, — Капайм покачал головой, тут же об этом горько пожалев. — Я предпочитаю остаться один.

— Ну и страдай в одиночестве и тишине.

— Не смейся надо мной, женщина. Знаешь ли ты, как заразна эта болезнь? Скажи, в холде или в мастерской больше никто не заболел?

— Полчаса тому назад все были здоровы.

— А который час? — спросил Капайм.

— Уже вечереет. Четыре часа.

— Любой, побывавший хоть на одной из Встреч и вернувшийся сюда...

— Ты же это категорически запретил... карантин...

— Ну, какой-нибудь упрямец наверняка решит, что он все знает лучше меня... Так вот, любого, кто появится, тут же изолировать на четыре дня. Судя по сообщениям, обычно инкубационный период составляет два дня, но рисковать не хочется... Кстати, я до сих пор не знаю, как долго больной остается заразным — а значит, нам надо проявлять двойную осторожность. Я буду записывать ход болезни и ее симптомы. И положу свои записи вот сюда... на случай... на случай...

— Знаешь, пессимизм тебе как-то не идет.

— Ты всегда утверждала, что в один прекрасный день я умру от болезни, которую не смогу исцелить...

— Это еще что за разговоры? — рассердилась Десдра. — В Архивах работа идет день и ночь!

— Знаю. Слышал вчера вечером, как храпели ваши работнички.

— А! Мастер Фортин так и решил — никто не смог ответить ему, когда ты вернулся. К сожалению, сам он лег спать до твоего появления, а потому добрался до своего стола только к полудню. Он наверняка захочет с тобой увидеться.

— Ему нельзя входить в комнату!

— Не сомневаюсь, что он и не захочет в нее входить.

Почему не помогает экстракт? Сердце колотится, как безумное...

— Десдра, передай Фортину, что настойка сладкого корня не помогает. Более того, мне кажется, от нее больше вреда, чем пользы. В Айгене и Керуне, между прочим, мы использовали именно сладкий корень — и что толку? Пусть попробует настойку из папоротника. Может, она собьет жар... Пусть пробует и другие жаропонижающие... все средства...

— Как? И все — на одном-единственном пациенте?

— Не волнуйся, — с мрачной уверенностью ответил Капайм, — скоро у вас будет вдоволь пациентов. Пробуй — не хочу... Ладно, Десдра, иди. Моя бедная голова и так гудит, словно барабан.

В ответ на это бессердечная Десдра только хмыкнула. А может, она так выражала симпатию? Кто знает? Капайм никогда не знал, чего от нее ждать. Она всегда говорила то, что думала... Но порой лекарю приходится стать дипломатом.

От разговора с ней ему не стало спокойнее, но странным образом Капайму было приятно, что за ним ухаживает именно она.

Он лежал, стараясь не шевелиться. Лежал, положив голову на подушку, таинственным образом закаменевшую. Ему до смерти хотелось, чтобы боль прошла, чтобы экстракт наконец-то оказал целительное действие. Сердце колотилось, как в лихорадке. О сердцебиении говорили многие пациенты, но Капайм даже не представлял, насколько плохо обстояло дело. И, кроме как на проклятый экстракт, никакой надежды...

Он пролежал, казалось, целую вечность, и хотя головная боль стала немного слабее, сердце все так же бешено стучало в груди. Если бы только удалось привести пульс в норму, он смог бы уснуть... Он страшно вымотался, а сон, полный кошмаров и барабанного боя, не принес облегчения. Мысленно Капайм перебирал известные ему сердечные средства: адонис, белошип, аконит... подумав, он выбрал аконит — старое испытанное лекарство.

Ему пришлось снова встать с постели — операция, сопряженная с невероятными усилиями и болью; Капайму не хотелось, чтобы стоявший за дверью ученик

был свидетелем немощи мастера. Достаточно и того, что главный лекарь заболел...

Двух капель, наверно, достаточно. Аконит — сильное лекарство, и применять его следует с осторожностью. Прихватив с собой лист пергамента, стило и чернильницу, Капайм вернулся в постель. Усилием воли он заставил себя записать все, что чувствовал — симптомы и впечатления, а также все принятые им лекарства, тщательно отмечая время. Закончив, он с облегчением откинулся на подушку и сосредоточился на своем дыхании. Мысленно он приказал сердцу биться все медленнее и медленнее. Где-то посередине упражнения его сморил сон.

* * *

«Холта волнуется. Она сердится, и Лери тоже, — обеспокоенный и, в то же время, извиняющийся голос королевы ворвался в окутанное сном сознание Мориты. — И все из-за Ш'гала...»

— Ну, чего ему надо? Оставил бы мне дела Вейра!

«Он говорит, что Лери слишком стара для полетов, и что первыми жертвами эпидемии становятся старики».

— Чтоб ему ни Скорлупы, ни Осколков! С этой эпидемией он окончательно свихнулся! — выругалась Морита, натягивая влажные башмаки.

«Лери настаивает, что ей необходимо поговорить с холдерами... что это особенно важно сейчас, в самый разгар эпидемии. Ей нужно знать, кто заболел. Она уверяет, это можно выяснить издалека...»

— Ну, разумеется... — У Лери никогда не было привычки зря слезать с дракона. Она не отличалась высоким ростом, и позиция на спине огромной королевы давала ей вполне ощутимое психологическое преимущество.

Еще не войдя в вейр, Морита слышала нервное фырканье Холты. Раздраженный голос Ш'гала заставил ее ускорить шаг.

— Зачем ты вмешиваешься в дела королевского крыла? — воскликнула она, подлетая к Предводителю.

Круто повернувшись, Ш'гал, явно не ожидавший ни появления Мориты, ни такого натиска, отступил на несколько шагов. Холта нервно мотала головой; раньше

вождь Вейра не позволял себе командовать золотыми всадницами, а уж старой Лери — тем более.

— Как ты посмел указывать Холте и Лери? — кричала Морита.

— Я еще не настолько стара, чтобы не справиться с истерикой бронзового! — вмешалась Лери.

— Королевы всегда заодно, — в сердцах воскликнул Ш'гал. — Даже вопреки логике и здравому смыслу!

Холта взревела, и снизу на ее клич отозвалась Орлита. Еще миг, и все кругом дрогнуло от рева растревоженных драконов.

— Успокойся, Ш'гал. Нам совсем ни к чему излишние волнения в Вейре, — резко, но спокойно сказала Лери.

Может, она и отказалась от титула Госпожи Вейра, но многие Обороты безраздельной власти не прошли даром. В каждом ее слове чувствовалась непререкаемая воля. Она в упор посмотрела на Ш'гала и, не выдержав ее взгляда, Предводитель отвел глаза. Тогда Лери подмигнула Морите. Молодая Госпожа поспешила заверить свою королеву, что все в порядке, и вскоре сумятица в Вейре стихла.

— А теперь вот что я хотела вам сказать, — заявила Лери, складывая тонкие сухие пальцы поверх громадного тома Записей, разложенного у нее на коленях. — Отличное времечко вы выбрали, чтобы спорить по пустякам! Сейчас, как никогда, Вейру требуется согласие вождей. Да-да, именно сейчас, когда нам предстоит сразиться не с одной напастью, а сразу с двумя. Озаботившись защитой Вейра от новой болезни ты, Ш'гал, кое-что пропустил. И я хотела бы тебе об этом напомнить. Подумай сам, после двух Встреч вряд ли найдется всадник, у которого не было бы возможности заразиться. По правде сказать, ты сам — один из самых вероятных носителей инфекции. Ты побывал в лазарете в Южном Болле, не говоря уже об Исте. Кроме того, ты видел то несчастное животное — источник наших бед.

— Но я же не входил в лазарет и не прикасался к той поганой твари! Кроме того, я как следует вымылся в Ледяном озере сразу после возвращения в Вейр!

— Ах вот, значит, почему ты так плохо соображаешь сегодня утром! Жаль, что первым у тебя оттаял язык... Спокойнее. Предводитель, держи себя в руках! — Лери не давала Ш'галу ни малейшего шанса оправдаться.

Так вот, пока ты спал, Морита не сидела сложа руки. И я тоже, — она демонстративно поправила лежавший на коленях том. — Сторожевые всадники знают, что в Вейр никого нельзя пускать — хотя вряд ли кто-то вздумает прилететь к нам в такой туман, да еще на следующий день после двух Встреч. Барабанные башни Форт холда гудят целый день. Петерпар проверяет, нет ли в наших табунах заболевших животных... ну, это вряд ли, последний раз мы получали скакунов из Тиллека. Нессо обстоятельно рассказывает о случившемся всем, кто достаточно протрезвел, чтобы ее понять. К'лон явно идет на поправку. Скажи, Морита, как ты полагаешь, что с Берчаром?

Морита никогда не сомневалась, что старой Госпоже отлично известно все, что происходит в стенах Вейра, но Лери не любила демонстрировать излишнюю осведомленность.

— С Берчаром? — воскликнул Ш'гал. — А что с ним такое?

— Судя по всему, то же самое, что и с К'лоном, — ответила Морита. — По указанию лекаря, С'гор изолировал его в своем вейре, и сам тоже будет сидеть на земле, пока не станет ясно, заболел он или нет. И если К'лон поправляется, то почему бы и Берчару не выздороветь?

— Уже двое больных! — схватился за голову Ш'гал.

— Не надо зря рвать волосы, — с грубоватым сочувствием посоветовала Лери. — Если хочешь проверить, нет ли у тебя жара, то не трудись. Еще слишком рано. Мастер Капайм утверждает, что инкубационный период болезни составляет около двух дней, а значит, пока ты ничего не можешь чувствовать. Не волнуйся, завтра тебе вести крылья против Нитей. А мы с Холтой, как и подобает согласно традиции, полетим с королевским крылом. Затем я послушаю отчеты наземных отрядов... если они, конечно, будут. Набол и Кром вряд ли поддадутся панике. Эпидемия еще никак не могла добраться к ним. Я, как всегда, не стану слезать с Холты, и опасности заражения не будет. Поддерживать контакт с холдами — одна из важнейших обязанностей Вейра. А если наземные отряды не будут нам помогать, работы прибавится вдвое. Ты и сам это знаешь.

Судя по выражению лица Ш'гала, мысль о возможном отсутствии наземных отрядов до сих пор просто не приходила ему в голову.

— Откровенно говоря, — продолжала Лери, — пусть я даже заболею — потеря невелика. Я стара, — она косо глянула на Ш'гала, — и теперь — самый никчемный всадник во всем Вейре. Прока от меня никакого.

Холта и Орлита тревожно заурчали. Даже Кадит, и тот забеспокоился, а Морита бросилась обнимать старую Госпожу.

— Это неправда! Ты же самая храбрая всадница на всем Перне!

— Идите, идите, — Лери осторожно подтолкнула Мориту к выходу. — И помните, мы сделали все, что было возможно.

— Пойду успокою Кадита — буркнул Ш'гал, торопливо выскальзывая из вейра.

— Да не волнуйся ты так, — сказала Лери замешкавшейся на пороге Морите. — Я и правда не стою лишних слез. Все, что я говорила, правда. Ну, или почти правда... Кроме того, мне кажется, что Холте хотелось бы отдохнуть, а пока я жива...

— Лери, не говори так! Что я буду без тебя делать?!

— Как что? — улыбнулась старая всадница. — То же, что и сейчас. Так всегда бывает. Но вот мне будет тебя не хватать. А теперь тебе, пожалуй, стоит спуститься в Пещеры. Весь Вейр слышал, как ревели наши королевы — тебе надо успокоить всадников. А то вообразят невесть что.

Морита все еще колебалась.

— Ты беспокоишься из-за того, что трогала скакуна в Руате? — напрямик спросила Лери.

— Да не особенно, — пожала плечами Морита. — Что было, то было, и этого не изменишь. Мои пристрастия всегда смущали Л'мала...

— Но не так сильно, как радовали его твои способности лекаря... Давай, иди, а то и вправду они там решат, что случилось нечто ужасное. Да, чуть не забыла... передай эту сбрую Т'ралу, пусть он ее починит... Мне вовсе не улыбается перспектива свалиться напоследок с Холты. Вот уж поистине был бы бесславный конец... Да иди же ты, и проверь свою собственную сбрую. Привычные дела успокаивают.

Вернувшись в свой вейр, Морита послушно села за работу.

«Я не хотела тебя будить, но Холта меня попросила...»

— Ты поступила именно так, как следовало.

«Холта — великая королева...»

— И Лери тоже великолепна, — подойдя к склонившей голову Орлите, всадница нежно погладила выступавшее надбровье своей подруги. — Это последнее Падение, на которое ты вылетаешь, — заметила она, окинув взглядом вздувшийся живот королевы.

«Я полечу завтра. И полечу, когда будет нужно».

— Тебя не беспокоит, что я воспользовалась помощью Малты сегодня утром?

«Ничуть. Мне просто хотелось, чтобы ты знала: я всегда готова лететь с тобой хоть на край света».

— Надеюсь, не случится ничего такого, чтобы тебе пришлось покинуть кладку, любовь моя... Схожу-ка я, пожалуй, в Нижние Пещеры.

По дороге Морита напомнила себе, что всадники — народ не слабонервный. Они — сильные и телом, и духом люди. Каждое Падение они вылетают на бой, прекрасно зная, что некоторых ждет увечье, а кое-кого — смерть. Почему же их должна испугать еще одна опасность? С какой стати невидимая угроза болезни должна казаться более смертоносной, чем обжигающие прикосновения Нитей?

Похоже, ей просто передалась нервозность Ш'гала. Кроме того, даже прикосновение к умершему скауну вовсе не обязательно должно закончиться болезнью. Что же до К'лона и Берчара... ну, вполне возможно, что это просто-напросто случайность... Ну, пусть не случайность, а скажем, несчастный случай: К'лон ведь так часто посещал А'мурри в Айгене.

Туман вроде рассеивался. Вскоре Морита уже видела перед собой не одну-две ступеньки, а целый лестничный пролет.

Добравшись до Нижних Пещер, она обнаружила, что в них полным-полно народа. Такое впечатление, что здесь собрался почти весь Вейр. Судя по груде грязных тарелок на столе, всадники уже успели перекусить. Женщины и ученики разносили чаши, полные кла. На другой стороне зала, на небольшом возвышении, сидели наездницы королев: Лидора, Хаура и Камиана. Все трое — со своими приятелями.

Появление Мориты не осталось незамеченным. Гул разговоров несколько поутих. Заметив Т'рала, Госпожа Вейра направилась к нему. Наконец-то почувствовав се-

бя по-настоящему дома, она улыбалась, приветственно кивая сидящим за столами всадникам.

— Т'рал, Лери просила, чтобы ты починил ее упряжь.

— Давай сюда, — хмыкнул Т'рал. — Не дело, если какой-нибудь ремень вдруг порвется прямо во время полета.

— Морита, — позвал ее молодой коричневый всадник, расположившийся напротив. — Скажи, мы правильно поняли сообщение барабанов?

— Зависит от того, насколько сильно болела твоя голова после вчерашней попойки, — ответила Морита, и за столами засмеялись.

— Кла или вина? — спросила Хаура, когда Морита добралась до возвышения.

— Вина, — твердо сказала Морита, вызвав своим ответом всеобщее одобрение.

— У нее только ноги заплетаются, — пошутил кто-то, — а не язык.

— Танцы в Руате были что надо! — сказала Морита и, оглядевшись по сторонам, спросила: — Ну, кто еще не понял сигналов барабанов?

— Тем, кто умудрился проспять барабанный грохот, пришлось выслушать его от Нессо, — вместо завтрака, — крикнул кто-то из середины зала.

Нессо гневно потрясла поварешкой в сторону невидимого шутника.

— Значит, вы все уже в курсе, что на Перне началась эпидемия. Она вызвана странным животным, которого вытащили из воды моряки Исты. Этой новой болезнью могут заразиться не только люди, но и скакуны. Мастер Капайм уверяет, что стражам и драконам эта инфекция не грозит. Пока у болезни нет даже названия, но если она и вправду пришла к нам с южного континента, то вполне возможно, что она упоминается в Архивах...

— Как и все остальное... — пошутил кто-то.

— А значит, — продолжала Морита, — проблема борьбы с ней — только вопрос времени. Однако, — ее голос стал совершенно серьезным, — Капайм предлагает не собираться большими группами...

— Ему следовало сказать об этом вчера!

— Согласна. Но завтра нам предстоит Падение. К чему ненужная бравада? Основные симптомы — головная боль и сильный жар.

— Значит, у К'лона именно эта болезнь?
— Вполне вероятно, но он уже почти поправился.
— А как Берчар? — спросил чей-то озабоченный голос.

— Скорее всего, заразился от К'лона. Вы все, наверно, знаете, что наш лекарь сейчас находится в изоляции в вейре С'гора.

— А Ш'гал?

По залу пробежал беспокойный шепоток.

— Пять минут назад с ним было все в порядке, — сухо ответила Морита. — Завтра он поведет в бой крылья. И мы все полетим вместе с ним.

— Морита! — из-за стола поднялся Т'нур, наездник зеленой Тапеты. — Сколько будет продолжаться этот карантин?

— Пока мастер Капайм не объявит о его окончании, — заявила Морита и, видя недовольное выражение на лице всадника, добавила: — Вейр будет строго выполнять приказ Главного мастера целителей! А теперь — несколько слов о том, как нам жить дальше. Раз уж Берчар заболел, то уход за ранеными я возлагаю на тебя, Деклан, и тебя, Майлон. Нессо, ты и твои люди должны быть готовы им помочь. С'перен, могу я рассчитывать также и на твою помощь?

— Разумеется, Госпожа.

— И на твою, Хаура? — всадница не слишком охотно кивнула. — Так, у нас еще остались какие-нибудь нерешенные вопросы?

— Холта летит с нами? — тихо спросила Хаура.

— Конечно! — резко ответила Морита. — Лери, как и всегда, будет разговаривать с наземными отрядами, не сходя со спины своей королевы.

— Морита, — подал голос Т'рал. — По поводу наземных отрядов. Я знаю, что Набол и Кром завтра нас не подведут. Но что будет в следующее Падение? Оно же над Тиллеком, а потом — над Руатом. Если эпидемия не утихнет, у нас не будет помощников на земле?

— Об этом давайте беспокоиться, когда придет время следующего Падения, — быстро ответила Морита с беззаботной улыбкой. Руат! А ведь там сейчас все, кто приехал на Встречу!

— Холды будут выполнять свой долг так же, как и Вейры, — заявила она и села за стол, давая понять, что обсуждение закончено.

Нессо поставила перед ней тарелку.

— Тебе, наверно, следует знать, — тихо шепнула она на ухо госпоже, — что теперь все барабанные сообщения подписаны Фортином.

— Не Капаймом?

— Нет, — покачала головой Нессо. — После того, самого первого объявления о введении карантина, Капайм молчит... Только Фортин.

— Надеюсь, ты никому об этом не говорила?

— Я знаю свой долг, Госпожа, — ответила оскорбленная Нессо.

* * *

«Головная боль и не думает проходить», — решил Капайм, пытаясь найти более удобную позу. Как невыносимо медленно тянется время! Новую порцию экстракта он сможет принять только через час. Благодаря акониту, сердце его стучало теперь более размеренно. Целитель осторожно перевернулся на правый бок. Он заставил себя расслабиться...

Вдобавок ко всем его страданиям, барабан начал передавать новое срочное сообщение. В это время? Они что, собираются грохотать двадцать четыре часа в сутки? Разве барабанщики никогда не спят? Капайм понял, что сообщение адресовано в Вейр Телгар, но больше ничего разобрать не смог. Ему было никак не сосредоточиться.

Целый час, прежде чем он сможет принять еще немного снотворного? Его долг, как лекаря, — внимательно следить за течением болезни... Порой этот долг казался невыносимо тяжким.

Капайм вздохнул. Ему все-таки следовало повнимательнее прислушаться к тому сообщению в Телгар. Откуда еще он сможет узнать, что происходит на Перне? Откуда еще он узнает, как развивается эпидемия? Но как можно думать, когда так болит голова?

Глава 8

*Год 1543, двенадцатый день третьего месяца;
Форт Вейр*

На следующее утро, когда Орлита разбудила свою подругу, от тумана не осталось и следа.

— А как на северо-западе? — поинтересовалась Морита. — У Набола и Крома?

«Скоро узнаем, — ответила ее золотая. — Первый дракон уже вылетел на разведку».

— Как Ш'гал?

«Проснулся. Одевается. Кадит говорит, что Предводитель хорошо отдохнул».

А что Малта может сказать о Берчаре?

Короткая пауза, пока Орлита наводила справки.

«Малта говорит, что Берчару стало хуже».

Нельзя сказать, что Морите это очень понравилось. Если Берчар принимал настойку сладкого корня, жар к утру должен был упасть.

«Ни ты, ни Предводитель пока не заболели», — попыталась подбодрить ее Орлита.

Засмеявшись, всадница обняла свою королеву за шею, любовно почесывая надбровные дуги.

— Думаешь, стоит тебе сегодня лететь? — спросила она, глядя на вздутый живот золотой.

«Ну конечно, — выгнув шею, Орлита тоже посмотрела на свой живот. — Когда я взлечу, все будет в порядке».

— Как дела у Холты и Лери?

«Они еще спят».

— Наверно, старая Госпожа допоздна просидела над Записями!

Вчера вечером, возвращая старой наезднице починенную Тралом упряжь, Морита застала Лери за чтением.

— Похоже, — с отвращением заявила та, — что в Вейрах люди не болеют. Прихватит живот от обжорства или излишних возлияний молодого вина — и все... Ну, конечно, ожоги Нитей, травмы от идиотских столкновений, ножевые ранения... этого — сколько угодно. Но болезни? Я просмотрела Архивы за двадцать Оборотов после прошлого Падения, — Лери зевнула. — Тоска неимоверная! Я продолжаю читать, но исключительно из чувства долга. Всадники — народ здоровый.

Морита ничуть не возражала отправиться спать с этой внушающей надежду новостью. Хотя Нессо и казалось подозрительным, что все сообщения подписывает не Капайм, а Фортин, она сумела убедить себя, что главный мастер целителей просто-напросто отсыпается после многодневного путешествия по охваченным болезнью холдам. Ш'гал же говорил, что они летали несколько дней практически без остановок. А что до беспокойства Предводителя, то оно, скорее всего, вызвано его мнительностью и врожденным страхом перед лекарствами. Теперь и о своем контакте с умершим в Руате скакуном она вспоминала куда спокойнее, чем раньше. Все произошло так быстро... она никак не могла заразиться.

В итоге, отлично выспавшись, Морита встретила Падение бодрой и уверенной в своих силах. В такие дни она всегда предпочитала встать пораньше; сегодня же — особенно. Раз Берчар болен, значит, ей придется самой проверить, все ли готово к лечению пострадавших драконов.

Деклан, Майлон и еще шесть человек уже успели разбить передвижной лазарет. Деклан и Майлон выросли в холде, разводящем скакунов, как и сама Морита. Избранные в прошлый Оборот во время поиска кандидатов для очередной кладки Пелианты, они не сумели никого запечатлеть. Но Деклан оказался удивительно полезным Берчару, а Майлон был молод и мог попытаться счастья еще раз. В итоге оба они остались в Вейре. Если Майлон в конце концов и станет всадником, приобретаемые им сейчас навыки и умения очень пригодятся ему в будущем. В Вейрах вечно не хватает лекарей для драконов.

Морита как раз набрала себе полную тарелку каши из висевшего над огнем котелка, когда в Пещеру вошел Ш'гал. Быстро направившись к столу на возвышении, он отодвинул все кресла, кроме своего. Сев, он движением руки подозвал сонного ученика и, когда юноша хотел подняться к нему, резким тоном запретил ему подходить близко. Собравшиеся в зале всадники с любопытством наблюдали, как парень принес чашу кла и тарелку с кашей и поставил их на дальний от Предводителя конец стола. Лишь когда юноша отошел, Ш'гал взял свой завтрак.

Подобные предосторожности, на взгляд Мориты — совершенно излишние, вызывали у нее только раздра-

жение. Сегодня у Вейра и так было достаточно проблем. Но из уважения к Предводителю она заставила себя оставаться внешне бесстрастной. Нессо добавила в кашу какую-то ароматную приправу, и она стала гадать, что же это за травка.

Ведущие крыльев стали подходить к Ш'галу с докладами о готовности своих людей. Они предусмотрительно не нарушали установленной вождем дистанции.

В Пещеру вошли три всадницы королев: Камиана, которая была на несколько Оборотов моложе Мориты — как всегда, она выглядела абсолютно невозмутимой; Лидора, явно чем-то обеспокоенная — но, похоже, не предстоящей схваткой с Нитями, которых она повидала уже достаточно (впрочем, она недавно поменяла приятеля и порой казалась слегка раздраженной); и Хаура — самая молодая из всех, всегда ужасно нервничавшая перед вылетом, но неизменно отважная, когда доходило до дела.

— Ш'гал не хочет рисковать? — прошептала Камиана, заметив одиноко сидевшего за столом Предводителя.

— Он же возил Капайма из Исты в Южный Болл и в Форт холд.

— А как Берчар?

— Температура еще держится, — с деланной небрежностью ответила Морита, давая понять, что другого, мол, она и не ожидала.

— Будем надеяться, что никто сегодня не пострадает, — Камиана адресовала это замечание Хауре, которая была довольно опытной, хотя и не слишком обожавшей свое занятие помощницей лекаря.

— Холта поведет королевское крыло, — сказала Морита, бросая на Камиану неодобрительный взгляд. — Это придется ей по душе, а мы сможем как следует приглядеть за ней. Хаура, ты полетишь замыкающей. В Наболе и Кроме, может, совсем не было тумана...

— А разведчик уже вылетел? — прервала ее Лидора.

— Ш'гал заботится о предварительной разведке больше, чем любой другой Предводитель, с которым я когда-либо встречалась, — сухо ответила Морита.

Ученики принесли женщинам кашу и кла. В зале начали группами появляться всадники — они набирали себе порции каши и, оживленно болтая, рассаживались за длинными столами. Помощники командиров крыльев ходили по залу, передавая всадникам последние ин-

струкции перед вылетом. Все шло, как обычно, несмотря на странное поведение Ш'гала. Все, как обычно — но только до возвращения дозорного.

— Коричневый с Плоскогорья сказал, что тумана нет до самого побережья, — входя в зал, громко объявил разведчик — всадник по имени А'дан.

— Коричневый с Плоскогорья? — переспросил Ш'гал. — Ты что, с ним разговаривал?

— Конечно! — удивленно ответил А'дан, поворачиваясь к своему Предводителю. — Откуда еще я мог узнать о погоде на побережье? Мы встретились с ним...

— Разве тебе вчера не говорили... — Ш'гал встал. Он был вне себя от гнева. С подозрением поглядев на Мориту, он продолжил: — Я полагал, ты предупрежден, что ни с кем нельзя вступать в контакт!

— Всадники — не кто-нибудь...

— Тебе же сказали — ни с кем. Ни с кем! Нельзя, чтобы болезнь проникла в Форт Вейр. А это означает — держаться обособленно. Сегодня во время падения ни один всадник нашего Вейра не приблизится ни к жителю холда, ни к другому всаднику, будь он хоть из Бендена, хоть с Плоскогорья. Все необходимые приказы отдавайте не сходя с дракона, лучше всего прямо в полете. И не прикасайтесь ни к чему и ни к кому вне пределов Вейра! На сей раз вы меня хорошо поняли? — и он снова пристально поглядел на Мориту, словно ожидал, что она начнет ему возражать.

— Интересно, — прошептала Камиана, — что Ш'гал собирается делать с теми, кто ослушается его приказа?

Морита жестом велела ей замолчать. Ш'гал еще не закончил.

— А теперь, — продолжал Предводитель уже менее суровым тоном, — нам предстоит сразиться с Нитями. Мы с вами и наши драконы — единственная сила, способная защитить Перн. Потому-то мы и живем так уединенно. Потому-то нам и придется держаться особняком — мы просто обязаны сохранить здоровье. Запомните это! Только племя Парящих на Драконах может защитить Перн от смертоносных Нитей! И мы не должны ударить в грязь лицом!

— Здорово он разошелся, — заметила Лидора на ухо Морите. — Любопытно, сколько он собирается нас тут продержать? — в голосе молодой всадницы слышалось недовольство.

Морита насмешливо поглядела на нее.

— Как это ни печально, Лидора, но любовь, начавшаяся на Встрече, обычно скоротечна, — сказала она, угадав причину волнения наездницы. «Интересно, — подумала Морита, — кто же пленил ее сердце?»

С деланным безразличием она отвернулась, но перед глазами ее всплыло лицо Алессана. Как им было хорошо вчера! Шум отодвигаемых скамеек и топот ног вернули Мориту к реальности. Она поспешно поднялась. Традиция требовала, чтобы она подошла к Предводителю Вейра за последними инструкциями для королевского крыла. Морита остановилась в нескольких шагах от стола.

— Лери по-прежнему хочет лететь с вами?

— Не вижу причин отказывать ей.

— Ты, конечно, приглядишь, чтобы она не вздумала слезть со своей королевы.

— Она и так никогда с нее не слезает.

Ш'гал пожал плечами, снимая с себя всякую ответственность за судьбу Лери.

— Присмотри за драконами, — велел он. — Падение начинается в полдень.

— Он снова возражал против того, чтобы Лери летела с нами? — спросила Камиана у Мориты несколько минут спустя.

— Да не особенно, — ответила та, выходя из Пещеры.

Наездницы последовали за ней.

В чаще тем временем одни всадники седлали драконов, укрепляя на их шеях мешки с огненным камнем, другие растирали целебной мазью недавние шрамы на блестящей драконьей шкуре. Вокруг с озабоченным видом сновали вездесущие ученики. Атмосфера была суматошной, но деловой. Как и всегда перед вылетом на Падение. Странно думать, что тут у них все идет как обычно, а где-то на Перне люди и скакуны в муках гибнут от странной болезни...

«Это не слишком хорошие мысли», — раздался у Мориты в голове суровый голос ее королевы.

— Ты права. Совсем не то, о чем следует думать перед Падением. Извини.

«Ничего страшного. День ясный. Мы достойно встретим Нити».

Спокойная уверенность золотой вернула Морите ее

природный оптимизм. Ярко светило солнце, а после вчерашнего мокрого противного тумана чистый и свежий горный воздух казался поистине живительным.

Хороший морозец сейчас бы не помешал, решила Морита, поднимаясь к себе в вейр.

Орлита даже пританцовывала на месте от нетерпения, поджидая свою подругу у входа. В порыве нежности Морита крепко обхватила шею дракона, прижавшись щекой к чешуйчатой коже. Орлита довольно заурчала. Неохотно отпустив свою королеву, всадница сняла со стены упряжь. Она расстелила ремни, осматривая, нет ли на них повреждений. От холода Промежутка коробилась даже самая лучшая кожа, и большинство всадников меняли упряжь три-четыре раза за Оборот. Удостоверившись, что с ремнями все в порядке, Морита проверила давление в баке огнемета, лишний раз прочистила его сопло и вскинула громоздкий аппарат себе на плечи. Затем дракон и всадница вышли на карниз перед вейром. Морита поправила защитные очки, застегнула шлем и оседлала толстый ствол шеи. Мощным прыжком королева взметнулась в воздух.

— Боюсь, тебе это дается все тяжелее, — сочувственно сказала Морита.

«Стоит мне взлететь, и я могу абсолютно все», — успокоила ее королева, и в доказательство сделала в воздухе изящный пируэт.

Поднявшись к Звездным Камням, Орлита ловко приземлилась рядом с поджидавшим ее там Кадитом. Дракон Предводителя был не самым крупным в Форт Вейре, но во время брачного полета с Орлитой показал себя ловким, смелым и энергичным. Кадит нежно поглядел на золотую королеву и ласково потерся головой о ее шею.

И вот Ш'гал подал знак голубым, зеленым, коричневым и бронзовым всадникам приступить к кормлению драконов огненным камнем. Несмотря на всю важность этой процедуры для последующего уничтожения Нитей, Морита никогда не могла заставить себя относиться к ней с подобающей серьезностью. Она смотрела прямо перед собой с непроницаемым лицом, но тем не менее прекрасно сознавала, как смешно выглядят сейчас драконы: глаза полузакрыты, на мордах задумчивые и немного печальные выражения. Драконы жевали огненный камень крайне осторожно. Камень надо положить на

зубы именно так, а не иначе, и только тогда кусать; усилие, необходимое для размельчения камня, если его приложить неправильно, может лишить дракона языка.

Покончив с огненным камнем, двенадцать крыльев драконов — зеленые, голубые, коричневые и бронзовые тела ослепительно сверкают в ярком солнечном свете, фасетчатые глаза горят жадой схватки, крылья нетерпеливо трепещут — приготовились к взлету.

«Кадит, они готовы. Их животы полны огненного камня, почему мы не летим?» — услышала Морита. Она обладала чрезвычайно редкой способностью — могла понимать не только своего, но и любого другого дракона. Даже когда звери разговаривали между собой.

Кадит покосился на Орлиту, советуя ей не проявлять нетерпения. Орлита была королевой Вейра и, как старшая королева — самым сильным драконом во всем Вейре; а так как Форт Вейр являлся самым большим на планете, то первая из его золотых считалась главной королевой Перна. Но во время Падения командовал Предводитель, и Орлите приходилось подчиняться Кадиту и Ш'галу. Как, впрочем, и ее всаднице.

И вдруг, словно по волшебству, дальнейшее крыло взмыло в небо. Его место было на западе, на самом верху трех летящих друг над другом крыльев. Вслед за первым, в воздух поднялось второе крыло, затем — третье. Заняв свои позиции, крылья ушли в Промежуток. Затем взлетели крылья северного направления: они пойдут наперерез фронту падающих Нитей. Вот и они скрылись в Промежутке. Исчезли и северо-западные крылья. Ш'гал поднял руку: он поведет свои крылья с востока, вдоль края плато Крома, там, где ожидается появление первой волны Нитей. Королевское крыло тоже заняло свою боевую позицию — так низко над землей, как это только возможно. Более сильные крылья королей давали им дополнительную стабильность в полете.

Впереди плыла Лери на Холте — Морита даже и не заметила, откуда они появились. Хаура и Камиана заняли свои позиции внизу, а Морита и Лидора поднялись немного вверх.

«Кадит велел уходить в Промежуток».

— Ты получила от него образ?

«Ясный и четкий».

— Тогда вперед, Орлита!

Там мрак, ледяная тьма,

Молчанье: ни крика, ни стоана...

Солнце светило им в спину. Вдали голубели горы Набола. Внизу простирались голые равнины восточного Крома. Они ярко блестели — похоже, тут выпала либо необычайно густая роса, либо иней.

Морита взглянула на Холту — все в порядке. Над головой плыли боевые крылья: самое верхнее — крошечные черные точки в бездонной голубизне. Всадница оглянулась.

— Как ветер?

Орлита скользнула чуть влево, затем обратно, пробуя.

«Ничего страшного. Он нам не помешает».

«Значит, Нити будут падать чуть под углом», — подумала Морита. Над горами, наверно, будут проблемы: в сильных восходящих и нисходящих воздушных потоках движение Нитей станет далеко не таким предсказуемым, как над равниной. В холодное время года Нити падали быстрее, но сейчас, хотя и было прохладнее, чем в прошлые Падения этого Оборота, до мороза дело все-таки не дошло.

«Приближаются!»

Морита снова оглянулась. Высоко-высоко в небе она увидела серебряную полосу, неотвратимо приближающуюся к земле. Падение Нитей!

«Первая волна!» — Орлита рванулась вперед, наперерез смертоносному ливню.

Морита затаила дыхание. Как всегда, она очень волновалась, хотя до соприкосновения королевского крыла с Нитями пройдет еще не один десяток минут. Первый удар принимали на себя боевые крылья верхнего эшелона. Она кинула быстрый взгляд на Холту.

«С ними все в порядке», — завершила ее Орлита.

Теперь уже первая волна Нитей была видна во всей своей красе. Небо озарилось вспышками огня. Морита видела, как драконы на всех уровнях атаковали несущиеся к земле споры. Затем, по характеру расположения вспышек, она догадалась, что фронт Падения на сей раз был не сплошной.

«Кадит сообщает, что это волна рваная, — доложила Орлита. — Надо расширить строй. Южные крылья начинают атаку».

Королева (Морита знала это на собственном опыте) будет комментировать ход сражения вплоть до того момента, когда придет черед королевского крыла показать

себя в деле. Тогда ей станет не до разговоров: все внимание — тому, как уберечься самой и оградить всадницу от обжигающих прикосновений Нитей.

Верхний эшелон пошел на снижение.

«Пострадавших нет», — между тем продолжала золотая.

«В первые минуты схватки всегда все идет хорошо, — подумала Морита. — И пострадавших обычно не бывает, как бы густо не падали Нити». Всадники — свежие, драконы рвутся в бой. Ошибаться и люди, и драконы начинали потом, где-нибудь на втором часу сражения. Именно тогда случались промахи — Падение не всегда проходило так, как его первая волна, особенно в конце Прохождения.

«Кадит прицеливается. Кадит пускает огонь. Попадание! — в предельно спокойном тоне Орлиты слышалось возбуждение. — Он ушел в Промежуток. Вынырнул из него. Огонь. Все крылья включились в бой. Верхние ряды разворачиваются для нового захода».

Теперь ветер нес с собой крошечные частички черной сажи — все, что осталось от сожженных в воздухе Нитей.

«Ни одна Нить не ускользнула от боевых крыльев», — сообщила Орлита.

Порой Нити сыпались с небес огромными гроздьями, и тогда драконам приходилось нелегко. Впрочем, некоторые опытные наездники считали густую первую волну Падения хорошим знаком: в конце будет легче, утверждали они. Сколько Падений уже осталось за плечами, сколько первых волн, сколько возможных вариантов... Есть с чем сравнивать. Но всегда любые два описания — даже одного и того же Падения, и даже двух всадников одного и того же крыла — отличались друг от друга.

Старый Л'мал как-то говорил Морите, что выносливость и боевая мощь драконов ограничены только способностями их всадников к хвостовству. И все же, какие байки не текли бы с их языков, если ни одна Нить не достигала земли, значит, они справлялись со своим делом.

Под крыльями Орлиты неслась равнина Крома, но всадница не смотрела вниз. Ее взгляд был устремлен вперед — привычное разделение обязанностей с королевой: Морита видела не только то, что проплывало перед ее собственными глазами, но и все, на что падал взор ее золотой. Как часто Морите хотелось взмыть в небеса и

со всего размаха врезаться в самую гущу схватки, как делали это другие всадники и другие драконы. Но вместо этого ей приходилось парить у самой земли и ждать появления пропущенной другими Нити. Порой она — а может, это в ней говорила Орлита? — завидовала зеленым драконам. Да, от того, что те жевали огненный камень, они не могли откладывать яиц — оно и к лучшему, не то зеленые уже давным-давно заполонили бы весь Перн. Но зато они могли сражаться по-настоящему. И пусть их подстерегала опасность. Без нее нет радости победы!

«Нить!»

— Хаура!

«Ферта видит! Ферта вступает в бой!»

Молодая королева вильнула в сторону, огнемет полыхнул огнем, и только черный пепел остался от летевшей к земле смертоносной Нити.

— Орлита, передай, что надо увеличить интервал между драконами. Камиана остается с Лери. Мы летим на юг. Хаура пусть возьмет на себя север.

Орлита послушно развернулась, набирая понемногу скорость и высоту.

Наступало самое тяжелое время Падения, когда приходилось бесконечно летать взад-вперед. Но другого выхода не было: внизу лежали плодородные поля Крома — результат трудов многих поколений холдеров.

Они приближались к первой гряде холмов, к первым холдам Крома. Ряды окон на склонах, крепко-накрепко закрытые металлическими ставнями, ярко блестели на солнце.

— Орлита, — попросила всадница, — попробуй узнать у стража, все ли там здоровы?

«Он ничего не знает», — презрительно ответила королева.

Орлите явно не доставляло удовольствия связываться с этими глупыми тварями. Впереди показалась вторая гряда, и драконы начали набирать высоту.

«Кадит велел собраться над холдом Кром», — передала Орлита.

Морита представила себе нависшие над Кромом скалы, зашептала свой стишок-защиту от холода Промежутка, и на словах «ни крика» очутилась над главным холдом Крома. Он располагался на берегу реки, и когда ставни были раздвинуты, из окон открывался великолепный вид

на пороги. Скот, обычно пасущийся на лугах вдоль реки, теперь, похоже, был загнан в стойла.

«Местные стражи тоже ничего не знают, — проинформировала Орлита свою наездницу. — Они беспокоятся из-за Падения, но это и все... Кадит сообщает, что Нити сейчас идут очень густо, и что нам следует соблюдать осторожность. Три дракона уже получили легкие ранения. С огнем у всех хорошо, и крылья в полном порядке...»

Вдруг золотая резко вильнула в сторону, и Морита увидела опускающийся клубок Нитей. К нему несли голубой дракон.

— Наша позиция лучше, — воскликнула Морита, зная, что королева передаст предупреждение голубому дракону и его всаднику.

Когда они пролетали под Нитями, она прицелилась и нажала на спуск огнемета. Струя пламени точно попала в цель, но рядом промелькнули голубые крылья и брюхо.

— Слишком близко! — воскликнула Морита. — Кто это был?

«Н'мен, на Желте, — ответила Орлита. — Один из молодых голубых. Ты его не задела».

— Небольшой ожог, возможно, научил бы его дисциплине, — никак не могла успокоиться Морита, но у нее отлегло от сердца, что молодой всадник и его дракон не пострадали. — Это же глупо и безответственно — боевому дракону летать так низко над землей! И потом, как он мог нас не заметить? У него что, глаз нет? Ну, я ему задам!

«Нити!» — прервала ее Орлита, бросаясь в новом направлении. Но на сей раз Лидора была ближе, и Орлита уступила.

Королевское крыло перестроилось, и битва продолжалась. Орлита сообщала о новых и новых ранениях — к счастью, все не слишком серьезные. Всадники запрашивали огненный камень для драконов, исчерпавших запасы. Они встречались с подвозящими камень учениками. Глядя на них, Морита на всякий случай проверила уровень горючего в баке огнемета — пуст наполовину. Поля Крома остались позади. Теперь под ними высились украшенные снежными шапками горы, разделяющие Кром и Набол. На их голых, негостеприимных склонах Нити вряд ли нашли бы себе пропитание, но королевы сражались, не теряя бдительности. И вот

Ш'гал и Кадит приказали драконам переместиться Промежутком к самому Наболу.

Хаура сообщила, что у них с Лери закончилось горючее, и что они приземляются у шахты — получить от учеников запасные баки.

— Орлита, передай Лери — может, здешний страж что-нибудь знает?

«Холта говорит, что все стражи глупы, ничего не знают и знать не могут. И что для нас они совершенно бесполезны».

Любая посадка для Холты являлась проблемой — старая королева была уже далеко не такой подвижной и ловкой, как раньше. Поэтому Лери предусмотрительно приземлилась на огромном уступе над шахтным холдом. Ученик на молодом зеленом драконе вынырнул из Промежутка. На шее у него висели два полных бака. Ловко приземлившись рядом с Холтой, юный всадник соскочил со своего дракона и мигом заменил пустой бак огнемета Лери на полный. Еще мгновение, и Холта, шагнув вперед, прыгнула с уступа, расправляя в воздухе широкие крылья.

«Они берегут силы, — сообщила Морите наблюдавшая за этой сценой королева. — Это хорошо».

— Летим к Кадиту, — решила Морита.

Они вошли в Промежуток и вынырнули из него над горным ущельем как раз в тот миг, когда клубок Нитей упал на острый скальный гребень.

«Тапета сейчас с ними разберется!»

Обжигая скалы огненным дыханием, к месту падения Нитей из поднебесья рухнула зеленая. В последнюю секунду, когда, казалось, она вот-вот разобьется, зеленая распахнула крылья и взвилась вверх.

— Давай туда! — приказала Морита. — Никакому наземному отряду не добраться до этого места.

И вот они над почерневшими от копоти камнями. Золотая послушно зависла над гребнем, а Морита обильно полила огнем склоны. Серебряные Нити извивались и шипели, превращаясь в золу. Морита методично била из огнемета по каждой трещине, каждому укромному уголку — чтобы зарыться, Нити достаточно одного мгновения.

— Приземлись-ка чуть-чуть в стороне, — решила она. — У меня пустеет бак. И передай, чтобы подвезли новый.

«Уже везут», — ответила Орлита, приземляясь.

— Мне хотелось бы проверить этот гребень...

Держа огнемет наготове, всадница осторожно шла по скале, еще теплой от недавно лизавшего ее пламени. Ей всегда не нравилось осматривать места, где Нити достигли поверхности земли. К тому же не со спины своего дракона, а пешком. Но кому-то же надо это делать. И чем быстрее, тем лучше.

Восточная часть гребня являла собой сплошную монолитную скальную плиту — в нее не зароешься! Западная часть — несколько похуже, однако огнемет сделал свое дело. Да и Тапета вроде не подкачала.

В этот миг из Промежутка в какой-то паре пальцев над гребнем вынырнул голубой дракончик с учеником на спине. Голубой захопал крыльями, гася скорость, и ловко приземлился. Орлита заворчала, и дракон как-то сразу весь съежился, чувствуя ее недовольство. Широкая улыбка на лице юного всадника сменилась настоящей улыбкой.

— Не пытайся кого-то здесь удивить, Т'регел! Будь посерьезней! — крикнула Морита. — Ты запросто мог бы вынырнуть не над гребнем, а прямо в нем! Ты же никогда раньше здесь не бывал. Разве Ф'нелдрил не объяснял тебе, как это важно — иметь запас высоты при посадке?!

Покраснев, юноша принялся неловко отстегивать привезенный им запасной бак огнемета.

— Осторожность нравится мне куда больше неразумной ловкости, — продолжала распекать его Морита. Она почти вырвала бак у него из рук. — А ну-ка, слезай. В наказание за свою беспечность ты останешься здесь, пока камни не остынут. Проверь, нет ли где тут незамеченной мною Нити. Вон там, внизу, растет мох. В него могло что-нибудь попасть. Ты умеешь пользоваться огнеметом? Хорошо. Того, что осталось у меня в баке, тебе должно хватить. И если хоть что-то здесь шевельнется — не геройствуй, пусть твой дракон немедленно зовет на помощь! Что бы это ни было! Понятно?

Просидеть часок-другой на ветру, на медленно остывающем гребне — это должно несколько охладить пыл юного всадника. Сколько наставник не предупреждал учеников, сколько с ними не разговаривал сам Предводитель Вейра, все равно парни иногда исчезали бесследно, и драконы грустили о своих погибших соплемен-

никах. И все — следствие шалости и небрежности. Глупые потери. Глупое разбазаривание и без того не слишком больших ресурсов Вейра.

Морита вновь уселась на шее своей королевы, краем глаза заметив, что ученик с несчастным видом принялся за осмотр, стараясь при этом держаться поближе к своему не менее несчастному дракону.

«Кадит зовет», — сообщила Орлита.

— Значит, приближается конец Падения! — Морита пристегнула ремни — вот смеху-то будет, если она, после столь страстного призыва к осторожности, свалится со спины своей королевы при взлете!

«Б'лерион!» — Орлита всегда отличалась хорошим зрением.

Улыбнувшись, всадница дала команду на взлет. Потом велела уйти в Промежуток, чтобы как можно быстрее соединиться с остальными крыльями. В бесконечном холоде и темноте она думала о том, как сложились отношения Б'лериона и Оклины.

И вот они над западными склонами хребта Набол, где густым дождем сыплются с небес Нити. Последнее усилие! Еще немного...

«Падение закончилось», — объявила Орлита.

Морита устало откинулась, дуло огнемета — непомерная тяжесть для ее утомленных рук. Какое это облегчение — сидеть и ни о чем не думать. И не надо смотреть во все стороны сразу, не надо постоянно оценивать расстояние, угол падения и дальность огня.

— Пострадавшие?

«Тридцать три, в основном легкие ранения. Два сильно порванных крыла. Четверо всадников с поломанными ребрами и трое с вывихнутыми лопатками».

— Ребра и лопатки? Это небрежность в полете! — и все равно Морита испытывала облегчение.

Вот только два крыла... Она ненавидела возиться с крыльями... Зато возможности попрактиковаться у нее было сколько угодно. Увы...

«Б'лерион нас приветствует. Бронзовый Набет летал отлично».

Бронзовый дракон из Вейра Плоскогогорье поравнялся с Орлитой, и королева кокетливо изогнула длинную шею. Б'лерион приветственно помахал Морите рукой.

— Узнай, как ему понравилось на Встрече, — по-

просила Морита. Все, что угодно лучше мыслей о лечении порванных крыльев.

«Говорит, что очень понравилось, — сообщила Орлита, и добавила: — Кадит передает, что пора возвращаться в Вейр».

— Спроси сперва у Б'лериона, что он слышал об эпидемии?

«Только то, что она началась... Кадит говорит, что Дилент сильно пострадал».

Морита помахала на прощание Б'лериону, в глубине души сожалея, что Ш'гал и Кадит считают Б'лериона и Набета своими соперниками. Впрочем, может они имели на то основания. Орлита всегда была равнодушна к Набету, а ее всадница полагала, что провести время после Прохождения с Б'лерионом будет куда приятнее, чем, например, с Ш'галом.

— Возвращаемся в Вейр.

Всего один миг пробирающего до мозга костей холода, и они уже над чашей. Жалобные крики раненых драконов эхом отдавались в огромном амфитеатре.

— Покажи-ка мне Дилента, — попросила Морита, когда золотая уже шла на посадку.

«У него ожог главной перепонки, — сочувственно сообщила королева. — Я постараюсь его успокоить!» — и она заложила крутой вираж над самой головой корчившегося от боли дракона.

Несколько всадников пытались помазать поврежденное крыло анестезирующим бальзамом, но им никак не удавалось это сделать. Дракон был ужасно изранен. Край его крыла, от локтя до пальцевого сустава, принял на себя основной удар Нити. Похоже, пострадала и мембрана, идущая от сустава к туловищу. Пятна ожогов красовались на задней части крыла, но кости, похоже, остались целы. Это вселяло надежду — не часто дракону со сломанным крылом удавалось вновь подняться в воздух. И тем не менее, рана Дилента была очень и очень опасной: на заживающей мембране могли образоваться рубцы, из-за которых элерон крыла станет не таким чувствительным и подвижным. А значит, дракону труднее будет удерживать равновесие в полете. Но прежде, чем беспокоиться о рубцах, следовало выяснить, достаточно ли осталось неповрежденной ткани мембраны, чтобы вообще сохранить крыло. Дилент был еще молод, он наверняка сумеет регенерировать поврежденные ткани, но под-

нимется в воздух он еще очень не скоро. Если вообще поднимется.

— Орлита, успокой его, — велела она королеве, как только они приземлились.

Действительно, прежде всего Дилента следовало успокоить — а то сейчас его наездник Ф'дерил тщетно пытался удерживать голубого на месте. Орлита встретила взглядом с наполненными болью глазами раненого дракона, и его крики и стоны внезапно смолкли.

— Добрая половина шума — из-за шока, — пояснила Морита Ф'дерилу. — Сейчас поглядим, что можно сделать...

— Крыло очень сильно повреждено, — пробормотала у нее над ухом Нессо, — от мембраны остались одни клочья. Вряд ли он когда-нибудь сможет летать...

— Да не каркай ты! — раздраженно бросила Морита — и чего Нессо вечно лезет с подобными комментариями... особенно, когда ты сама боишься именно этого. — Принеси-ка мне лучше мягкой ткани и самые тонкие стебли тростника, какие только найдешь. Где Деклан и Майлон?

— Деклан с Л'раешем. У Сорта обожжен конец крыла. Майлон тоже занят. У нас даже нет лекаря для раненых всадников. И надо же было Берчару заболеть именно сейчас!

— Ничего не поделаешь. Скоро вернется Хаура, она и окажет всадникам первую помощь, — усилием воли Морита взяла себя в руки. Что толку раздражаться? — Ты только принеси мне тростник и ткань. Да, еще пусть установят мой стол вот тут, под крыльцом. И не забудь прислать масло, мою корзинку с иглами и катушку прокипяченных ниток.

Нессо бегом отправилась выполнять поручения, а Морита вернулась к осмотру поврежденного крыла. Да уж, от мембраны между локтевым суставом и пальцевыми костями поистине остались одни клочья. Но каждый кусочек может пойти в дело. Стенания Дилента несколько поутихли, но теперь им на смену пришли причитания его всадника.

— Мне с самого начала показалось, что тут что-то не так! Мне сразу стало не по себе! Я думал, мы летим слишком низко! — Ф'дерил винил во всем только себя. — Надо было оставаться в Промежутке еще дольше! Ну хоть чуть-чуть! Ты же не мог ничего поделать! Я не дал

тебе возможности увернуться, Ты не виноват, Дилент! Это моя ошибка!..

— Ф'дерил! — резко повернулась к нему Морита. — Возьми себя в руки! Твои причитания беспокоят его не меньше, чем... — Морита замолчала на полуслове, увидев на лице всадника ожоги — следы прикосновения Нити. — Тебе что, до сих пор не оказали первой помощи?

— Я заставил его выпить немного вина, — ответил А'дан, сосед Ф'дерила по вейру. — Я приготовил повязки с болеутоляющей мазью...

— Ну, так наложи их! — Морита сердито огляделась. — Где же эта Нессо?! Почему сегодня никто ничего не может нормально организовать?!

— Как дела Дилента? — спросил А'дан, быстро и умело снимая с Ф'дерила прожженную куртку.

— Достаточно плохо, — честно ответила Морита, наблюдая, как всадник накладывает повязки на многочисленные ожоги.

Помощь всадника — это все-таки лучше, чем ничего, и уж всяко полезнее, чем неисправимый пессимизм Нессо. А, вот и она!

— Ах, как же долго оно будет заживать, — стонала хозяйка Нижних Пещер, указывая двум ученикам, куда поставить стол. — Да и заживет ли вообще... — бросив один-единственный взгляд на лицо Мориты, Нессо поспешно ретировалась.

Глубоко вздохнув, Морита потянулась за маслом. Смазывая им руки — чтобы обезболивающий состав не попал на кожу — она объясняла А'дану и ученикам, что им придется сейчас делать.

— Ты, Д'лтан, — она обратилась к одному из учеников, — отрежь-ка мне кусок ткани длиной с крыло Дилента. Ты, А'дан, натри руки маслом, обсуши их, а потом сделай это еще раз и еще. Нам придется периодически смазывать кожу, иначе мы рискуем надолго потерять чувствительность пальцев. Теперь ты, М'барак, — она указала на второго ученика. — Вдевай в иголки из этой вот корзинки нитки примерно такой длины... А ты, Б'греал, — Морита повернулась к третьему парню, как раз в этот момент подтащившему большой котел с горячей водой, — будешь подавать мне стебли тростника, как только я об этом попрошу... но прежде всего — как следует вымойте руки.

— Мы постараемся поддержать крыло снизу слоем

тонкой материи, — продолжала объяснять Морита. — Пришьем ее к несущей кости и растянем от спины Дилента до пальцевых костей. Потом нам придется... Если тебе нехорошо, А'дан, отойди в сторонку, пока мы еще не начали. Потом будет не до того. Диленту и Ф'дерику будет спокойнее, если ты станешь помогать мне. И старайся не думать об этом, как о крыле дракона. Представь себе, что мы всего-навсего чиним порванный плащ. Вот чем мы собираемся заняться! Починкой плаща!

Как следует смазав руки, она взяла у ученика иголку. Хорошо бы А'дан выдержал...

— Орлита?

«Я могу связаться только с его драконом — зеленой Тагратой, — отозвалась золотая. — Все мои силы уходят на Дилента. Жаль, что в Вейр не вернулась еще ни одна королева.»

А'дан, похоже, приободрился. Натерев руки маслом, он решительно повернулся к Морите. Лицо его, правда, отливало зеленью, и он все время судорожно сглатывал.

— Отлично! Тогда начинаем! И помните, мы всего-навсего чиним старый плащ!

Морита вскочила на крепкий стол и жестом велела А'дану последовать за ней. Вот она сделала первый осторожный стежок, и Дилент с А'даном в унисон вздрогнули. Находящийся под контролем Орлиты, с лап до кончика крыла намазанный обезболивающим составом, дракон просто не мог ощущать никакой боли. Значит, это А'дан представляет себе его возможную реакцию. Всадника следовало отвлечь, и Морита начала разговаривать с ним, подсказывая попутно, когда натянуть материю, а когда ослабить.

— Мы просто прикрепим ее снизу, — говорила она. — Подтяни-ка налево... Ведущий край в итоге будет несколько толстоват, но ничего не поделаешь... если нам удастся спасти достаточно мембраны... Вот так! Теперь, А'дан, возьми на лопатку мазь и как следует натри материю. Мы положим сейчас на нее те куски мембраны, что еще остались. Такой вот большой плащ... М'барак, давай новую нитку. Эта связка изрядно растянута, но, к счастью, не порвалась, и все еще соединена с локтевым суставом... Орлита, пусть он не вертит хвостом! Это мешает мне работать!.. Связка сохранилась, и это очень хорошо, — продолжала она, обращаясь к А'дану. — Теперь мы соорудим шину для кончика крыла... Б'греад,

давай сюда тростник. Самый длинный. А ткань, как и раньше, послужит основой... Накладываем остатки мембраны... Да, вот так. Ну, Дилент, тебе повезло. Ты у нас еще летаешь! Осторожнее, эти кусочки вот сюда... так...

С помощью А'дана Морита кусок за куском восстанавливала разорванное крыло. Теперь она яснее ясного представляла себе, как произошло столкновение с клубком Нитей. Вынырни Дилент с Ф'дерилом из Промежутка хоть на мгновение раньше — и обжигающие споры наверняка сбили бы всадника со спины дракона. Надо будет потом сказать Ф'дерилу, как ему повезло.

Им удалось сохранить больше кусков мембраны, чем Морита смела надеяться. Со временем крыло заживет, хотя новая ткань, срастаясь со старой, образует грубые рубцы — лишь через много полетов песок и пыль, несомые ветром, сотрут лишнее и вновь сделают крыло гладким и элегантным. А пока придется мириться с не слишком эстетичным видом...

«Главное, Дилент снова будет летать, — утешила ее Орлита. — Ты сделала все, что могла».

— Орлита говорит, что мы неплохо поработали, — с улыбкой сообщила всадница своим помощникам. — Спасибо вам всем! Теперь мы доставим Дилента в наземный вейр и тогда вы сможете отдохнуть.

Она спрыгнула со стола и, наверно, унала бы, не поддержи ее крепкая рука А'дана. Как из-под земли, появилась Нессо с вином. Морита оглянулась в поисках Ф'дерила, но голубой всадник лежал на земле в обмороке.

— Он не сможет вам ничем помочь, — мрачно заметила Нессо.

— Это все волнение и раны, — заступился за друга А'дан.

Дилент застонал и потянулся к лежащему ничком наезднику.

— С ним все в порядке, Дилент, — поспешил успокоить дракона А'дан. — Немного устал...

— И здорово переусердствовал с вином, — пробормотал М'барак, помогая зеленому всаднику поднять Ф'дерила на ноги.

— Худшее уже позади, — сказала Морита.

— Да он и не знает, что такое худшее, — пробормотала Нессо у нее за спиной. — Вот Дилент...

С помощью А'дановой Тиграты и К'лонова голубого

Рогета, Дилент заковылял в сторону наземного вейра. Морита даже не сразу поняла, что ее смутило. Но потом до нее дошло.

— Что здесь делает К'лон?!

— Он сам вызвался, — буркнула Нессо. — Он заявил, что чувствует себя преотлично, и не станет прохладиться, когда Вейру нужна помощь. Все равно, кроме него, никого не было...

— Никого не было?

— Этот приказ Вейр не мог игнорировать, — отвела глаза хозяйка Нижних Пещер. — В конце концов, это же чрезвычайное происшествие. Вот они с Ф'нелдрилом и решили, что он должен полететь в ответ на это сообщение.

— Слушай, Нессо, о каком сообщении идет речь?

Внезапно Морита поняла значение отведенного в сторону взгляда. Нессо опять преступила свои полномочия.

— Форт холд затребовал всадника, чтобы доставить лорда Толокампа из Руата. Срочно. В Руате началась болезнь, и в Форт холде тоже. Форт не может обойтись без своего лорда во время такого ужасающего бедствия. — Нессо исподтишка поглядывала на Мориту, пытаясь угадать ее реакцию. — Мастер Капайм болен... наверняка, так оно и есть, иначе почему на все сообщения отвечает не он сам, а Фортин, его помощник. Кроме того, — Нессо перешла на шепот, — в Исте и в Айгене болеют всадники. В Телгаре — настоящая эпидемия! А через два дня — Падение на юге. Скажи, кто вылетит против Нитей, если в этих трех Вейрах не останется здоровых всадников?

Морита заставила себя дышать ровно и спокойно.

— Когда пришло это сообщение?

— Их было два, — плача не то от облегчения после признания, не то от раскаяния, сказала Нессо. — Первое — с просьбой отвезти лорда Толокампа в Форт холд. Оно пришло буквально сразу после того, как крылья улетели... Курмир тоже считал, что мы обязаны откликнуться!

— Что вы и сделали! — Бесконечная болтовня Нессо уже начинала раздражать и без того уставшую Мориту. — Я вижу, что вы никак не могли подождать нашего возвращения! Но Курмир, надеюсь, ответил, что мы вылетели отражать атаку?

— Они и так это знали. Но Ф'нелдрил и К'лон бы-

ли здесь... нет, вон там, — Нессо непременно хотелось указать, где именно, — и они тоже слышали сообщение. К'лон сразу же заявил, что он может полететь. Он утверждал, и мы все с ним согласились, что раз он уже переболел этой болезнью, то вряд ли заразится ею по новой. Он не хотел подвергать Ф'нелдрила или кого-либо из учеников лишнему риску, — взгляд Нессо умолял об одобрении ее действий. — Мы попытались спросить Берчара, но С'гор никого не пускал в вейр, а сам за него ответить не мог. А мы просто обязаны были откликнуться на просьбу! Во время таких событий место лорда в его холде. Курмир решил, что в этой чрезвычайной ситуации мы должны помочь лорду Толокампу, даже если это означает нарушение приказа Предводителя Вейра.

— Не говоря уже о приказе Главного мастера целителей Перна и всеобщем карантине!

— Но сам мастер Капайм находится в Форт холде, — воскликнула Нессо, как будто это все объясняло. — Мне даже страшно представить, что может твориться в Форте в отсутствие лорда Толокампа!

Сейчас Мориту куда больше волновало, что происходит в холде Руат. Ну, и конечно, второе послание.

— Что там о больных всадниках? Это сообщение пришло открытым текстом?

— Ну разумеется, нет! Курмиру пришлось даже залезть в свои записи! Мы ничего не сделали. Мы даже не стали передавать это сообщение дальше — ведь в нем отсутствовал нужный код. Но Ф'нелдрил и К'лон сказали, что я должна рассказать вам о нем, как можно скорее. Только в Телгаре больны сорок пять всадников! Девять из них очень плохи. В Айгене больны двадцать два, а в Исте — четырнадцать, — казалось, перечисление этих ужасающих цифр доставляет Нессо удовольствие.

Восемьдесят один всадник уже болеет? Морите стало страшно. Всадники больны?! Сейчас же Падение! Каждый всадник на счету! С прошлой атаки в Форт Вейре не хватало тридцати человек, а после этого Падения еще трое не смогут подняться в воздух. Пройдет не меньше Оборота, прежде чем Дилент сумеет взлететь. Как это могло случиться? До конца Прохождения осталось всего шесть Оборотов, и тогда всадники, наконец-то, освободятся от смертоносного дождя, который обильно сыплется с небес на головы их драконов, да и их самих. Морита покачала головой. Ей следовало прислу-

паться к словам Ш'гала об эпидемии, а не отмахиваться от правды, как от неуместной шутки. Она же знала, что у мастера Капайма никогда не было привычки торопиться с указаниями. Но ведь всадники были крепкими и сильными, их не так-то просто свалить с ног! Почему же они, изолированные от внешнего мира, так легко пали жертвой инфекции, разгулявшейся в переполненных холдах и мастерских?

Она и сама понимала, что к тому времени, как Ш'гал рассказал ей о случившемся, было уже поздно. Все, что могло свершиться, — свершилось. Даже она сама оказалась замешанной в эту историю — а все потому, что ей хотелось покрасоваться перед Алессаном. Но кто же знал о смертельной опасности, угрожавшей людям, что собрались поглазеть на дохлого скакуна? Кто мог об этом догадаться? Ведь в тот час, когда Талпан связал распространение болезни с этим зверьком с юга, они с Алессаном, наверно, любовались скачками.

«Ты ни в чем не виновата, — прозвучал у нее в голове нежный, любящий голос Орлиты. — Ты имела полное право развлекаться на Встрече».

Нессо уже перестала лить слезы, но глядя, как она заламывает руки, Морита едва удержалась от гневного окрика.

— Ш'гал уже вернулся?

— Он прилетел и снова улетел; отправился искать Лери. Он был очень зол.

— Орлита?

«Они сейчас заняты, но с ними все в порядке».

— Нессо, ты рассказала ему о сообщениях?

Бросив на Мориту отчаянный взгляд, Нессо покачала головой.

— Он пробыл на земле так недолго... я просто-напросто не успела...

— Понятно, — процедила Морита; ей и вправду все было понятно.

Нессо не рискнула бы сообщить Предводителю такие страшные новости, даже если бы в ее распоряжении оказалась целая вечность. Что ж, придется Морите самой рассказать обо всем Ш'галу — разговор, который наверняка приведет к ссоре. И это сегодня, когда у них обоих больше насущных проблем, чем свободных часов.

— Как Сорт?

— Ну, с ним все будет в порядке! — Нессо с готовно-

стью переменяла тему разговора. — Он сейчас вон там. Я подумала, что ты, наверно, захочешь его осмотреть. Но я все сделала как надо.

— Орлита, пойдй погрейся, пока солнце еще не село...

«Ты тоже устала. Когда же ты сама отдохнешь?»

— Когда закончу все дела, — ответила Морита, тронутая заботой своей королевы.

Откуда-то сверху раздался жалобный крик голубого дракона. Она с тревогой подняла взор.

— Его всадник сломал ключицу, — пояснила Нессо. — Порвалась упряжь.

Морита вспомнила о другом голубом всаднике:

— Орлита, как там наш голубой ученик? Ну, тот, которого мы оставили на гребне. Он вернулся?

«Да. Нитей не было. Он доложил обо всем наставнику. Ф'нелдрил хочет побеседовать с тобой... говорит, что ты оставила молодого всадника в опасном месте».

— Этот парнишка рискует куда больше, продолжая свои фокусы, — фыркнула Морита. — Мне тоже будет что сказать наставнику на эту тему... Пойдем, посмотрим, как там Сорт, — вслух добавила она, обращаясь к Нессо.

— Это далеко не молодой дракон, — тараторила хозяйка Нижних Пещер, стремясь вернуть себе благорасположение Госпожи Вейра, — но мне кажется, у него все заживет.

«Вся беда в том, — думала Морита, — что Нессо слишком мало знает о лечении драконов и слишком много — как следует управлять Вейром».

По дороге Морита пришла к мысли, что будь она сама в Вейре, ей тоже пришлось отправить всадника за лордом Толокампом. Что бы там потом Ш'гал ни говорил. Форт холду его лорд нужен куда больше, чем Руату — еще один лишний гость. Интересно, есть ли в Руате больные? И если есть, то как же Алессан позволил Толокампу нарушить карантин?

— Неприятная рана, — заметила Морита, когда Сорт осторожно опустил раненное крыло для ее обозрения.

— Чуть ближе к суставу, — с деланным спокойствием заметил Л'раеш, — и он лишился бы подвижности концевой фрагмента.

— Купание в озере снимет отек, — посоветовала Морита. — Но только завтра, — она ласково потрепала коричневого по боку.

— Сорт говорит, — после паузы сказал Л'раеш, —

что поплавать будет очень даже неплохо. Он расстелет крыло по воде, и тогда оно перестанет болеть...

— Сколько всадников пострадало? — спросила Морита у Нессо, когда они шли к лазарету. Если более восьмидесяти человек заболело, придется Форту высылать подмогу другим Вейрам.

— Больше, чем следовало бы, — ответила Нессо, к которой уже успела вернуться ее обычная язвительность.

Она ни на шаг не отходила от Мориты, когда та совершала свой обычный обход. Большинство раненых спали, приняв дозу снотворного, и Морита не стала долго задерживаться. Но вот от Нессо ей избавиться так и не удалось.

— Знаешь, Морита, тебе сейчас просто необходимо как следует подкрепиться моей превосходной похлебкой...

Морите вовсе не хотелось есть. Но она знала, что ей и впрямь надо похлебать чего-нибудь горячего. Не споря, она направилась в Нижние Пещеры и терпеливо дождалась, пока Нессо наполнит ее тарелку. Она уже начинала терять терпение, когда прибежал один из мальчишек с известием, что Нессо нужна Теллани «прямо сейчас!!!»

— У нее, наверно, начались роды, — обреченно закатила глаза к потолку Нессо. — Схватки участились как раз во время Падения. Мы, наверно, так никогда и не узнаем, кто же отец ее ребенка.

— Ладно, разберемся. Пожелай Теллани от меня успеха.

Про меня Морита от души поблагодарила Теллани за столь удачный выбор времени для родов. Мало того, что ей самой наконец-то удастся отдохнуть от говорливой Нессо; главное же — рождение ребенка после Падения считалось благоприятной приметой. Мальчик, пусть неизвестно чей, порадует всадников. Она, конечно, поговорит с Теллани — надо же той как-то разобраться со своими возлюбленными. Не такая уж это трудная задача — даже для столь любвеобильной женщины, как Теллани. Вейрам приходилось очень тщательно следить за наследственностью — иначе начнется вырождение. Возможно, будет разумнее отдать детей Теллани на воспитание в другие Вейры.

Куда приятнее думать о рождении малыша, чем ломать голову над неразрешимыми проблемами вроде боль-

ных всадников в трех Вейрах, подозрительного молчания мастера Капайма, арфиста, нарушившего приказ Ш'гала, дракона с обожженным крылом, который вряд ли в этот Оборот сможет подняться в воздух, или больного лекаря, который в любую минуту может умереть.

«Малта сообщает, что Берчар очень слаб. С'гор весьма обеспокоен его самочувствием, — прошелестел у нее в голове голос Орлиты. — Мы решили, что у женщины родится мальчик», — продолжила королева.

Орлита крайне редко использовала множественное число, и сейчас она явно под этим «мы» имела в виду других драконов. Морита не могла прийти в себя от изумления.

— Спасибо, любовь моя! — она закрыла лицо руками, чтобы никто в зале не увидел наворачнувшихся ей на глаза слез благодарности. Ее золотая тактично и мягко старалась порадовать свою подругу и отвлечь от мрачных мыслей.

— Морита?

Она растерянно подняла глаза. Перед ней стояли Курмир, К'лон и Ф'нелдрил.

— Это я настоял, чтобы доставили лорда Толокампа в Форт холд, — твердо заявил К'лон. Его глаза горели. — Ты можешь сказать, что я ничего не знал о приказе Ш'гала. Когда он объявил о карантине, мы с Роgetом крепко спали в нижнем вейре, — и наездник нагло подмигнул Морите.

Этого старого, выросшего в Вейре всадника нисколько не обрадовало, что молодой Кадит завоевал Орлиту. И его неприязнь к новому Предводителю Вейра не стала меньше, когда тот начал открыто порицать его дружбу с А'мури — зеленым наездником из Айгена.

Морита постаралась сохранить на лице невозмутимое выражение, но, судя по ухмылке Курмира, это ей не удалось.

— Ты поступил согласно традиции, — это она могла сказать безбоязненно. — Лорда Форт холда должен был отвезти всадник нашего Вейра. Ты перевез и его семью?

— Нет, хотя я и предлагал. Роget был готов, но леди Пендра заявила, что ни она, ни ее дочери не станут нарушать карантин.

Морита встретила взглядом с Курмиром, и поняла, что арфист, — наверно, как и все жители восточной части материка, прекрасно понял, чем именно вызвано

нежелание леди Пендры нарушать карантин. Морита могла только посочувствовать Алессану. Вот уж действительно в тяжелое положение он попал! Теперь ему приходилось иметь дело не только со всеми девушками Руата, но и с теми, кто приехал на Встречу с надеждой заполучить столь видного жениха.

— Леди Пендра сказала, что хочет выждать положенные четыре дня.

— Что четыре дня, что четыре Оборота, — пожал плечами Ф'нелдрил, — они не изменят ни их лиц ее дочерей, ни их шансов охмурить Алессана.

— Скажи, К'лон, ты видел мастера Капайма?

— Нет, Морита, — озабоченно ответил всадник. — Лорд Толокамп потребовал, чтобы я высадил его во дворе перед холдом. Я так и сделал. Как только мы приземлились, лорд Кампен, мастер Фортин и еще какие-то люди, чьих имен я не помню, потащили его на некое важное совещание. Меня даже не пустили в зал — ради моей же безопасности. Так они утверждали. Они не хотели слушать, когда я говорил, что уже переболел этой болезнью и поправился.

Морита ничего не успела сказать в ответ: громкий рев дежурного дракона возвестил о возвращении Ш'гала.

«Все в порядке, — поспешила успокоить свою наездницу Орлита. — Кадит говорит, что Падение закончилось вполне благополучно, хотя наземных отрядов было слишком мало. Это, между прочим, его очень рассердило».

Ш'гал ворвался в зал, как ураган. Он несся прямо к Морите с таким грозным видом, что К'лон, Курмир и Ф'нелдрил даже отступили от ее стола.

— Кром не выслал наземных отрядов! — закричал Ш'гал, грохнув кулаком по столу с такой силой, что посуда посыпалась на пол. — Набол выслал две группы — и то лишь после того, как Лери пригрозила оставить их поля без защиты! А ведь ни в Наболе, ни в Кроне нет ни одного больного! Ленивые, глупые, дикие горцы! Они воспользовались этой проклятой эпидемией, чтобы не выполнять свои обязанности! Мы же, несмотря ни на что, вылетели! Почему же они уклоняются от своего долга?! Я еще поговорю с мастером Капаймом о его приказе! Он только сеет панику!

— Тут пришло еще одно сообщение, — прервала его Морита. — В Айгене, Исте и Телгаре есть больные всад-

ники. Скоро и Вейрам будет не просто справиться со своими обязанностями.

— Пока я Предводитель этого Вейра, — не унимался Ш'гал, — он всегда будет выполнять свой долг! — круто повернувшись, он обратился к сидящим за столами всадникам. — Вы меня хорошо поняли?! Форт Вейр будет выполнять свой долг!

Но тут его пламенную речь прервал душераздирающий вой — звук, страшнее которого Вейр не знал. Это драконы возвещали о гибели одного из своих соплеменников.

Умер Ч'мон, бронзовый наездник из Айгена, и его дракон Хелинт навсегда ушел в Промежуток. Он был первым. Вскоре в Айгене скончался еще один всадник. А к вечеру пятеро умерли в Телгаре. В Форт Вейре воцарился траур.

Взбешенный некомпетентностью местных лекарей, Ш'гал заставил Курмира послать сверхсрочное сообщение в главную мастерскую. Его интересовало, каково состояние дел на континенте, что делается для предотвращения распространения болезни, и какие есть средства лечения. Ответ Фортина не только ничего не прояснил, но, наоборот, нарисовал столь мрачную картину, что дальше некуда. Целитель сообщал, что болезнь приняла уже масштаб пандемии. Процент смертных случаев оставался крайне высоким, хотя кое-кому удавалось выжить. Вновь подчеркивалась необходимость изоляции больных. В качестве лечения предлагалось: умеренное применение аконита для регуляции сердечной деятельности, экстракт сладкого корня от головной боли, комфрей, туссилаго или какие-либо другие местные средства от кашля. На запрос о мастере Капайме Фортин вообще не ответил. Просто подтвердил получение сообщения, и все.

— Кто-нибудь знает, — во весь голос вопрошал Ш'гал, узнав эти нерадостные новости, — чем лечился К'лон? — он испытующе поглядел на голубого всадника, — и чем там лечится Берчар? — Ш'гал перевел взор на Мориту.

— С'гор говорит, что лечение проходило именно так, как советует мастер Фортин, — ответила Морита. — И К'лон поправился.

— А Ч'мон умер!

Ш'гал сказал это так, словно во всем случившемся виновата именно Госпожа Форт Вейра, и никто иной.

— Болезнь уже проникла в наш Вейр, — спокойно ответила всадница, черпая силы из источника благоразумия, имя которому было Орлита, — сейчас все равно уже ничего не изменишь! Никто же не заставлял нас лететь на эти Встречи, правда? — ее шутливый тон даже заставил кое-кого из всадников улыбнуться. — И большинство из нас получили удовольствие.

— И посмотри, что из этого вышло! — бессильная ярость буквально душила Ш'гала.

— Успокойся. Время невозможно повернуть вспять. К'лон пережил болезнь, как все мы пережили сегодняшнее Падение, как пережили все Падения за последние сорок три Оборота, как пережили все катастрофы, выпадавшие на нашу долю. Раз уж мы выжили на этой планете, значит, выживание у нас в крови.

Не говоря ни слова, Ш'гал круто повернулся и вышел из зала.

Морита чувствовала себя совершенно разбитой. И дело тут было не в Ш'гале с его дурацкими обвинениями. Непонятно откуда, но она твердо знала, что следующей жертвой эпидемии станет она сама. У нее уже начинала болеть голова — совсем не так, как это бывает от усталости и перенапряжения.

«Похоже, ты заболеваешь», — прошелестел в голове голос Орлиты, подтверждая диагноз.

— Я, судя по всему, начала болеть с того самого момента, как подошла к умершему коню, — ответила ей Морита. — Л'мал всегда говорил, что любовь к скачкам до добра не доведет.

«Да ты и не стремилась приобрести какое-то особенное добро, — возразила Орлита. — Ты просто взяла и заболела».

— Курмир, — Морита подозвала к себе арфиста. — Учтивая, что Берчар болен, мне кажется, нам придется затребовать в Вейр еще одного лѣкаря.

Испытующе взглянув на нее, Курмир согласно кивнул.

— Пусть С'перен сделает шину для крыла Дилента. И пусть придумает, на что ее опереть, — осторожным плавным движением Морита поднялась из-за стола. Никогда еще головная боль не наваливалась так внезапно и с такой всеокрушающей силой. — На сегодня, похоже, все. Что-то я устала...

Без поддержки Орлиты ей никогда не удалось бы выйти из зала и пересечь чашу, которая в призрачном

лунном свете казалась широкой, как никогда. На лестнице ей пришлось несколько раз останавливаться, судорожно цепляясь за стенку.

— Значит, болезнь добралась и до тебя, — неожиданно из полумрака раздался голос Лери.

Старая Госпожа сидела на ступеньке перед входом в вейр Мориты.

— Не подходи ко мне...

— Ты же видишь, что я даже не встаю. Это Орлита попросила меня прийти. И теперь я понимаю, почему. А ну-ка, живо в постель! — Лери угрожающе замахнулась своей палкой. — Я уже приготовила лекарства, которые тебе нужно принять. Все, как рекомендует мастер Фортин. Аконит, настойка папоротника... Да, а в вине — немного снотворного из моих личных запасов. Чего я только для тебя не сделаю! Давай, давай! Я все равно не смогу тебя отнести. Придется уж тебе идти самой. Ничего, справишься. Ты всегда была сильной. А я и так сегодня славно потрудились...

Беззлостное ворчание Лери придало Морите новые силы, и она, сделав отчаянное усилие и преодолев последние ступени, ввалилась в вейр. Золотистые глаза Орлиты с нескрываемой тревогой и заботой взирали на нее...

— В Нижних Пещерах, наверно, никто даже и не догадался, что ты заболела? — спросила Лери.

— Курмир знает. Но он никому не скажет.

— Разумно. Особенно учитывая недавние смерти в Айгене. Ничего, Орлита, она выкарабкается, — Лери помахала своей палкой. — Нет, нет, ты ничем не сможешь ей помочь. Ты и в спальню-то не пролезешь со своим животом, набитым яйцами. Иди, иди, Морита. Не останавливайся. Я не собираюсь простоять на сквозняке остаток ночи. Мне тоже надо отдохнуть. Завтра будет нелегкий день.

— Я надеялась, что ты меня заменишь.

— Ну, я еще не совсем сдурела и не позволю Нессо окончательно распоясаться. Давай двигайся. Выздоравливай быстрее!

Глава 9

Год 1543, третий месяц. Тринадцатый день, мастерская целителей. Четырнадцатый день, встреча у Одинокого утеса и Форт Вейр. Пятнадцатый день, мастерская целителей.

Как ни пытался мастер Капайм вновь нырнуть в безумные, полные горячечного бреда сны, это ему не удалось. Пришлось проснуться. Что-то мешало ему спать. Что-то не сделанное? Да, какое-то дело, но вот какое именно?.. Поморгав слезящимися глазами, Капайм с трудом сфокусировал их на стоявших около кровати часах. Уже девять. Точно... Пора принимать лекарства.

Надо же! Лекарь, даже заболев, не перестает работать. Капайм приподнялся на локте и потянулся за пергаментом, на котором фиксировал течение болезни. Но внезапный приступ кашля свел на нет все его усилия.словно дикий страж рвал когтями его горло. Эти приступы были чрезвычайно болезненными и доставляли Капайму еще больше страданий, чем головная боль, жар или слабость.

Осторожно, чтобы не вызвать нового приступа, он стянул на постель пергамент и начал шарить в поисках пера.

— Всего лишь третий день?

Судя по ощущениям, его болезнь тянулась уже целую вечность. Целая вечность, каждая секунда которой была заполнена страданием. Хорошо хоть, этот день уже почти прошел.

Капайм испытывал слабое утешение от того, что жар у него практически спал, а невыносимая головная боль стала вполне терпимой. Коснувшись пальцами правой руки левого запястья, он посчитал биения пульса. Все еще чаще нормы, но уже ненамного. Он сделал соответствующую пометку на пергаменте и записал симптомы сухого непрекращающегося кашля. словно по заказу, тот вцепился ему в горло — будто туннельная змея рвалась наружу из его груди. Когда приступ миновал, Капайм долго лежал неподвижно, без сил. Он приподнялся только, чтобы принять порцию ивового эликсира.

Надо прописать себе какое-нибудь лекарство от кашля. Что подействует лучше всего? Капайм потрогал свое несчастное горло. Как же должна выглядеть слизистая, если оно так болит!

Загудели барабаны, и целитель, не веря своим ушам, услышал, что лорд Толокамп (что он делает в Форт холде? Он должен находиться в Руате!) передает свои соболезнования Предводителям Вейров Телгар и Айген в связи со смертью... Приступ кашля заставил его сложиться почти пополам, и потому он не расслышал имен умерших всадников. Умерших всадников! Перн не мог себе позволить терять их!

Почему, ну почему его не призвали раньше?! Казалось бы, одновременно заболели сразу девять человек — достаточно необычный случай, чтобы известить главную мастерскую лекарей. А он сам догадался бы, в чем дело?

— Капайм? — тихий голос Десдры, не желающей его будить.

— Я не сплю, — он не говорил, скорее хрипел.

— Ты слышал барабаны?

— Только часть сообщения.

— И похоже, не ту, что следовало бы.

— Не подходи! Скажи, сколько всадников уже умерло?

— В Айгене — пятнадцать, в Исте — два, и в Телгаре — восемь.

Капайм на миг даже лишился дара речи.

— Сколько же тогда больны? — выдавил он наконец.

— Есть сообщения о выздоровлениях, — ушла от ответа Десдра, — девятнадцать человек в Телгаре уже почти поправились. А в Айгене — четырнадцать. Пять в Исте и двое в Форте.

— А в холдах и мастерских?

— Фортин держит все под контролем. Ему помогают Боранда и Тайрон, — спорить с Десдрой было бесполезно. То, что она не желала говорить, из нее не вытянешь даже клещами.

— Что ты делаешь в моей комнате? Ты же прекрасно знаешь...

— Я знаю, что у тебя кашель, и я приготовила тебе успокаивающую микстуру.

— Откуда ты можешь знать, какое лекарство я себе пропишу?

— Самолечением занимаются только очень глупые больные. Ты сам всегда так говорил.

Капайм хотел рассмеяться, но все, на что он оказался способен — это новый приступ кашля, от которого слезы потекли по щекам.

— Выпей микстуру, — посоветовала Десдра, ставя дымящуюся кружку на стол рядом с кроватью. — Должно помочь.

— Ты смелая женщина, Десдра, — прохрипел Капайм.

Десдра пренебрежительно фыркнула.

— Я не только смелая, но и осторожная. У меня нет ни малейшего желания мучиться так же, как ты.

— Неужели так плохо? — спросил Капайм, безуспешно ища облегчения в кружке с лекарством.

— Знаешь, что нельзя вылечить, надо перенести.

— Из этого я заключаю, что поиски в Архивах пока не увенчались успехом...

— Мастер Тайрон привлек к ним всех своих учеников, помощников и даже свободных лекарей. Они уже подняли записи за двести Оборотов со времени прошлого Прохождения. И ничего.

Капайм тяжело вздохнул и тут же снова закашлялся. Он услышал, как Десдра роеется среди его пузырьков и склянок с лекарствами.

— Я где-то здесь видела ароматическую мазь. Может, если ею натереться, то тебе полегчает. Ты ведь пролил добрую половину моей микстуры.

— Я сам натрусь!

— Ну, разумеется... Ага, вот она! Держи... Скажи мне, испытываешь ли ты кроме сухого кашля необычную усталость?

— Усталость? — Капайм не решался смеяться. — Усталость? — более неподходящее слово, чтобы описать его бессилие, трудно было отыскать. — Я испытываю крайнюю, бесконечную усталость. Полную апатию. Абсолютную недееспособность! Я даже кружку микстуры не в силах выпить, не разлив половины. Никогда в жизни не ощущал такой слабости...

— Ну, тогда твоя болезнь протекает нормально.

— Это большое утешение, — на сарказм сил еще хватило.

— Если... — это «если» звучало форменным издевательством. — Если твои записи точны, то завтра ты должен пойти на поправку. Но это, конечно, если не будешь вставать с постели и не подцепишь какую-нибудь вторичную инфекцию.

Голова Капайма начинала уже кружиться от ивового эликсира. Но кашель вроде поутих. Лекарх хотел было

уже поблагодарить Десдру за чудодейственную микстуру, когда новый приступ, сильнее прежних, заставил его снова согнуться почти пополам.

— Ну ладно, я пойду...

Не в силах ответить, Капайм только замахал руками, призывая Десдру поскорее покинуть комнату. Не хватало только, чтобы и она заразилась. И зачем только проклятые моряки выудили ту тварь из воды? Вот до чего доводит любопытство!

* * *

В самом сердце равнины Керуна, вдали от всех холдов стоял одинокий гранитный утес. Всадники частенько использовали его как ориентир, особенно во время учебных полетов. Но на сей раз у скалы встретились не ученики. Здесь собирались Предводители Вейров.

Огромные бронзовые драконы вынырнули из Промежутка практически одновременно. Ведомые сверхъестественным чувством близости, они возникли рядом с утесом на расстоянии размаха крыла друг от друга и приземлились, образовав большой круг. Всадники спешили и, шагнув вперед, образовали свой круг, поменьше. Каждый держался на почтительном расстоянии от своих соседей по кругу.

— Никто из нас не прилетел бы сюда, если бы чувствовал, что заболевает, — ухмыльнулся К'дрен из Бендена и в доказательство своих слов кивнул в сторону С'перена, присутствовавшего на этой встрече вместо Ш'гала.

— Слишком многие заболели, — без тени юмора отозвался Л'бол из Айгена.

М'тани из Телгара только кивнул и крепче сжал кулаки.

— Мы все разделяем с вами горечь потерь, — сказал С'лигар из Вейра Плоскогорье, склоняя голову перед Л'болом. М'тани и Ф'галом из Исты. — Мы собрались здесь, чтобы обсудить экстренные меры, разговор о которых нельзя доверить барабанам. И наши королевы, увы, здесь нам помочь не смогут. — Как старший из Предводителей, С'лигар взял ведение собрания в свои руки. — Как было справедливо замечено, мы не можем обнародовать наши потери, — продолжал он. — В холдах

и так беспокойно. К тому же, их потери куда больше наших.

— Слабое утешение! — воскликнул Ф'гал. — Я же невесть сколько раз предупреждал лорда Фитатрика, что перенаселенность в холдах до добра не доведет!

— Ну, о подобной эпидемии мы и подумать не могли! — заметил К'дрен. — Однако никто не заставлял нас бегать глазеть на диковинного зверька, выловленного в море, или посещать сразу в один день две Встречи!

— Достаточно, К'дрен, — остановил его С'лигар. — Причины и следствия сейчас не так уж важны. Мы собрались обсудить, как лучше выполнить свой долг.

— Наш долг постепенно умирает! — вскричал Л'бол. — Что толку бороться с Нитями ради опустевших холдов? Зачем защищать пустоту, рискуя собственной жизнью и жизнью наших драконов? Мы же даже самих себя не можем защитить от болезни!

Дракон Л'бола утешающе заурчал и вытянул шею, стремясь успокоить своего взволнованного всадника.

— Мы будем бороться с Нитями потому, что никто не может этого сделать кроме нас! — горячо возразил С'лигар. — Мы должны защитить больные холды. Не дело, если в придачу к эпидемии им еще придется бояться вторжения Нитей! Мы слишком долго сдерживали их натиск, чтобы теперь просто так взять и сдать! И, честно говоря, я не верю, что болезнь, как бы она не распространилась, какой бы смертоносной не была, сможет победить нас — людей Перна, которые много сотен Оборотов сражались с Нитями и побеждали их! Болезнь можно излечить лекарствами. А когда-нибудь мы выясним, откуда прилетают Нити, и уничтожим их раз и навсегда!

— К'лон, наездник Рогета, заболел, а потом поправился, — объявил С'перен. — Он говорит, что мастер Капайм тоже на пути к выздоровлению...

— Двое выздоровело?.. — Л'бола эта цифра явно не вдохновляла. — У меня уже умерло пятнадцать человек, и еще сорок больны. Некоторые холды на востоке уже не отвечают на барабанные сообщения. А что творится в холдах, где нет барабанщиков, можно только гадать!

— Капайм поправляется? — с надеждой в голосе переспросил С'лигар. — Что ж, отлично... Я верю, что он способен справиться с эпидемией. Да наверняка не только эти двое выздоровели. Скотоводческий холд Керун

все еще откликается на вызовы, а ведь там болезнь свирепствовала сильнее, чем в других местах. В Вейрах Форт и Плоскогорье тоже появились больные, что правда, то правда. Но зато в холдах Тиллек, Плоскогорье, Набол и Кром пока все здоровы. Осталось всего шесть Оборотов, и Прохождение закончится. Всю свою жизнь я прожил под знаком Нитей. И знаете, что я вам скажу, — он гордо расправил плечи, — я не для того пятьдесят лет воевал с ними, чтобы теперь сложить руки из-за какой-то головной боли!

— И я тоже, — кивнул К'дрен. — Я, знаете ли, обещал своему Тузуту, — он ухмыльнулся, — что мы вместе встретим конец этого Прохождения. Завтра в Керуне атака Нитей, — деловито продолжал бенденец, — и она теперь — дело всех Вейров Перна. Бенден может выставить двенадцать полных крыльев.

— У Айгена — восемь крыльев! — сердито вскричал Л'бол, позабыв о своем пессимизме. — Айген вылетит на Падение! Это его долг, и ничей больше!

— Ну, разумеется, твой Вейр вылетит на Падение, — успокаивающе произнес С'лигар. — Но наши королевы знают, как много всадников Айгена заболело. Как правильно сказал К'дрен, Падение перестало быть проблемой лишь одного Вейра. Это наша общая задача. Пока эпидемия не закончилась, Вейры должны объединиться. Мы должны вылетать на каждое Падение полным составом — иначе нельзя, ведь наземных отрядов может и не оказаться. Все-таки эпидемия...

С'лигар вытащил из-за пояса толстый свиток. Легкое движение руки — и свиток рассыпался на пять частей, в беспорядке брошенных на песок. Носком сапога Предводитель Вейра Плоскогорье придвинул к каждому вождю пергаментный лист.

— Здесь имена командиров моих крыльев и их заместителей, — сказал он. — Приходится передавать их вам таким образом, раз уж наши королевы никак не могут обмениваться именами людей. Я перечислил своих всадников в порядке их талантов... и самым первым в списке стоит Б'лерион. Он сменит меня, если я заболею, — улыбка, не частый гость на лице С'лигара, озарила его черты, — и Фальга ничуть не будет возражать против такой замены.

— Небось, сама и предложила его? — захохотал К'дрен.

— Умный Предводитель Вейра всегда предугадывает желания его Госпожи, — с укором сказал С'лигар.

— Хватит вам, — прервал их М'тани, бросая свои листы пергамента на землю рядом с листами С'лигара. — Т'гелу всегда хотелось стать Предводителем. Он не был ни на одном из двух Собраний, и я решил вознаградить его за воздержание.

— Тебе повезло, — без тени иронии сказал К'дрен. — Л'вин, В'тер и Х'грейв ухитрились посетить оба Собрания. Поэтому в качестве своего преемника я рекомендую М'гена, он еще молод, но прирожденный лидер. И он не был на Собраниях, — с этими словами К'дрен добавил свои листы к уже лежащим на земле.

— Здесь все написано, — пробормотал Ф'гал, неохотно роняя свой тугой свиток.

— Лери предложила меня, — сказал С'перен, пожимая плечами. — Возможно, поправившись, Ш'гал примет другое решение. Но сейчас у него слишком сильный жар, и он ничего не соображает. Списки, между прочим, тоже пришлось писать Лери.

— Лери знает Форт Вейр как свои пять пальцев, — кивнул К'дрен. Он наклонился и поднял пять кусочков пергамента — по одному от каждого Вейра. — Я буду очень рад, если все это окажется ни к чему... Однако мне как-то спокойнее теперь, когда мы готовы к самому худшему.

— Я бы предложил еще, — добавил С'лигар, подбирая причитающиеся ему списки, — чтобы мы использовали в качестве замен не отдельных всадников, а целые крылья.

Это предложение встретило дружное одобрение других Предводителей.

— Обмен крыльями — идея, безусловно, хорошая, проворчал Л'бол, — но меня больше беспокоит отсутствие наземных отрядов.

— Не беспокойся, — вмешался К'дрен. — Королевы уже обсудили этот вопрос, и теперь на каждое Падение будет вылетать не одно, как обычно, а сразу все шесть королевских крыльев.

— А кто же предложил использовать учеников вместо наземных отрядов? — с кислой миной спросил М'тани.

— Возможно, нам и на это придется пойти, — ответил С'лигар.

— Да они же начисто лишены чувства долга!.. — начал М'тани.

— Все зависит от наставника, — прервал его К'дрен, — разве не так?

— Королевы обещали за ними присмотреть, — быстро, пока М'тани не успел обидеться, вставил С'лигар. — Что нам еще остается?

— Я еще не встречал ученика, который бы ослушался королеву, — кивнул Ф'гал.

— Скажи, С'перен, теперь, когда Морета заболела, кто поведет королевское крыло? Камиана?

— Нет, Лери. В конце концов, ей это не впервой.

Предводители переглянулись.

— Ну, если кто-нибудь из вас возьмется ее отговорить... — начал С'перен, не думавший скрывать своего раздражения, — пусть попробует. Свой долг перед Вейрами и Перном Лери давным-давно выполнила с лихвой. С другой стороны, если кто и сумеет руководить, так это она. Ш'гал и Морета больны, а Лери, по крайней мере, Вейр доверяет.

— Как себя чувствует Морита? — спросил С'лигар.

— Лери говорит, что Орлита спокойна. Она как будто ничем не взволнована и в скором будущем собирается откладывать яйца.

— Сейчас не время потерять королеву, готовящуюся принести потомство, — покачал головой М'тани. — Болезнь накатывает так внезапно и смерть наступает так быстро, что драконы ничего не успевают понять. А потом — не успеешь оглянуться, как они уже уходят в Промежуток, — он судорожно сглотнул, пытаясь сдержать подкатившие к глазам слезы.

— Когда Орлита отложит яйца, она никуда не полетит до тех пор, пока потомство не проклюнется, — тихо прошептал С'лигар. — С'перен, ваши кандидаты для Запечатления готовы?

— Нам еще только предстоит их отобрать, — покачал головой С'перен. — Казалось, что времени у нас сколько угодно...

— Вы уж отбирайте потщательнее, прежде чем привезти нового человека в Вейр, — упрямо посоветовал Л'бол.

— Если возникнет необходимость, в Вейре Плоскогорье найдется с полдюжины подходящих парнишек... Возможно, совместными усилиями мы сумеем набрать

нужное число здоровых кандидатов? — Предводители согласны закивали. — Ты передашь наше предложение Лери?

— Форт Вейр благодарит вас. Конечно, передам.

— Еще один вопрос, — сказал С'лигар. — И на сегодня это, наверно, будет все. До меня дошли слухи, что кое-кто планирует после окончания Прохождения отправиться на южный континент на разведку.

— После того, что случилось? — Л'бол не верил своим ушам.

— Об этом-то я и говорю. Мы не можем рисковать! Южный континент трогать нельзя!

— Абсолютно разумное запрещение! — согласился с ним К'дрен.

М'тани кивнул и вопросительно посмотрел на С'перена.

— Я, конечно, не могу решать за Ш'гала, — сказал наездник, — но лично я не вижу, почему у нашего Вейра могут возникнуть какие-либо возражения против этого запрета.

— В моем Вейре любые полеты на южный континент будут запрещены раз и навсегда! — заверил собравшихся Ф'гал.

— Ну, тогда вроде все, — подвел итог С'лигар. — Мы предоставим королевам передавать каждому Вейру, сколько крыльев он должен выставить на каждое Падение до окончания этой проклятой эпидемии. Вся необходимая информация теперь у нас в руках, — и он потряс свернутыми списками. — До свидания, друзья. Счастливого вам полета! Пусть ваши Вейры... — он замялся, не уверенный, как будет воспринята эта обычная формула прощания.

— Пусть ваши Вейры процветают! — закончил на него К'дрен. — Так было всегда!

Наездники вернулись к своим драконам. Одновременно, словно они отрабатывали этот маневр много-много раз, драконы взмыли в воздух и, словно по команде, исчезли в Промежутке.

* * *

Даже после того как барабаны стихли, их гул продолжал отдаваться эхом в голове измученного Капайма.

Из-за них он никак не мог заснуть. А если и засыпал, то что это был за сон! Сплошной кошмар! Стоило ему смежить веки, как за ним принималось гоняться мохнатое, пятнистое чудовище, подарившее незащитному континенту неведомую ранее болезнь. Если бы только моряки оставили того зверька в воде! Если бы только он издох прямо на судне! Если бы только жители близлежащих холмов не оказались такими любопытными! Если бы, если бы, если бы! Если бы желания превращались в драконов, весь Перн летал бы по воздуху!

И если бы у Капайма еще оставалось хоть немного сил, он потратил бы их на поиски средства, способного победить эту болезнь. Древним, вне всякого сомнения, приходилось сталкиваться с эпидемиями. Действительно, в старых Записях встречались рассказы о том, как чудодейственные лекарства избавили человечество от болезней, мучивших его до Переселения. Отсюда Капайм сделал вывод, что Переселение было не одно, как полагали многие, и в том числе — Тайрон. Их было две. Во время первого переселенцы привезли с собой множество животных: скакунов, быков, собак и, в том числе, предков того зверька, который стал переносчиком страшной инфекции. Древние привезли животных в виде зародышей со своей прежней планеты (так утверждали Архивы) — похоже, имелась ввиду другая планета, нежели Перн, иначе зачем об этом писать? Да, они переместились именно на Перн, а не просто на южный континент. А потом произошло второе Переселение — с южного континента на северный. Возможно, с горечью размышлял Капайм, эти кошки, прячась по темным норам, всегда являлись разносчиками смертоносной заразы. Просто об этом никто не знал. Не знал до того момента, как по воле случая моряки подобрали в море свою смерть... Ну что стоило Древним чуть поменьше хвастаться своими достижениями в борьбе с болезнями и чуть подробнее описать, как именно они это делали!

Он же лекарь! Сперва он должен выздороветь и тем самым доказать, что можно справиться с этой проклятой болезнью. Надо только как следует поразмыслить над тем, как же все-таки с ней бороться... Словно специально мешая ему думать, начался новый приступ кашля. Немного оправившись, Капайм потянулся за микстурой, оставленной Десдрой на столе. Хорошо бы она зашла.

Несколько раз за время болезни на пороге комнаты появлялся Фортин, пытаясь получить санкцию Капайма на что-то... главный мастер целителей не помнил, на что именно. Он только надеялся, что его ответы хоть чуть-чуть помогли Фортину. Появлялся и Тайрон — скорее, чтобы убедиться и потом оповестить всех, что глава целителей Перна еще жив, нежели чтобы утешить или приободрить больного.

После микстуры горло болело уже не так сильно. Капайм уже даже начал различать вкус сваренного Десдрой эликсира. Одним из основных компонентов микстуры, как он понял, был тимус. Что ж, Капайм мог только одобрить его применение в этом случае... Если его собственная болезнь протекает так же, как и в тех случаях, что он наблюдал, то кашель должен скоро пойти на убыль. И если благодаря строгой изоляции он не подхватит какой-нибудь вторичной инфекции вроде пневмонии или ангины, то выздоровление уже не за горами.

Вот К'лон, голубой наездник из Форт Вейр, выздоровел. Капайм мог только надеяться, что у всадника и в самом деле была та же неведомая болезнь, что упорно не желала поддаваться лечению, а не какая-нибудь заурядная простуда. Надежду внушало то, что друг К'лона, с которым тот часто виделся, жил в пораженном эпидемией Айгене, и что лекарь Форт Вейра Берчар и ухаживавший за К'лоном всадник тоже заболели. Капайм старался не думать, что всадники умирают так же быстро, как и жители холдов. Всадники не могут умирать! До конца Прохождения оставалось еще целых шесть Оборотов. А число драконов и всадников было весьма ограниченным.

Десдра давным-давно должна была принести ему суп! Вообще-то Капайм ждал ее прихода вовсе не из-за тарелки похлебки — есть ему совсем не хотелось. Просто одиночество уже начинало действовать лекарю на нервы. Трудно долго оставаться один на один с неприятными мыслями. Капайм прекрасно понимал, что строгая изоляция идет ему на пользу — вторичные инфекции и все такое, — но ему так хотелось с кем-нибудь поговорить!

И все-таки всадники не должны умирать. Они жили не в переполненных холдах, нет, у каждого — свои собственные апартаменты. В конце концов, они даже не болели некоторыми недугами, которыми страдали жители холдов. Ничего не поделаешь, условия жизни...

Да, Айген, Керун, Иста — эти Вейры имели прямой контакт с той проклятой кошкой. А наездники Форт Вейра, Плоскогорья и Бендена наверняка побывали если и не на обеих, то уж всяко хоть на одной Встрече. Как ни крути, а почти все они имели прекрасную возможность заразиться.

Но все-таки, должен же быть какой-то ответ! Должно существовать лекарство, терапия, метод... Что-то... Где-то... Если Древние могли преодолевать непостижимые расстыния, если сумели из огненных ящериц сотворить могучих драконов, то уж, наверно, могли справиться и с любыми вирусами и бактериями! Значит, спасение — только вопрос времени. Рано или поздно, убеждал себя Капайм, где-то в Архивах обнаружится нужная ссылка... Фортин продолжал исследование собранных в библиотечной пещере Записей. Сейчас ему помогали арфисты, предоставленные мастером Тайроном в распоряжение лекарей. Но что, если кто-то из этих неквалифицированных помощников пропустит то самое упоминание, которое так важно найти? Арфист может просто не понять всю важность того, что читает... Впрочем, нечто столь значительное, как эпидемия, наверняка заслуживает большего, нежели простое упоминание?..

Ну когда же, наконец, Десдра принесет этот свой суп? «Не нервничай, — успокаивал он себя. — Ты слишком волнуешься. То, что нельзя перенести, следует вылечить. Нет, не так. То, что нельзя вылечить, следует приручить... нет, перенести.»

Бессильные слезы текли по его щекам. Новое сообщение. Наверняка плохое. Какими еще могут быть новости, пока не найден способ остановить распространение болезни?

На сей раз сообщение пришло из скотоводческого холда Керун. Там требовались медикаменты. Лекарь Горби извещал, что запасы тимуса и аконита подходят к концу. Он также просил прислать ему, если возможно, туссилаго для лечения осложнений на легкие, и что-нибудь от кашля. Новый страх поселился в душе Капайма. Из-за небывалого, невероятно быстрого потребления лекарств в пораженных эпидемией холдах скоро уже не останется самых простых медикаментов. В кладовых того же Керуна, где лекарям частенько доводилось сталкиваться с разнообразными болезнями животных, наверняка хранилось куда больше лекарственных трав

и кореньев, чем в земледельческих или других холдах и мастерских. Ну кому могло придти в голову запасать лекарства в количествах, достаточных для борьбы с эпидемией?!

А тут еще болезнь нагрянула во время зимы. Большинство целебных растений собиралось весной, во время цветения — именно в это время их лечебные свойства проявлялись наилучшим образом. Корни и кору заготавливали осенью. Но лекарства-то требовались сейчас! Иначе немногие дождутся весны, а тем более — осени!

Ну где же Десдра? Сколько ему еще терпеть, прежде чем пройдет эта отвратительная слабость?

— Капайм? — тихий голос Десдры подействовал на Капайма словно ушат холодной воды. — Хочешь супа?

— Десдра! То сообщение из Керуна...

— Можно подумать, что кроме тимуса и листьев папоротника, на свете не существует других лекарств! Фортин уже подготовил список возможных заменителей. Есть, например, ясеновая кора и кора самшита, зверобой... Кто может сказать, что из них подействует лучше? Семмент с Плоскогогорья полагает, что кипрей лучше помогает от кашля, чем все другие лекарства. А мастер Фортин верит в отвар из папоротника... Как ты себя чувствуешь?

— Словно пустое место! Мне даже рук не поднять! — и Капайм попытался продемонстрировать свое бессилие.

— Слабость — тоже часть болезни. Ты уже неоднократно описывал этот симптом. Что нельзя вылечить...

Внезапный приступ ярости придал Капайму сил, и он запустил в Десдру подушкой. У него, разумеется, не было ни малейшего шанса попасть в цель, и Десдра со смехом аккуратно положила подушку обратно ему под голову.

— Похоже, тебе и в самом деле легче. А теперь выпей бульона.

— Как остальные, здоровы?

— Пока все здоровы. Даже твой любимый Толокамп... он заперся в своих покоях. Хотя вполне возможно, что наш лорд заработает воспаление легких, стоя целый день у открытого окна, — Десдра злорадно хихикнула.

— Он уже раз двадцать строго-настрого приказывал никого не пускать в холд. Даже туннельная змея не проскользнет через расставленные им посты. Мастеру

Тайрону, — на губах Десдры появилась улыбка, — потребовалось все его красноречие, чтобы добиться соизволения Толокампа устроить лагерь для тех, кто все-таки приходит в Форт холд. Толокамп упорно считал такой лагерь приглашением для всех бездельников на свете прийти и пожить за чужой счет. Тайрон, между прочим, ужасно зол на него... он не позволил арфистам покинуть Форт. Они хотели связаться с другими, более мелкими холдами и мастерскими. То есть, уйти-то из Форта он разрешил, но категорически отказался пускать арфистов обратно. Он не верит, что им удастся избежать заражения. Наверно, думает, что болезнь — это нечто вроде тумана, крадущегося по долинам и сползающего с горных круч.

Десдра явно пыталась развлечь больного врача. Обычно она не отличалась болтливостью.

— Но я установил карантин...

— Как же! — фыркнула Десдра. — Толокампу не следовало покидать Руат. Но когда Алессан заболел, наш почтенный лорд сумел-таки надавить на его брата, и вот он тут. И теперь он через слово рыдает о своей жене и драгоценнейших дочерях, покинутых им в охваченном смертоносной эпидемией Руате, — Десдра криво усмехнулась. — А оставил он их там вовсе не случайно. Ну, или это леди Пендра настояла, чтобы остаться с дочерьми. Она утверждала, что им необходимо ухаживать за Алессаном!

— А как вообще обстоят дела в Руате и Форт Вейре?

— Руату здорово досталось. Фортин даже отправил туда добровольцев. Что же касается Форту Вейра, то К'лон сообщает, что Морита чувствует себя... ну, в общем, так, как и следовало ожидать. У Берчара пневмония. Ш'гал и еще девятнадцать всадников больны... А теперь выпей бульон, пока он окончательно не остыл. У меня еще много дел. Я больше не могу тут с тобой болтать.

Капайм протянул дрожащую руку к чашке.

— Не стоило тратить столько сил на подушку, — язвительно заметила Десдра.

— Что ты в него подмешала? — с подозрением спросил Капайм, отпив глоток.

— Немного того, немного этого... Ты попробуй и, если поможет, я наварю побольше.

— Вкус у него отвратительный!

— Зато этот суп очень питательный! Пей!
— Да он у меня в горло не идет! Я захлебнусь!
— Пей, или я позволю Нерилке, этой тощей дочери Толокампа, ухаживать за тобой, как она уже не раз просила.

Выругавшись, Капайм осушил чашку.

— Ну вот, — одобрительно воскликнула Десдра, — голос у тебя уже крепнет!

* * *

— Не скажу, что мне это очень по душе, — говорила Лери С'перену, — но старые драконы могут парить ничуть не хуже молодых. Потому-то мы с Холтой и можем до сих пор летать на Падения с королевским крылом, — и она ласково потрепала шею своей золотой. — Скажи мне лучше, с чего вдруг грянули такие холода? Только этого нам сейчас не хватало. Уж лучше бы пошел дождь...

— Как ты полагаешь, — спросил занятый своими мыслями С'перен, — сможет Айген выставить восемь полных крыльев?

— Что? — удивилась Лери и пренебрежительно фыркнула. — Вряд ли. Торента сказала Холте, что половина Вейра больна, а вторая тоже выглядит не лучшим образом. Это все их любопытство и проклятая жара... Нечем заняться в свободное время, вот и копятся на солнце, пока совсем не одуреют. Разумеется, они все, как один, отправились паяться на диковинного зверя! — она просмотрела лежавший у нее на коленях список. — Не могу сказать, что знаю хоть кого-нибудь из них... видимо, сплошная молодежь. Вот когда Л'мал был Предводителем, я знала каждого всадника во всех без исключения Вейрах.

— С'лигар интересовался здоровьем Мориты.

— Небось беспокоился о состоянии Орлиты и ее будущей кладки?

— Он готов прислать своих ребят для Запечатления, если у нас...

— Ничего другого я и не ожидала, — прервала его Лери. — Он правильно сделал, предложив это, — смягчилась она, посмотрев на выражение лица несчастного С'перена. — Особенно если учесть, что из всех королев

сейчас лишь одна Орлита носит яйца. Лишь она одна, и больше никто.

С'перен кивнул. Он как-то об этом не подумал. Теперь беспокойство С'лигара насчет здоровья Мориты предстало перед ним несколько в другом свете.

— Не волнуйся, С'перен. Морита поправится, вот увидишь. Золотая не отходит от нее ни на шаг. Более сострадательную королеву трудно сыскать. Впрочем, это общеизвестно.

— Я как-то полагал, что это относится только к раненым драконам.

— Что? И ни капли сочувствия своей собственной наезднице? Нет, разумеется, она помогает Морите всем, чем только может. Другие Вейры могли бы кое-чему поучиться у нашей старшей королевы. Между прочим, меня ничуть не удивит, когда после выздоровления Мориты у нас в Вейре произойдут некоторые перемены... — Лери широко улыбнулась. — А уж когда Орлита вновь поднимется в брачный полет... Порой всадница может высказать свои желания королеве... и настоять на них.

С'перен лишь с огромным трудом сдержался и не показал удивления. Конечно, они с Лери друзья, и старая всадница всегда чувствовала себя легко в его обществе. Но на что это она намекает? Ему нравилась Морита. В прошлый Оборот они с Орлитой славно поработали, залечивая большой ожог на боку его Клиота. А потом его бронзовый поднялся в брачный полет. По правде сказать, С'перен был тогда даже доволен, что его дракон проиграл. С'перену хотелось стать Предводителем Вейра далеко не так сильно, как Клиоту — догнать старшую королеву Форту.

— К'лон?! — спросила Лери, нарушая плавное течение его мыслей.

Клиот тут же подтвердил прибытие Рогета и сообщил, что уже подвинулся, так что голубой всадник сможет приземлиться на площадке перед вейром Лери.

— Ему давным-давно пора было вернуться, — проворчала старая госпожа. — Должен же в конце концов найтись еще один всадник, способный взять на себя часть обязанностей К'лона! А то он так долго не протянет. У него, видите ли, чувство вины... Скорее, пользуется случаем вылететь из Вейра и повидать этого своего друга в Айгене.

То, что голубой всадник устал, не вызывало ни малейших сомнений. Он едва волочил ноги.

— Пять капель из голубого флакона, — прошептала Лери С'перену и громко воскликнула: — С'перен, дай-ка К'лону чашу моего целебного кла! А ты, — она повернулась к голубому наезднику, — садись, пока не упал.

— Пей до дна, — предложила она, когда К'лон уже устроился в кресле с кружкой горячего кла в руках. — По крайней мере, согреешь кровь до нормальной температуры. Она у тебя небось замерзла после всех этих бесчисленных скачков через Промежуток. Ты почти такой же синий, как и твой Роget... Ну, а теперь рассказывай... Какие новости?

— Новости превосходные, — радостно объявил К'лон. — Мастер Капайм выздоравливает. Я разговаривал с Десдрой. Он все еще очень слаб, но ругается уже на всю мастерскую. Она говорит, что скоро им придется его связать, чтобы он не вставал с постели. А Капайм требует подать ему Записи... Но самое лучшее в том, — добрые вести, похоже, вернули К'лону утраченные силы, — что он утверждает, будто сама по себе болезнь не убивает. Смертельными оказываются вторичные инфекции типа пневмонии или бронхита. Если их удастся избежать, то все хорошо. Беда в том, — лицо К'лона приняло печальное выражение, — что в холдах это просто невозможно. Слишком много народа согнано в слишком маленькие помещения. Не хватает места... особенно теперь, когда так резко похолодало. Где я только не был... Даже в холдах, где ничего не знают об эпидемии и полагают, что беда пришла лишь к ним одним...

— А'мурри? — тихо спросила Лери.

— У него пневмония, — не в силах больше сдерживать своего горя, заговорил К'лон со слезами на глазах. — Одна из ухаживавших за ним женщин простудилась и вот... Фортин дал мне для него лечебный эликсир и согревающую мазь. Я заставил А'мурри принять лекарство, и он перестал кашлять. А потом я как следует его растер. — Он растерянно глядел на Лери и С'перена — видимо, опасаясь их неодобрения.

— Я должен был повидать А'мурри, — К'лон опустил голову. — Я должен встречаться с ним. И буду встречаться при удобном случае! Я не могу заразить его, переболев сам! И не говорите мне, что вполне достаточно,

если Рогет и Гранта могут связываться друг с другом. Это я и сам прекрасно понимаю, но мне тоже надо видеть А'мурри, — слезы катились у него из глаз, и он поспешил укрыться за чашей кла. — Очень вкусно, — сказал он, осушив кружку до дна. — Ну, что же еще я могу вам рассказать...

Он замолк, заморгал, сглотнул... его голова начала клониться набок. Лери, пристально наблюдавшая за всадником, кивнула С'перену.

— Отлично сработало, — сказала она, когда С'перен ловко подхватил сползавшего с кресла на пол К'лона. — Заверни-ка его, — она скинула с плеч теплую шкуру, — он проспит минимум двенадцать часов. Холта, будь умницей, скажи Рогету, чтобы он переночевал в своем веيره. Пусть тоже отдохнет.

— А что, если он вдруг понадобится? — спросил С'перен, показывая на неподвижное тело спавшего непробудным сном К'лона. — Вдруг надо будет срочно послать его в какую-нибудь мастерскую, холд... или даже к А'мурри?

— Ну, А'мурри, разумеется, имеет предпочтение перед какими-то мастерскими и холдами, — задумчиво сказала Лери. — Я не могу делать вид, будто ничего не произошло. К'лон нарушил карантин. Более того, он нарушил прямой приказ Предводителя. Я придумаю потом подходящее наказание. А пока вот что... Место К'лона могут занять и другие, не так ли? Особенно, если учесть, что большей частью он перевозил медикаменты и лекарей. С этим могут справиться и ученики! Они почувствуют себя смелыми, настоящими всадниками... но при этом им будет достаточно страшно, и они не станут попусту рисковать. Мешки можно сбрасывать, ни с кем не вступая в контакт, а ответные сообщения подбирать на достаточном удалении от источников инфекции. Пусть-ка попрактикуются приземляться прямо на равнину, а не на скалы, как они привыкли. Пойдет им только на пользу... Сейчас, однако, надо позаботиться о том, чтобы все узнали привезенные К'лоном радостные вести... особенно то, что болезнь сама по себе не убивает. Мы должны лучше следить за выздоравливающими. Те, у кого есть хоть малейшие признаки простуды, пусть даже близко не подходят к больным! В общем, так, друг мой: иди-ка ты в Нижние Пещеры и расскажи людям о сообщении из мастерской лекарей, — Лери

аккуратно свернула списки и положила их на полочку, — а потом объяви, какие именно крылья завтра вылетают на Падение.

* * *

Свет множества ламп, окружавших постель Капайма, падал на выцветшие страницы старых Записей на столе мастера. Рядом в кресле сидел Тайрон, Главный мастер арфистов Перна. Тайрон хмурился, глядя на Капайма — весьма непривычное выражение лица для человека, известного своим добродушием и оптимизмом. Эпидемия, — нет, точнее сказать, пандемия, — наложила свой отпечаток на всех и каждого — даже на тех, кого она вроде бы не затронула.

Тайрону повезло. Безумно, сказочно повезло. Он посредничал в каком-то споре на шахте, расположенной на границе между Тиллеком и Плоскогорьем, и не смог вовремя приехать ни на одну из Встреч. А когда барабаны возвестили о введении карантина, он, меняя скакунов, ухитрился добраться до мастерской, каким-то чудом минуя холды, охваченные болезнью. Он здорово поругался с Толокампом, не желавшим пускать его в холд, но в конце концов красноречие арфиста и факт, что он не проехал ни через одно пораженное инфекцией место, одержали победу. А может, один из стражников рассказал украдкой мастеру арфистов, каким образом самому Толокампу удалось вернуться из Руата?

Тайрон даже ухитрился уломать Десдру, и та позволила ему посетить больного Капайма.

— Если я не узнаю подробностей от тебя, Капайм, то мне придется полагаться на слухи, а это не самый лучший источник информации для главного арфиста Перна.

— Слушай, Тайрон, я пока что не собираюсь умирать. Я целиком и полностью поддерживаю твоё стремление составить максимально полное и подробное описание всего, что произошло, но у меня сейчас есть более важные дела! — Капайм потряс толстенным томом. — Сам я поправился, но теперь нужно найти способ остановить эту проклятую болезнь, пока она не унесла в могилы новые тысячи жертв!

— Десдра строго-настрого приказала не переутом-

лять тебя, — криво усмехнулся Тайрон, — но, как ни крути, я совершенно оторван от всего, что творится за стенами этого холда. Мне не удастся получить достоверных сведений даже от старшего барабанщика! И мне ничуть не легче от того, что я прекрасно все понимаю: да, при таком количестве проходящих через холд сообщений ни он сам, ни его помощники, ни ученики просто не в силах вести обычные журналы учета... Толокамп не желает со мной разговаривать, хотя со времени Встречи в Руате прошло уже целых пять дней, а он все еще здоров... Надо же мне хоть на что-то опереться, кроме пустых сплетен и недостоверных слухов! Впечатления профессионала вроде тебя были бы совершенно незаменимы для составителя Архивов. Насколько я понял, ты говорил в Исте с Талпаном? — Тайрон занес перо над листом пергамента.

— Талпан... вот с кем тебе надо бы побеседовать, а не со мной!

— Боюсь, что если даже эпидемия кончится, это будет невозможно... Ты что, ничего не знаешь?

— Вот как... Нет, я не знал, — Капайм на мгновение прикрыл глаза. — Наверно, они считали, что подобные новости только расстроят меня. В этом они не ошиблись. Талпан был хорошим человеком с острым, ясным умом... Со временем из него получился бы отличный главный мастер скотоводов... — Капайм покосился на застывшего, словно изваяние, Тайрона. — Что, и мастер Суфур тоже умер?! — Тайрон кивнул. — Так вот, значит, почему Десдра разрешила тебе меня повидать... Хотела, чтобы я узнал... Знаешь, давай-ка рассказывай все, как есть. Все, о чем молчали и Десдра, и Фортин. Мне уже все равно.

— Видишь ли, погибло очень много народу...

— Сколько именно?

— В Керуне умерли девять человек из каждого одиннадцати. В морском холде Айген, когда туда пришла помощь из Нерата, в живых оставалось всего пятнадцать человек. Мы не знаем точного числа жертв в малых холдах, окружающих Айген, не знаем и того, как широко распространилась эпидемия в Керуне и Руате. Но ты можешь гордиться своими мастерами, Капайм. Они делали все, что было в их силах...

— И они тоже умерли...

— Они покрыли ваш Цех неувыдающей славой.

— Не надо путать, Тайрон, — возмутился Капайм. — Жизнь, как мы ее знаем, возникла и возмужала именно на южном континенте!

— Ну, это еще надо доказать...

— Жизнь и способы, ее поддерживающие — моя область знаний, — Капайм угрожающе приподнял толстый том Записей. — Так же, как создание и развитие жизни являлось областью знаний наших предков. Во время Переселения с южного континента Древние прихватили с собой всех животных, которых мы сейчас используем, включая и драконов, генетически созданных для своей судьбоносной цели...

— Мы растеряли знания наших предков, — продолжал Капайм, не давая собеседнику опомниться, — хотя мы и можем вывести скакунов или быков в соответствии с конкретными требованиями. И... — тут Капайму пришла в голову новая мысль. — Я только что сообразил, что нам угрожает еще одна опасность! — он подумал о талантливом молодом Талпане, о главном мастере скотоводов Суфуре, о погибшем капитане, о своих умерших коллегах по ремеслу — каждый и каждая со своими маленькими секретами, теперь навсегда утраченными из-за смертельной болезни. — Вполне возможно, что мы потеряли куда больше, нежели полную историю развития эпидемии. Кроме жизни, мы потеряли еще и знания — и это должно беспокоить тебя, Тайрон, более всего. Тебе сейчас надо со всей возможной быстротой записывать сведения, методы и методики, которые могут погибнуть вместе с людьми, которые их используют... Мы не в состоянии восстановить по Архивам, как именно Древние творили свои чудеса. Да и не чудеса это были, ведь они основывались на умениях, на повседневных привычных процедурах, которые Древним и записывать-то казалось глупым, ибо они были общеизвестны. Только со временем эти общеизвестные истины перестали быть таковыми. Они позабылись... Их-то нам теперь и не хватает. Мне страшно даже подумать, что потеряно за последние несколько дней!

Без сил Капайм откинулся на подушку, толстый том Записей тяжким грузом лежал на его груди. Этим утром, когда он более или менее пришел в себя, он с ужасающей ясностью осознал, как много фактов, методов лечения и маленьких хитростей он не внес в свои дневники. Он никогда не любил вести подробных рабочих

журналов. Если бы ничего не случилось, он постепенно передал бы все свои знания ученикам — по мере того, как те набирались опыта. Но теперь, когда он столкнулся лицом к лицу с возможностью безвременной кончины, этот путь передачи и сохранения знаний казался на редкость ненадежным.

— Не могу с тобой не согласиться, Капайм, — откашлявшись, начал Тайрон, — но люди всех рангов, всех ремесел хранят свои секреты...

— Барабаны! Новое сообщение! — вдруг воскликнул Капайм, затыкая уши. — Не хочу ничего слышать!

Тайрон прислушался, и его лицо прояснилось.

— Хорошие новости, Капайм! — закричал он, жестом призывая лекаря опустить руки. — Из Айгена! Всадники встретили Падение. Нити уничтожены. Летало сразу двенадцать крыльев.

— Двенадцать? — Капайм вспомнил страшные потери, понесенные Вейром Айген и данные о количестве больных наездников. — Айген не мог поднять в воздух двенадцать крыльев!

— Когда в небе Нити, всадники должны выходить на бой! — с гордостью провозгласил Тайрон.

Недоумение во взгляде Капайма сменилось пониманием. Как же он не понял замечания арфиста о том, что Предводители Вейров решили запретить полеты на южный материк? Они встретились — и объединились для отражения атак.

— Борьба с Нитями у них в крови! Несмотря на страшные потери, они вылетели на бой, как всегда, поднялись на защиту континента...

Тайрона, похоже, понесло. С ним такое бывало. Не самое лучшее время он выбрал, чтобы сочинять свою новую сагу! И, однако, страстные слова арфиста всколыхнули в душе Капайма какие-то полузабытые воспоминания.

— Помолчи, Тайрон! Дай мне подумать! Или скоро не останется ни одного всадника, способного вылететь навстречу Нитям! Ты лучше сейчас уйди!

«В крови» — вот что сказал Тайрон. Это у них в крови! В крови! Капайм обхватил голову руками. Он уже почти слышал дрожащий голос старого мастера Галларди. Да, он как раз готовился к очередному экзамену, а Галларди все бубнил и бубнил о разных древних методах лечения. И там было что-то о крови! Да,

рассказать. По правде говоря, там-то я, скорее всего, и заразился. Не из вторых рук, а, так сказать, у первоисточника. — Этот вывод принес Капайму некоторое облегчение. Он свалился больным уже через каких-то двадцать четыре часа. Но лучше так, чем бесконечно переживать свою вину, думая о мерах предосторожности, которые следовало принять в Исте и в Керуне. — Талпан догадался, что источником болезни, поразившей скакунов, является именно эта тварь. Меня, кстати, тоже приглашали в Керун — там заболело довольно много народа. В общем, я искал источник болезни людей, а Талпан — животных. И мы с ним пришли к одному и тому же заключению. Между прочим, та кошечка до смерти боялась драконов.

— Правда?

— Так мне говорили. Но К'дал — среди тех, кто умер в Вейре Телгар. И его голубой вместе с ним.

— Но как же тогда болезнь попала в Южный Болл? — спросил Тайрон, быстро что-то записывая. — Я имею в виду, если вы уничтожили животное на Встрече в Исте?

— Ты забыл о погоде.

— О погоде?

— Да. Дело в том, что было очень тепло, и скотоводческий холд Керун начал рассылать скакунов, не дожидаясь конца зимы. Тем более, что ветры и течения этому благоприятствовали. А в итоге лорд Рейтошиган получил оттуда не только заказанный племенной табун, но и еще один маленький подарочек. Как, впрочем, и многие другие люди, разводящие скакунов. А потом некоторые из них приехали на Встречу в Руат.

— Это уже интересно! Какое чудовищное стечение обстоятельств!

— Мы еще должны благодарить судьбу за то, что Тиллек растит своих собственных скакунов, которых поставляет в Кром, Набол и Плоскогорье. А также за то, что керунские табуны, предназначенные для Бендена, Лемоса и Нерата, не добрались до места назначения: часть умерла в пути, а остальных погонщики и не пытались вести дальше.

— Предводители Вейров ввели категорический запрет на любые посещения южного континента, — сказал Тайрон. — У Древних, несомненно, были весьма веские причины его покинуть. Угроза жизни на нем слишком велика.

Горе и печаль воцарились в душе Капайма. Все погибли? Миббут, добряк Килос, практичная Лореана и искренний Рапал, костоправ Снил, Галниш... Все они мертвы? Неужели действительно прошло всего семь дней с того момента, когда первое известие о новой болезни достигло его ушей? И те, кого он пытался лечить в Айгене и Керуне, тоже мертвы... А до окончания Прохождения оставалось так немного... Капайм почувствовал, как по его щекам катятся горячие слезы. Пусть текут, от них на душе становилось хоть немного легче. Он не должен поддаваться эмоциям. Он должен мыслить беспристрастно, сугубо профессионально.

— В морском холде Айген проживало больше тысячи человек. Когда я прилетел туда по вызову Бурдиона, больных было всего человек пятьдесят...

— Бурдион — один из тех, кто выжил.

— Надеюсь, он вел для тебя дневник! — зло заметил Капайм.

— Надеюсь, что вел, — спокойно ответил Тайрон, не обращая внимания на выпад лекаря. — А пока в моем распоряжении есть один весьма любопытный судово-вой журнал.

— Понимаю, о чем ты говоришь, — кивнул Капайм. — Но к тому времени, когда я попал в Айген, капитан был уже давно мертв.

— А ты видел того зверька? — небрежно спросил Тайрон, но глаза его так и горели безудержным любопытством.

— Да, видел! — на всю оставшуюся жизнь Капайм запомнит то необычное животное. Оно фигурировало во всех его снах и нескончаемых кошмарах. Нет, не суждено ему забыть его длинных черно-белых усов, его хищного оскала, коричневых пятен на клыках, пушистых, прижатых к голове ушей и роскошных темно-коричневых полосок, изящно обрамленных черной каймой на гладкой шелковистой шкуре. Он прекрасно помнил неукротимый нрав этого представителя семейства кошачьих и помнил, как подумал еще тогда, что эта тварь прекрасно знает, как и когда она расквитается со своими мучителями, державшими ее в клетке и глазевшими на нее со всех сторон.

— Да, Тайрон, я видел того зверька... Как и сотни людей, приехавших на Встречу в Исту. Только я, в отличие от них, выжил и теперь могу тебе об этом

точно, старый лекарь рассказывал о лечебных свойствах крови... нет, не совсем так... Ага, вот! О лечебных свойствах сыворотки из крови! Сыворотки из крови! Теперь правильно!

Именно такая сыворотка является лекарством при вирусных заболеваниях.

— Капайм, — голос Десдры, — с тобой все в порядке? Тайрон сказал...

— Со мной все хорошо! Хорошо! Почему ты мне ничего не говорила? То, что нельзя вылечить, следует перенести... Есть и другой путь. К тому, что нельзя вылечить, следует подготовиться. Иммунизация. И в основе всего — кровь! Не кора, не лист, не порошок — кровь, и только кровь! И спасительное средство уже сейчас находится в моих венах! Потому что я пережил эпидемию. Потому что я выздоровел!

— Капайм! — Десдра шагнула вперед, но приблизиться все-таки не решилась.

— Думаю, что я уже не заразен. Я — это исцеление. По крайней мере, так я полагаю... — возбужденный своим озарением, Капайм выбрался из постели, пытаясь дотянуться до шкафчика, где еще с ученической поры хранились его записи.

— Капайм! Ты сейчас упадешь!

Шатаясь, лекарь вцепился в стул, на котором еще так недавно сидел Тайрон. Он сумел удержаться на ногах, но на то, чтобы добраться до шкафчика, сил уже не оставалось.

— Принеси мои записи! Самые старые. Они на верхней полке слева, — он тяжело опустился в кресло. — Я не мог ошибиться. Не мог! Я точно помню: «кровь выздоровевшего больного препятствует заражению.»

— Твоя кровь, друг мой, — сказала Десдра, вытирая пыль с журналов перед тем, как протянуть их Капайму, — сейчас жидка и слаба. А еще — ты немедленно вернешься в постель!

— Буквально через секунточку! — Капайм судорожно листал страницы. Он пытался точно вспомнить, когда же именно мастер Галларди читал свою лекцию о древних и устарелых методах лечения. Весной... Это было весной! Весной, потому что он тогда больше думал об обычных юношеских развлечениях, чем о древних процедурах. Капайм почувствовал, как Десдра трясет его за плечо.

— Ты заставил меня битых два часа устанавливать

светильники вокруг твоей кровати для того, чтобы потом читать в темноте? А ну-ка, живо в постель! Не для того я за тобой ухаживала, чтобы ты помер от простуды. А ты наверняка простудишься, если и дальше будешь бродить по комнате полуодетый! — она подтолкнула его к кровати.

— Да со мной все в порядке!

— Тайрон решил, что у тебя начался бред. Это не в твоих правилах — все время кричать «Кровь! Кровь! Это у них в крови!»

Но Капайм ее не слушал. Он нашел в журнале ту самую лекцию, состоявшуюся более тридцати Оборотов назад.

— Это и правда в моей крови! — торжествующе закричал он. — Здесь так написано! «В чистой сыворотке, поднимающейся кверху после того, как кровь свернулась, содержатся глобулины, ингибирующие развитие заболевания. Внутривенное введение подобной вакцины дает организму защиту на срок минимум в четырнадцать дней. Обычно этого времени хватает, чтобы эпидемия завершилась». — Капайм читал не отрываясь. Мастер Галларди говорил, что у Древних существовали специальные устройства для разделения крови, но Капайм не сомневался, что эту проблему он разрешить сумеет. «Сыворотка привносит в организм инфекцию в сильно ослабленной форме, пробуждает его защитные силы и тем самым предотвращает болезнь в ее самых опасных проявлениях».

Капайм откинулся на подушку. Он торжествующе улыбался. Он испытывал невероятное чувство облегчения. А ведь когда-то он очень сердился на занудного мастера Галларди и даже не хотел записывать в журнал эту «никому не нужную» методику, которая теперь спасет тысячи и тысячи людей! И в том числе — всадников!

Десдра следила за ним, и на ее лице застыло какое-то странное выражение.

— Но ведь здесь написано, что сыворотку надо вводить прямо в вену?!

— Так она быстрее поглощается телом, и потому лечение более эффективно. Нам как раз и требуется эффективный метод лечения! Десдра, скажи, сколько всадников больны?

— Мы не знаем. Они перестали сообщать точные цифры. По последнему сообщению К'лона, у них были больны сто семьдесят пять человек.

— Сто семьдесят пять больных? Как со вторичными инфекциями?

— Они не сообщали, а мы не спрашивали.

— А как дела в Телгаре? В Айгене?

— Мы больше думали о тысячах умирающих в холдах, чем о всадниках в их Вейрах, — призналась Десдра.

— Да, их всего тысячи две с небольшим... но без них нам не спастись от Нитей... Короче говоря, не отвлекай меня, а лучше принеси-ка все необходимое, чтобы я мог приготовить сыворотку. Когда К'лон прилетит, немедленно приведи его ко мне. Есть еще кто-нибудь в нашем холде, кто уже поправился?

— Никого.

— Ладно. А К'лон скоро прилетит?

— Мы его ждем. Он развозит сейчас лекарств и медикаменты.

— Прекрасно. А теперь мне потребуется следующее: побольше стерильных стеклянных бутылок с плотными крышками, полые стебли камыша, крепкая веревка... игольчатые шипы у меня есть... ах да, прокипяти-ка тот шприц, которым наши повара выкладывают крем. Когда-то мастер Кларгеш выдул мне такие же, только стеклянные. Хоть убей, не припомню, куда я их засунул! И еще принеси мне спирт и твой бульон.

— Ну, зачем спирт, я еще понимаю, — насмешливо сказала Десдра, — для чего тебе понадобился суп — ума не приложу!

Капайм замахнулся подушкой, и она, рассмеявшись, скрылась за дверью.

Капайм вернулся к началу лекции мастера Галларди.

«В случае эпидемии заразной болезни весьма полезно использовать вакцину, приготовленную из крови тех, кто уже перенес это заболевание. Введенная в вену здоровому человеку, она эффективно препятствует заражению. У больных она способствует выздоровлению. Еще задолго до Переселения подобным методом вакцинации были полностью уничтожены такие заболевания, как дифтерит, грипп, скарлатина, краснуха, оспа, брюшной и сыпной тиф, полиомиелит, туберкулез, гепатит и многие другие...»

С брюшным и сыпным тифом Капайм был знаком — вспышки этих заболеваний порой случались в холдах с недостаточно строгой гигиеной. Он, как и многие другие лекари, очень боялся нового появления тифа в результате

перенаселенности. Краснуха и скарлатина тоже порой встречались — во всяком случае, достаточно часто, чтобы типичные симптомы и методы лечения входили в программу обучения. Об остальных болезнях Капайм не знал ровным счетом ничего. Надо попробовать найти их в словаре, хранившемся в мастерской арфистов.

Итак, как рассказывал мастер Галларди, требовалось взять от выздоровевших больных полтора литра крови. После разделения получалось пятьдесят миллилитров сыворотки, пригодной для иммунизации. Количество сыворотки, которое требовалось вводить в вену, варьировалось, в зависимости от болезни, от одного миллилитра до десяти. Но Галлард не говорил, для какой болезни сколько. Капайм с грустью вспомнил свою недавнюю речь об утерянных знаниях. Получается, что он сам тоже виноват. Виноват, что не проявил должного внимания на той лекции...

Ему не потребовалось особенно долгих вычислений, чтобы понять всю грандиозность стоящей перед ним задачи. В первую очередь требовалось иммунизировать всех всадников, лордов холдов и главных мастеров, не говоря уже о лекарях, которые будут проводить эту операцию.

Распахнулась дверь и в комнате появилась Десдра с корзиной в руках.

— Я принесла то, что ты просил, — сказала она, ловко закрывая дверь ногой. — И я нашла те стеклянные шприцы, что вынул тебе мастер Кларгеш. Три оказались разбитыми, но остальные я прокипяттила... Вот так, — улыбнулась она, раскладывая на столе затребованные Капаймом материалы.

— Эта бутылка слишком мала! — запротестовал Капайм.

— Действительно, — легко согласилась Десдра. — Но ты еще слишком слаб, чтобы распротеститься сразу с большим количеством крови. Возьмем немного... И не волнуйся, скоро прилетит К'лон.

Десдра быстро протерла руку Капайма спиртом и наложила на нее жгут. Она открыла пакет с игольчатыми шипами и присоединила шип к концу полого стебля.

— Я знаю, что делать, — сказала она, — но практики у меня нет.

— Самому мне никак, — ответил лекарь. — Руки слишком дрожат.

Поджав губы, Десдра поставила бутылку у подножия

кровати, опустила в нее второй конец стебля и нацелила шип на пульсирующую под кожей Капайма вену. Кончик шипа был так тонок, что крохотное отверстие в нем видели лишь те, кто обладал исключительно хорошим зрением. Десдра проколола кожу и легким движением ввела шип в вену. Потом она сняла жгут. Капайм прикрыл глаза, борясь с накатившим на него головокружением. Он буквально чувствовал, как кровь вытекает из его тела. Он чувствовал, хотя умом и понимал, что это невозможно, как сильнее забилося его сердце, компенсируя уменьшение объема циркулирующей в сосудах крови. Он был на грани обморока, когда Десдра ловко вывела шип из вены.

— Вполне достаточно. Почти половина бутылки. Ты и так уже бледен, как смерть. Согни локоть и поддержи его... вот так. И выпей бульон...

— И что теперь с этим делать? — спросила она, поднимая закупоренный стеклянный сосуд с кровью.

— Галлард утверждал, что центробежная сила, то есть быстрое вращение сосуда, способствует разделению крови и получению необходимой сыворотки. Ты хорошо его закрывала? — Удостоверившись, что с этим все в порядке, он продолжал: — Привяжи веревку к горлышку бутылки. Покрепче... Так, теперь давай сюда.

— Зачем? Давай лучше я покручу...

Встав с кровати, Десдра оглянулась — места хватало. Она принялась вращать бутылку над головой.

Наблюдая за ней, Капайм мог только радоваться, что ему не пришлось делать это самому. Вряд ли у него хватило бы сил.

— Мы можем потом соорудить какое-нибудь устройство с колесом, которое вращали бы, скажем, собаки. Придется, правда, их все время подгонять... Тут требуется равномерное вращение. Или сделаем что-нибудь с регулировкой скорости...

— Зачем? Нам... что... потребуется... это... делать... часто?

— Если мое предположение правильно, то мы будем нуждаться в огромном количестве вакцины... Ты предупредила, чтобы К'лона, как только он прилетит, провели ко мне?

— Предупредила... Сколько... еще?

Сказал ли мастер Галларди «скоро», или это он просто так записал? В глубине души он проклинал

того недостаточно прилежного ученика по имени Капайм, который так небрежно законспектировал лекцию мастера Галларди...

— Пожалуй, хватит, Десдра. Спасибо.

Запыхавшаяся Десдра перестала крутить и, отвязав веревку, поставила бутылку на стол.

— Вот это, — она показала на слой соломенно-желтой жидкости сверху, — и есть твое лекарство?

— Не совсем лекарство, — поправил ее Капайм. — Вакцина.

— Ее надо пить? — в голосе Десдры слышалось отвращение.

— Нет, хотя не думаю, что она была бы на вкус много хуже тех микстур, которыми ты меня усердно поила. Эту вакцину следует вводить в вену.

— Так вот зачем тебе понадобились шприцы, — задумчиво протянула Десдра. — У нас их не так много... Мне кажется, тебе стоит повидаться с мастером Фортином.

— Ты что, мне не доверяешь? — Капайм даже обиделся.

— Как раз наоборот. Доверяю целиком и полностью. Я хочу, чтобы ты посетил мастера Фортина, прихватив с собой эту сыворотку. Он слишком часто навещал этот лагерь, разбитый за стенами холда с милостивого соизволения нашего лорда Толокампа. Мне кажется, он заблуждается...

Глава 10

*Год 1543, шестнадцатый день третьего месяца;
Форт Вейр и холод Руат*

Проснувшись, Морита сразу же ощутила сознанием радость своей золотой.

«Тебе лучше! Самое страшное позади!»

— Мне лучше? — неуверенно переспросила Морита вслух, и сама поразилась нетвердости своего голоса — напоминание о той невероятной слабости, с которой она прожила последние несколько дней.

«Тебе значительно лучше. Теперь с каждой минутой сил у тебя будет становиться все больше и больше.»

— Ты случайно не выдаешь желаемое за действительное, любовь моя?

Но она прекрасно знала, что если кто и может судить о ее самочувствии, так это Орлита. С того дня, как всадница заболела, королева не покидала ее. Она делила с Моритой каждый миг страданий, словно могла тем самым облегчить участь своей подруги. Да ей и в самом деле это удавалось. Она ослабляла невыносимую головную боль, снимала жар и даже утихомиривала рвущий горло кашель.

«Холта говорит, что у нас хорошие новости! Мастер Капайм нашел средство, предотвращающее заражение!»

— Предотвращающее? А излечивающее?

Морита не настолько оторвалась от жизни за время своей болезни, чтобы не знать — заразилась не она одна. Знала она и то, что в других Вейрах умирают всадники. И то, что два крыла Форт Вейра помогли Айгену справиться с Падением, и то, что Берчар и рожденный Теллани ребенок умерли пару дней тому назад. Лекарям давно пора найти средство борьбы с этой проклятой эпидемией!

«У болезни теперь есть название. Это очень древняя болезнь.»

— И как же она называется?

«Не помню,» — извиняющимся тоном призналась Орлита.

Всадница вздохнула. Драконы всегда отличались плохой памятью на имена и названия.

«Холта спрашивает, хочешь ли ты есть?»

— Мои приветствия любезной Холте и нашей многоуважаемой Лери... и передай, что я, кажется, проголодалась.

Морита даже сама удивилась своим словам. Еще вчера мысль о еде вызывала у нее тошноту. Вот пить ей хотелось постоянно...

— Как там Ш'гал? — когда Кадит в панике объявил о болезни своего всадника, Морита уже мучилась от жара и непрекращавшегося кашля.

«Он слаб, и чувствует себя неважно.»

Королева сказала это так, словно хотела поставить Мориту в пример все еще больному Ш'галу.

— Не забывай, Орлита, что Ш'гал никогда не болел. И нынешнее недомогание — страшный удар по его самолюбию.

Орлита промолчала.

— А какие новости из Руата? Лучше расскажи, — добавила она, чувствуя нежелание королевы говорить на эту тему.

«Сейчас к тебе придет Лери, — в голосе Орлиты явно звучало облегчение. — Она все знает.»

— Лери придет сюда? — Морита попыталась сесть, но тут же, сраженная головокружением, решила не повторять попытку. У входа послышались шаркающие шаги и стук палки.

— Лери! Не надо...

— Почему же нет?.. Доброе утро, Орлита. Я, как меня неоднократно уверяли, смелая женщина. Я уже прожила свою жизнь и не боюсь никаких вирусов. Ага... ты уже немного порозовела!

В левой руке она держала закрытый горшочек и маленькую фляжку. Еще два флакона были засунуты за пояс. На сундуке, придвинутом к самой постели Мориты, она разложила все, что принесла с собой.

— Вот так! — с удовлетворением сказала Лери, присаживаясь в ногах пациентки.

— Чем-то очень вкусным пахнет, — заметила Морита, принимаясь.

— Это особая каша, которую я для тебя сварила. Заставила принести мне из Нижних Пещер припасы и жаровню. Нессо тоже заболела и хоть на время отстала от меня. Вместо нее теперь Горта — справляется она, надо сказать, превосходно, — Лери многозначительно поглядела на Мориту, накладывая на тарелки две

большие порции каши. — Я поем вместе с тобой. Сейчас у меня как раз завтрак, а каша эта полезна мне ничуть не меньше, чем тебе. Между прочим, я заставила сегодня утром Орлиту поесть — а то скоро от нее осталась бы одна скорлупа от яиц. Она сожрала четырех быков зараз! Вот уж проголодалась, бедняжка! Да не гляди ты так понуро. Ты и о себе-то не могла позаботиться, где уж тебе ухаживать за драконом! Ничего, она не чувствовала себя заброшенной. У нас с ней прекрасные отношения. В конце концов, это же Холта отложила яйцо, из которого она вылупилась... В общем, она делала, что мы ей говорили, и теперь ей гораздо лучше. Нет, правда, ей надо было поесть. Ей скоро уже на Площадку Рождений, и мы надеемся, что к тому времени с тобой все будет в порядке.

— Что-то слишком рано, — сказала Морита, быстро подсчитав в уме дни. — Я думала, еще неделя...

— Она немного переволновалась. Да не нервничай ты! Кушай. Чем быстрее наберешься сил, тем лучше.

— Я сегодня гораздо сильнее, чем вчера, — Морита криво улыбнулась. — Ты-то как управлялась?

— Очень просто, — пожала плечами Лери. — Как я уже говорила, заставила их принести ко мне в вейр и жаровню и продукты. Да будет тебе известно, я сама готовила тебе лекарства. Орлита прислушивалась к каждому твоему вздоху и тут же сообщала новости Холте. Ты не получила бы лучшего ухода, даже если бы у твоей постели дневал и ночевал сам Капайм.

— Орлита говорит, он нашел лекарство?

— Он называет это вакциной. Но я не дам ему выкачать из тебя крови!

— А зачем она ему? — изумилась Морита.

— Он собирает кровь у тех, кто поправился после болезни и делает из нее сыворотку. Он утверждает, что эта сыворотка может предохранить от заражения, — Лери содрогнулась. — Он прямо-таки набросился на К'лона, когда тот зашел к нему в мастерскую... А К'лон так много летает сейчас. Он буквально не вылезает из Промежутка, выполняя поручения лекарей. Я поручила часть его работы ученикам. Не очень-то мне это нравится... но приказы они, по крайней мере, выполняют точно. Ах, за эти дни так много всего произошло, что я даже и не знаю, с чего начать!

Под напускным весельем Лери Морита чувствовала усталость и беспокойство.

— В Вейрах еще кто-нибудь... кто-нибудь умер?

— Нет! — Лери довольно улыбнулась. — И не должен был никто умирать! Просто людям всегда лень думать, вот и все. Ты знаешь, как голубые и зеленые могут удариться в панику? Это-то и произошло. Когда всадники заболели, их драконы запаниковали — вместо того, чтобы поддержать людей. По правде говоря, в теории Яллоры что-то есть... она считает, что паника и привела к смертям в Вейрах... — Лери на мгновение задумалась. — Яллора — молодая целительница, присланная к нам из мастерской лекарей вместе с двумя учениками, — пояснила Лери. Она потерла висок сухой ладошкой. — Ты была очень серьезно больна. Сказалось крайнее утомление — Встреча, бессонная ночь, потом Падение и тяжелая операция с крылом Дилента. С ним, кстати, все в порядке. Да, так вот, твоя Орлита так сильна, и ты ей настолько необходима, что умереть у тебя не было ни малейшего шанса. Вы выступили против болезни единым фронтом — и это нам кое-что подсказало. В общем, мы связались с королевами Вейров и порекомендовали им приглядывать за заболевшими всадниками. Приглядывать и не давать им умирать! Все-таки наши Вейры не так переполнены, как холды и мастерские. Смешно, если крепкий наездник становится жертвой какой-то там вирусной инфекции!

— Сколько же народа заболело, если Вейрам пришлось объединиться для отражения атаки?

— Ты только не волнуйся, — скривилась Лери. — Почти три четверти людей в каждом Вейре, кроме Плоскогорья, приковано к постелям. Мы сами едва наскребли два полных крыла, способных отправиться на Падение в Айген.

— Но ты говоришь, что мастер Капайм нашел лекарство?

— Способ предохранения. Вакцину. И ее пока недостаточно. Госпожи Вейров решили, что первым вакцинации, — Лери запнулась на этом новом для нее слове, — будет подвергнут Вейр Плоскогорье. Когда сыворотки станут побольше, дойдет очередь и до других Вейров. Сначала всадники, — Лери начала загибать пальцы, — потом лекари, за ними — лорды холдов и мастера... Сейчас барабаны прямо дымятся от бесконечных при-

зывают Капайма искать всех, кто выжил после болезни. Толокамп не знает, что с ним делать!

— Значит, Толокамп здоров?

— Он не выходит из своей комнаты.

— Для женщины, которая все свое время проводит в Вейре, ты очень хорошо информирована!

— К'лон мне обо всем докладывает, — усмехнулась Лери. — К счастью, у голубых отменный аппетит, и хотя Капайм утверждает, что драконы и стражи не могут заболеть, лучше все-таки кормить их здесь... как и всадников. Вот поэтому-то К'лон и прилетает домой поесть. Каждый день.

— Но драконы не едят каждый день!

— Голубые драконы, которым приходится два раза в час проходить Промежуток — едят. — Лери сурово поглядела на Мориту. — Я тут получила записку от Капайма, еле-еле разобрала его почерк, где он не нахвалится на усердие К'лона...

— А'мурри?

— Поправляется. По правде сказать, чуть не умер, но как только я поняла, как важна поддержка дракона для скорейшего выздоровления всадника, я тут же попросила Орлиту связаться с Грантой. У Л'бола умерли оба сына, и он места себе не находит от горя. С М'тани стало совершенно невозможно разговаривать, но он ведь сражается с Нитями больше нас всех и теперь рассматривает эту эпидемию как личное оскорбление. Если бы не С'лигар и К'дрен, у нас наверняка возникли бы проблемы с Ф'галом. Он совсем пал духом.

— Лери, ты о чем-то умалчиваешь.

— Да, милая моя, — Лери нежно потрепала Мориту по руке и протянула ей полную кружку. — Выпей это.

Морита послушно пригубила напиток и уже собралась спросить, чего это Лери туда наметшала, когда ощутила мягкое прикосновение в глубинах сознания. Орлита.

— Твой родной холд... — голос Лери задрожал. С ней такое бывало, но на сей раз Морите почему-то сделалось страшно. — Он очень пострадал... Два дня оттуда не поступало никаких сообщений. Тогда арфист из Керуна спустился вниз по реке, и... в общем, там все были мертвы.

— Все? — ошеломленно переспросила Морита. В холде ее отца обитало более трехсот человек, не считая тех, кто нашел себе убежище в скалах у реки.

— Выпей!

— Все мертвы? Даже ни одного пастуха с табуном? Лери печально покачала головой.

— Умерли не только пастухи, но и все скакуны, — еле слышно прошептала она.

Морита не могла представить масштаба подобной трагедии. Как это ни странно, но гибель скакунов кольнула ее всего больней. Она покинула свой холд двадцать Оборотов назад. Она от всего сердца скорбела о смерти своих родных... она любила мать, братьев и сестер, очень уважала отца. Но беззащитные скакуны... скакуны, которых разводили вот уже восемь поколений ее предков... их потеря казалась особенно несправедливой.

Слезы текли по щекам Мориты, она ощущала какую-то странную отрешенность от собственного тела. Она словно наблюдала за собой со стороны. «Лери явно что-то подмешала в вино,» — поняла она. Старая госпожа внимательно глядела на нее — на морщинистом, усталом лице — печаль и сочувствие.

— Что, так все скакуны и погибли? — наконец, выдавила Морита.

— Может, остался молодняк... где-нибудь на высокогорных пастбищах... Арфист не проверял. Он не знал, где искать, а возможности послать на разведку дракона, сама понимаешь, не было.

— Ну, конечно... — Морита прекрасно все понимала. Сейчас, когда каждый всадник на счету... — Да, жеребята и совсем старые скакуны и впрямь могли находиться в горах... А с ними — кто-нибудь из холда. Они могли спастись, — с надеждой заключила она. — Слушай, что ты добавила мне в вино? Моя душа где-то витает...

— На это-то я и рассчитывала. А добавила я каплю снотворного... ну, и еще кой-чего. Просто чтобы ослабить шок.

— Ладно, чего уж там... Ты лучше Расскажи мне все, пока я такая отрешенная. Мой родной холд... вряд ли он один пострадал... — Лери покачала головой. — Как Руат?

— Им здорово досталось...

— Алессан? — Морита не могла не спросить о нем — его смерть была бы для нее самой тяжелой утратой.

— Нет, он поправляется... Но вот среди его родных и съехавшихся на Встречу гостей потери просто ужасающие. А еще там погибли почти все скакуны...

— Даг?

— Я не знаю имен. Очень много жертв в Айгене. Лорд Фитатрик, его леди и их дети...

— Но есть какой-нибудь холд, который бы не пострадал?

— Да, конечно. Битра, Лемос, Нерат, Бенден и Тиллек — там отмечено всего несколько случаев заболевания. Больных быстро изолировали, и инфекция не получила распространения. Эти холды проявили себя просто великолепно, оказывая помощь пострадавшим районам.

— Ну почему?! — воскликнула Морита, закрывая лицо руками. — Ну почему именно сейчас, когда до конца Прохождения осталось так немного! Это просто несправедливо... Ты знаешь, — доверительно сообщила она Лери, — холд моей семьи основан в самом конце прошлого Прохождения... двести пятьдесят Оборотов... А теперь осталась я одна...

— Ну, точно ты этого не знаешь — сама же говорила, кто-то мог выжить на горных пастбищах. Это и впрямь весьма вероятно.

После такой взволнованной речи силы Мориты иссякли. Она глядела на Лери, и старая всадница словно улетала от нее вдаль на быстрых крыльях невидимого дракона... Улетала, хотя Морита не сомневалась, что та все так же сидит в ногах кровати.

— Все в порядке. Ты поспи, — нежно прошептала Лери и ей эхом откликнулись голоса двух королей — старой и молодой.

— Я вовсе не хочу спать, — пробормотала Морита, с головой проваливаясь в глубокий сон.

* * *

К'лон почувствовал огромное облегчение, когда лекарь Фоллен наконец-то вышел из комнаты Алессана. Хотя он не боялся заразиться, стоявший в коридоре запах смерти действовал всаднику на нервы.

— Я ввел вакцину его сестре, арфисту и еще одному бедняге. Лорд Алессан говорит, что они не единственные, кто нуждается в вакцинации. Ума не приложу, как он со всем справляется! Знай я, что тут такое творится, я бы выпросил у мастера Капайма еще немного сыворотки.

— Ее слишком мало.

— А я-то не знал!

Прошлым вечером голубой всадник доставил лекаря в холд Южный Болл, где, судя по барабанным сообщениям, было несколько человек, оставшихся в живых после болезни. Все они, и даже вечно раздраженный лорд Рейтошиган, стали донорами. Хотя надо сказать, что лорд совершенно искренне полагал (ни всадник, ни лекарь не собирались его в этом разубедить), что кровопускание — необходимая часть лечения.

— Я готовлю им похлебку по рецепту, переданному мне Десдрой... Попроси лорда Шадера прислать сюда нескольких добровольцев. Уверен, мы сможем спасти многих из тех, кто сейчас мучается от вторичной инфекции, если только будет кому за ними ухаживать. Мы должны попытаться! Руат и так практически опустошен...

К'лон кивнул. Запустение, царившее в безлюдном Руате, ужаснуло спасательный отряд. К'лон и три зеленых всадника из Бендена привезли в этот холд Фоллена, одного лекарского ученика ему в помощь и шестерых добровольцев. Они вынырнули из Промежутка над Руатом, и... в общем, такого кошмара К'лон еще нигде не видел. Огромные погребальные холмы на берегу реки, черные круги ям с обугленными останками у скакового поля, брошенные шатры, разбитые каркасы лотков торговцев — все говорило об отчаянной борьбе за выживание. И как насмешка, как издевательство, свисали из верхних, закрытых крепкими ставнями окон обрывки пестрых флагов — напоминание о веселой Встрече, вслед за которой пришла трагедия. На танцевальной площадке и дороге валялся мусор, и пустой котел, свисая с покосившейся треноги над давным-давно потухшим костром, уныло звенел, ударяясь о металлические опоры.

— Леди Пендра... — начал К'лон.

Фоллен быстро покачал головой, и всадник мог дальше не продолжать.

— И она, и все ее дочери, приехавшие на Встречу. Однако, лорду Толокампу повезло больше, чем Алесандру. У нашего хозяина осталась в живых только одна сестра.

— Из всех детей лорда Лифа?!

— Увы... Алессан очень о ней беспокоится. И о

своих скакунах тоже. Хотя зверей-то выжило, пожалуй, побольше, чем гостей. Пойди поговори с ним.

К'лон расправил плечи. За последние несколько дней он научился хорошо скрывать свои эмоции. Он старался выглядеть и разговаривать если не весело (что могло бы показаться оскорбительным), то, во всяком случае, уверенно и оптимистично. В конце концов, с появлением вакцины надежда остановить эпидемию превратилась из мечты в реальность. Он вежливо постучал в дверь и вошел, не дожидаясь приглашения.

Алессан, стоя на коленях около лежавшего на полу матраса, вытирал пот со лба больного. Увидев молодого лорда, К'лон едва удержался от удивленного возгласа. Со временем Алессан, может, и наберет потерянный вес, и кожа его опять станет отливать здоровым загаром, но сейчас на лице его застыли горе и безнадежность, выгравированные резцом смерти.

— Я рад приветствовать тебя, К'лон, всадник Рогета, — Алессан склонил голову в знак благодарности, затем, смочив холодной водой тряпочку, которую держал в руках, положил ее на лоб больному. — Ты можешь передать мастеру Тайрону, что без незаменимой помощи и изобретательности его арфистов положение в Руате было бы много хуже, чем сейчас. Тьеро — замечательный парень. Этот лекарь... как его зовут? — Алессан потер дрожащей рукой лоб, словно надеясь тем самым возродить невесту куда исчезнувшее имя.

— Фоллен.

— Странно, я помню так много имен... — Алессан замолчал, уставившись в окно. К'лон знал, что лорд Руата видел там погребальные холмы. Возможно, он имел в виду имена тех, кто там лежал... — это происходило постепенно... лежишь в постели, ждешь... — с усилием оторвав взгляд от окна, Алессан с трудом поднялся на ноги. — Ты привел к нам помощь. Фоллен говорит, что Тьеро, Дифер, — он показал на соседнюю постель, — и моя сестра поправятся. Он даже извинился, что у него нет больше... как ее... вакцины? Так она называется? Так вот...

— Сядь, лорд Алессан...

— Прежде, чем я упаду? — Алессан едва заметно улыбнулся бескровными губами, но все-таки, тяжело вздохнув, опустил на стул.

— Огонь уже развели, и скоро вам принесут бульо-

на. Рецепт придумала Десдра. Она ухаживала за мастером Капаймом, и он утверждает, что суп этот помог ему как ничто другое!

— Будем надеяться, что нам он тоже поможет...

Из соседней комнаты послышался кашель, и Алессан в тревоге повернулся к двери.

— Твоя сестра? — спросил К'лон и, не дожидаясь ответа, продолжал. — Вот посмотришь, вакцина окажет потрясающий эффект! Ее состояние сразу улучшится!

— От души надеюсь, что ты окажешься прав. Других родственников у меня не осталось.

Хотя Алессан говорил небрежно, как бы шутя, за его словами К'лон чувствовал жгучую боль утраты, и его сердце сжалось от сострадания к этому мужественному человеку.

— Уверю тебя, эта сыворотка творит чудеса... Я видел, как люди выздоравливали прямо на глазах. И, говоря по чести, сыворотка, которую Фоллен ей ввел, вероятно получена из моей собственной крови. — Других это обстоятельство почему-то утешало.

— Руат всегда гордился кровными связями с всадниками Форт Вейра, — усмехнулся Алессан, — хотя настолько прямыми они еще никогда не были.

— Я вижу, — улыбнулся в ответ К'лон, — что болезнь никак не отразилась на твоём остроумии.

— Это все, что у меня осталось.

— Ну уж нет, лорд Алессан! У тебя осталось значительно больше! И ты получишь любую помощь, какую только смогут предоставить Вейры, холды и мастерские.

— Если только то, что вы нам привезли, действительно сработает... — Алессан посмотрел в сторону двери, что вела в комнату сестры. — Мы на это и не рассчитывали.

— Я, пожалуй, загляну в ваши кладовые, и погляжу, чего у вас не хватает, — начал К'лон, решив про себя, что первым делом уберет такие неуместные сейчас флаги, вывешенные в честь Встречи. Если уж ему от них становилось не по себе, то как же они должны были мучить бедного лорда Алессана!

— Я точно знаю, чего нам не хватает, — сказал Алессан и, пошатываясь, подошел к стоявшему рядом с окном столу. — Прежде всего, конечно, медикаменты, — продолжал он, пытаясь найти нужный свиток. — У нас совсем не осталось ни аконита, ни жаропонижающих

настоек, только сироп от кашля... даже тимуса, и того нет... Кончилась соль и специи. Вот уже три дня, как мы не ели ни мяса, ни овощей... Видишь, как своевременно ты к нам прилетел? — с печальной улыбкой он протянул К'лону свои записи. — Тут все написано... Тьеро отослал барабанное сообщение этим утром, до того, как свалился окончательно. И я сомневаюсь, что у меня самого хватило бы сил подняться в башню барабанщиков.

К'лон взял протянутый ему свиток; рука его дрожала почти так же сильно, как у лорда Алессана.

— Фоллен сказал мне, — Алессан, не отрываясь, глядел в окно, — что тоже самое творится во многих холдах на западе и на юге.

— Но не все пострадали так сильно, как Руат, — ответил К'лон, и голос его дрогнул.

— Фоллен не слишком распространялся, но скажи, каково положение дел в Вейрах?

— У нас тоже есть потери, но пока что всадники отразили все Падения.

— Наверно... Ты ведь из Форт Вейра?

К'лон не сомневался, что Алессан прекрасно знает, к какому Вейру принадлежит его гость. Он чувствовал, что молодого лорда волновал какой-то другой вопрос. И тут всадник вспомнил рассказ Нессо о том, как Морита, беззастенчиво узурпировав внимание лорда Руата (или совсем наоборот?) протанцевала с Алессаном всю ночь.

— Леди Морита уже поправляется, — сказал К'лон, — и Предводитель Ш'гал тоже. У нас в Форте был только один смертный случай — пожилой коричневый всадник и его дракон Коэт. В Айгене погибло пятнадцать всадников, восемь — в Телгаре, и два — в Исте. Больны многие, но теперь, когда есть вакцина, у нас появилась надежда.

— Да, теперь появилась надежда, — эхом отозвался Алессан. — Всего каких-то семь дней назад здесь собрались сотня лучших скакунов запада и семьсот человек, приехавших порадоваться танцам, вину, развлечениям... и эпидемии...

— Лорд Алессан, не мучай себя понапрасну! Если бы ты даже и не устроил Встречу, эпидемия все равно бы разразилась! И кто знает, сколько было бы жертв... Ты сделал все, что мог, не давая болезни переброситься в соседние холды. Тебе не в чем себя упрекать!

— Передай лорду Толокампу мои самые искренние

соболезнования по случаю смерти леди Пендры и ее дочерей. Они ухаживали за больными, пока сами не слегли. Они проявили беспримерное мужество и самоотверженность...

К'лон кивнул. Он, только он один, виноват в том, что лорд Толокамп удрал из Руата. Кое-кто полагал, что Толокамп поступил в общем-то правильно, поставив благополучие своего холда выше безопасности жены и дочерей. Но лорд Толокамп сидел в своей уютной комнате в Форте, а леди Пендра и ее дочери погибли, ухаживая за больными в Руате.

— Я передам Толокампу твои соболезнования. Все припасы, что мы привезли, доставлены из холдов Бенден и Нерат.

— Хорошо, что ты мне об этом сказал, — глаза Алессана заблестели. Он взглянул на голубого наездника, словно увидел его впервые.

— Передай мою глубочайшую благодарность лордам Шадеру и Граму. — Он снова уставился в окно.

— Мне пора идти, — сказал К'лон. — Еще так много дел...

— Не сомневаюсь... Спасибо, что откликнулись на наш призыв... и спасибо за слова ободрения.

Попрошавшись с Алессаном, К'лон заторопился к выходу из холда. Всадник боялся, что еще немного, и он расплчется. Может, его кровь и впрямь послужила основой для привезенной сюда сыворотки? К'лон от всего сердца надеялся, что так. Хоть чем-то помочь... По темным коридорам он вышел в главный зал, который убирали два добровольца из Бендена. Их хлопоты, такие обыденные, показались К'лону удивительно милыми и родными после мертвенной тишины и запустения сраженного эпидемией холда. Он попросил их, когда будет время, снять оставшиеся после Встречи флаги, и вышел во двор.

«Это очень горестное место, — пожаловался Роget, увидев своего всадника. — Это самое страшное место, в которое мы когда-либо летали. Сколько нам еще тут оставаться? Ты тоже это чувствуешь. Давай скорее полетим повидаемся с А'мурри и Грантой...»

— Мы можем лететь, — сказал К'лон, забираясь дракону на спину.

Он никак не мог оторвать взгляда от огромных погребальных холмов на берегу реки. Это на них все

время смотрел Алессан? Или вон на тех скакунов, чудом оставшихся в живых, что паслись на дальнем поле?

— Улетаем, — сказал он Рогету. Он больше не мог думать об эпидемии, смерти, горе. — Я просто обязан повидаться с А'мурри. Тогда я снова смогу выносить все это...

Ему, конечно, следовало вернуться в мастерскую лекарей. Дел и впрямь было невпроворот. Но вместо этого он представил себе залитые солнцем высоты Вейра Айген, слепящий блеск расположенного неподалеку озера...

Рогет радостно взмыл в небо и без колебаний ушел в Промежуток.

Глава 11

*Год 1543, семнадцатый день третьего месяца;
Форт Вейр*

— Клянусь Первым Яйцом! — воскликнула Яллора. — Он потерял сознание!

Кадит в соседнем зале тревожно заревел, и Морита бросилась его успокаивать. Целительница тем временем принялась осматривать своего донора, без большой охоты пасставшегося с кружкой крови.

«Что случилось?» — обеспокоенно спросила Орлита из своего Вейра.

— Ш'гал упал в обморок, — ответила ее всадница, прекрасно зная, что через Орлиту эта информация незамедлительно дойдет до Холты, а от нее — к Лери. — Помоги мне успокоить Кадита!

— Самые сильные обычно и теряют сознание, — заметила Яллора. — Ему ничего не грозит. Как бы нам ни требовалась сыворотка, я не собираюсь рисковать его здоровьем.

— У меня и в мыслях такого не было! — рассмеялась Морита.

Своим появлением лекарь прервала довольно любопытную беседу между Предводителем и Госпожой Форта, в ходе которой Ш'гал пытался выискать недостатки в каждом решении, принятом с того момента, как он заболел. Его совершенно не интересовал тот маленький факт, что не Морита отдавала эти, с его точки зрения, безответственные распоряжения — как и то, что она сама едва встала с постели.

— Такие, как он, обычно становятся весьма трудными больными, — продолжала Яллора, внимательно наблюдая, как кровь стекает в стеклянную бутылку.

— Это предназначено для Руата?

— Большая часть... как только мы введем вакцину еще не иммунизированным всадникам вашего Вейра. — Когда Морита бросила красноречивый взгляд в сторону Ш'гала, целительница добавила: — Я все прекрасно понимаю, можешь не сомневаться. Он еще не пришел в себя. Вот так! Это все, что я у него возьму. Хотя он мог бы запросто отдать и втрое больше. — Прижав вену, она ловко выдернула шип из предплечья Ш'гала. —

Подержи ему руку согнутой, — попросила она, закупоривая бутылку с кровью. — Он должен сейчас очнуться... Ф'дерил сказал, что это ты восстановила крыло его Дилента. Отличная работа!

— Крыло заживает хорошо, не правда ли? — Морите было приятно, что лекарь так высоко оценила ее труды.

— Очень даже неплохо, — согласилась Яллора. — И сам Ф'дерил тоже. Знаешь, я никогда раньше не была в Вейре. Я и не предполагала, что драконы могут так сильно пострадать от Нитей. Они такие большие и сильные...

— Увы, даже они уязвимы...

— Можно только благодарить нашу счастливую звезду, что эпидемия их не затронула.

Ш'гал застонал.

— Ага, ты снова с нами, Предводитель? — взяв со стола стакан с соком, она поднесла его к губам Ш'гала. — Выпей, и тебе станет значительно легче.

— Мне кажется, это неблагоприятно... — начал Ш'гал недовольным тоном.

— Всадникам Форт Вейра требуется твоя кровь, Предводитель. Ты же сам прекрасно понимаешь, что их следует иммунизировать. И как можно скорее. Тогда никому из них не придется пройти через то, что перенес ты.

Лекарь выбрала с Ш'галом именно тот тон, какой следовало. Морита могла только мысленно поаплодировать ей.

— И все-таки ей не следовало брать мою кровь! — сказал Ш'гал, когда Яллора вышла из комнаты.

— У меня она тоже взяла, — оборвала его Морита, показывая свою руку с маленьким кровоподтеком в том месте, где шип пронзил вену. Ш'гал поспешно отвернулся. — У нас выведены из строя сто восемьдесят два всадника — больны или ранены.

— Почему не прилетел сам Капайм? Почему вместо себя он прислал эту... женщину?

— Яллора очень опытный лекарь. А Капайм едва встал с постели. Кроме того, ему надо думать обо всем континенте, а не только о Форте Вейре.

— Я не могу поверить, — заявил Ш'гал, продолжая прерванный появлением Яллары разговор, — что Лери не знала, кого я хотел бы назначить вместо себя. На

место Предводителя я прочил П'нина, а вовсе не С'перена.

— Лери принимала решения, основываясь на своем опыте Госпожи Вейра. И не забывай, что она была Госпожой уже тогда, когда мы с тобой еще не запечатлели своих драконов.

— Тогда почему Кадит говорит мне, что два крыла в Тиллек сегодня поведет Т'рал? Он же всего лишь заместитель командира крыла!

— Не считая Плоскогорье, ни одно из крыльев не сохранило своих ведущих. Здоровых не осталось. И чем скорее ты сам встанешь на ноги, тем легче будет всем нам.

— Я долго болел, — пробормотал Ш'гал, не ожидавший такого ответа. Вид у него при этом был не слишком довольный. — Я очень тяжело болел...

— Я тебе сочувствую, — Морита с трудом удерживалась от сарказма. — Поверь мне, к вечеру ты будешь чувствовать себя намного лучше.

— Ну, не знаю...

— А я знаю! Я, между прочим, тоже болела. Но вот выздоровела, как видишь.

Ш'гал покосился на Мориту с форменной ненавистью, но промолчал. Однако всадница не собиралась оставлять его в покое. С'лигару, взвалившему на свои плечи всю тяжесть непрекращающихся Падений, нужна была помощь. Ш'гал был превосходным ведущим, и его опыт действительно требовался Вейрам.

— После Тиллека предстоит Падение в Нерате. Тебе повезло — там нас смогут поддержать с земли.

— Я просто не поверил своим ушам, когда Кадит сказал, что холды не высылают наземных отрядов, — взорвался Ш'гал. — Они там что, не понимают...

— В холдах понимают куда лучше, чем у нас, что такое эпидемия. Найди пару минут поговорить с К'лоном. Он сможет кое-что тебе порассказать. — Она встала. — У меня еще много дел. Яллора говорит, что сегодня ты еще должен лежать. Завтра можешь встать. Если тебе что-либо потребуется, пусть Кадит меня позовет.

— Мне ничего от тебя не надо, — буркнул Ш'гал, укутываясь в покрывало и поворачиваясь лицом к стене.

Морита ничуть не возражала оставить его дуться в одиночестве. Она от души надеялась, что Ш'гал предпочтет через три дня вести крылья в бой против Нитей,

а не станет валяться в постели, страдая от жалости к самому себе. Возглавить объединенные крылья шести Вейров — непреодолимый соблазн для человека, так ценящего власть, как Ш'гал.

Она быстро взбежала по ступенькам к вейру Лери — и сегодня запыхалась уже не так сильно, как вчера. Она шла туда, чтобы надеть сбрую на Холту — раз уж ей не удалось отговорить старую всадницу от вылета в составе королевского крыла. Потом надо приготовить лекарства... Запасы Форт Вейра катастрофически уменьшились, и Морита знала, что К'лон приложил к этому руку. Но она не могла его остановить.

— Он упал в обморок, не так ли? — злобно заявила Лери, когда Морита показалась на пороге ее вейра. — И ему не очень-то понравились решения, которые я принимала во время его болезни, так?

— Холта опять подслушивала?

— В этом не было необходимости. Я не знаю другой причины, с чего ты могла бы выглядеть такой раздраженной.

— С тобой мне разговаривать немногим проще! — вспыхнула Морита. — Ты же сама знаешь, как ты устала, и тем не менее настаиваешь на своем! Лететь в таком состоянии...

— Пока я еще в силах, я не откажусь от удовольствия летать с королевским крылом, — замахала руками Лери. — Сегодня я чувствую себя лучше, чем вчера, чем позавчера, чем в любой из дней последних пяти Оборотов! — она подняла кружку с вином.

— Вот как? — Морита многозначительно поглядела на кружку.

— Пока ты не сделаешь новой порции, — с ухмылкой сказала Лери, — мне все равно негде взять снотворного, не так ли?

— К'лон утверждает, что нашел немного сушеных плодов...

— Понятно...

Обе женщины знали, что многие из припасов К'лона — в том числе и плоды, из которых готовился снотворный экстракт — появлялись из холдов, обезлюдевших после эпидемии; там пища уже была не нужна.

Смахнув с глаз слезы, Морита сняла со стены упряжь. Лучше перестать думать об опустевшем родительском холде. Но он стоял у нее перед глазами — дети играют

на широком лугу перед главным входом, старые тетушки и дядюшки греются на солнце у прочных каменных стен... Змеи и дикие стражи, наверно, уже...

— Морита... — тихий голос Лери. — Морита, Холта говорит, что прилетел К'лон.

Голубой всадник, бодрый и полный сил и энергии, вошел в вейр Лери. Морита с удивлением отметила, как сильно загорело его лицо.

— Морита! — воскликнул К'лон. — Ты, я вижу, уже совсем поправилась! В Нерате вполне могут поделиться настойкой из сладкого корня, — доложил он. — А в Лемосе есть приличный запас аконита и ивового эликсира.

— Как себя чувствует А'мурри? — с улыбкой осведомилась старая госпожа.

— Ему значительно лучше, — радостно объявил К'лон. — Конечно, он еще очень слаб, но целый день сидит на солнце, и у него опять появился аппетит.

— Ты неплохо позагорал вместе с А'мурри, не так ли? — задала новый вопрос Лери.

Морита тут же насторожилась — вопрос был задан подчеркнуто небрежным тоном.

— Ну... — замялся всадник, — когда выдавалась минутка...

— Так вот, значит, в чем дело! — воскликнула Морита, сделавшая, похоже, тот же вывод, что и Лери. — Ты брал время, чтобы повидаться с А'мурри!

— Когда я думаю о том, сколько пришлось мне потрудиться... — Роget тревожно заурчал у входа в вейр.

— Никто ни в чем тебя не упрекает, К'лон, — поспешила успокоить всадника Лери. — Но, мой милый, ты страшно рисковал. Ты же мог встретить самого себя...

— Но я же не встретил! Я был очень осторожен!

— И сколько же часов ты добавил в свои дни? — сочувственно спросила Лери.

— Не знаю! Я не считал часы! Мне ничего другого не оставалось! Как еще я мог выполнить все поручения да еще и найти время слетать к А'мурри? А я ведь обещал навещать его каждый день, после обеда. Я не мог не сдержать своего обещания. И не выполнить поручений мастера Капайма я тоже не мог!

— Поверь нам, К'лон, — сказала Морита, — мы искренне признательны тебе за отвагу и ту неоценимую помощь, которую ты оказал лекарям. Но путешествовать сквозь время — дело весьма опасное.

— Ни о чем подобном наш наставник даже и не заикался, — нетвердым голосом пробормотал К'лон.

— Знание о полетах во времени передается только бронзовым и королевам. Ты, судя по всему, узнал о такой возможности чисто случайно.

— Так оно и было, — кивнул К'лон. — Я опаздывал. Я знал, что А'мурри будет волноваться. Я думал о нем, о том, как он ждет меня. Я не мог прилететь вовремя, и в следующий миг — прилетел!

— То-то ты удивился! — Лери улыбалась от уха до уха.

— Я и понятия не имел, как это у меня получилось! — улыбнулся в ответ К'лон.

— И тогда на следующий вечер ты решил попрактиковаться?

Всадник снова кивнул. Видя, что его поступок встречен достаточно спокойно, он и сам несколько успокоился.

— Утром я прилетел к мастеру Капайму, и он дал мне распорядок моих полетов. После обеда я — в Айгене, а утром и вечером — в остальных местах Перна. Я и правда был осторожен...

— С этой минуты ты станешь еще осторожнее, — сурово заявила Лери. — А'мурри уже легче... ты сам так сказал. С ним все хорошо. Но вот ты не можешь оставаться в долгу перед самим собой — из-за того, что за каждый день проживаешь два. С этой минуты в твоем дне столько же часов, как и в дне любого из нас. Холта присмотрит, чтобы ты не вздумал меня послушаться. А мы поговорим с мастером Капаймом, и ты станешь бывать — вполне законно — в районе Айгена чаще, чем раньше.

— Но... но...

— Ты слишком устал, К'лон, чтобы сознавать, на какой риск ты пошел! Всего одна ошибка, — Лери выразительно смерила К'лона взглядом, — и ты навсегда лишишь А'мурри своего общества. — Она замолчала, оценивая, какой эффект произвели ее слова на понуро опустившего голову всадника. Холта предостерегающе заворчала, и К'лон поднял на Лери удивленные глаза. — Да, мы приглядим за тобой, не сомневайся, — заверила его старая госпожа при полной поддержке своей королевы, — и мне кажется, что ты скорее предпочтешь иметь дело со мной и Холтой, чем с Ш'галом и Кадитом.

К'лон умоляюще поглядел на Мориту, но та только

покачала головой. Может, ему это и не нравилось, но иначе нельзя. И тут Морита целиком и полностью разделяла мнение Лери.

— Сегодня после обеда мы вылетаем на Падение, — упавшим голосом сказал К'лон. — Что я скажу А'мурри? Мы и так еле-еле наскребли два крыла, а Иста может выставить лишь одно крыло да десять всадников на замену.

— Так и скажи А'мурри, что тебе надо лететь на Падение. А еще скажи ему, что мы с Моритой весьма обеспокоены тем, что тебе приходится слишком много работать в последнее время... Да, и вот еще что... не говори никому и никогда... особенно А'мурри, о том, что драконы способны проскальзывать из одного времени в другое.

— Я понял, Лери.

— И? — Лери кивнула в сторону Мориты.

— Я понял, Морита.

— Больше мы на эту тему говорить не будем. Передай А'мурри от нас привет. Если бы тут не было так холодно и сыро, я бы предложила перевезти его в Форт Вейр. Но, по-моему, ему сейчас лучше оставаться в тепле, в солнечном Айгене.

— Теперь он будет чувствовать себя мучеником, — со вздохом сказала Лери, когда К'лон ушел.

— Лучше так, чем если он и в самом деле им станет.

— Знала бы ты, с каким трудом я оставалась серьезной, — со смехом призналась старая наездница. — Он, между прочим, все рассчитал весьма точно. Если бы не этот подозрительный загар, мы бы нипочем не догадались, чем он занимается!

— У него было слишком много сил! Это просто-напросто неприлично, если учесть, сколько он работает! А вы с Холтой сможете за ним проследить?

— Пока он верит, что сможем, это не играет большой роли. Но ты, — Лери обратилась к своей королеве, — все-таки будешь присматривать за Рогетом от случая к случаю, ладно? А сейчас, Морита, если ты наденешь на Холту упряжь, мы отправимся воевать с Нитями.

Когда все было готово, Морита повела всадницу и ее дракона к выходу из вейра. Взмыв в небо, Холта присоединилась к двум крыльям — вклад Форт Вейра в защиту Перна от смертоносных Нитей. Провожаемые прощальными криками остающихся в Вейре драко-

нов, крылья ушли в Промежуток. Усилием воли Морита оторвала взгляд от пустых холодных небес. У нее и на земле хватало дел, и прежде всего следовало приготовить снотворный экстракт, а то его уже совсем не осталось.

Сегодня ее руки дрожали заметно меньше, чем вчера, и это радовало всадницу. Конечно, это было хорошо: нож острый, а кожа плода — жесткая и толстая. Когда сок начинал закипать, Морита занялась инвентаризацией лекарств. Поразительно, с какой скоростью то, что всего лишь шесть дней назад казалось ей огромными запасами, превратилось в жалкие остатки — мешочек того, бутылочка этого... Впрочем, раз все всадники Форт Вейра прошли вакцинацию, то большого количества жаропонижающих, отхаркивающих и других лечебных средств уже не потребуется. И хорошо, что так — в это время года пополнить запасы практически невозможно.

— Как себя чувствует Ш'гал? — спросила она у Орлиты.

«Он спит, и Кадит сообщает, что всадник хорошо поел. Он выздоравливает.»

Морита отметила про себя безразличие, прозвучавшее в голосе ее королевы при упоминании Кадита. Что ж, сама она тоже не без ума от Ш'гала, и когда Орлите придет пора подниматься в новый брачный полет...

«Холта возвращается! Фальга и Тамианта ранены!»

Задержавшись лишь для того, чтобы снять с огня кипящий сок, Морита выскочила наружу. Холта появилась из Промежутка прямо над Звездными Камнями и сразу же устремилась к своему вейру. Морита бежала вверх по ступенькам. Отшвырнув в сторону пустой бак огнемёта, Лери соскочила со своей золотой.

— Морита! У Тамианты страшный ожог. Лекарши справятся с ногой Фальги, но вот крыло Тамианты... — слезы текли по покрытым копотью щекам старой всадницы. — Давай! Бери мою летную куртку. Вот шлем и защитные очки. Лети!

— Но Орлита не может!

— Зато может Холта! — Лери протянула Морите куртку. — Ты сумеешь помочь Фальге и Тамиате больше, чем кто-либо другой. Ты обязана лететь! Холта не возражает, и твоя королева тоже. Это срочно!

Не попадая руками в рукава, Морита натянула на плечи слишком короткую для нее куртку. Летный пояс Лери тоже оказался маловат и едва-едва застегнулся

на последний крючок. Надвинув на голову шлем, Морита взялась за ремни упряжи Холты, торопясь, чтобы не передумать.

— Прости меня, Орлита!

«Нечего прощаты!»

— Лети! — кричала Лери.

Холта прыгнула, двигаясь почти так же тяжеловесно, как и готовая отложить яйца Орлита. На мгновение всадница испытала смятение — много Оборотов они с Орлитой летали связанные воедино, сливаясь сознанием друг с другом. Как же она сможет теперь понять Холту? Но тут она ее поняла. Вот она, Холта, совсем рядом, а над ними парит разум Орлиты... Ревность? Нет, Морита не ощущала никаких отрицательных эмоций — только беспокойство, что ей не удастся найти общий язык со старой королевой. Но они уже чувствовали друг друга, сливаясь в единое целое. Как свою собственную наездница воспринимала усталость Холты — и ее твердое желание во что бы то ни стало помочь Тамианте.

— Спокойно, и не торопись, — ободряюще сказала Морита.

Она представила себе характерный гребень Вейра Плоскогорье — зазубренную расческу с семью пиками разной высоты.

«Я знаю, куда лететь, — сказала Холта. — Доверься мне.»

— Разумеется... — отозвалась Морита, прекрасно понимавшая, что старая королева значительно превосходила Орлиту по опыту. — Перенеси нас к Вейру Плоскогорье.

Вместо своего обычного стишка Морита на сей раз за мгновения, проведенные в Промежутке, попыталась понять различия между двумя королевами. Мысленный голос Холты был старческий и усталый, и одновременно твердый и глубокий — богаче, чем у Орлиты. Возможно, когда Орлита достигнет столь же преклонных лет, ее голос тоже приобретет такую же удивительную глубину и богатство нюансов.

И вот они уже над Плоскогорьем, и Холта облетает острые пики, и закладывает крутой левый вираж так, что Морита отчетливо видит и землю, и раненных драконов на ней. Вокруг них — кучки людей, и самая большая — около Тамианты. Приглядевшись, Морита увидела, что королева потеряла хвостовые концы всех трех

мембран. Кроме того, у нее на боку темнел страшный ожог.

— Как такое могло случиться? — в ужасе спросила она.

«Слишком много забот сразу, — ответила Холта. — А еще ей очень хотелось помочь крыльям.»

Она передала наезднице то, что знала о случившемся, и Мориту захлестнула бесконечная жалость к израненной королеве. Тамианта поднималась под углом — так, чтобы Фальга могла без труда пользоваться огнеметом; как назло, они внезапно попали в сильный восходящий поток воздуха. Прежде, чем дракон и всадница успели что-либо предпринять, большой клубок Нитей упал на крыло Тамианты, а оттуда — перекатился на ее плечо, задев при этом и ногу Фальги.

Холта не могла уже развернуться на кончике крыла, как это любила делать Орлита, но старая королева рассчитала свой полет до сантиметра и, планируя, мягко приземлилась рядом с Тамиантой.

— Ты могла бы помочь мне снять боль? — спросила Морита у Холты, поспешно спрыгивая на землю.

«Орлита с нами,» — с достоинством отозвалась Холта.

Рядом с Тамиантой на носилках лежала Фальга. Два лекаря усердно заворачивали ее ногу в повязки, обильно покрытые обезболивающей мазью.

— Тамианта! — позвала Морита, надеясь, что дракон услышит ее. — Тамианта! Это я, Морита. Я прилетела тебя лечить!

Золотая судорожно мотала головой и крыльями, не давая никому приблизиться. Раненное крыло, видимо, причиняло ей невыносимую боль.

— Да держите же вы ее! — загремела Морита — во все горло и во всю свою ментальную мощь.

Другие раненые драконы взревели в ответ. Холта, привстав, распахнула крылья и призывно затрубила. Из вейров вокруг появились драконы — те, чьи больные всадники не смогли вылететь на Падение. И вдруг Тамианта замерла, скованная волей окружающих ее соплеменников.

— Ну, давайте же! — закричала Морита изумленно озиравшимся людям. — Накладывайте мази! Быстро!

Схватив лопаточку и горшок с мазью, она сама принялась за работу, одновременно оценивая тяжесть ранения.

В чем-то эта травма напоминала полученную Дилентом. У того пострадал передний край крыла и была задета кость, а у Тамианты кость осталась цела, но неповрежденной мембраны осталось совсем мало. Нескоро она поднимется в воздух...

— Мы можем чем-нибудь помочь? — невысокий мужчина с широким подбородком и приплюснутым носом возник как из-под земли у ее плеча. Другой мужчина, примерно такого же роста стоял у него за спиной с тревожным выражением на лице, разглядывая пострадавшее крыло. На обоих были пурпурные одеяния лекарей. Морита покосилась на носилки Фальги.

— Она без сознания, — поспешил объяснить первый мужчина. — Мы перевязали ее раны. Сейчас больше ничего не сделаешь...

— Мне потребуется тонкая ткань, масло, иглы, стерильная нить...

— Я не из этого Вейра, — сказал мужчина, поворачиваясь к своему спутнику. Тот кивнул, и побежал в сторону низкого каменного здания — видимо, там находился лазарет. — Меня зовут Прессен, — представился лекарь.

— Помоги наложить мазь, Прессен. Вдоль всех костей. Я хочу, чтобы мазь покрывала их толстым слоем, особенно возле суставов. Делай так же, как если бы ты оказывал помощь пострадавшему от Нитей человеку. И рану на теле тоже смажь. И погуще.

Со стороны вейров к ним, торопясь, ковыляла старуха, держа в руках горшочек с маслом. Вслед за ней бежали трое ребятишек. Подошли два перебинтованных всадника... И вдруг у Мориты оказалось больше помощников, чем нужно. Старушка объяснила ей, что лекари Вейра умерли, а двое новых ничего не знали о том, как лечить драконов. Сама она раньше помогала лекарям, но теперь ее руки начали дрожать... Морита отправила ее за тканью.

К тому времени, когда она собрала все необходимое для операции, обезболивающая мазь подействовала: так проинформировали всадницу Холта с Орлитой. Крыло Тамианты значительно превосходило по размерам крыло Дилента, а кусочков мембраны уцелело меньше. С помощью всадников Морита принялась раскладывать сохранившиеся фрагменты по смазанной обезболивающей мазью материи.

— Мне бы в голову никогда не пришло воспользоваться тканью, — прошептал Прессен, с восхищением наблюдая, как кусочек за кусочком восстанавливается казалось бы навсегда утраченное крыло.

Наттал, старая хозяйка Нижних Пещер, заставила Мориту отвлечься на пару минут и поесть супа. Она знает — так уверяла старуха, — что гостя из Форта только-только поднялась после болезни, и наверняка еще не успела набраться сил. А если Морита вдруг возьмет и упадет в обморок, что тогда? Кто поможет бедной Тамианте?

Несмотря на суп, к тому времени, когда все необходимое было сделано, Морита буквально шаталась от усталости.

«Нам надо возвращаться,» — тоном, не допускающим возражений, заявила Холта.

Морита не собиралась спорить, но какое-то смутное беспокойство никак не покидало ее. Она посмотрела на Фальгу, неподвижно лежавшую на носилках, окинула взглядом чашу и раненных драконов.

— Ты очень бледная, Морита, — участливо сказал Прессен, касаясь ее руки. — Я уверен, что мы сами справимся с остальными ранениями. Твоя работа — настоящее чудо! Сложить целое крыло!

— Спасибо. Вам надо будет только периодически смазывать его анестезирующим бальзамом. Когда на стыках мембраны появится сукровица — значит, процесс заживления пошел по-настоящему. Впрочем, это вы и без меня знаете.

«Давай скорее!» — поторопила ее Холта.

— Мне пора лететь, — сказала наездница, забираясь на спину королевы.

Холта присела, и Морита вдруг забеспокоилась — хватит ли у нее сил взлететь прямо с земли? Все-таки возраст... Мощным рывком старая королева взмыла в небо, и всадница от души надеялась, что та не уловила ее сомнений. Она поспешно представила себе Звездные Камни Форт Вейра и горный пик, возвышавшийся над ним.

— Пожалуйста, Холта, перенеси нас в Форт Вейр.

Холта вошла в Промежуток еще до того, как они поднялись над краем чаши. Несмотря на толстые кожаные перчатки, Морита почувствовала, как холод леденит пальцы. Надо было еще смазать их маслом перед выле-

том! Зеленый дежурный дракон радостно приветствовал их появление.

Холта спланировала ко входу в вейр Мориты...

«Ты здесь нужна,» — сказала она, когда всадница принялась отстегивать летные ремни.

— Я только сниму с тебя упряжь...

«Ты нужна мне прямо сейчас! — в голосе Орлиты звучало нетерпение. — Я тебя ждала!»

— Ну конечно, ждала, любовь моя! И это очень мило с твоей стороны, что ты меня отпустила...

«Лери просит тебя не тратить зря времени,» — поторопила ее Холта.

— С Орлитой что-то случилось? — забеспокоилась Морита, бросаясь внутрь вейра.

Ее королева сидела, вытянув шею, стремясь поскорей увидеть свою дорогую и столь необходимую ей сейчас подругу. Морита влетела в вейр и, крепко обняв ее за шею, с удивлением отметила, какое довольное лицо у стоящей рядом Лери, до подбородка закутанной в меха.

— Мы тут все сделали как надо, — сказала старая госпожа. — Но чем скорее ты отведешь ее на Площадку Рождений, тем лучше. Не думаю, что она могла бы прождать тебя еще дольше... Но ведь ты действительно была нужна в Плоскогорье.

Между извинениями и словами ободрения своей королеве, Морита рассказала Лери, как обстояли дела с Тамиантой.

— Между прочим, — заметила Лери, — никто даже и не знает, что ты куда-то улетала...

«Вот теперь мне действительно пора,» — жалобно сказала Орлита.

*Год 1543, восемнадцатый день третьего месяца;
Форт холд, Вейры Форт и Плоскогорье*

— Что касается меня, — сказал Капайм, когда затихли отголоски барабанного гула, — то я от души рад услышать хорошую новость.

— Двадцать пять яиц — не слишком-то много, — трагичным тоном заявил лорд Толокамп.

В последнее время Толокамп стал совсем другим человеком. Те, кто относились к нему доброжелательно, утверждали, что он еще не пришел в себя после смерти жены и дочерей. Но Капайм-то знал, что утешился Толокамп весьма быстро. А после проведенной на скорую руку свадьбы безграничное горе лорда Форт холда вызывало изрядное сомнение. Впрочем, это не мешало Толокампу вовсю использовать свою утрату как оправдание раздражительности и нетерпимости.

— Двадцать пять яиц! И одно — золотое! Прекрасная кладка, особенно если учесть, что Прохождение заканчивается, — твердо возразил Капайм.

— Морита не должна позволить своей королеве снова выбрать Кадита, — выпятив нижнюю губу, заявил Толокамп. — Ш'гал был так сильно болен...

— Это не наше дело, — заметил Тайрон, присоединяясь к беседе. — И я никогда не слышал, чтобы болезнь всадника повлияла на его дракона. Во всяком случае, раз Ш'гал вылетел в Нерат отбивать атаку Нитей, он, вероятно, полностью восстановил силы.

— Полагаю, они могли бы сообщить нам о состоянии дел в Вейрах, — с тяжелым вздохом сказал Толокамп. — Я обеспокоен.

— Вейры, — сдерживая злость, ответил Тайрон, — выполняют свой долг перед Перном. И холдам не о чем беспокоиться.

— Разве я принес болезнь в Вейры? Или в холды? Если бы всадники не болтались то тут, то там...

— И если бы лорды не стремились набить мясом и зерном каждый уголок в своих кладовых...

— Сейчас не время для взаимных обвинений! — прервал Капайма Тайрон. — Ты же знаешь не хуже прочих, Толокамп, что эту гадость завезли на конти-

нент моряки! — арфист с раздражением бросил взгляд на Толокампа. — Давай возвратимся к разговору, прерванному такими добрыми новостями. В этом лагере полно моих людей, и многие серьезно больны. Пока у нас не хватает вакцины на всех, но несчастные могли хотя бы иметь нормальное жилье и хороший уход.

— Среди них есть лекари, — с кислым видом ответил Толокамп. — Ты же сам мне говорил!

— Звание не защищает целителей от болезни и, к тому же, они не могут работать без медикаментов! У тебя большие запасы лекарственных растений...

— Собранных и приготовленных моей несчастной леди...

— Лорд Толокамп, мы нуждаемся в этих препаратах! — Капайм сдерживался из последних сил.

— Для Руата, да? — хищно осклабился Толокамп.

— Кроме Руата есть и другие холды, которым нужна помощь.

— Каждый лорд должен был сам позаботиться о запасах лекарств. Это их дело, не мое. Я не собираюсь опустошать свои кладовые, когда моим людям грозит болезнь!

— Всего лишь грозит! В то время как Вейры, изнуренные болезнью, простерли защиту намного дальше своих традиционных территорий! Как ты можешь отказаться, Толокамп?

— Очень просто, Тайрон — сказав «нет». И учти — границу холда не переступит ни один человек извне! Даже если он придет из области, не затронутой мором! Он может оказаться разносчиком какой-нибудь другой заразы, а я не хочу рисковать здоровьем своих людей. И не позволю даже прикоснуться к замкам на моих кладовых!

— Тогда я отзову целителей из твоего холда, — спокойно произнес Капайм, вставая.

— Но... но... ты не посмеешь!

— Почему же? Посмеем. Мы оба посмеем! — заверил Толокампа арфист, поднимаясь вслед за целителем. — Мастера подчиняются своим Цехам, равно как и подмастерья с учениками. Ты не забыл об этом, Толокамп?

Повернувшись, мастера вышли из комнаты; лицо Капайма покраснело от гнева.

— Я заберу отсюда наших людей и присоединюсь к тебе в лагере, — сказал Тайрон.

— Не думаю, что тебе стоит туда идти, — угрюмо заметил глава целителей.

— Толокамп начал слишком часто полагаться на щедрость Цехов, — в голосе арфиста звучали суровые нотки. — Надеюсь, что этот случай станет примером для остальных. Лорды не должны забывать о наших привилегиях.

— Забирай наших, Тайрон, и уходи, — сказал Капайм. — Но в лагере не появляйся! Твое место сейчас — в Цехе, с твоими и моими людьми.

— Мои люди, — произнес с горьким смехом Тайрон, — за немногими исключениями, умирают сейчас в его проклятом лагере. Пожалуй, в мастерских надо остаться тебе.

— Мастер Капайм...

Из ниши около двери выступила фигура девушки. Она не блистала красотой, но смугловатое лицо казалось приятным, а глаза, серые, широко расставленные, смотрели спокойно и твердо. Дочь Толокампа? Значит, не всех их повезли на смерть в Руат?

— У меня есть ключи от всех кладовых.

— Как ты?.. — растерянно начал Тайрон.

— Леди?.. — Капайм, склонив голову и улыбаясь, ждал, чтобы девушка назвала свое имя.

— Нерилка, — быстро подсказала она и улыбнулась в ответ, словно и не ожидала, что мастер целителей припомнит ее. — Я помогала собирать травы... лекарства, в которых отказал вам лорд Толокамп. Что ж, если владетель Форта не может помочь, я предложу вам то, что сделано моими руками. Но при одном условии...

— Если это в моих силах... — тактично начал Капайм.

— Я хотела бы уйти из холда вместе с вами и отправиться в этот ужасный лагерь. Мне сделали прививку, — она криво усмехнулась. — Вчера лорд Толокамп был так щедр... В любом случае, я не останусь там, где меня оскорбляет наглая девчонка, захватившая место моей матери... — видимо, она говорила о мачехе. — Лорд Толокамп взял ее в холд со всей семьей, а лекарей и арфистов бросил умирать в лагере...

«...как мою мать и сестер в Руате,» — она не произнесла этого вслух, но и Тайрон, и Капайм услышали ее невысказанную мысль.

— Сюда! Быстрее! — вдруг громко прошептала Нерилка, схватив Капайма за рукав.

— Я выведу наших людей из холда тем путем, которым мы пришли, — заявил Тайрон. Он повернулся и твердыми шагами пересек зал, направляясь к главному выходу из холда.

Капайм колебался. Наконец, он пристально взглянул на девушку.

— Если ты покинешь холд без разрешения отца... особенно когда он в таком настроении...

— Мастер Капайм, — прервала его Нерилка, — сомневаюсь, чтобы он заметил мой уход... Здесь крутые ступеньки, будь осторожен, — добавила она, подтолкнув целителя к полутемной лестнице.

Неизвестно почему, Древние обожали крутые и узкие винтовые лестницы и во всех старых холдах использовали их для связи между уровнями. Капайм же их откровенно ненавидел и чувствовал себя весьма неуверенно на скользких узких ступеньках. Спустившись к площадке, Нерилка повела мастера лекарей направо, затем снова вниз и налево. Через две-три минуты Капайм уже не представлял, где они находятся. Еще один поворот налево, и они увидели трех слуг, подпиравших стену около массивной деревянной двери.

— Ты быстро обернулся, — кивнула Нерилка невысокому крепкому парню. — Лорд Толокамп ценит проворных слуг, — добавила она, повернувшись к Капайму и перебирая ключи.

Щелкнул замок, и мастер Капайм оказался в небольшой комнатке с длинными столами, на которых громоздились весы, ступки с пестиками, блестящие емкости и стеклянные бутылки. Здесь он уже бывал — в сопровождении леди Пендры, матери Нерилки, — но покойная госпожа Форта вела его сюда другой дорогой. Девушка, справившись еще с одной дверью, пригласила целителя пройти в кладовую.

Капайм догадывался, что запасы лечебных трав в Форд холде весьма обширны, но такого он не ожидал. Со всех сторон к высокому сводчатому потолку поднимались плотно забитые полки — тюки и корзины, связки трав и пузатые бутылки, мешки, полные сушеных плодов и корней. Еще раз мастер проклял про себя преступную скупость Толокампа.

— Погляди, мастер Капайм, — вот плоды моих тру-

дов — с тех пор, как я стала достаточно взрослой, чтобы срезать лист, выкопать корень, сорвать пучок травы. — Она говорила негромко; видимо, эти слова предназначались лишь для ушей Капайма. — Не все, что собрано здесь, можно пустить в дело, ведь даже травы и корешки теряют со временем целебную силу. Их пожирают змеи, и я надеюсь, что хотя бы им наши лекарства идут на пользу. Но и остатков для Форт холда хватит на многие Обороты. Лорд Толокамн зря беспокоился.

Она кивнула коренастому слуге, и тот, нагрузив своих помощников — видимо, тюки были приготовлены заранее — подхватил две сумки.

— Если ты не возражаешь, мастер Капайм, — девушка протянула целителю бутыл, оплетенную ремнями. — Здесь сироп от кашля, приготовленный мной вчера.

Подхватив вторую бутыл и небольшой тючок, Нерилка вслед за слугами вышла в коридор. Капайм молча шел следом. Дверь захлопнулась, ключ со скрежетом повернулся в замке.

— Направо, Сим... пойдём к выходу из кухни, — сказала девушка, подтолкнув вперед коренастого парня. — Лорд Толокамн не любит, когда топчутся по коврам в главном зале. Надо выполнять его приказы, даже если придется пройти несколько лишних шагов.

Слуги покорно двинулись по коридору. Пожав плечами, Нерилка повернулась к целителю, и только сейчас Капайм заметил, что она одета в простую грубую тунику и тяжелые башмаки.

— Хотелось бы мне прихватить больше... но не идти же к лагерю целой толпой, — шепнула девушка. — А на четырех слуг стража не обратит внимания. — Капайм снова уставился на ее одежду. — И никого не взволнует, если один из них пойдет дальше... — Теперь Капайм смущенно покосился на огромную бутыл в своих руках. — Не волнуйся. Кого удивит, что мастер целителей возвращается из холда с припасами? Вот если бы ты шел с пустыми руками, это выглядело бы странным.

Она задумчиво покрутила в руках ключи.

Покорность дочерей Толокампа являлась темой беспрерывных шуток среди молодых людей из знатных семейств, которых леди Пендра приглашала погостить в Форте. Нерилка, как вспомнил Капайм, была третьей дочерью лорда; две старшие были выданы замуж в отда-

ленные холды. Четверо братьев — Кампен, Мостар, Дорал и Тескин — были старше ее, а еще одиннадцать отпрысков этого плодovitого рода — младше. Постоянные беременности леди Пендры тоже служили одной из самых излюбленных тем для шуток. Капайм и помыслить не мог, что кто-то из детей Толокампа отважится иметь собственное мнение.

— Леди Нерилка, если ты сейчас уйдешь...

— Я уйду, — спокойно подтвердила девушка.

— ...когда лорд Толокамп так раздражен...

— Ты хочешь сказать, что я не увижу своего приданого? — она поудобнее перехватила тяжелую бутылку и добавила: — Так что же? Я знаю травы, умею готовить лекарства, ухаживать за больными... Лучше мне заниматься делом в лагере, чем сидеть в теплом углу и... — она запнулась. — Твои лекари перегружены работой. Любые руки пригодятся сейчас.

Капайм кивнул. Да, ей не откажешь в логике!

— К тому же, — она тряхнула сумку на поясе, в которой глухо зазвенели ключи, — я могу проскользнуть обратно в холд, если понадобится... в него ведет много путей... Не удивляйся, наши работники часто это делают. И я сумею.

Сквозь невысокую дверь они прошли на кухню, и облик Нерилки изменился словно по волшебству. Гордая дочь лорда исчезла; вместо нее рядом с Капаймом ковыляла сгорбленная, неуклюжая женщина, измученная тяжким трудом, согнувшаяся под непосильной ношей.

Они очутились во дворе, в самом углу, куда выходила кухонная дверь. Капайм искоса бросил взгляд на просторное крыльцо холда; по главной лестнице неторопливо спускался мастер Тайрон в окружении лекарей и арфистов Форты. Над ними, в окне, маячила фигура Толокампа.

— Он наблюдает за ними, и не видит нас, — шепнула девушка. — Постарайся не выступать с такой важностью, мастер Капайм. На пять минут стань слугой, который с неохотой покидает безопасный холд, страшись приблизиться к обреченным на смерть людям.

— Они еще не все мертвы, — сердито сказал цельтель.

— Конечно, нет! Но лорд Толокамп полагает, что они умрут, и слуги тоже не сомневаются в этом... — они торопливо шли по двору, и Капайм вдруг заметил по-

блескивание шлемов над парашютом внешней стены. — Не останавливайся! — сквозь зубы прошипела Нерилка.

В воротах началась сумятица. Мастер целителей не мог разглядеть, что там происходит, но, кажется, стражи особо не усердствовали, и Тайрон со своими подопечными пробился наружу. Задержать главу арфистов Перна! Для этого требовалось нечто поосновательней приказа лорда Форта!

Они проскользнули в калитку рядом с кухней.

Лагерь — скопище сколоченных на скорую руку барачков — был разбит по левую сторону от огромной скалы Форт холда, в небольшой ложине. По велению лорда Толокампа, границы его тщательно охранялись. Правда, стражи не особенно следили за тем, кто идет в лагерь; не выпускать никого обратно — вот в чем заключалась их задача.

Слуги Нерилки сложили корзины и тюки у приземистого караульного помещения. Они явно не собирались тут задерживаться. Девушка замедлила шаги.

— Если ты переступишь границу лагеря, мастер Капайм, тебя не выпустят обратно.

— Если много путей ведет в холд, то и в лагере найдется незаметная тропинка, — мудро заметил целитель. — Посмотрим, леди Нерилка.

Он двинулся к караульной будке и поставил свою бутылку рядом с остальной поклажей. От будки тропа вела вниз по склону; несколько истощенных людей терпеливо дожидались там остатков с кухни Форт холда. За чахлой рощицей маячили серые бараки лагеря.

— Стой, мастер Капайм! — рявкнул пузатый стражник. — Еще десяток шагов, и я не смогу пропустить тебя назад!

— Мне надо передать в лагерь этот груз, — целитель кивнул в сторону тюков и бутылки. — Тут целебные травы и лекарства, их надо нести осторожно.

— Сейчас устроим! — часовой повернулся к толпе узников и крикнул: — Эй, там, внизу! Четырех парней сюда! Передайте мешки кому-нибудь из лекарей! Мастер Капайм сказал, что в них лекарства!

Обитатели лагеря потянулись к караульной будке, и страж поспешно отступил в сторону. Теперь он следил только за Капаймом, подозревая — и не без оснований — что мастер целителей вознамерился проинспектировать лагерь. Капайм начал что-то втолковывать ему;

Нерилка, незаметно проскользнув мимо, смешалась с разбивавшими корзины и мешки людьми. Через несколько минут процессия понурых фигур двинулась к роще.

Возвращаясь домой, Капайм думал, что ему и в самом деле нельзя покидать мастерскую. Нерилка могла уйти из своего холда, но главный целитель Перна должен оставаться на месте. Лагерь — лишь крошечная частица огромного континента... да, страшная, жуткая частица, и он не может допустить, чтобы процветающие холды — или то, что от них осталось — превратилось в нечто подобное. Он должен находиться в своем Цехе, там, куда идут сообщения от сотен и сотен целителей, разбросанных в горах, лесах и долинах обитаемого мира...

* * *

— Можно взять сукровицу от одной королевы, — говорила Морита Лери, — и нанести на суставы другой. И тебе вовсе не стоило тащиться в такую даль ради сообщения, которое мог передать кто-нибудь другой.

Они стояли у входа на Площадку Рождений. И Морита, и Лери говорили шепотом, хотя, измученная Орлита не обратила бы на женщин внимания, даже если б они кричали в полный голос. Королева дремала, свернувшись клубком вокруг своей драгоценной кладки. Выглядела она, с точки зрения Мориты, превосходно, и всадница уже не волновалась о ней. Зато теперь ее начинало одолевало беспокойство о судьбе израненной Тамианты.

— Этого никто не может сделать, — отмахнулась Лери, — так, во всяком случае, сказала Холта. И там все совсем не гладко...

— Да уж, я думаю, — Морита нервно ходила взад вперед. — Если действительно на этом поврежденном крыле сукровица так и не появилась... Как Фальга?

— Ее все еще лихорадит.

— Но это не та болезнь, я надеюсь?

— Нет. Ее лихорадит от полученных ран. Но врачи наблюдают за ней.

— О, клянусь Яйцом! Фальга знала, как собрать сукровицу! Придется поручить это Киланте и Дионе. Морита взглянула на свою королеву.

— Она проснется еще очень нескоро, — Лери взяла Мориту за руку. — Собрать сукровицу и нанести ее куда

требуется — это ведь займет совсем немного времени.

— Орлита доверяет мне!

— Мне тоже. Каждый миг задержки...

— Да знаю я, знаю! — с болью в сердце она думала о несчастных Фальге и Тамианте.

— Если Орлита проснется, то Холта тут же об этом узнает, — уговаривала ее Лери. — Твоя королева все поймет. В конце концов, кладка уже закончена.

В чрезвычайных обстоятельствах, которых в последнее время расплодилось без счета, требовалось предпринимать чрезвычайные меры.

— Холта готова тебя отвезти. Я ее уже спросила...

Морита сдалась. Бросив последний взгляд на спящую королеву, она почти выбежала из вейра. Вскоре, одев летнюю куртку, шлем и очки, она уже сидела на шее Холты. И снова каждой своей клеточкой она ощущала разницу между Холтой и Орлитой. Несмотря ни на что, Морите упорно казалось, что она каким-то неясным ей самой образом предает свою королеву, летая на другом драконе.

— Летим в Вейр Плоскогорье, — вполголоса сказала она Холте.

Они ушли в Промежуток, едва взлетев. У Мориты даже дух захватило от такого грубого нарушения правил полетов. Но не успела она собраться с мыслями и вспомнить о своем стишке, как они уже парили над чашей Плоскогорья.

«Орлита все еще спит, — сообщила старая королева, приземлившись. — И Лери, между прочим, тоже.»

— Это ты, Морита? — раздался дрожащий голос Дионы. — Скорее! Скорее!.. Да, Прессен, это она!.. Я провожу тебя к Тамианте, — продолжала она без перерыва. — Моя милая Киланта так о ней волнуется...

Когда Морита вошла в вейр, она поняла, почему. Тамианта выглядела скорее зеленой, чем золотой — крыло и рана на боку были просто серыми. Она мелко дрожала.

— Воды! Дайте воды! — срывающимся голосом молила лежащая неподалеку Фальга.

— Это все, что она говорит, — прошептала Диона, заламывая руки.

Прессен, подбежав к Фальге, попытался напоить ее, но всадница резким движением выбила кружку у него из рук.

Ругаясь последними словами, Морита потрогала шею дракона — кожа на ощупь казалась горячей и сухой.

— Воды! Только не Фальге, а Тамианте! Неужели непонятно?! Неужели никому из вас не пришло в голову предложить Тамианте воды?!

— Об этом я как-то не подумала, — всплеснула руками Диона. — Киланта тоже все время говорила о воде, но мы думали, что речь идет о Фальге...

— Воды... — стонала израненная наездница. — Воды...

— Да не стой же ты как истукан, Диона! В соседнем вейре у вас кто? Ученики? Прикажи им натаскать сюда воды! Пусть возьмут бак на кухне! Чудо, что Тамианта еще жива! Из всех безответственных, нерадивых, ленивых придурков, которых я когда-либо встречала... — Морита увидела изумленное выражение лица Прессена и заставила себя остановиться. Словами делу не поможешь. — Я не могу летать сюда каждый день и выяснять, напоили вы драконов или нет!

— Ну, разумеется, не можешь, — успокаивающе сказал лекарь.

Взбешенная неумехой Дионой, Морита наклонилась над поврежденным крылом. Пара дней без смазки, и разорванные кусочки мембраны уже не приживутся. На земле под крылом что-то заблестело. Морита присела и, обмакнув пальцы в лужицу вязкой жидкости на полу, принялась.

— Прессен! Этот дракон истекает кровью!

— Что?!

Морита постаралась поточнее припомнить, какие инструкции она дала лекарю. Кажется она сказала: смазать рану на боку обезболивающим бальзамом... Почему же она не проверила рану? И с чего вообще она решила, что в суматохе, царящей в Вейре Плоскогорье, с его новыми, еще неопытными лекарями и измученными всадниками, рану обработают как положено? Вместо того, чтобы самой в этом убедиться, она радостно помчалась домой, гордая мастерски починенным крылом.

— Прессен, прости! Я сама во всем виновата. Мне надо было обработать рану на боку. Дело в том, что в результате ожога повреждены вены у ребер и на плече. Обезболивающая мазь скрыла кровотечение. А в итоге сукровица не достигает крыла. Надо как можно скорее восстановить вены. Операция примерно такая же, как у человека. Главное — следить за цветом тканей.

— Вообще-то, хирургия — не мой профиль, — начал Прессен, но, увидев, как исказилось лицо Мориты, поспешно добавил: — Но я ассистировал при операциях и могу помочь.

— Мне потребуются хирургические зажимы, нитки, иголки...

— У меня есть все необходимые инструменты. Когда я сюда прилетел, мне передали вещи Барри — лекаря, жившего тут до меня. Он умер, помнишь?

Но Морита его уже не слушала. Мысленно приготовившись к самому худшему, она начала осматривать поврежденное крыло. Кое-где поблескивали капельки сукровицы, но ее было куда меньше, чем следовало ожидать. Возможно, если нанести на мембрану сукровицу Киланты, крыло еще удастся спасти. Обезболивающая мазь, которую Прессен накладывал не жалея, хотя бы не дала крылу высохнуть. Как только вены Тамиианты будут приведены в порядок и несчастная королева наконец-то напьется...

Морита, а вслед за ней и Прессен, тщательно смазали руки маслом.

— Прежде всего, нужно очистить рану от мази. Похоже, повреждения вот здесь, здесь, и вот тут, почти у сердца... — В четыре руки они принялись осторожно снимать мазь. Тамиианта содрогнулась. — С таким количеством мази она просто не может ощущать боли... Ага! Видишь, где сочится сукровица? — Ее отец всегда разговаривал, когда лечил раненых скакунов. Много из того, что она узнала от него в детстве, ей удалось впоследствии применить к врачеванию драконам. Не стоит, конечно, вспоминать отца в такую минуту, но эта привычка постоянно комментировать свои действия поможет ей обучить Прессена. Должен же хоть кто-то в Вейре знать, как лечить не только людей, но и драконов! — Вот первый разрыв. У твоей левой руки, Прессен, должен находиться второй. А вон там — третий, крупная вена, ведущая к сердцу. — Морита протянула руку за ниткой с иглой, которые тем временем подготовил Прессен.

— Цвета и в самом деле другие! — воскликнул лекарь. — Ткани выглядят совсем не так, как человеческие... Слушай, у нее в крыло поступало хоть немного крови? — его ловкие пальцы быстро сращивали концы пережатой Нитью крупной вены.

— Поступало, но не достаточно.
— Воды! Воды! Пить! — рыдала Фальга.
— Можно поручить хоть что-нибудь этой недотепе или нельзя! — взорвалась Морита. — Тут же в двух шагах целое озеро!

Но тут послышался какой-то шум, звон металла и плеск воды. Со своего места Морита не видела, что происходит, но все и так было ясно.

— Клянусь Яйцом! Она сейчас выпьет все, что мы принесли! — услышала Морита голос наставника Плоскогорья — наездника по имени К'рнот. — Ей нельзя пить много сразу, так что не слишком спешите принести еще, ребятки. Я могу чем-нибудь помочь? — он проскользнул под крылом Тамианты и замер, в изумлении уставившись на Мориту.

— Я полагал, что твоя королева сидит на кладке?..

— Все так, но эта могла умереть... — и она показала лужу крови на полу.

— С'лигар заболел, несмотря на вакцинацию. Правда, не тяжело, — с горечью заметил наставник. — Но...

— Никто не виноват, К'рнот. Все устали, делаем по двадцать дел сразу... Мне следовало осмотреть рану еще два дня тому назад!

— Иногда мне кажется, что это всего лишь привычка к борьбе не дает нам сдаться и помереть от усталости, — пробормотал всадник.

— Возможно, ты и прав... Ну вот! Это все. Спасибо, Прессен. Из тебя получится отличный лекарь Вейра.

— Как только я привыкну к таким крупным пациентам, — усмехнулся Прессен.

— А сейчас ты познакомишься с еще одной очень важной процедурой, применяемой при лечении драконов. — Выбрав самый большой шприц, она аккуратно присоединила к нему игольчатый шип. — Диона!

— Нет, нет! — заголосила всадница, увидев приближающихся к ее королеве Мориту и Прессена. — Тамианта выглядит уже гораздо лучше! Ей больше ничего не надо...

— Ей безусловно лучше, но если мы не смочим швы свежей кровью, она никогда больше не поднимется в воздух. Холта, объясни Киланте, в чем дело.

— Это займет совсем немного времени, и ничуть не повредит Киланте, — добавил подошедший к ним К'рнот. — Ну как тебе не стыдно! — воскликнул он, ког-

да Диона попыталась загородить огромную королеву своим телом.

Сама королева явно относилась к предстоящей операции совсем не так, как ее наездница. Она даже услужливо подставила Морите крыло.

— Смотри, Прессен. Видишь, вот тут вена пересекает кость? — лекарь кивнул. — А теперь делаем вот так... — острая игла вошла в вену так плавно, что дракон даже не почувствовал укола. Морита быстро наполнила шприц кровью.

— Очень интересно, — пробормотал Прессен; он не отрываясь наблюдал за процедурой.

Оба они не обращали ни малейшего внимания на непрерывные причитания Дионы и увещевания К'рнота.

— А теперь, — продолжала объяснения Морита, возвращаясь к Тамианте, — мы нанесем собранную нами кровь на стыки мембраны и на хрящи. Видишь, какие они сухие? А вот здесь, возле плеча уже появилась влага. Это результат нашей с тобой работы! Мы еще спасем крыло! — и она улыбнулась лекарю.

— И Фальга наконец-то заснула, — улыбнулся в ответ Прессен.

— Холта? — мысленно позвала Морита, помня и о других своих обязанностях.

«Они спят,» — невозмутимо отозвалась старая королева.

— К'рнот, Прессен, мне пора возвращаться в Форт. Вы проследите за тем, как заживает крыло? Ты, Прессен, теперь знаешь, как набрать кровь и куда ее надо наносить. Ты же, К'рнот, знаешь, когда это следует делать. Как только возникнет необходимость, сразу же скажи об этом лекарю. Договорились?

— Договорились, — серьезно кивнул наставник. — Однако, тебе не нужно было покидать свою королеву, — добавил он, с сомнением качая головой.

— Знаешь, К'рнот, порой наступает момент, когда «нужно» или «не нужно» зависит не от наших желаний и не от принятых в древности обычаев. Я была нужна здесь. За мной послали. И я прилетела. Теперь я возвращаюсь домой. Вот и все. — Наставники, все до одного, почему-то отличались непоколебимой уверенностью в своем полном праве критиковать всех и каждого в Вейрах. Порой весьма полезное для окружающих свойство, но далеко не всегда — приятное.

Подмигнув на прощание Прессену, Морита, перепрыгивая через ступеньки, помчалась туда, где ее дожидалась старая королева.

«Можешь так не торопиться, — успокоила ее Холта. — Они все еще спят.»

— Чем и мы займемся, как только долетим до Форт Вейра, — пообещала Морита, забираясь на шею дракона. — Домой, Холта.

Королева послушно расправила крылья и через миг, едва оторвавшись от земли, ушла в Промежуток. Еще мгновение, и они уже планировали к входу в вейр Лери. Соскочив с Холты, всадница кинулась к Площадке Рождений, на бегу от всего сердца благодаря старую королеву за оказанную услугу. К огромному облегчению Мориты, ее золотая даже не шевельнулась — так крепко она спала. Что же касается Лери, то престарелая госпожа спала ничуть не менее сладко, причем на постели Мориты.

*Год 1543, девятнадцатый день третьего месяца;
холод Руат и Форт Вейр*

Алессану пришлось остановиться. Пот градом катился по вискам, заливал глаза. Подняв ладони от рукоятей плуга — их пришлось оттирать палец за пальцем — он поднял глаза на скакунов; бока их тяжело вздымались. «Еще один такой день, — подумал он, — и они окончательно забудут, что такое скачки.» Впрочем, вчера он думал то же самое. Была какая-то высшая справедливость в том, что ему, послушнику отеческой воли, пришлось-таки запрячь в плуг своих бегунов. Однако из той породы, что была так дорога сердцу лорда Лифа, не выжил ни один конь. Тяжеловозы, способные тащить самый тяжелый груз или тянуть плуг, оказались особенно подверженными инфекции. В итоге, в живых остались только легкие поджарые бегуны. Пока остались... Если их не доконает пахота, что была раньше уделом их более мощных, но менее стойких собратьев.

Землю необходимо вспахать, зерно посеять; обитателям Руата была нужна пища. И неважно, как лорд холода ее добудет. Упряжка добралась до края поля и, навалившись на рукояти, Алессан развернул плуг. Он поглядел на проложенные борозды — пусть немного неровные, но достаточно глубокие. Идет работа... Молодой лорд окинул взглядом окрестности. На северной дороге — всадник. Алессан пригляделся; ему показалось, что он различает голубые цвета арфиста. Похоже, Тьеро возвращается после осмотра северных холдов. У кого еще хватит смелости посетить Руат?

— Это все эпидемия виновата, — объяснял арфист. — Здесь, в Руате, болезнь разгулялась вовсю. Я думаю, пока лекари не вклянут всем и каждому в холде дозу вакцины, не найдется желающих посетить Руат. И даже тогда люди поостерегутся приводить с собой скакунов — очень уж много их тут погибло.

Тем не менее, что-то следовало делать — например, пахать...

После долгих дискуссий с Тьеро, Дифером и Оклиной (весь его нынешний совет холода) стало ясно, что самому Алессану Руат покидать нельзя. Никто, кроме

него, не смог бы обеспечить тут порядка. Алессану очень не хотелось посылать в путешествие по холдам Тьеро — арфист только-только встал с постели. Но спорить с ним было совершенно бесполезно; именно потому он и являлся арфистом — так пояснил сам Тьеро. Следовало послать его, и никого другого; а несколько дней на свежем воздухе пойдут, моь, ему только на пользу. С другой стороны, пахать Тьеро явно не обучался. Алессан не поверил ни единому слову арфиста, но послать все равно было некого.

Ему не терпелось узнать, с какими новостями вернулся арфист, но он заставил себя вернуться к плугу. Поле почти закончено. Он обязан завершить работу сегодня! Вот вспашет, и тогда пойдет поговорить с Тьеро... Здорово было бы, если б арфист вернулся в холд, ведя на поводу хотя бы пару крепких скакунов... но увь! Тьеро вернулся один. Ничего не поделаешь... Еще две борозды — и все...

Он повел усталых скакунов к конюшне, а на вспаханное им поле вышли сеятели. Какой-никакой, но урожай с этой земли они снимут. Несмотря на проклятую эпидемию... Конечно, снимут, если не подведет погода, или не свалится какая-нибудь новая напасть — скажем, зарывшаяся в почву Нить.

К удивлению Алессана, Тьеро дожидался его у входа в конюшню. Он сидел на перевернутом ведре и улыбался.

— Я видел тебя за работой, Алессан, — сказал вместо приветствия. — Твои борозды стали прямее, чем раньше.

— Это еще не предел, — усмехнулся молодой лорд.

— Твой пример вдохновил многих! Твои труды и твоя отвага уже вошли в легенды холда! — Тьеро имел привычку порой разговаривать так, словно рассказывал старинную балладу. — Твои старания сослужат хорошую службу...

— Ты не привел с собой скакунов, — прервал арфиста Алессан. — Что, плохие новости?

— Ничего такого, о чем ты сам бы не знал... Я собственными глазами убедился, что амбары и конюшни в северных руатанских холдах пусты...

— Ну и... — Алессан всегда предпочитал узнать сразу все новости, как бы плохи они не были.

— Ну, во-первых, ты не единственный, кто начал обработку земли... — Тьеро махнул рукой куда-то в сто-

рону севера. — Но кое-где жителям пришлось ох как не легко... Некоторые из твоих гостей отправились домой до введения карантина. И они принесли с собой болезнь. У меня есть список погибших... Люди говорят, что им нужно, что жизненно необходимо сейчас и чего им хочется... А еще по дороге домой мне в голову пришла одна мысль... возможно, она чуть смягчит то удручающее впечатление, которое сложилось у тебя от моего рассказа.

— Я оказался прав насчет того, что люди побоятся приходить в Руат. Я оказался прав относительно их нежелания присылать сюда скакунов... как они полагают — на верную смерть. И неважно, сколько мы готовы им заплатить! Я еле уговорил их поставить в конюшню моего Скинни. Они очень боялись.

— Чего?

— Что он разносчик инфекции.

— Но ведь этот скакун пережил эпидемию! Он болел и выздоровел!

— Абсолютно верно. Он выжил — так же, как ты и я. Что касается меня, то я поправился чуть быстрее, так как мне сделали инъекцию. Вкатили ту самую сыворотку. А теперь скажи — может ли вакцина из крови выздоровевших животных предохранить других скакунов от инфекции, так же, как она предохраняет людей? Если моя идея верна, то ты, лорд Алессан, обладаешь прекрасным лекарством. И прекрасным товаром для продажи!

Алессан глядел на Тьеро, мысленно проклиная себя за тупость. И как это ему раньше не пришло в голову, что скакунов тоже можно вакцинировать?!

— Мне до смерти стыдно, что я сам об этом не подумал, — признался он ухмылявшемуся до ушей арфисту. — Пошли скорее, надо немедленно поговорить с врачом Фолленом. Сейчас, только заведу этих бедолаг в стойла...

Фоллена они нашли, как и следовало ожидать, в главном зале, где тот ухаживал за больными. Обычно Алессан старался сюда не входить — запах лекарств, тяжелое дыхание и стоны служили горьким напоминанием о печальном гостеприимстве холда Руат.

— Предположение звучит вполне разумно, — сказал Фоллен, когда Алессану и Тьеро удалось, наконец, изложить ему возникшую у арфиста идею, — но я не

специалист по животным. Вот Главный мастер скотоводов... Ах, да, я и забыл... Но остался же кто-нибудь в Керуне, кто может ответить на этот вопрос?

— Слишком поздно, чтобы посылать барабанное сообщение в Керун, — вздохнул Тьеро. — Они там уже давно спят.

— Пожалуй, есть кое-кто, способный дать нам совет, — задумчиво промолвил Алессан. — И поближе, чем в Керуне... Надо связаться с Форт Вейром. Морита наверняка знает, можно ли вакцинировать коней...

* * *

Необычная просьба удивила Мориту. О нарушении карантина вопрос не стоял; Алессан специально подчеркнул, что и он сам, и сопровождающий его арфист Тьеро уже переболели и вполне поправились. Не имелось никаких причин отказывать им во встрече — наоборот, Морите было до смерти любопытно, что же такое заставило лорда Руата срочно обратиться с просьбой о посещении Форт Вейр. Да и Орлита ничуть не возражала против гостей — пусть полюбуются ее кладкой и особенно — драгоценным золотым яйцом.

В общем, не долго раздумывая, Госпожа Форт Вейра попросила М'барака слетать в Руат. Вскоре на пороге огромной пещеры, где в теплом песке Площадки Рождений зрела новая кладка, появился лорд Алессан. А рядом с ним — высокий мужчина в голубой тунике арфиста. Ухмыляясь нерешительности гостей, М'барак жестом пригласил их следовать за ним, туда, где временно обосновалась Морита.

«Как же он изменился,» — с горечью подумала всадница. Тот уверенный в себе, красивый и жизнерадостный парень, который приветствовал ее на Встрече каких-то восемь дней назад, остался, похоже, только в воспоминаниях. Алессан страшно похудел, и его короткие волосы казались всклокоченными. На его изможденном лице пролегли глубокие морщины — следы горя и непомерных забот.

— Это Тьеро, — представил лорд своего спутника. — Он очень помог мне во время... после Встречи... У него появилась одна идея, которая мне кажется вполне реальной. Мы не можем сейчас связаться с Керуном, вот я

и подумал: не сумеешь ли ты оценить, срабатывает она или нет?

— И что же это за идея? — спросила Морита, несколько сбита с толку его сухим формальным тоном.

— Тьеро, — Алессан слегка поклонился в сторону арфиста, — подумал, нельзя ли из крови выздоровевших скакунов приготовить вакцину, чтобы иммунизировать тех, кто не успел переболеть.

— Ну разумеется, можно! Ты хочешь сказать, что это до сих пор не сделано?! — чувствуя что-то неладное, Орлита тревожно заурчала, настороженно оглядываясь по сторонам.

— Нет, — ответил Алессан. — Ни у кого руки не дошли. Было много более важных дел. — Он говорил без горечи, спокойно, как будто просто констатировал факт.

— Ну да, конечно... — Морита попыталась собраться с мыслями. — У вас есть лекари?

— Несколько человек.

— Из крови скакунов можно приготовить сыворотку точно так же, как и из человеческой. Тем же методом. Только у животного можно взять больше крови, чем у человека, но и вакцины следует вводить больше — сообразно массе тела. Чем тяжелее...

Алессан приподнял бровь, и Морита с опозданием вспомнила, что теперь в Руате нет тяжеловозов.

— У тебя не найдется лишних игольчатых шпиров? — спросил Алессан, нарушая неловкое молчание.

— Найдутся, — кивнула Морита, готовая отдать молодому руатанскому лорду все, в чем тот нуждался.

— Нам обещали прислать припасы из других холмов, — вмешался Тьеро, но пока мы не сможем уверить людей, что в Руате каждый человек и каждый скакун вакцинированы, к нам никто не поедет.

Морита понимающе кивнула.

— М'бараа, — повернулась она к голубому всаднику, — проводи лорда Алессана и арфиста Тьеро в наши кладовые. Пусть возьмут все необходимое.

— Я сейчас вас догоню, — сказал Алессан, махнув рукой Тьеро и М'барааку. — Вообще-то я прилетел сюда, не рассчитывая получить такое сокровище, — он повернулся к Морите. — Все, что я могу дать взамен — твое же собственное платье. — С низким поклоном он протянул всаднице коричневую с золотом тунику — ту самую, что была залита на Встрече грязной водой.

Морита погладила дорогую ткань. Ее руки дрожали. Она вспомнила скачки, танцы, свою радость от Встречи, свое восхищение великолепным праздником, которого ей не забыть никогда. Все горе и печаль, накопившиеся за эти дни, комом встали в ее горле и, не в силах больше сдерживаться, Морита горько зарыдала.

Она схватилась за Алессана, стремясь обрести у него поддержку. Его одежда пахла потом и сырой землей. Как будто издалека, словно с другого конца континента, она заметила, что молодой лорд тоже плачет. Так они и стояли, обнявшись и рыдая, утешаясь и утешая друг друга.

«Вам обоим нужно было выплакаться,» — прошелестел в голове всадницы голос Орлиты.

Морита пришла в себя первой. Крепко обняв Алессана, она зашептала ему на ухо слова утешения и поддержки, повторяя все те же бесконечные похвалы отваге и стойкости лорда Руата, которые донес до нее К'лон. Понемногу его рыдания начали стихать, и с последним горестным вздохом Алессан наконец-то освободился от тяжелого груза печали, страданий и бессилия. Его морщины не разгладились, но молодой лорд уже не выглядел таким хмурым и напряженным. Так, во всяком случае, показалось Морите.

Они поглядели друг другу в глаза. Подняв руку, Алессан нежно стер слезы со щек всадницы. Он крепче прижал ее к себе, и Морита, запрокинув голову, приняла его поцелуй, думая тем самым наложить последнюю печать на их общее горе. Они никак не ожидали вдруг охватившей их страсти: Морита — потому, что не привыкла думать о подобных вещах, Алессан же полагал, что испытания последних дней опустошили его сердце.

Орлита благодушно урчала, но всадница золотой королевы не слышала ничего. Страсть с головой захлестнула ее, огненный шквал эмоций, ощущение прильнувшего к ней тела, чувство жизненной силы... Даже во время их первой любви с Талпаном она не испытывала подобного. Ей хотелось, чтобы это мгновение длилось вечно.

Медленно и неохотно Алессан оторвался от уст всадницы. Он услышал мелодичное урчание королевы и удивленно оглянулся на нее.

— Она совсем не против! — пораженно воскликнул молодой лорд, только сейчас понимая, как рисковал.

— Если бы она возражала, ты узнал бы об этом

давным-давно, — засмеялась Морита. Радость и счастье обретения, благодарная нежность и надежда переполняли ее душу, играя, словно вино Бендена в драгоценном кубке. И пенящийся хмельной напиток был готов хлынуть через край.

Урчание Орлиты перешло в торжествующую трель — если считать, глотка дракона способна на трели. Морита неохотно сделала шаг назад.

— И все это слышат? — печально улыбаясь, спросил Алессан.

— Ну, возможно, кто-то решит, что Орлита выражает радость по поводу успешной кладки...

— Твое платье! — смущенный Алессан с готовностью ухватился за этот повод. Он поднял измятый, выпавший из рук всадницы наряд и протянул ей; в эту минуту на площадке появились Тьеро и М'барак.

— У тебя столько дел, лорд Алессан, — учтиво сказала Морита, сама поражаясь собственной выдержке. — Как мило с твоей стороны, что ты вспомнил о моем бедном платье.

— Если столь маленькая любезность вознаграждается с такой щедростью, ты можешь оставлять в Руате все, что тебе угодно, — при этих словах глаза Алессана весело блеснули, но показывал он на большой тюк, который держал в руках Тьеро.

Морита в ответ могла только рассмеяться.

— Но я взял еще далеко не все, — сообщил арфист, с улыбкой глядя на повеселевшего лорда Руата. — Еще немного, моя госпожа, — он поклонился Морите — и твои кладовые остались бы пустыми.

— Ну, нам проще пополнить их, чем вам, — отмахнулась всадница. — Я говорила лорду Алессану, что в старых Записях мне попадались кое-какие сведения о вакцинации животных, хотя деталей я уже не помню. Для начала лучше попробовать сыворотку не на самом породистом скакуне...

— Сейчас в Руате не осталось беспородных скакунов, — быстро сказал Алессан. — Попробую на тех, что есть. Попробую, и буду надеяться, что вакцина повлияет на скакунов так же благотворно, как на людей.

— А ты посоветовался с мастером Капаймом? — спросила Морита.

— Ты, моя госпожа, лучше мастера Капайма знаешь, как обходиться со скакунами. Зачем беспокоить его...

вдруг вся эта идея окажется неосуществимой.

— Мне кажется, что все пройдет удачно. — Морита взяла Алессана за руку, стремясь хоть на миг вернуть то сладостное единение душ. — И думаю, вам надо поставить в известность мастерскую целителей. Не забудь потом мне рассказать, как пойдут дела.

Алессан почтительно поклонился, незаметно погладив ее ладонь.

— Можешь в этом не сомневаться.

— Я знаю, что Оклина жива, — сказала Морита, когда Алессан и Тьеро уже собрались уходить. Но как Даг и Визгун?

— Зачем бы я так жаждал вакцинировать своих скакунов? Визгун, скорее всего, последний жеребец, который у меня остался.

Выходя с Площадки, Алессан низко поклонился Орлите, и королева снова заурчала. С удивленным выражением на лице Тьеро поспешил за своим лордом. М'барак следовал за ним по пятам.

Чувствуя странную слабость во всем теле, Морита уселась на каменную скамью. Она пыталась сообразить, существует ли хоть малейший шанс, что Лери и Холта не заметили произошедшего на Площадке.

*Год 1543, двадцатый день третьего месяца;
мастерская целителей, холд Руат, Форт Вейр, холд Иста*

— Смотри на это как на своего рода испытание, — посоветовал мастер целителей Капайм мастеру арфистов Тайрону.

— Испытание?! — негодуяще вскричал Тайрон. — Нам что, мало испытаний досталось за прошедшие десять дней?! Полконтинента лежит при смерти, а вторая — напугана до смерти! Каждый чих вызывает панику, а всадники еле-еле ухитряются справиться с Нитями. Цеха потеряли незаменимых мастеров. И ты предлагаешь мне рассматривать эти новости как еще одно испытание? — Тайрон возмущенно воззрился на лекаря. Он стоял подбоченившись — в типичной, как это называл Капайм, «позе разгневанного арфиста». Немного смешная позиция, и Капайм старался не смотреть на сидевшую рядом с ним Десдру, с которой он накануне поделился своим наблюдением. Слова Тайрона и впрямь не могли служить причиной для особого веселья.

— Разве не ты говорил мне только сегодня утром, — продолжал Тайрон своим зычным, гулким голосом, — что на всей материке за вчерашний день не было отмечено ни одного нового случая болезни?

— Говорил, — согласился Капайм. — Хотя, по правде сказать, мне станет легче, когда ни одного случая не будет зарегистрировано в течение четырех дней подряд. Впрочем, как бы то ни было, эпидемия проходит. Но «грипп» — как называли Древние эту болезнь — может вернуться. И меня очень беспокоит следующая волна инфекции.

— Следующая волна? — Тайрон смотрел на лекаря, явно надеясь, что ослышался.

Капайм вздохнул. Ему вовсе не хотелось пускаться в объяснения. Особенно сейчас, когда он еще окончательно не решил, что делать. Люди всегда спокойнее встречают грозящую им опасность, когда заранее знают, как с ней бороться. Он уже почти закончил подсчеты, сколько потребуется вакцины и всадников для ее доставки в холды и мастерские — если считать, что Вейры, желая обезопаситься от повторения эпидемии не меньше его само-

го, окажут помощь. Но ученики никогда не умели держать язык за зубами; и вот теперь изволь объяснять, почему лекари по прежнему собирают кровь и готовят сыворотку, когда новых случаев болезни уже нет.

— Следующая волна? — не веря своим ушам, повторил Тайрон.

— Ну, разумеется, следующая волна, — вмешался в разговор мастер Фортин. — Пока что мы нашли в Архивах четыре упоминания о подобном «гриппе». Он, между прочим, способен мутировать. Сыворотка, помогающая от одного вида, может оказаться бессильной против другого.

— Боюсь, что эти детали не очень интересны мастеру Тайрону, — мягко прервал помощника Капайм. Не стоит сеять панику. Сам он от всего сердца надеялся, что если удастся иммунизировать всех и каждого на континенте от вируса одного типа, то справиться с другим будет гораздо легче. Особенно теперь, когда симптомы заболевания прекрасно известны.

— Эти детали интересуют меня куда больше, чем вы можете себе вообразить, — буркнул Тайрон, тяжело усаживаясь в кресло перед столом Капайма. — Подавайте их сюда! — потребовал он.

Капайм почесал затылок — привычка, появившаяся у него после болезни.

— Ты знаешь, что мы искали в Записях хоть что-нибудь об этом недуге. Так вот, мы нашли четыре упоминания о «гриппе», как о периодически возникающей болезни — еще до Переселения. Даже до первого Переселения.

— Давай не будем трогать историю.

— А я и не трогаю, — покачал головой Капайм. — Но я всегда считал, что ты тоже придерживаешься теории двух Переселений... В общем, — поспешно продолжал он, заметив, как недовольно сдвинул брови арфист, — все дело в том, что наши предки принесли с собой ряд вирусов, уничтожить которые не могли даже они.

— Кроме того, некоторые из этих вирусов, — добавил Фортин, — необходимы для нормальной работы человеческого организма.

— Да, — кивнул Капайм, — кое-каких инфекций нам действительно не избежать. Мы просто обязаны остановить вторую волну этого «гриппа». А она может

возникнуть. Сейчас. Здесь. На этом континенте. Как это, несомненно, происходило на южном. Мы на своей шкуре поняли, что для начала эпидемии достаточно лишь одного носителя инфекции. Мы не можем этого допустить. У нас нет ни лекарств, ни сил справиться с новой эпидемией.

— Это я знаю не хуже тебя, — раздраженно заметил Тайрон. — Ну, и что дальше? Говорят ли твои драгоценные Архивы, как поступали в подобных случаях Древние?

— Поголовная и регулярная вакцинация.

Тайрон даже не сразу понял, что Капайм говорит серьезно.

— Поголовная вакцинация? Всего континента? — брови арфиста взлетели вверх. — Но, кстати, меня-то уже вакцинировали!

— Этот иммунитет продержится не более четырнадцати дней. Так что, сам понимаешь, времени у нас немного... В Керуне и Айгене, где мы проводили вакцинации раньше всего, ее действие уже подходит к концу. Страшно подумать, что произойдет, если мы не сумеем иммунизировать всех, кто может стать разносчиком гриппа. И в этом наше испытание. Моя мастерская готовит необходимую сыворотку и договаривается о транспорте, твоя — не дает возникнуть панике.

— Паника? Вот уж это точно! — Не поворачиваясь, Тайрон ткнул пальцем в сторону Форт холда, где лорд Толокамп упорно отказывался даже высунуть нос за пределы своих покоев. — По правде говоря, сейчас паника может оказаться страшнее эпидемии.

— Конечно! — кивнул Капайм. — Мы должны действовать быстро и решительно. Если в Айгене, Керуне, Телгаре или Руате останется хоть один разносчик инфекции... — он не закончил фразы. — В общем, чтобы предотвратить вторую волну эпидемии, нам следует провести вакцинацию прямо сейчас, в течение следующих нескольких дней. — Капайм повернулся к подготовленным им картам. — Часть Лемоса, Битра, Кром, Набол, верхний Телгар, Плоскогорье и Тиллек были отрезаны от окружающего мира с начала холодов. Мы можем вакцинировать их попозже — после того, как сойдет снег, но до того, как начнутся весенние дожди и жители этих холдов выберутся на свободу. До тех пор мы можем ограничиться этой частью материка, — Капайм обвел на карте юг и запад. — Установленная на Перне в пе-

риод Прохождения социальная структура дает нам ряд преимуществ. Например, мы можем без труда проследить за всеми перемещениями людей. На сегодняшний день мы довольно точно знаем, сколько человек пережило первую волну эпидемии, и кого мы успели и сумели вакцинировать. В итоге, все упирается в одну-единственную проблему: распределение и развозка вакцины в назначенные дни. Для осуществления нашего замысла придется обратиться за помощью к Вейрам. Именно на них будет возложена задача доставить вакцину во все точки, отмеченные на этой карте.

— Ты не дождешься помощи от М'тани из Телгара. От Л'бола в Айгене мало толку — там всем заправляет Вимма. Хорошо еще, что на каждое Падение сейчас вылетают сразу все Вейры... Вот Ф'гал, наверно, согласится помочь...

— Всю необходимую помощь окажут Морета, С'лигар и К'дрен, — покачал головой Капайм. — Я только хотел лишний раз подчеркнуть, что все это нужно сделать прямо сейчас. Мы можем остановить грипп. Без новых жертв инфекция погаснет, умрет.

— Как Нити?

— Есть что-то общее, — подумав, согласился цельтель. — Достаточно одной Нити, чтобы заполнить все поле, весь континент. Достаточно одного носителя инфекции, чтобы началась эпидемия.

— Или одного дурака-капитана, которому не терпится первому ступить на землю южного континента...

— Что?!

Тайрон вытащил из-за пазухи потрепанный судовой журнал.

— Я как раз собирался обо всем тебе рассказать, Капайм. Один из твоих врачей, мастер Бурдион, передал мне этот журнал. Мне хотелось точно знать, что и как произошло.

— Я помню, — кивнул Капайм. — Ты терзал меня своими вопросами даже во время болезни.

— Ну так вот, — продолжал арфист, — не было никакого плывущего на бревне зверька. Они высадились на южном континенте! Мастер Бурдион был болен и от нечего делать взял почитать судовой журнал «Виндтосса». Бурдион достаточно долго прожил в морском холде и неплохо разбирался в штурманских записях. В общем, он утверждает, что мастер Варни, капитан «Виндтосса»,

был человеком честным. Он отметил в судовом журнале шквал, в который попало его судно, и то, как они сбились с курса. Здесь все в порядке. Но вот высаживаться на берег им не стоило. Исследование южных земель планировалось провести после окончания Прохождения. И осуществляли бы его совместно все холды, мастерские и Вейры. Но мастеру Варни и его морякам хотелось стать первопроходцами. Они простояли у берега на якоре целых три дня!

— Да уж, — вздохнул Фортин — мастер Варни и впрямь позволил себе лишнее. Но тогда, быть может, животное тут ни при чем. Бравые моряки могли заразиться гриппом напрымую.

— Это возможно только в том случае, если на южном живут люди, — сказал Капайм.

— В судовом журнале ни о чем подобном не упоминается, — покачал головой Тайрон.

— А вы уверены, что «Виндтосс» побывал именно на южном континенте? — спросила Десдра.

— Да, — заверил ее мастер арфистов. — Указанные в журнале координаты действительно соответствуют побережью материка. Кроме того, знающие люди заверили меня, что в наших морях просто не существует места, достаточно мелководного, чтобы бросить якорь, — кроме берегового шельфа, разумеется.

— Здесь написано, — заметила Десдра, читая журнал, — что им пришлось починить мачту, поврежденную во время шторма. И что они, дескать, использовали подручные материалы.

— Так в нем написано, — криво усмехнулся Тайрон, — и я ничуть не сомневаюсь, что попутно они занимались и ремонтом. Но Бурдион в своей записке сообщал мне... ага... «Я обнаружил скорлупу орехов необычайной величины, а на камбузе гниющие куски какого-то неведомого мне плода». В общем, — подытожил Тайрон, — не вызывает сомнений, что «Виндтосс» побывал на южном континенте. И вот к чему это привело...

— Судовой журнал поможет восстановить весь ход событий, — устало сказал Капайм, перелистывая свои записи, — но одно я знаю совершенно точно: с экспедицией на юг торопиться не стоит.

— Это еще мягко сказано!

— Но позволь вернуться к теме нашего разговора, —

продолжал Капайм. — Итак, мы должны осуществить массовую вакцинацию. Иначе эпидемию не остановить. Да... придется вакцинировать и скакунов тоже. Я, честно говоря, чуть не упустил это из виду.

— Смотри на это как на испытание, — ехидно посоветовала Десдра.

— Боюсь, что нашему новому мастеру скотоводов такое испытание не по плечу, — покачал головой Капайм.

— Может, Морита сумеет нам помочь? — предположил Тайрон. — Она же все-таки выросла в скотоводческом холде...

— Ну, если уж мы сумели приготовить вакцину для людей, то, наверно, сумеем приготовить и для скакунов, — сказала Десдра. — В конце концов, какая разница? А доноров у лорда Алессана найдется достаточно. У него, если не ошибаюсь, выздоровело довольно много животных.

— Что правда, то правда, — кивнул Тайрон. — Давайте так: я сейчас свяжусь с всадниками, а ты, Капайм, можешь отправиться в Форт Вейр поговорить с Моритой. Потом побеседуй с этим нашим новым Главным мастером скотоводов, как его там... Бальфор, да? А я тем временем постараюсь подготовить почву для объявления о поголовной вакцинации. Чтобы не возникали вопросы, зачем ее проводят. Нам ведь совсем не нужна паника. Начну я, пожалуй, с лорда Толокампа. Если мне удастся с ним справиться, то остальные лорды не представят для нас особых проблем. Даже этот хитрый змей Рейтошиган.

— Учитывая настроение Толокампа, я просто не представляю себе, как ты сумеешь добиться его помощи! — воскликнул Капайм.

— Вспомни, последние дни лорд Толокамп лишен счастья пользоваться нашими услугами. А так как почтенный лорд никогда не поощрял никакой инициативы ни у своих детей, ни у жителей своего холда, то теперь он наверняка не знает, как ему поступить. У него было достаточно времени подумать о всей пагубности своего необдуманного поведения. Вы, лекари, позаботьтесь о вакцине, а я подготовлю все остальное.

Уходя, арфист аккуратно засунул судовой журнал злополучного «Виндтосса» себе за пазуху.

М'барак привез Алессана и Тьеро обратно в Руат. Они приземлились во дворе перед главным входом. Стоило дракону сложить крылья, как из холда навстречу брату бросилась Оклина. Она явно с беспокойством и нетерпением ожидала его возвращения. Алессан, на чьих губах еще горели поцелуи Мориты, быстро соскочил на землю, подхватил сестру и нежно прижал к груди. Его переполняла радость. Радость и вновь проснувшаяся надежда.

— Морита сказала, что идея с вакцинацией скакунов вполне разумна, — радостно сообщил он. — И мы можем ее испробовать. Прямо сейчас! Если у нас получится, то Руат снова открыт для гостей. Люди смогут приезжать к нам, не опасаясь заразиться. Ну, а если не получится... что ж, мы ничего не потеряем.

— Должно получиться! — воскликнула Оклина.

— Фоллен! — зычным голосом Алессан позвал лекаря. — Нам потребуется его помощь и его инструменты, — пояснил он.

— Арит! Веди себя пристойно! Это же леди Оклина! — раздался у них над головами голос М'барака.

Голубой дракон, выгнув голову в сторону брата и сестры, вращал глазами, чуть не тыкаясь носом в спину девушки. Оклина, не зная как реагировать на столь повышенный интерес к своей персоне, замерла, вцепившись в руку брата. Однако, ей совсем не было страшно.

После укоризненного замечания всадника дракон разочарованно фыркнул и отвернулся, предоставив М'барaku извиняться за странное поведение своего приятеля.

— Не представляю, что на него нашло, — оправдывался всадник. — Обычно Арит такой степенный, такой воспитанный, так хорошо себя ведет... Наверно, уже поздно, он устал, и нам пора возвращаться в Вейр. — Дракон выразительно фыркнул, явно не разделяя мнения своего всадника. — Пора домой, — закончил М'барак.

Поблагодарив Арита и М'барака за услугу, Алессан отвел Оклину в сторону. Вслед за ними отошел от собиравшегося взлететь дракона и Тьеро; на губах арфиста играла усмешка.

— Голубые драконы обычно не очень-то интересуются представительницами противоположного пола, — заметил он на ухо Алессану.

— В самом деле? — переспросил молодой лорд. Его

мысли были заняты сывороткой и тем, как лучше организовать вакцинацию скакунов.

— В Форт Вейре на Площадке Рождений есть и королевское яйцо, — подсказал арфист.

— Ну, и?.. — нетерпеливо переспросил Алессан. У него было очень много дел и очень мало времени.

— Насколько я помню, — с широкой улыбкой сказал Тьеро, — из Руата вышло немало отличных всадников.

— Но это же невозможно! — воскликнул Алессан, только сейчас сообразив, на что намекает арфист.

Но тут из дверей холда во двор выбежал Фоллен, и Алессану не оставалось ничего другого, как пуститься в подробнейшие объяснения, что надо делать для приготовления сыворотки.

Тьеро привел с поля племенную кобылу, пережившую болезнь, а Фоллен, Оклина, Дифер и два подростка перенесли все необходимые для операции инструменты в конюшню. Отсутствие достаточно больших стеклянных емкостей для сбора крови на мгновение поставило их в тупик, но потом Оклина вспомнила о бутылках, давным-давно подаренных мастером Кларгешем лорду Руата — то были образцы умения и фантазии его учеников. Потом Алессан, Дифер и Тьеро соорудили из старого колеса от телеги, колодезного ворота и веревок удивительное устройство — специально для того, чтобы быстро крутить бутылки.

Когда у нее брали кровь, кобылка стояла совершенно спокойно; процедура, похоже, не испугала ее.

— Странно, — сказал Фоллен, когда первая партия соломенно-желтой сыворотки была уже слита. — Она точь-в-точь такая же, как человеческая.

— Это только у драконов кровь зеленая, — рассмеялась Оклина.

— Испробуем нашу вакцину на хромом мерине... Если к утру с ним ничего страшного не случится, будем считать... все равно ничего другого нам не остается... что сыворотка работает, и что скакунов можно иммунизировать так же, как и людей.

— Большого мы сегодня все равно сделать не успеем, — зевнув, сказал Фоллен, и ввел сыворотку в вену мерина.

— Пожалуй, я на ночь останусь здесь, — решил Алессан. — Вдруг что-нибудь случится...

— А если нет, то рано утром ты уедешь, так? —

спросила брата Оклина. — Отправишься на поиски Дага и Визгуна?

Алессан кивнул. Ему не терпелось отправиться в путь. Когда Оклина, Фоллен и Тьеро ушли, Алессан приготовил себе постель из сухой соломы. Он расположился рядом с мерином — в соседнем стойле. Несмотря на благие мысли следить за состоянием скакуна всю ночь, Алессан крепко-накрепко уснул. Проснувшись поутру, он обнаружил, что мерин не выказывает никаких признаков болезни. Обнадеженный таким исходом, Алессан оседлал Скинни. В другое время он никогда не сел бы на столь невзрачное животное, но сейчас выбирать не приходилось. Молодой лорд аккуратно запаковал приготовленные бутылки с сывороткой, игольчатые шипы и стеклянный шприц Фоллена, переложив их мягкой соломой, чтобы ничего не разбить. Вскочив в седло, он выехал из холда.

Прошлым вечером, дожидаясь, пока сыворотка будет готова, Алессан мучился сомнениями: подействует ли сыворотка, сумеет ли он найти Дага, и даже — как на самом деле относится к нему Морита. Может, она просто жалела его? Но сегодня, ясным весенним утром он знал, что жалость тут ни при чем. В тот миг они с Моритой думали одинаково. И золотая королева радовалась их мыслям.

Усилием воли Алессан заставил себя сконцентрироваться на дороге. Сейчас не время предаваться пустым мечтаниям. Морита — Госпожа Вейра. Она могла — хотя это граничило с невероятным! — позволить себе роман с холдером. Могла даже родить ребенка... Внезапно Алессану захотелось иметь ребенка... во время брака с Сурианой такие желания его не посещали... Но за последние дни многое изменилось; он — лорд холда, и теперь из его рода мало кто остался в живых. Ему надо иметь жену и столько детей, сколько она сможет ему родить.

Он старался не думать о том, каких скакунов Даг взял с собой. Если бы только старый конюх прихватил с собой хоть пару тяжеловозов... Норман вел записи о том, какие скакуны погибли, а какие нет, но все они потерялись за время эпидемии. Оставалось только гадать...

Алессан доехал до развилки; отсюда дороги веером расходились к многочисленным пастбищам. Он оглядел

обочины — ни тряпки, ни кости, ни кучки камней — ничто не указывало, какой путь выбрал Даг. Подумав, он решил, что старый конюх наверняка отправился на наименее доступное пастбище. Прошло уже девять дней с тех пор, как Даг, прихватив с собой Фергала, покинул Руат. И внезапно Алессану стало страшно...

Подъехав к последнему подъему перед пастбищем, Алессан увидел на дороге загородку — явно дело рук человеческих. Привстав в стременах, он окинул взглядом склоны холмов вокруг — никаких следов, ни скакунов, ни людей. Похолодев, молодой лорд впервые подумал о том, что Даг мог принести с собой на пастбище ту самую инфекцию, от которой бежал из Руата. Но тут он заметил дым, поднимавшийся от костра чуть в стороне от дороги, увидел сушившуюся на ветке рубашку и затем услышал пронзительный свист.

Ударив каблуками в бока своего скакуна, Алессан помчался по дороге к загородке. Они перелетели барьер, и всадник перевел Скинни на более подходящую дороге рысь. По склону, со стороны ручья, в ответ на призывный свист поднимался табун. И там, рядом с кобылами, на тонких ножках неловко прыгали маленькие жеребята. А бок о бок с ними — брюхатые, которым еще только предстояло разродиться. От избытка чувств Алессан радостно завопил, и эхо засмеялось ему в ответ. Неужели Даг прихватил с собой всех ожидавших потомства кобыл?! Он и мечтать не смел о такой возможности! Он полагал, что все погибли...

Из сложенного из грубого камня домика на склоне холма показалась маленькая фигурка. Одна! Одна маленькая темноволосая фигурка... Фергал!

— Ты не слишком-то торопился, лорд Алессан, — в голосе мальчишки звучали бесконечная обида и возмущение.

— Даг? — голос Алессана задрожал. Он не мог пошевелиться, хотя бы от этого зависела его жизнь. Раньше он не подозревал, как дорожит старым конюхом. Не говоря уже о том, что если Руат хотел восстановить престиж своих скакунов, то без Дага это было бы невозможно.

В ответ Фергал только пожал плечами.

— Я думал, ты забыл про нас! Дед сломал ногу, — он махнул рукой в сторону домика, — и мне пришлось ухаживать за скакунами... и даже принимать роды!

— Алессан? — из домика послышался слабый голос Дага. — Алессан, мы сделали все, что могли...

— И тем самым спасли Руат!

* * *

— Прошу извинить за вторжение, — Капайм осторожно заглянул на Площадку Рождений, выискивая взглядом Мориту.

— Входи, мой господин, — пригласила его всадница.

Настороженно поглядывая на Орлиту, мастер целителей прошел внутрь.

— Она выглядит вполне спокойной... — заметил он.

— Так и есть.

— М'барак, который привез нас с Десдрой в Вейр, говорил, что она, возможно, даже позволит нам посмотреть на яйца...

— Десдра здесь? Я много слышала о ней от М'барака и К'лона.

— Она остановилась поболтать с Яллой. — Капайм откашлялся, проявляя несвойственную ему нерешительность.

Он сильно похудел после болезни, но глаза все так же горели неумной энергией, а рукопожатие было таким же крепким, как и раньше.

— И чему я обязана радости вашего визита? — спросила Морита.

— Новое неожиданное испытание... — Капайм усмехнулся, — как я объяснил это мастеру Тайрону.

— Что еще за испытание? — насторожилась всадница.

— Сейчас объясню, — поспешил заверить ее лекарь. — Но сперва скажи, как ты считаешь, можно иммунизировать скакунов сывороткой крови — так же, как мы иммунизируем людей?

Морита удивленно воззрилась на лекаря: странно, когда два человека один за другим задают тебе один и тот же вопрос. Но что самое странное, так это то, что вопрос вообще возник. Ее беспокоило и сердило, что никто не подумал о безопасности животных — верных друзей и помощников людей. Она вполне допускала, что главной задачей целителей было спасение человеческих жизней, но кто-то же должен думать и о

несчастливых скакунах! Ее очень тронула предусмотрительность Алессана, а теперь и мастер Капайм пришел к ней по такому же поводу!

— Прошлым вечером я ответила на этот же вопрос лорду Алессану.

— Вот как? — Капайм удивленно поднял брови. — И что же ты ему сказала?

— Я ответила утвердительно.

— Он связался с мастером Бальфором?

— Было слишком поздно, чтобы посылать сообщение в Керун. А что, Бальфор — наш новый мастер скотоводов?

— Он исполняет обязанности Главного мастера. Должен же кто-то занять это место.

— Алессану надо было проинформировать тебя о своих намерениях, — нахмурилась Морита. — А если сам он слишком занят, мог поручить это Тьеро.

— Еще утро, — пожал плечами Капайм. — Меня сейчас больше волнует другое... В теории, вакцина из крови скакунов должна давать такой же иммунитет к заболеванию, как и человеческая. Но на практике... Я готов помочь Алессану всем, чем смогу.

— С чего бы Цех лекарей вдруг заинтересовался вакцинацией животных? — с любопытством спросила всадница.

— Дело в том, — пустился в объяснения Капайм, — что у меня, к сожалению, есть веские основания полагать, что животные способны распространять вирус и эпидемия может повториться... Возможны «рецидивы», как пишут об этом Древние.

— Ты хочешь сказать, нам снова грозит то, через что мы только-только прошли? — Морита содрогнулась, представив себе подобную картину. — Капайм, мы не переживем второй эпидемии! Вейры и так еле-еле набирают необходимое число всадников для отражения атак... А если болезнь начнется снова, мы не сумеем поднять в воздух даже полного крыла! — лекарь молчал, и это заставило ее немного успокоиться. — Ты хочешь сказать, что если мы проведем вакцинацию скакунов, то второй эпидемии не будет? Ты собираешься иммунизировать и людей, и животных сразу? И в этом твое испытание... а всадники должны помочь развезти вакцину. Так?

— Желательно, чтобы сыворотка попала во все холды и мастерские в один и тот же день, — кивнул Ка-

пайм, разворачивая свиток. — Поголовная вакцинация — другого выхода у нас нет. Только так мы сумеем остановить эпидемию. Но сделать это не так-то просто. Мои люди уже начали собирать необходимую для этого человеческую кровь. Но, скажем правду, мы еще не до конца оценили возможности иммунизации скакунов. Ясно только одно — все надо сделать в течение следующих нескольких дней, или вторая волна болезни нас опередит.

Морита снова содрогнулась; потом, прогоняя дурные мысли, стала изучать составленный мастером целителей график.

— Итак, все зависит от действенности вакцины для животных и от способности всадников ее развезти... Ты уже связывался с Вейрами?

— Мне хотелось сначала выяснить вопрос с вакциной для скакунов. А ты — ближайший специалист по этому вопросу... Я подсчитал — мне потребуется как минимум шесть всадников из каждого Вейра. Тогда, пользуясь составленным мною графиком посещения холдов, Вейров и мастерских, развезти вакцину за один день вполне реально.

Морита углубилась в расчеты.

— Но только если всадники... — она замолчала и, раскрыв в изумлении рот, уставилась на Капайма.

Его ответная улыбка яснее ясного ответила на ее немой вопрос.

— Я тут немного порылся в Архивах, — объяснил Капайм, выразительно глядя на потрясенную Мориту.

— Интересно, каким образом подобная информация оказалась в Архивах лекарей? — разгневанно вскричала всадница.

— А почему бы и нет? — с напускным спокойствием ответил Капайм. — В конце концов, именно лекари вывели драконов, обладающих подобным свойством. Они действительно могут перемещаться во времени? — с надеждой в голосе спросил он.

— Да, — помедлив, призналась Морита. — Но мы вовсе не поощряем подобных путешествий!

Она вспомнила К'лона, самостоятельно разгадавшего этот секрет. Вспомнила, как часто он посещал мастерскую лекарей... С другой стороны, их Архивы, по слухам, и впрямь средоточие множества тайн... Ей стало стыдно, что она, пусть на миг, усомнилась в честности мастера

Капайма. Кроме того, предотвратить новую эпидемию следовало любой ценой.

— Капайм, путешествия во времени могут привести к чрезвычайно опасным парадоксам.

— Именно поэтому я и предложил тот график, который ты видишь перед собой, — с обезоруживающей улыбкой ответил целитель.

— Боюсь, что уговорить М'тани из Телгара окажется не так-то просто...

— Это я понимаю. И то, что Фальга ранена, а Л'бол находится в глубочайшей депрессии, тоже знаю... Потому-то я и определил минимальное количество всадников, необходимое для выполнения нашего плана.

— У тебя хватит вакцины?

— Человеческой должно хватить. Сейчас меня больше беспокоит, удалось ли лорду Алессану приготовить и испытать вакцину для скакунов.

«Лети с ним в Руат, — раздался в голове у Мориты голос ее королевы. После короткой паузы она добавила: — Холта не возражает.»

Вопреки всему Морита заколебалась. Может, отказаться от предложения ее золотой? Неужели причина всех сомнений в молодом лорде Руата? Странно, раньше она никогда не заботилась о том, что о ней подумают...

«Ты всегда любила скакунов, — в один голос заверили ее Орлита и Холта. — Теперь они вправе рассчитывать, что ты им поможешь...»

«Тебе все равно придется рано или поздно побывать в Руате», — это уже добавила одна Орлита.

Всадница тяжело вздохнула. Орлита помогла ей понять причину собственных колебаний и нерешительности. После того, что рассказывал К'лон, она просто боялась увидеть опустошенный эпидемией холд.

— Знаешь, Капайм, — медленно произнесла Морита, — пожалуй, я отправлюсь с тобой.

«Арит с удовольствием полетит с вами, — заметила Орлита. — Ему нравится девушка...» — она нежно перекатила свое драгоценное золотое яйцо в специально приготовленную для него ямку в теплом песке Площадки.

— Какая девушка? — не поняла Морита.

Но ее королева не ответила, занятая своими материнскими заботами. Делать нечего. Стараясь не выказывать разочарования, Морита собрала свою летную экипировку.

— Арит готов отвезти нас в Руат.

— Ты можешь ее оставить? — Капайм удивленно посмотрел на Орлиту.

— По правде сказать, это ее идея, — призналась Морита. — Она совсем не ревнива. Лери и Холта побудут с ней, пока я не вернусь. Я постараюсь не слишком задерживаться.

Когда Морита и Капайм выбрались в чашу, они обнаружили там Яллору, оживленно беседующую с какой-то незнакомой Госпоже Форта темноволосой женщиной. Она догадалась, что это и есть Десдра. Целительница оказалась старше, чем представляла себе Морита. Разговаривая, Яллора и Десдра с любопытством наблюдали за царившей в Вейре суматохой.

Два крыла Форта должны были сегодня лететь на Падение в Битру и Лемос, Ш'гал уже отправился на совещание в Бенден, к К'дрену. Неизменно тактичный вождь Бендена, как надеялась Морита, сумеет сгладить возможные трения между Предводителями...

— Десдра, Морита летит вместе с нами в Руат, — прервал размышления всадницы Капайм. — Похоже, лорд Алессан предугадал наш интерес к вакцинации скакунов.

— Яллора как раз рассказывала мне, как великолепно ты восстановила обожженное Нитями крыло дракона, — сказала Десдра, глядя на Мориту.

— Это Инд, лекарь Вейра Иста, научил меня такому методу лечения, — ответила всадница. — А затем у меня было много возможностей попрактиковаться.

— Я совсем забыл, что сегодня Падение, — прервал их разговор Капайм. — Может...

— Мне надо вернуться до конца Падения, — заявила Морита, желавшая теперь во что бы то ни стало полететь в Руат. — Честно говоря, ранений стало меньше, чем до эпидемии. Возможно, присутствие бойцов из других Вейров заставляет проявлять большую внимательность в сражении — кому же хочется выглядеть неловким?

— Любопытно... — с искренним интересом протянул Капайм.

М'барак любезно предложил Морите первой подняться на дракона. Затем он помог залезть на Арита

Десдре и Капайму. Мастер целителей, хитро подмигнув Морите, спросил:

— Надеюсь, четыре человека — не слишком большая тяжесть для твоего дракона, М'барак?

— Только не для Арита, — невозмутимо ответил тот. — Иначе бы я не согласился вас везти.

Словно желая показать свою силу, дракон взметнулся в воздух, мощно и ровно набирая высоту. Обменявшись салютом с дежурным всадником, как того требовали традиции, М'барак оглянулся на свою Госпожу. Морита кивнула, и он велел Ариту уходить в Промежуток.

Там мрак, ледяная тьма...

Они парили в небе над Руатом. Глаза Мориты наполнились слезами при виде обезображенных полей, полуразвалившихся загонов на скаковом поле, черных пятен погребальных костров и высоких курганов над могилами. Она отлично помнила, как восторгалась беззаботным весельем Встречи — горькое воспоминание на фоне расстилавшейся внизу мрачной реальности. Арит планировал, спускаясь к холду. Морита заставила себя смириться, как со свершившимся фактом, с гибелью сотен людей, устлавших костями землю Руата, с очищающим пламенем, поглотившим трупы несчастных скакунов, как победителей, так и побежденных. Она заметила место, где огонь оставил черные следы на пожухлой траве — у холма, с которого они с Алессаном так недавно любовались стремительным бегом скакунов. Фасад холда, еще несколько дней назад украшенный яркими праздничными флагами, теперь тускло поблескивал наглухо задраенными ставнями, словно готовый к смертоносной атаке — не менее опустошительной и ужасной, чем нападение Нитей.

Сердце Мориты сжималось от жалости, рыдания подкатывали к горлу... Но что ж плакать? Руату не станет легче от ее слез. Она поглядела на дальний луг, где паслись скакуны: не те крупные, мощные животные, гордость лорда Лифа, а стройные жилистые скакуны Алессана. Ирония судьбы, но от нее Морите стало чуть легче.

Арит, похоже, не собирался приземляться во дворе перед входом. Он плавно спускался к конюшням, где явно происходило что-то интересное. Судя по царившей тут суматохе, Руат сумел сохранить свою деловитость и энергичность.

— М'барак говорит, что видел Алессана где-то здесь, — через плечо сообщила Морите Десдра.

Собравшиеся у конюшни люди заметили дракона только тогда, когда он приземлился. М'барак не ошибся — Алессан стоял в дверях. Молодой лорд быстро зашагал навстречу гостям. Теперь он шел, как обратила внимание Морита, высоко подняв голову, гордо и уверенно, как и подобает лорду Великого холда.

— Извини, лорд Алессан, — произнес Капайм. — Наверно, мы прилетели не в самое удобное время...

— Любое время удобно для таких гостей, — Алессан склонил голову, не спуская глаз с Мориты. — Ваш визит для меня всегда радость, — он помог целителю спуститься со спины дракона. — Мы с Тьеро, — он кивнул на подошедшего арфиста, — как раз готовились отослать вам сообщение. — Вдруг, отбросив формальный тон, Алессан радостно улыбнулся Морите: — Даг спас Визгуна! И у нас теперь жеребята! Три жеребчика!

— Я так рада за тебя, Алессан! — воскликнула Морита, спрыгивая вниз.

Она немного просчиталась — Арит оказался выше, чем она полагала. Впрочем, Алессан ухитрился ее поймать. Он обнимал ее за талию, и его глаза искрились счастьем — как надеялась всадница, не только из-за избежавших смерти скакунов.

— Я недавно вернулся с пастбища, — продолжал Алессан, не отнимая рук. — У меня не хватило вакцины, я ведь не рассчитывал на жеребят! Даг сломал ногу... придется послать за ним повозку. А через шесть дней над Руатом Падение! Но главное — Даг сохранил породу! Он спас достаточно жеребцов и кобыл... спас весь Руат!

Капайм представил Алессану Десдру, и молодому лорду пришлось отпустить золотую всадницу.

— Насколько я понимаю, — спросила Десдра, — ты приготовил сыворотку и уже применил ее.

— Так и есть, — кивнул Алессан. — Не мог же я рисковать скакунами, забрав их с пастбищ сюда, где они легко могут заразиться! — он огляделся по сторонам. — Эпидемия стоила нам дорого. Мы потеряли множество людей и животных, — он провел своих гостей внутрь конюшни. — Вчера, как только я вернулся в Руат, мы приготовили сыворотку и ввели ее вот этому

мерину. — Лорд показал на хромого скакуна, меланхолично пережевывавшего сено. — Он по-прежнему здоров.

— Иначе и быть не должно, — заверил Капайм. — Вакцинация применима равно и к людям, и к животным. Но то, что ты сделал, — он понизил голос, — сейчас жизненно необходимо для Перна. — Глава целителей огляделся и, удостоверившись, что рядом никого нет (Фоллен со своими помощниками хлопотал возле самодельной центрифуги, конюхи — около скакунов), произнес: — Дело в том, что эпидемия может начаться снова.

Смертельно побледнев, Алессан отшатнулся, как от удара.

— На сей раз нам придется вакцинировать как людей, так и животных, — продолжал Капайм. — Причем по всему континенту. Я подготовил график распределения вакцины, ее доставку организует Морита. Чего нам не хватает, так это сыворотки от выздоровевших скакунов. У тебя их довольно много — во всяком случае, достаточно, чтобы снабдить вакциной свой холд, а также Форт, Южный Болл и часть Телгара, соседствующую с Руатом. На востоке нам поможет лорд Шадер.

— Но в Керуне такие огромные табуны... — Алессан был явно ошеломлен масштабностью предлагаемого проекта.

— Были огромные, — мягко поправил его Капайм. — Если этот твой Даг умудрился сохранить и жеребцов, и кобыл, то Руат куда богаче, чем ты полагаешь. Ну, как? Поможешь нам?

— Руат понес страшные потери... — на лице Алессана появилось какое-то странное выражение, — потери в людях, в животных, в чести, в гордости... Любая помощь, которую Руат способен оказать Перну, хоть отчасти скрасит тень нашего... — он посмотрел на курганы у реки, — ...гибельного гостеприимства.

— С чего ты взял, что вы виноваты в том, что произошло? — сурово спросил Капайм. — На тебе, лорд Алессан, и на Руате в целом не лежит никакой ответственности за свершившееся. Обстоятельства, непредсказуемые обстоятельства, привели к тому, что «Виндтосс» сбился с курса. Неумное любопытство и жажда славы подтолкнули его капитана высадиться на южном конти-

ненте и пробыть там целых три дня. Что заставило команду привезти на север то злосчастное животное, мы можем только гадать — никого из моряков «Виндтосса» уже не осталось в живых. Но что-либо изменить ни мы, ни вы уже не в силах. Ты не мог им помешать — это было не в твоей власти. Ты мужественно делал то, чего требовала ситуация — ухаживал за больными, сеял зерно, сохранял скакунов. И самое главное... самое главное, что несмотря на все перенесенные страдания, ты не потерял желания помочь другим!

— Когда приходит беда, глупцы ищут, на кого свалить вину, а умные думают, как спастись и избежать повторения несчастья.

— Да, мы спаслись, но сейчас перед нами стоит новая задача. И нам так нужна твоя помощь, Алессан!

Арит внезапно приветственно затрубил, и с небес донесся ответный рев.

— Бронзовый?! Здесь? — Морита торопливо направилась к выходу из конюшни. — М'барак! — позвала она молодого всадника, который пристально уставился в небо. — Кто там прилетел?

Только бы не Ш'гал, ей совсем не хотелось сейчас видеть его!

— Это Набет и Б'лерион, — невозмутимо ответил М'барак, прикрывая ладонью глаза от солнца.

— Б'лерион! — с облегчением воскликнула Морита. — Что он здесь делает?

Словно отвечая на ее вопрос, из ворот холда выбежала стройная девушка. Оклина, догадалась всадница. Теперь присутствие Б'лериона в Руате становилось понятным.

Арит захлопал крыльями и громко затрубил, словно вызывая бронзового на бой.

— Даже не знаю, что это вдруг на него нашло, — с виноватой усмешкой сказал М'барак. — Он теперь очень заботится о леди Оклине.

— На Площадке Рождений зреет королевское яйцо, — кивнула Морита и, заметив недоумение на лице М'барака, пояснила: — Голубые драконы — часто самые чувствительные в Поиске. Но твой Арит, думаю, несколько поторопился, — она нахмурилась. — Не уверена, что мы имеем право еще чего-то требовать от Руата...

Тем временем Алессан провел Капайма, Десдру и

Тьеро к импровизированной центрифуге. Лорд Руата хотел показать им полученную сыворотку.

Кинув взгляд через плечо, Морита увидела, как приземлился Набет; Б'лерион ловко спрыгнул с шеи своего бронзового. Вот они с Оклиной встретились, девушка что-то сказала всаднику, указывая в сторону конюшен, и повела его туда. Колесо центрифуги вдруг взвизгнуло и закрипело, набирая обороты; Алессан оживленно объяснял гостям детали устройства нехитрого механизма. Б'лерион и Оклина шли к конюшням. Теперь Морита заметила, что рука всадника находится на перевязи — значит, он не полетит сражаться с Нитями. Интересно, ощущал ли Б'лерион такую же ярость, ту же непреодолимую жажду битвы, что и она сама? Или рана для него — только удобный предлог повидаться с Оклиной?

Отвернувшись, всадница прислушалась к беседе Алессана с целителями — они обсуждали количество сыворотки, необходимое для вакцинации, минимальную дозу лекарства и то, каким способом, не возбуждая излишних подозрений, узнать, сколько скакунов уцелело в западных холдах.

— Надо определить необходимую дозу, — говорил Алессан. — В некоторых холдах конюхи не сумеют сделать это сами... Там, где еще остались конюхи, конечно...

— Мы попытаемся разослать по холдам квалифицированных врачей, — сказал Капайм, — а заодно выяснить, где лучше сосредоточить силы. А конюхи... Не волнуйся на их счет, Алессан. Иногда просто диву даешься, глядя, на что способны люди, когда у них не остается выхода.

— Скажи, мастер Капайм, — спросила Десдра, — насколько важно именно сейчас сделать прививки скакунам?

Глава целителей удивленно моргнул.

— Ну, если болезнь действительно передается животными... мне казалось, что здесь мы достигли согласия...

— Достигли, достигли, — поспешила заверить его Десдра и, показав на бутылки с только что приготовленной сывороткой, пояснила: — Но мы не можем понапрасну растрачивать свои ресурсы. Откровенно говоря, игольчатых шипов у нас только-только хватит

для вакцинации людей. Во всяком случае, я надеюсь, что хватит. О вакцинации животных тут не приходится даже и мечтать... Шипы нельзя использовать по несколько раз...

— Да, это невозможно, — покачал головой Капайм. Опасность заражения очень реальна. — Он вытер ладонью внезапно вспотевший лоб и печально посмотрел на своих собеседников. — Беда в том, — с отчаянием в голосе сказал он, — что мы должны колоть всех сразу — и людей, и животных. В противном случае эта затея лишена смысла...

— Нам что, не хватает только шипов? — спросила Морита, в упор глядя на сраженного неожиданным препятствием мастера целителей.

Капайм поднял взор и вдруг его глаза расширились — он начал понимать, что кроется за невинным вопросом всадницы.

— Нам не хватает игольчатых шипов, — между тем продолжала Десдра. — и пополнить запасы мы сможем только осенью. Я специально связывалась с холодами и мастерскими, узнавала, где сколько шипов лежит в кладовых. И вот вам итог — нам, возможно, придется отказаться от вакцинации некоторых наиболее удаленных поселений...

Но Капайм не слушал ее, пристально уставившись на Мориту. Наконец, он выдавил:

— Как? И кто? Когда? — В голосе целителя звучало такое неподдельное волнение, что к нему обратились все взоры.

— «Как» сейчас идет по дороге к нам, — с нервным смешком отвечала Морита. — «Кто» — разумеется, мы с вами; я ведь могу рассчитывать на ваше молчание, верно? В таком деле молчание ничуть не менее важно, чем сами игольчатые шипы. Что же касается «когда», то ответ очевиден: прямо сейчас, пока я не успела передумать. — Она снова усмехнулась и повернула голову к стоявшим в дверях Б'лериону с Оклиной. — Б'лерион, — громко позвала она, — скажи, ты очень тяжело ранен? — Не спуская глаз с бронзового всадника, Морита шепнула на ухо Капайму, что вряд ли рана серьезная — иначе Б'лерион никогда не рискнул лететь через Промежуток.

— Нет, пустяки, — отозвался Б'лерион, — я просто вывихнул плечо. Увы, этого достаточно, чтобы крылья

улетели сражаться без меня. Но не мог же я торчать без дела в Вейре! Прессен хотел передать в Руат кое-какие припасы, и я вызвался ему помочь. — Объясняя причину своего визита, бронзовый всадник старался не смотреть на стоявшую рядом с ним девушку. — Я хотел бы выразить самые искренние... — начал он, глядя на Алессана.

— Раз уж ты здесь, — перебила его Морита, — ты можешь нам здорово помочь.

Отозвав всадника в сторону, она объяснила ему, в чем дело. Затем изложила свой план.

— Согласен! — горячо поддержал ее Б'лерион. — Ситуация действительно критическая. — Он покосился на Капайма и Десдру. — Но, Морита, одно — прихватить пару часов к своему дню, и совсем другое — отправиться на несколько месяцев в будущее! Ты не хуже меня знаешь, как это опасно! — Хотя Б'лерион, казалось, порой пренебрегал и правилами, и традициями, никто не назвал бы его безответственным или неосторожным.

— Я знаю, куда надо летать. И я знаю, когда иглы созревают и становятся пригодными для сбора.

— Для полета требуются координаты поточнее...

— Координаты получить легко: достаточно определить, где будет находиться осенью Алая Звезда. Необходимые звездные карты есть у Алессана. С каждым годом она поднимается все дальше к западу. Это элементарно — нужно только вычислить угол над горизонтом! — Этот довод, похоже, поколебал Б'лериона.

— Мне не хотелось бы провести свой свободный вечер, собирая шипы, — нерешительно протянул он, тут же, впрочем, сообразив, что подобное замечание неуместно.

— Как ты не понимаешь, — пустилась в объяснения Морита, — мы можем собирать шипы хоть целый день. А потом вернуться назад почти в то же мгновение... в наше «сейчас»... Но мы должны лететь не мешкая. К концу Падения мне надо быть в Вейре. Думаю, что Набету под силу такой полет...

— Конечно, Набет справится! Что за вопрос! Но тогда они, — Б'лерион мотнул головой в сторону целителей и Алессана, — узнают о нашем маленьком секрете...

— Для Капайма и Десдры он уже не тайна, — усмехнулась Морита и, заметив изумление на лице всад-

ника, пояснила: — В конце концов, драконы выведены Древними целителями.

— Да, верно, — подумав, признал Б'лерион.

— Кроме того, нам все равно придется воспользоваться нашим секретом в тот день, когда мы будем развозить вакцину.

Б'лерион расстерянно моргнул.

— Представляю, что начнется тогда в Вейрах...

— Ну, о том, что мы затеваем сегодня, Вейрам знать не обязательно, — Морита задумалась. — Скажи, кому известно, что ты полетел в Руат?

— Вам всем, Прессену... ну, и тому пареньку, чей дракончик чуть не слопал Набета...

— М'барака я отправлю с поручением... с очень важным поручением. На Оклину мы, думаю, можем положиться... как, впрочем, и на лорда Алессана. Мы полетим вшестером — другого выхода нет. Ни холды, ни мастерские, ни Вейры не выдержат новой эпидемии.

— Согласен с тобой, — кивнул Б'лерион, глядя на разоренные поля Руата. — Я попрошу Набета связаться с твоей королевой; если она не станет возражать, то мы можем отправиться в путь сию секунду.

— Скажи ей, что это надо для скакунов.

— Вечно ты со своими скакунами!

Морета изложила свою идею Десдре, Капайму и Алессану, выслушав в ответ смущенные и сбивчивые объяснения всех троих, как сильно они заняты; никто не располагал временем лететь сейчас в Исту.

— Мастер Капайм, — сердито напомнила всадница, — то, что я предлагаю, займет не больше минуты из твоего «сегодня». Ну, ради приличия, нам стоит потратить на полет хотя бы час, иначе это будет выглядеть несколько странно. Алессан, я не сомневаюсь, что ты можешь оставить холд на один час! За это время даже посланная за Дагом повозка еще не вернется, я уж не говорю о табуне с жеребьями. Пока их нет, чем ты собираешься заниматься? Смотреть, как крутятся бутылки? Я боюсь только, чтобы твои люди не узнали о нашем полете. Капайм и Дездра давно знают о способности драконов перемещаться во времени. И я не сомневаюсь, что могу положиться на честь Руата... что ты сохранишь в тайне этот секрет. Б'лерион уже готов отвезти нас в следующую осень. Его Набет без труда поднимет шестерых, а за день

работы мы соберем столько шипов, сколько нам нужно. И никто ничего не узнает.

— Шестерых? — задумчиво переспросил Алессан.

— Шестая — Оклина, — пояснила Морита с улыбкой. — Не зря же Б'лерион прилетает в Руат.

Десдра хихикнула, Капайм ухмыльнулся, а Алессан стоял, раскрыв рот, и глядел на свою сестру.

— Мне помнится, — перевел разговор на другую тему Капайм, — ты что-то говорила о парадоксах.

— Говорила, — кивнула всадница, — но временные парадоксы в этом случае нам не грозят. Если, конечно, мы не станем собирать шипы еще раз будущей осенью.

— Постараемся осенью держаться подальше от Исты, — пообещал Капайм с улыбкой; его глаза сверкнули.

— Место, которое я наметила, — сказала Морита, — находится в глубоком ущелье. Я собираю там иглы уже много Оборотов.

Алессан на мгновение заколебался, потом спросил:

— Что надо взять с собой?

— Мешки для перевозки груза и еду, — быстро ответила Морита. — Больше ничего.

— Набет сказал, — вмешался Б'лерион, — что у Орлиты нет возражений. Она только просит тебя не задерживаться. Да, я отправил твоего М'барака в холд Плоскогорье за большими бутылками. Очень важное поручение! Работы у парнишки хватит — в свое время мастер Кларгеш засыпал северные холды такими подарками. Куда еще он мог пристроить убыточные изделия своих учеников? Но теперь-то они нам пригодятся!

— Отлично, Б'лерион, а теперь найди-ка теплую тунику для Оклины.

— Она и вправду особенная, да? — улыбнулся всадник. — Арит молодец, сразу это заметил. Неудивительно, что меня к ней тянет!

— Подожди, пока скорлупа у яиц станет твердой, друг мой. Там будет видно...

Капайм и Десдра давали последние указания по приготовлению сыворотки Тьеро и Фоллену. Алессан проследил, чтобы за Дагом отправили повозку, а потом помог Морите упаковать мешки и еду. К тому времени вернулась и Оклина с Б'лерионом, отлучившиеся в холд.

— Мы нашли карты, — торжествующе объявил всадник. — Мы прилетим на рассвете — так, чтобы видеть луны. Это точнее.

Когда они уже поднимались на спину могучего бронзового, Морита повернулась к Алессану.

— Как ты полагаешь. Тьеро ни о чем не догадывается? Твой арфист не глуп... и очень внимательно на нас смотрит.

— Кто может знать, о чем думает этот хитрец? Я сказал ему, что мы летим в Керун, к мастеру Бальфору, посоветоваться насчет применения вакцины.

Они расселись; Б'лерион настоял, чтобы Оклина заняла место перед ним, и надежно пристегнул ее к ремням упряжки. За бронзовым всадником сидела Морита — она собиралась помочь ему направлять дракона. За ней — Алессан с Десдрой; последним, как самый опытный из пассажиров, мастер Капайм.

— Орлита, я постараюсь вернуться поскорее, — передала всадница своей драгоценной королеве.

— «Набет так и обещал», — услышала она беспечный ответ.

— Морита, — оклик Б'лериона прервал их беззвучный разговор. — Я уже вообразил Алую Звезду и луны. Если глядеть на северо-запад, то Звезда должна стоять над самым горизонтом. Белиор поднялся ровно наполовину, а серп Тимора находится в зените. Теперь ты представь себе, как выглядит это ущелье в Исте, вспомни осеннее тепло и запахи леса...

Набет волновался, но взлетел так плавно, что люди даже не заметили, как очутились в воздухе.

Перед мысленным взором Мориты возник одетый в осеннее убранство лес Исты, отвесные скалы, окружающие ущелье, зловещее око Алой Звезды на горизонте, поднимающийся Белиор и безмятежно сиявший на небосклоне узкий серп маленького Тимора. Она сосредоточилась на этом видении и почувствовала, как Набет ушел в Промежуток. И вот они уже кружат над скалистым побережьем Исты, над густым лесом, над зарослями деревьев, где каждый цветок лучезарно улыбается поднимающемуся из-за горизонта солнцу.

Бронзовый сразу заметил каменистую площадку под скалой, где всегда приземлялась Орлита. Короткие секунды планирования, когда воздух свистит в ушах, а крылья неподвижны, словно высеченные из камня,

крутой разворот — и посадка, уверенная и плавная, как и взлет.

— Шипы лучше собирать чуть-чуть ниже по склону, — сказала Морита, готовясь спуститься на землю.

Не дожидаясь, пока Набет поднимет ногу, чтобы по традиции облегчить спуск всаднику и пассажирам, Б'лерион с радостным гиканьем ринулся вниз. Дракон даже зашипел от удивления и, выгнув шею, недоуменно уставился на своего всадника.

— Ты мог вывихнуть и вторую руку, — укоризненно сказала Морита, но не выдержала и рассмеялась.

— Мы что, действительно в будущем? — недоверчиво спросил Капайм, передавая Алессану свернутые мешки для шипов.

— Надеюсь, — ответил Б'лерион, с напускным сомнением косясь на Мориту.

— В будущем, в будущем, — успокоила лекаря всадница, бросив взгляд на висевшие в небе Алую Звезду и луны. Она старалась говорить спокойно, но — странное дело! — ощущала необыкновенную, безмятежную радость. Ну ничего, стоит начать работу и все пройдет...

— Пойдем сюда, — она показала на расположенные чуть ниже площадки заросли деревьев. — В прошлом году я собрала тут отличный урожай игольчатых шипов. Разумеется, с разрешения Исты — они там предпочитают более доступные местечки.

Ложбинка, куда Морита привела своих спутников, тянулась с севера на юг — след давнишнего землетрясения. Тонкий слой земли, покрывавший камни, не давал опоры корням больших деревьев, но кустам игольчатых шипов хватало и этого. Они росли в гордом одиночестве. Казалось, даже лианы, обвивавшие все вокруг, стремились держаться от них подальше. Алессан, никогда не видевший такое странное растение, удивленно приподнял брови.

— Эти кусты плотоядные, — пояснила Морита. — Летом и весной шипы выделяют яд. Если насекомое или мелкий зверек наколется на шип, куст высосет из него все соки. Так продолжается до самой осени, вплоть до того момента, когда толстый стебель не накопит достаточно питательных веществ для зимовки. Говорят, что плоть стебля довольно вкусная.

Оклина содрогнулась от отвращения, но Десдра, на-

оборот, с любопытством принялась разглядывать безвредное сейчас растение.

— Кроме того, — продолжала Морита, — летом и весной куст испускает притягательный для насекомых аромат. Впрочем, он не брезгует и более крупной добычей. Видите, вон там сломанные ветви? Куст поймал слишком сильное животное, и оно вырвалось.

— Ты сказала, что шипы отравленные, — заметил Б'лерион, явно не горя желанием приступить к сбору.

— Весной и осенью, — кивнула Морита, — но сейчас яд иссяк. К зиме куст сбросит высохшие, ненужные больше иглы, а весной на их месте вырастут новые. Собирать шипы следует вот так... — проведя рукой вдоль ветки, она показала полную горсть длинных острых игл. — Все очень просто, только не нужно торопиться. Собирайте не торопясь, чтобы не обломать кончики шипов. Да, еще старайтесь не касаться стебля — видите, на нем такие тонкие короткие волоски? Если они заденут вашу кожу, то получится раздражение. Не страшно, конечно, но объяснить появление красноты будет не просто.

— Мы не сможем их так везти, — заметил Капайм, глядя на пригоршню игл в руке Мориты.

— Конечно, не сможем. Мы завернем их в древесные листья — очень удобно, я всегда так делаю. Листья — толстые и пористые, словно губка, так что иглы в дороге не поломаются. Нам лучше разделиться на пары — один собирает иглы, другой упаковывает.

— Я буду работать с тобой, Морита, — предложил Алессан и, вытащив из-за пояса нож, отправился за листьями.

— Выбирай листочки помоложе, — крикнула вдогонку всадница, — в них больше сока и они эластичнее.

— Понятно...

— Разделиться — отличная идея! — воскликнул Б'лерион, подхватив Оклину под локоть. — Ты не возражаешь работать с одноруким?

— Ну, коллега, — повернулся Капайм к стоявшей рядом с ним Десдре, — что ты выбираешь? Собирать или паковать? Или мы можем меняться.

— Пожалуй, я собирала иглы почаще, чем главный лекарь, достойный мастер Капайм, — засмеялась Десдра. — Посмотри-ка лучше, как это делается.

Тем временем Алессан, бормоча себе под нос, что

для такой работы нужен не нож, а топор, срезал несколько листьев. Подойдя к нему. Морита показала, как легко отламывать листья у черенка. Затем, разложив на поверхности листа собранные иглы, она ловко завернула их, отрезала края и заклеила стык липким соком, сочившимся из черенка.

— Теперь я понимаю, почему ты сказала, что кроме мешков нам ничего не понадобится, — усмехнулся Алессан. — Действительно — все просто, если знаешь, что делать.

— Я тебя научу, — засмеялась в ответ Морита. — Смотри — в этом пакетике примерно две сотни игл; я примерно прикинула, когда собирала. На крупных кустах растет несколько тысяч шипов — и маленькие, и очень большие, под стать самому крупному из твоих скакунов.

Алессан взял ее за руку, и всадница замолчала, охваченная внезапным смущением. Они были одни, хотя из глубины зарослей доносился и веселый голос Десдры, насмешливо вопрошавшей Капайма, всегда ли тот подходит к растениям с такой осторожностью, и баритон Б'лериона, подбадривающего Оклину.

— Ты говорила, что мы можем оставаться здесь сколько пожелаем, — тихо сказал Алессан, — а в нашем «сегодня» пройдет лишь один единственный час... Может, мы найдем немного времени и для себя?

Послышался радостный смех Оклины, а вслед за ним чертыхания Б'лериона:

— Эти проклятые колючки... они еще и кусаются!

Морита улыбнулась, заметив прозвучавшее в голосе Б'лериона искреннее возмущение, и подняла глаза на Алессана. Ее пальцы коснулись его лица, разглаживая морщины, прочерченные горем и тяготами последних дней. Потом, непонятно как, она очутилась в его объятиях, и губы их встретились.

— Что еще можно требовать от однорукого?! — громогласно вопрошал Б'лерион откуда-то из-за кустов.

Алессан отпустил Мориту. Или Морита отпустила Алессана. Но бронзовый всадник так и не появился. Они улыбнулись друг другу, смущенные своим внезапным порывом.

— Скоро станет слишком жарко для работы, — сказала Морита. — И тогда мы поищем какое-нибудь уютное место... — ее глаза смеялись.

— Не очень я люблю жару, — улыбнулся Алессан, снова притягивая к себе всадницу. Он начал целовать ее глаза, губы, шею... но тут — одно неосторожное движение — и его рука попала прямо в куст.

— Они действительно кусаются! — обиженно воскликнул Алессан, потирая ладонь, на которой выступили капельки крови.

— Еще как, — подтвердила Морита. Взяв только что срезанный лист, она выдавила немного клейкого сока на ранки. — Это послужит тебе уроком! Будь осторожнее. И не забывайся!

Смеясь, она быстро начала укладывать длинные острые шипы, которые пригоршнями рвал Алессан.

— Ты — самый быстрый упаковщик игл на всем Перне, — одобрительно проворчал тот, целую Мориту в шею...

— Теперь моя очередь собирать иглы, — глаза Мориты смеялись. — Я буду собирать, а ты упаковывай. — Она ласково взъерошила его непослушные волосы. — Тебя давно пора подстричь...

— Если ты не будешь работать, то я быстро придумаю наказание! — пригрозил Алессан.

— Да я работаю куда быстрее тебя! — возмутилась Морита, наваливая перед ним кучу игл.

— Вы что, не можете трудиться мирно? — спросил Б'лерион, внезапно возникая из-за кустов.

— Она еще и кусаются! Кусаются! — хором передразнили его Алессан с Моритой и дружно расхохотались.

Б'лерион как-то странно посмотрел на них и снова скрылся в кустах.

— Сначала работа, — строго сказала всадница, — потом игра.

— Играть работая совсем не трудно, — заметил Алессан, нежно проводя пальцем по ее щеке.

Они работали быстро и упорно, не пропуская, впрочем, возможности поцеловаться или просто прикоснуться друг к другу. Морита все время сдерживала радостный смех, да и на лице Алессана порой появлялась счастливая, немного растерянная улыбка. Они не замечали ничего и никого, пока рядом не раздался голос Б'лериона:

— Вы славно потрудились! Чувствуете, какая жара? — всадник разделся до пояса, а Оклина, тащившая

четыре мешка, полные игл, завязала рубаху под грудью. — Что до меня, — продолжал Б'лерион, — то я голоден, как дракон после Падения! — Он покачал своей свернутой в узел туникой. — Я нашел спелые фрукты и срубил одну пальмочку — из тех, у которых съедобная сердцевина. Пора подкрепиться, да и отдохнуть чуток не помешает. Капайм! Десдра! Прошу к столу!

Из-за кустов появились Десдра и Капайм, оживленно обсуждавшие лечебные достоинства местных трав. Капайм тоже разделся и повязал рубашку вокруг головы.

— Я понимаю, что вам жарко, — с сомнением в голосе сказала Морита, — но объясняться в Руате по поводу солнечных ожогов ничуть не легче, чем из-за исколотых ладоней.

— Но и заработать солнечный удар нам тоже ни к чему, — усмехнулся Капайм. Он с удовлетворением покосился на мешки, полные шипов. — Пожалуй, нам надо отдохнуть, пока жара не спадет, — предложил он. — Устроим себе сиесту, как это принято в Исте.

Все согласились, что это прекрасная идея.

— Я нашла несколько дынь и красный корень, который так любят в Исте, — внесла свою лепту Десдра.

— А на любой из этих пальм, — махнула рукой Морита, — есть очень вкусные орехи. Алессан, слазил бы ты за ними....Конечно, если руатанский лорд еще не разучился лазить по деревьям...

— Я слазаю, а ты лови.

Алессан снял рубашку — негоже, если она порвется — и передал ее Морите. Лазил он отлично, и вскоре импровизированная трапеза, включавшая хлеб и мясо из Руата и местные плоды, была готова.

Красный корень оказался сочным и вкусным, орехи — мягкими и спелыми, полными ароматного сока, а дыни от жары уже начинали бродить, и каждый кусочек оставлял во рту восхитительный винный привкус. Холодная и хрустящая сердцевина пальмы послужила великолепным десертом. В течение всего обеда Б'лерион болтал без умолку. Вот он, однорукий герой, принял участие в тяжелойшей экспедиции по спасению континента. Какая положена ему награда за труды — полная или только ее половина?

— Он всегда такой? — шепотом спросил Алессан у Мориты после того, как всадник рассказал ужасно

смешную историю о лорде Диатиссе. — Он веселит народ почище многих арфистов!

— Б'лерион еще и поет, — кивнула Морита. — А в прочем... он само воплощение бронзового всадника!

— Тогда почему же он не стал Предводителем Форта?

— В брачном полете победил Кадит.

— А разве от тебя ничего не зависело? — удивился Алессан. Судя по всему, он не слишком-то жаловал Ш'гала. Морита задумалась в поисках честного и понятного ответа на вопрос, который предпочитала не задавать самой себе. Но прежде чем она сумела найти ответ, Алессан, словно извиняясь, коснулся ее руки. — Прости, Морита, — виновато произнес он. — Это не мое дело. Это дело Вейра.

— Я могу только сказать, что Б'лерион всегда такой — милый и веселый. А Ш'гал — серьезен, угрюм... Зато он умеет вести за собой людей. Он — боец, удивительный боец... Его способностям поражался даже Л'мал, наш прежний вождь.

— Знаешь, Б'лерион, — между тем смеялся Капайм, — я раньше никогда не слышал этой истории! Арфистам, не в пример тебе, приходится соблюдать определенные приличия. — Он поднялся на ноги и протянул руку Десдре: — Пойдем, покажешь мне, где тут лечебные травы, о которых мы говорили. Я знаю, мы прилетели сюда собирать иглы, но запасы трав в мастерской истощены, и немного свежего сырья нам не помешает.

— Хорошо, — согласилась Десдра, вставая, — мы поищем. Однако, мой милый мастер Капайм, ты еще не оправился после болезни, и потому должен как следует отдохнуть...

— Ну, отдохнуть и впрямь было бы неплохо, — протянул Б'лерион, когда Десдра и Капайм скрылись из вида. — Но работа не ждет! Пошли, Оклина. В наших кустах хватит и шипов, и тени. Так что солнечный удар нам не грозит. Пошли, не будем терять время...

Улыбаясь, он повел девушку вверх по ущелью, и Морита с Алессаном остались одни.

— Если он полагает, что я хоть на секунду поверил ему... — хмыкнул Алессан. Затем, глубоко вздохнув, он обнял золотую всадницу, прильнув губами к ее устам. — Подйдем и мы, — прошептал он, — я не хочу снова уко-

лоться... — Они двинулись в сторону скалы. — Не могу понять, — продолжал Алессан, — почему тот голубой дракон М'барака так странно реагирует на Оклину. Ну, с Б'лерионом и его Набетом все ясно, но вот Арит... Скажи, это как-то связано с королевским яйцом на Площадке Рождений?

— Вполне возможно, — кивнула Морита. — Но Форт Вейр не станет еще больше ослаблять род лордов Руата, забирая Оклину.

— Здесь хорошо... — Набросаем только на землю листьев, — предложил Алессан, подкрепляя слова делом. — Зачем нам синяки? — Морита помогла ему соорудить мягкое и удобное ложе. В глубине души ей так хотелось, чтобы на скальной площадке в лучах осеннего солнца грелся не Набет, а ее возлюбленная Орлита. — В жилах лордов Руата, — говорил меж тем Алессан, — насколько мне известно, уже течет кровь всадников Форт Вейра. Мы можем договориться, чтобы дети моей сестры возвращались для воспитания в наш холд... И тогда — почему бы Оклине не попытать счастья? — Решительным жестом швырнув на землю последнюю охапку листьев, он привлек к себе Мориту. — Знаешь, я во многом не похож на отца.

— Ну, с твоим отцом я бы не пошла в лес.

— Почему бы и нет? Он был весьма любвеобилен. И сейчас я докажу, что плод падает недалеко от дерева.

Смеясь, они упали на свое зеленое ложе, и Алессан в самом деле оказался таким любящим и таким нежным, что в миг страсти Морита забыла обо всем, кроме его рук и губ.

Под конец их все-таки сморил полуденный жар, и, крепко обняв друг друга, они задремали...

— Они едят меня заживо! — вдруг завопил Алессан, просыпаясь.

У них над головами с плотоядным жужжанием кружился рой мошкеры.

— Возьми лист вон той лианы, что обвивает дерево справа от тебя, — сказала Морита, — раздави его и помажь соком укусы. Тогда они не будут чесаться.

— Откуда ты знаешь?

— Я долго жила в Исте. Здесь я запечатлела Орлиту.

На смазывание укусов они потратили куда больше

времени, чем требовалось. Впрочем, это могло продолжаться и дольше, но Алессан умурился измазать соком губы. Теперь у него щипало язык и горело во рту, что, впрочем, не испортило ему настроения. Смеясь, они вернулись в заросли игольчатых шипов...

Когда сумерки сделали дальнейшую работу невозможной, сборщики встретились на каменистой площадке под скалой возле бронзового Набета.

— Набет говорит, — сообщил Б'лерион, дружески похлопывая дракона по плечу, — что из всех живых существ сейчас не спят лишь огненные ящерицы да мы с вами. Надеюсь, мастер Капайм, мы набрали достаточно игл, потому что моя бедная рука, — он продемонстрировал всем свою исцарапанную руку, — сегодня уже достаточно потрудились!

Капайм и Десдра испытующе глянули на мешки с пакетиками игл и переглянулись.

— Может, кто-то из вас сообразил считать иглы, пока собирал? — с надеждой в голосе спросил лекарь.

— Знаешь, что я тебе скажу? — ответил за всех Б'лерион. — Сейчас я их пересчитывать не собираюсь.

— Я совсем не имел этого в виду! — запротестовал Капайм.

— Однако, — спокойно продолжал бронзовый всадник, — я с удовольствием вернусь в это уединенное местечко добрать недостающие колючки. Ну, если их все-таки окажется недостаточно.

— Только не сюда, Б'лерион, — предостерегла его Морита. — Если в самом деле придется лететь за ними еще раз, то отправляйся в Нерат. Но только не сюда.

— Ну, разумеется! Нам совсем не нужен временной парадокс. А луны, кстати, в Нерате будут выглядеть примерно так же, как и в Исте.

— Ладно, тогда решено, — устало сказал Капайм. — А теперь пора возвращаться.

— Как раз наоборот, мой любезный мастер целителей, — с усмешкой возразил Б'лерион. — Если мы сейчас вернемся, то это наверняка вызовет массу ненужных вопросов. Подумай сам: мы покидаем Руат полные сил и энергии, а час спустя возвращаемся голодные и буквально валимся с ног от усталости. Оклина, где наш обед? Устраивайтесь, поудобнее, друзья. Обопри-тесь о Набета. Он большой, его на всех хватит.

Оклина передала всаднику корзину, забитую кусками глины.

— Я тут немного порыбачил во время отдыха, — признался Б'лерион. — А Оклина нашла кое-какие съедобные клубни. И мы решили все это запечь. Солнце здесь в полдень жарит не хуже печки, и камни — горячие, как сковородка. От доброй трапезы еще никому хуже не бывало, не так ли, Морита? И знаешь, что я тебе скажу? Если вы с Алессаном притащите несколько дынь, то у нас получится пир, достойный... Запечатления! — Б'лерион так быстро и ловко заменил одно радостное событие другим, более уместным в этой компании, что только Морита заметила обмолвку.

На всякий случай не позволив Алессану вымолвить ни слова, она тут же потащила его за дынями. Оба прекрасно знали, где растут эти аппетитные плоды — не раз и не два прерывали они работу, чтобы утолить жажду сочным ароматным ломтиком.

— Это все Б'лерион придумал, — объясняла Оклина в ответ на благодарности за прекрасный обед, — и он поймал рыбу голыми руками!

— А тебя он научил так ловить? — прищурился Алессан.

— Нет, — последовал невозмутимый ответ. — Я и так уже умею. Мне показывал Даг... В наших речках такой способ работает ничуть не хуже, чем в Исте.

Алессан лишился дара речи от удивления.

— Знаешь, — сказал он на ухо Морите пару минут спустя, — я пришел к выводу, что моя сестра вполне достойна жить в Вейре.

— Ну, Б'лерион, ты молодец! — одобрительно промычал Капайм, за обе щеки уплетая печеную рыбу.

— У меня множество талантов, — скромно сознался всадник. — Хорошо поесть — одна из моих маленьких слабостей. Фрукты прекрасно освежают в полдень, но перед сном желудок требует чего-нибудь посущественней...

— Перед сном?! — в один голос возмутились Капайм и Морита.

— Именно перед сном! — сурово поглядел на них Б'лерион. — Тебе, — он показал на Мориту, — через несколько часов лечить раненных драконов. Ты просто не справишься с этим после целого дня работы. Ты обязана отдохнуть. Алессану тоже предстоит немало

дел, а про наших целителей я уж и не говорю. В общем, после обеда нам всем полезно соснуть. Когда Белиор поднимется над горизонтом, мы встанем. А разбудит нас Набет. — Он потрепал дракона по длинной шее. — Разбудишь, радость моя, ладно?

— Б'лерион, — сердито сказала Морита, — мне и в самом деле пора возвращаться к своей королеве.

— С Орлитой все в порядке. Не забывай, сколько бы ты тут не проспала, в Руат ты вернешься всего через час после вылета. Лучше погляди на себя — ты же засыпаешь на ходу! К тому же, выбора у вас всех нет, — он широко улыбнулся. — Без Набета не вернешься, а он слушает только меня.

— Весьма учтивый кавалер, — хмыкнул Капайм, глядя на всадника.

— Но вполне благоразумный, — поддержала Б'лериона Десдра. — Мне даже страшно было представить, что придется возвращаться прямо сейчас.

— Вот и расслабься немного, — воскликнул Б'лерион. — Облокотись на Набета. Он готов послужить не только защитой от ветра, но и подушкой.

Он попросил дракона вытянуть шею, и вместе с Оклиной устроился на ее изгибе. Капайм и Десдра улеглись на хвосте, а Морита с Алессаном примостились у теплого живота зверя.

— А он не надумает перевернуться? — с тревогой в голосе спросил Алессан.

— Нет-нет, — успокоила его Морита. — Во всяком случае, пока Б'лерион лежит у него на шее... — добавила она со смешком.

Теплая тропическая ночь. Морита, застыв в объятиях Алессана, пыталась уснуть. Но сон не шел. Она слышала, как шепот Капайма сменился молчанием. Алессан тоже спал, и только она никак не могла смежить веки. Ее мучило странное чувство одиночества, ощущение, словно она что-то потеряла. Но понемногу пряный аромат дракона, сдобренный едва заметным запахом огненного камня, успокоил ее. Она начала понимать, что впервые за последние двадцать Оборотов провела день без Орлиты. Ей очень не хватало ее королевы. Орлите понравились бы, как Алессан умеет любить. Да, вот чего ей сейчас не хватало — ощущения, что ее дракон разделяет с ней радость и удовлетворение. И поняв это, Морита наконец-то заснула.

В тот же миг, как Набет возник в воздухе над Руатом, Морита услышала расстроенный и взволнованный голос своей королевы.

«Наконец-то! Ты здесь! Где ты была?»

«Действительно, где ты была?» — этот вопрос ей задавала уже Холта, не менее взволнованная, чем Орлита.

— Я была в Исте. Набет же вам говорил.

«Мы тебя там не нашли!» — хором заявили королевы.

— Но теперь-то я тут! И привезла то, за чем мы летали. Все хорошо. Я скоро вернусь.

Вызванное путешествием во времени чувство одиночества прошло, как только всадница ощутила присутствие Орлиты. За ночь она отлично выспалась и теперь чувствовала себя необыкновенно бодрой и полной сил. Молодец Б'лерион, настоял на отдыхе.

Вдруг сидевший за ней Алессан напрягся, до боли сжав ее плечи. За свистом ветра Морита не слышала отдельных слов, но разобрала, что он ругается и стонет. Взглянув вниз, она поняла, в чем дело. Вид с высоты на разоренный холд не мог оставить молодого лорда равнодушным. Она повернулась к Алессану; на его лице читалась упрямая решимость.

Как только Набет приземлился у дороги напротив конюшен, Алессан повернулся к сестре:

— Слушай, Оклина, надо, чтобы выздоравливающие занялись уборкой. Ты видела, в каком ужасном состоянии холд? Страшно смотреть! Давай, Морита, я тебе помогу, — он соскочил с дракона и протянул всаднице руки. Прекрасно понимая, что это только лишний повод обняться, всадница на миг прижалась к нему. — Мастер Капайм, — продолжал Алессан, помогая Оклине спуститься на землю, — я буду готовить сыворотку и ждать твоих указаний. Моя самая искренняя признательность тебе, Набет и тебе, Б'лерион.

Дракон покосился на Алессана огромным зелено-голубым глазом.

— Он говорит, что был рад услужить тебе, — улыбаясь, сообщил бронзовый всадник и, махнув на прощание рукой, взмыл в небеса.

Они договорились обо всем еще в Исте, когда круглый, зеленовато-желтый диск Белиора показался из-за горизонта. Б'лерион отвезет Капайма и Десдру обратно в

их Цех — вместе с мешками, полными игольчатых шипов. Если шипов все-таки не хватит, он постарается собрать еще, призвав в помощь Десдру и Оклину. Капайм уже составил сообщения, которые пойдут главному мастеру скотоводов и во все холды, где разводят или держат скакунов. Туда, где нет своих барабанщиков, сообщение доставят курьеры.

Еще не улеглась пыль, поднятая крыльями Набета, когда из конюшни показался Тьеро. На его лице застыло удивленное выражение.

— Быстро вы обернулись, — сказал он. — Алессан, мы не можем начать приготовление новой партии вакцины, пока не вернулся М'барак с бутылками. И где его только носит?!

Но прежде, чем арфист договорил, снова за клубилась пыль, и с небес на землю ринулся голубой дракон.

— А это еще кто с ним? — подозрительно спросил Тьеро.

Кроме выюков и мешков с бутылками, на спине дракона сидело три пассажира.

— Морита, — позвал М'барак, склонив голову в поклоне. Всадница повернулась к нему, прикрывая глаза от солнца. Спрыгнув на землю, юноша бросил своим спутникам: — Поторопитесь! — Он махнул встречающим рукой. — Эй, помогите разгрузить эти глупые бутылки! И еще — тут люди, которые могут ухаживать за скакунами. Торопитесь! Мне надо вернуться к Падению — не то Ф'недрил сдерет шкуры и с меня, и с Арита!

Оклина, Алессан и Тьеро бросились к голубому дракону. Двое мужчин, его пассажиры, спешили; девушка, сидевшая на шее зверя, начала передавать встречающим мешки и огромные бутылки. Наконец, сошла и она.

Алессан, сомкнув руки на талии Мориты, помог забраться ей на Арита. Глядя сверху вниз на его запрокинутое лицо, всадница пожалела, что может подарить ему на прощание одну лишь улыбку. Что ж, их встречи и радости еще впереди... Голубой взмыл в воздух; последнее, что видела Морита — как привезенная М'баракон девушка нерешительно двинулась к Алессану. Она было высокой и худощавой, с коротко подрезанными волосами, и смутно напоминала кого-то знакомого...

В Форт Вейре все были заняты подготовкой к предстоящему вылету, и никто не заметил появления голубого дракона. Арит высадил Мориту у самого входа в пещеру Рождений. Поблагодарив дракона и всадника, она скользнула внутрь, к своей измученной ожиданием королеве. Ее ничуть не удивило, что рядом с Орлитой была Лери.

«Ты здесь! Здесь!» — с облегчением ворковала ее золотая, распахнув крылья.

— Все в порядке, милая. Я действительно здесь. Не надо так шуметь! — Морита крепко обняла дракона, нежно почесывая надбровные дуги, глядя гибкую шею.

— Клянусь Первым Яйцом! — воскликнула Лери. — Я рада видеть тебя живой и здоровой! Но где ты была? Даже Холте не удалось тебя найти. Да тише ты, Орлита! И ты, Холта, тоже!

— Вы что, не говорили с Набетом? — спросила Морита. Ей было совестно, что она заставила их волноваться.

«Ты была так нужна мне», — жалобно сказала Орлита.

— Объясни же, что случилось? — сухо спросила Лери. — Последние полчаса... это что-то ужасное! Все мои силы ушли на то, чтобы удержать Орлиту — она хотела тебя искать... где бы ты там ни была. Кстати, где же именно?

— Разве Набет не сказал вам?

— Он сказал только, — воздела руки к небу Лери, — что срочно собирается кое-куда слетать и что это не займет больше часа.

— Мы и вернулись через час, — заметила Морита. Проведенный в будущем день уже начал подергиваться дымкой нереальности.

— Ну, не совсем через час, — покачала головой Лери. — Вас не было чуть дольше... Ты о чем-то потолковала с Капаймом, а затем, прихватив с собой эту его Десдру, вы оба умчались на Арите в Руат. Дальше я вдруг узнаю что-то о Набете и Б'лерионе. — Лери сурово поглядела на Мориту. Взгляд получился бы еще более грозным, если бы старой госпоже не приходилось то и дело переступать с ноги на ногу — горячий песок площадки неимоверно жег ноги.

— Лери, мне так много нужно тебе рассказать...

Но на этом песке тебе неудобно. Давай-ка отойдем в сторонку... Нет-нет, Орлита, я никуда не уйду. Я тут...

— Все началось, — приступила к рассказу Морита, когда они с Лери уселись на каменную скамью, полукольцом охватывающую Площадку, — когда мастер Капайм прилетел сюда и задал тот же самый вопрос, что и Алессан... — Она чудом удержалась, чтобы не добавить «два дня тому назад». — Оба они интересовались возможностью вакцинации скакунов.

— Мне казалось, — хмыкнула Лери, — что ему бы только-только разобраться с вакцинацией людей.

— Все так, — согласилась Морита, — но этой болезнью скакуны могут заражать не только других скакунов, но и людей тоже...

— Да не тани ты! — поторопила всадницу встревоженная Лери.

В общем, Морита объяснила Лери цель визита Капайма, рассказала о его опасениях насчет второй волны эпидемии и о том, как это волна может прокатиться по континенту, распространяясь через животных.

— Вот почему, — заключила она, — так важна повторная и поголовная вакцинация. — Она протянула Лери оставленный Капаймом график развоза вакцины.

— Капайм рассчитал все так, — пояснила она, — чтобы с задачей могло справиться минимальное число всадников.

На лице старой всадницы удивление сменилось страхом. Она поняла, каким образом Капайм планировал доставлять вакцину.

— Но всадникам придется летать сквозь время! — возмущенно вскричала Лери. — И ты говоришь, что Капайм принес этот график с собой?! — Она прямо-таки задыхалась от охватившего ее негодования. — Да я этого К'лона на кусочки разорву голыми руками! — воскликнула старая госпожа, вскочив со скамьи. — Я его...

Снаружи громко заревела Холта.

— К'лон тут ни при чем, — поспешно сказала Морита. — Успокой Холту. Не то сейчас примчится Ш'гал — выяснять, в чем дело!

— Если это ты рассказала Капайму... — с угрозой в голосе начала Лери.

— Не говори глупостей! Он знал обо всем и без

нас! — Негодование Лери было понятно; Морите стоило только вспомнить свои чувства, когда выяснилось, что лекарю ведома одна из драгоценнейших тайн Вейров. — А знал он потому, что в древности целители вывели драконов. И это они одарили наших зверей способностью путешествовать сквозь время. Я тоже забыла об этом, но Капайм напомнил!

Лери открыла рот, да так и застыла в молчаливом изумлении.

— Все равно, тебе еще многое придется объяснить, — выдавила она наконец. — Где ты пропадала последний час? Ни Орлита, ни Холта не могли тебя сыскать!

Морита вдруг засомневалась, как воспримет Лери рассказ о том, где она действительно провела это время. Тем более, что Набет не слишком откровенничал с королевами Форта. Но куда ей было деваться?

— Мы отправились в Исту, — сказала она. — Да, мы полетели в Исту, в будущую осень, собирать игольчатые шипы. Зачем готовить вакцину, если нет игл для прививок...

— Итак, вы взяли и прыгнули на пять месяцев в будущее?! — задохнулась от возмущения Лери.

— Ну, все было не так просто, — возразила Морита. — Б'лерион сперва проверил по таблицам положения Алой Звезды и лун. И мы вернулись в Руат через час, как и обещали.

— Хорошо хоть вернулись... — пробурчала Лери; похоже, она примирилась со случившимся.

— Значит, Набет не сказал вам, что мы полетели в Исту? — спросила Морита. — Воистину, каков всадник, таков и дракон... — она вздохнула. — Кстати, я выбрала место, до которого нелегко добраться — кругом скалы и непроходимый тропический лес. Мне казалось, что Иста безопаснее Набола. Там нам ничего не грозило.

— Нам? — насторожилась Лери. — Кому это — нам?

— Не могла же я набрать одна две дюжины мешков с шипами? — всплеснула руками Морита, сообразив, что выдала себя. Лучше бы ей не заикаться о спутниках.

— И кто же летал с тобой?

— Б'лерион...

— Я и не думала, что он отдаст тебе Набета, а сам останется в Руате! — язвительно процедила Лери.

— Еще Капайм и Десдра, — как можно убедительнее

ответила Морита. — Капайм сказал, — начала она, пытаясь увести разговор в сторону, — что нашел описание способностей драконов в каких-то древних Записях.

— Интересно, не могли бы мы убедить его сжечь эти пергаменты?

— Он согласился «потерять» их, — усмехнулась Морита. — Такое я поставила условие... выкуп за нашу помощь в этой затее.

— Итак, уже четверо. Ладно! Кто еще? Я слишком хорошо тебя знаю, моя милая! Давай, давай...

Морита вздохнула.

— Алессан и Оклина...

Склонив голову, Лери прикрыла глаза руками.

— Алессан — благородный человек... и он слишком многим рискует, чтобы проболтаться о нашем секрете. Что касается Оклины, то она, по всем признакам, не задержится в холде Руат! — глаза Мориты скользнули по золотому яйцу, зреющему в теплых песках Площадки Рождений.

— Но ты не можешь... — Лери, в которой уже раз, онемела от изумления. — Ты не можешь забрать в Вейр сестру лорда Руата!

— Я — нет... но кто сумеет противостоять зову драконов? И потом, Алессан не будет возражать. Он поставил только одно условие: ее дети должны воспитываться в Руате.

— Ты немало успела за один час, — одобрительно пробурчала Лери.

— Б'лерион настоял, чтобы мы как следует отдохнули перед возвращением. Мы проспали почти шесть часов!

— А потом как ни в чем ни бывало вернулись в Руат с полными мешками колючек?! И никто ничего не спросил?

Морита украдкой с облегчением вздохнула. Несомненно, Лери оправилась от первого шока, если способна на иронию.

— Б'лерион высадил меня, Оклину и Алессана в Руате, а Капайма и Десдру отвез в мастерскую лекарей. Еще пыль не осела, когда прилетел М'барак с большими стеклянными бутылками и забрал меня. Скажи, кто осмелится спросить у лорда отчет, где и как он провел час времени? Кто потребует у Главного

мастера объяснений, откуда он достал необходимые для инъекции иглы?

— Я постараюсь это запомнить! — к Лери понемногу начало возвращаться чувство юмора.

— Теперь, — продолжала Морита, — мне надо связаться с остальными Вейрами и попросить помощи в доставке вакцины. Этим я займусь завтра.

— Милая моя, ты можешь улизнуть из Форта на часок и никто ничего не заметит, но как ты объяснишь свои странствия по Вейрам?

— Очень просто! Вот перед нами яйца, из которых скоро вылупятся молодые драконы. Я полечу в Вейры на Поиск. Даже Орлита согласится, что это необходимо! Если не ошибаюсь, Предводители Вейров на встрече у Одинокой скалы обещали выделить нам мальчишек для Запечатления. Должна же я на них взглянуть!

— Ну, — пожалала плечами Лери, — когда это было... Мы говорим о сегодняшнем дне. Ты ведь знаешь этого М'тани? Да он не расстанется сейчас даже с последним олухом из своего Вейра!

— Не сомневаюсь. А помнишь ли ты списки, что Предводители передали друг другу? Ты вернула их Ш'галу?

— Не смей меня! Они тихо лежат в моем вейре.

— Тогда по ним я могу выяснить, с кем из бронзовых всадников Телгара стоит потолковать... С Бенденом, мне кажется, особых проблем не будет...

— Ну, разумеется! А в Телгаре тебе стоит поговорить с бронзовым всадником по имени Т'гел. В Айгене я бы обратилась к Дейлове. Может, она и любит поболтать, но вообще-то женщина весьма благоразумная... Ты обо всем подумала, не так ли? — Лери одобительно улыбнулась. — Знаешь, со временем из тебя выйдет превосходная Госпожа Вейра. Только постарайся избавиться от своего бронзового и найди кого-нибудь другого, повеселее. Конечно, я не имею в виду этого зеленоглазого лорда Руата с его неиссякаемым запасом бенденского вина... Хотя готова согласиться — парень он видный!

Снаружи громогласный рев Кадита призвал боевые крылья готовиться к вылету.

*Год 1543, двадцать первый день третьего месяца;
Вейры Форт, Бенден, Иста, Айген, Телгар и Плоскогорье.
Двадцать второй день; холд Руат. Двадцать третий день;
Форт Вейр и долины Керуна*

— В один прекрасный день, М'барак, — говорила Морита молодому всаднику на следующее утро, — так вот, в один прекрасный день, который, между прочим, уже не за горами, мы все останемся без работы. Загорай себе на солнышке сколько душе угодно!

— Мне нравится возить людей и грузы, это хорошая тренировка для Арита, — сказал М'барак и потупился, покраснев. — Ф'недрил объяснил мне вчера значение Поиска и то, почему Арит был так невежлив.

— О какой невежливости ты говоришь?

— Ну, не подобает дракону вести себя так, как Арит вел себя с леди Оклиной.

— Не волнуйся, М'барак, Оклина все понимает. А что касается Арита, то он подчинялся инстинкту... который, кстати, было бы полезно развить. Он — прекрасный, очень чувствительный голубой дракон, и не вздумай ругать его... Теперь вот что: сегодня мы полетим на Поиск в Бенден. Предводители Вейров обещали выделить нам подходящих юношей...

— Только если они вакцинированы, — быстро вставил М'барак.

Всадница усмехнулась; похоже, Перн не скоро избавится от ужасов Великого Мора...

— Мы всегда рады видеть тебя в Бендене, — приветствовала Мориту Левалла, когда Госпожу Форты провели в королевский вейр Бендена. — Особенно, когда ты прилетаешь без Орлиты, от которой наш Тузут просто сходит с ума, — добавила она со смехом и лукаво посмотрела на К'дрена. — Но сейчас твою королеву даже силой не вытащишь с Площадки Рождений.

— Это одна из причин, по которым я к вам прилетела, — кивнула Морита. Желая поговорить с К'дреном и Леваллой наедине, она оставила М'барака в чаше вместе с Аритом. Предводитель и Госпожа Вейра Бенден выглядели усталыми, и ей не хотелось нагружать их новой заботой, но другого выхода не было. Одному Форту вакцину не развезти.

— Ты прилетела из-за Орлиты? — удивленно поднял брови К'дрен. — Ах да, конечно! Нужна пара-другая подходящих парней! Что ж, я не забыл о своем обещании. В наших пещерах хватает способных мальчишек. И все, как один, вакцинированы...

— Есть и еще одно дело, — Морита приступила к главной проблеме.

К'дрен и Левалла выслушали ее в угрюмом молчании.

— Да, вторую эпидемию нам не пережить, — сказала Левалла, когда гостья, изложив план Капайма, замолкла. — Что касается скаунов, то потери здесь, на востоке, были не так уж велики. Но я не сомневаюсь, что лорд Шадер будет счастлив получить вакцину для своих табунов. Подумать только — ее делает Алессан! В разоренном Руате!

— Не хотел бы я заставлять всадников идти во временной Промежуток... — задумчиво сказал К'дрен.

— Ерунда, — отмахнулась Левалла. — Мы выберем тех, кто на это способен. Только в прошлый Оборот пришлось дважды наказывать В'мула, а он всего лишь коричневый... И ты не хуже меня знаешь, что М'ген летает сквозь время куда и когда захочет.

— Вот его-то и надо поставить во главе крыла, которое будет развозить вакцину, — щелкнув пальцами, решил К'дрен. — Именно то, что ему нужно! Хоть будет при деле. Он так горевал, когда я слишком быстро оправился после болезни. — К'дрен весело подмигнул Морите. — Ему очень понравилось командовать, и он решил, что скоро станет Предводителем... Не так ли, моя дорогая? — К'дрен с напускным подозрением поглядел на свою красавицу Леваллу и ухмыльнулся. Морита рассмеялась. У М'гена явно не было шансов покорить сердце Госпожи Бендена.

— Можно подумать, что у меня действительно есть выбор, — взгляд Леваллы на миг затуманила нежность, потом, чуть покраснев, она повернулась к госте. — Морита, ты прекрасно выглядишь. После вчерашнего Падения у вас кто-нибудь пострадал?

— Пара ожогов да вывихнутое плечо. Ничего страшного. Эти совместные вылеты очень полезны. Каждый старается показать, на что способен.

— Точно, — кивнул К'дрен. — И все же я вздохну с облегчением, когда мы вновь примем под крыло свои

традиционные территории. Не подумай плохого. Ш'гал тут не при чем... Он — отличный ведущий... Все дело портит этот мерзавец из Телгара...

— К'дрен! — сурово одернула его Левалла.

— Морита никому не расскажет, — заверил ее бронзовый всадник. — Этот недоумок... у меня просто нет слов! Знаешь, Морита, он не согласится нам помочь!

— Он, может, и не согласится, — Морита вынула из-за пояса списки.

— Значит, они все-таки пригодились! — удивленно воскликнул К'дрен. — Дай-ка поглядеть... — Он зашуршал пергаментами, пока не дошел до листов, исписанных угловатым почерком М'тани. — Я бы на твоём месте поговорил с Т'гелом. — Он ведущий крыла и имеет, да будет тебе известно, большой зуб на М'тани. Назло своему Предводителю он сделает что угодно... Надеюсь, ты понимаешь, что для успеха этой затеи в ней должны принимать участие всадники всех без исключений Вейров. Трудно найти на чужой территории маленький холд или мастерскую, особенно если они даже не обозначены на карте. Что касается Бендена, то в нашей поддержке можешь не сомневаться. Надо же! А я-то гадал, отчего наш лекарь ходит такой хмурый!

— Теперь, что касается яиц, — сказала Левалла. — У нас есть один очень подходящий паренек — из высокогорного шатхного холда Лемос. Мы нашли его два Оборота назад. Не знаю, почему ему до сих пор не везло, но если он не найдет себе пары в Форте, мы готовы принять его обратно. Зовут его Данел, и он все еще интересуется горным делом.

— Похоже, вы чаще проводите Поиск в мастерских, чем в холдах?

— Прохождение кончается... мы полагаем, лучше населить Вейр людьми, которые могут заняться чем-нибудь полезным.

— Вейры получают десятину и во время Прохождения, и в период Интервала, — подняла брови Морита.

— Все это так, — оторвался от списков К'дрен, — но когда Прохождение закончится, лорды могут стать не столь щедрыми, как сейчас. — Судя по выражению его лица, лордам, решившим обделить Бенден, пришлось бы несладко. — Я подчеркнул имена всадников, которые рискуют летать временным Промежутком, — продолжал Предводитель Бендена. — Вообще-то о таком стараются

не болтать, но догадаться можно... С Л'болом в Айгене можешь не разговаривать, от него никакого проку. Иди прямо к Дейлове — у нее в морском холде погибли родственники. Она, по-моему, знает, кто из их всадников летает сквозь время. В тех краях без местных не обойтись — множество мелких холдиков на побережье, чужой дракон крылья обломает. Ну, а в Исте у тебя должны оставаться друзья. Ты, кажется, прожила там почти десять Оборотов... Уже слышала, что Ф'гал болен? Что-то с почками...

— Да, слышала. Я собиралась поговорить с Виммой. Или с Д'сеем, всадником Критита.

— У тебя, кажется, сын от него? — с улыбкой, спросила Левалла.

— Д'сей — очень надежный человек, — ответила Морита, — а сын мой запечатлел коричневого из последней кладки Торенты. — В ее голосе звучала гордость.

Госпожа Форта с удовольствием провела бы в Бендене больше времени — общество К'дрена и Леваллы было приятно ей, — однако требовалось спешить.

— Мы пришьем Данела в Форт Вейр завтра же, — пообещал К'дрен. — Вместе с М'геном. У тебя будут все возможности обсудить с ним детали предстоящей операции. Как ты полагаешь, стоит мне поговорить с лордами наших холдов?

— Этим собирался заняться мастер Тайрон, но ваша поддержка пойдет только на пользу.

К'дрен проводил Мориту по крутой лестнице на дно чаши. Леквалла помахала ей на прощание рукой.

В Исте Ф'гал и Вимма уединились в королевском вейре, оставив на карнизе перед ним бронзового Тимента — верный знак, что беспокоить их не следует. Поэтому Морита велела М'бараку направить голубого к тоннелю, что вел в вейр Д'сея. Его Критит встретил всадницу радостным урчанием. Распахнув крылья, он выглянул из вейра, но к своему глубокому разочарованию не увидел Орлиты. Тут из жилой камеры появился заспанный Д'сей. Морите стало неловко — Д'сей не болел и летал на Падения чуть ли не каждый день. Может быть потому, что она потревожила его в редкую минуту отдыха, разговор шел непросто; в один из моментов всадница даже пожелала, что собеседник ее на своей шкуре не испытал тяжести страшной болезни. Может, тогда не пришлось бы ни-

чего объяснять. Беседа явно начинала затягиваться, когда в комнату вбежал их сын М'рей.

— Прощу прощения, Д'сей, но мой Куарт сказал, что прилетела Морита... — мальчик, не по возрасту рослый, задержался на пороге лишь на секунду — пока не получил разрешения войти. В следующий миг он уже обнимает мать. — Я знаю, что ты болела. Я так рад снова видеть тебя в добром здравии...

— Орлита отложила яйца. Мне все равно нечего делать, кроме как лечить раненных всадников и драконов.

М'рей испытующе поглядел сперва на Мориту, потом на отца.

— Морита просит помощи, — сказал бронзовый всадник, — и я опасаясь, что Ф'гал из-за своего недомогания не захочет выслушать ее.

Он протянул гостье чашу кла и едва заметно кивнул в знак того, что не возражает, если она посвятит их сына в суть проблемы. Подросток внимал словам Мориты затаив дыхание. В его глазах горела готовность хоть сию минуту принять вызов и отправиться в путь.

— Вимма согласится тебе помочь! — воскликнул он, когда Морита закончила рассказ. — Надо только объяснить ей, как все это важно. Она совсем не такая, как Ф'гал. Он... он очень изменился в последнее время. — М'рей покосился на бронзового всадника, словно ожидая возражений с его стороны. Но Д'сей только пожал плечами. — Во всяком случае, я хотел бы помочь, а ведущий моего крыла Т'лоннег родился и вырос в холде. Если кто и знает все эти спрятанные в лесу поселения и мастерские, так это он! Т'лоннег сам болел и выздоровел, а его родственники погибли во время эпидемии. Надо ему обо всем рассказать. Правда, надо! Нельзя отказать в таком деле! Это... это все равно как не вылететь на Падение! Ты знаешь, — он коснулся руки матери, я уже летаю с крыльями Исты, и еще ни разу не получил ни одного ожога!

— Давай и дальше так же, — проворчал Д'сей, скрывая под маской напускного безразличия гордость за сына, — Т'лоннег говорит, что М'рей и Куарт летают совсем неплохо.

— Другого я и не ожидала, — улыбнулась Морита. Как жаль, что она не могла больше времени проводить

с сыном! Увы! Такова судьба всадника... Она была вынуждена перебраться в Форт Вейр, а Д'сей остался в Исте. — Капайм подсчитал, что от каждого Вейра потребуется шесть или семь человек.

— Мы наберем людей, которые могут справиться с задачей, — произнес бронзовый всадник, подымаясь. — Я сам поговорю с Виммой, как только она освободится. Я попрошу ее также подумать, кого из наших воспитанников отвезти на Запечатление в Форт. Ты, однако, не рассчитывай на слишком многое. У нас очень большие потери и в холдах, и в мастерских: всем так хотелось поглазеть на диковинного зверька, которого показывали на Встрече.

— Свяжитесь потом с Капаймом, — сказала Морета. — Он объяснит все остальные детали.

— Мы увидимся на Запечатлении? — подмигнул Морите М'рей.

— Ну, конечно, — рассмеялась она, крепко обнимая мальчика.

— Ты сейчас летишь в Айген? — спросил Д'сей, провожая Мориту к выходу. — Поговори с Дейловой. Она наверняка согласится помочь.

Через несколько минут Арит уже парил над Вейром Айген; солнце ослепительно блестело, отражаясь в неподвижных водах озера, раскаленный воздух блаженно согревал застывшие в холоде Промежутка кости.

Дейлова встретила Мориту у входа в свой вейр.

— Ты прилетела с Поиском?! — воскликнула она, расплываясь в улыбке при виде гостьи. — Добро пожаловать! — и повела ее в пещеру.

Всегда доброжелательная и открытая, Дейлова молча выслушала обе просьбы Мориты. Напряжение последних дней сказалось на ней: черные круги под глазами и нервное подергивание губ красноречиво свидетельствовали, что и Вейру Айген приходится тяжело.

— Конечно, я не откажу в помощи мастерской целителей, — заявила она своей гостье, когда та закончила рассказ. — Силга, Эмри и Намурра тоже наверняка согласятся. Ты говоришь, Капайму нужно шесть всадников? Бьюсь об заклад, — она рассмеялась, но смех ее звучал невесело, — что П'дин летает сквозь время. Так же, как делаешь это ты сама. — Она задумалась.

— Если бы только Л'бол не впал в такую глубокую депрессию... Ему все кажется, что не позволит он нашим всадникам перевозить того зверька... — Дейлова удрученно покачала головой. Она потрепала свою Перфорту по шее, и золотая отозвалась тихим довольным урчанием. — Я помогу тебе развезти вакцину, но вот юношей выделить не сумею. Ты уж извини. У нас осталось так мало молодежи... Кроме того, Перфорта скоро поднимется в брачный полет... Я, во всяком случае, очень на это надеюсь...

— Это точно... Хороший брачный полет поднимет настроение во всем Вейре, — кивнула Морита, с вождением мечтая о том дне, когда Орлита снова взойдется в небеса в поисках нового партнера.

— Как, и ты тоже? — удивленно подняла брови Дейлова. Внезапно слезы хлынули у нее из глаз, и Морита, не задумываясь, обняла несчастную Госпожу Айгена.

— Так много жертв, Морита, так много... Так внезапно... И ужас, когда нас покинули Ч'мон и Хелинт... А потом... — Она не могла говорить; ее душили слезы. — И Л'бол отчаялся! Ничто его не интересует. Крыльями Айгена командует теперь П'лин. В этом нет ничего необычного... но когда Вейры перестанут вылетать на Падения все вместе, если Л'бол по-прежнему не сможет вести всадников... Мне остается только рассчитывать на брачный полет Перфорты... Тогда и настроение у всех поднимется. А когда угроза эпидемии останется позади, дышать станет легче... — Дейлова подняла голову с плеча гостьи и вытерла заплаканное лицо. — Ты знаешь, что я жутко чихаю от запаха огненного камня. Всегда чихала. В последний раз я чуть не лопнула, стараясь сдержаться — у нас все так и вздрагивают от испуга при любом чихе! Это какое-то безумие! — Дейлова всхлипнула и снова взялась за носовой платок. — Знаешь мне даже легче стало, когда выговорилась...

Она провела по лицу рукой, словно хотела стереть горестные следы последних дней, и склонилась над развернутым на столе свитком.

— Ладно, давай поглядим карты... Ага... теперь я понимаю, чего хочет мастер Капайм! Он все так хорошо рассчитал, что у нас не должно возникнуть проблем... Не волнуйся, в Айгене я все организую. Ты уже побы-

вала в Телгаре? Нет? Там тебе придется непросто... А затем куда? В Вейр Плоскогорье? Как себя чувствует Фальга? И как крыло Тамианты? Заживает? Это хорошая новость! Как бы мне хотелось, чтобы ты еще побыла со мной... но тебе, наверно, уже пора лететь. А не то я опять начну поливать тебя слезами. Знала бы ты, какое это блаженство — плакать, не думая о том, как на тебя посмотрят! Ну ладно, когда мы здесь все решим, я пошлю весточку... или пусть Орлита спросит у наших королев... Я-то им доверяю, а вот Л'бол... Он никогда не одобрял игр со временем... Да и не хочется мне сейчас его дергать...

Говоря все это, Дейлова проводила Мориту до выхода из вейра. Она улыбнулась М'бараку, погладила Арита по носу и подсадила гостью голубому на шею.

В Телгаре коричневый сторожевой дракон угрожающе затрубил, увидев Арита, и приказал ему сесть на кромке чаши — вместо того, чтобы лететь прямо вниз. Его всадник, К'вер, даже не подумал извиниться.

— Куда направились? — насмешливо спросил он. — М'тани не хочет, чтобы в Вейр прилетали посторонние.

— С каких пор всадники стали друг для друга посторонними? — возмутилась Морита, оскорбленная и самым приказом, и его тоном.

Арит, чувствуя ее гнев, и тоже возмущенный оказанным им приемом, недовольно заурчал.

— Я прилетела к вам с Поиском, — начала Морита.

— И бросила свою королеву одну? — К'вер даже и не пытался скрыть презрения.

— Скорлупа яиц уже твердеет. Я призываю М'тани выполнить обещание и прислать к нам юношей. Если они не иммунизированы, то у меня с собой есть вакцина.

— Этого добра у нас хватает. Для тех, конечно, кто его заслуживает.

— Если бы я прилетела на Орлите...

— Даже если бы ты прилетела на своей королеве, Морита из Форта, тебя все равно встретили бы точно так же. Проводите Поиск в своих собственных холдах. Если в них, конечно, еще кто-то остался в живых!

— Что ж, если так...

— Да уж, вот так!

— Тогда берегись, К'вер. Когда закончится Прохождение...

К'вер расхохотался, а его коричневый пренебрежительно затрубил. Арит дрожал от морды до кончика хвоста.

— Полетели, М'барак, — процедила Морита сквозь зубы.

Ну, теперь пусть весь Телгар горит в лихорадке, она не откликнется на их призыв о помощи! Пусть у них иссякнут запасы огненного камня, она им ни одного мешка не пошлет! Пусть Вейр заполонят Нити, она...

— Отвези нас в Плоскогорье.

Подумать только, посадить их на кромке чаши! Холод Промежутка не остудил ее ярости, а Арит перестал трястись лишь тогда, когда услышал, как их приветствует сторожевой дракон Плоскогорья.

— Скажи Ариту, пусть спросит разрешения приземлиться в чаше у вейра Тамианты. Объясни, что мы прилетели с Поиском.

— Я уже это сделал, Морита, — сказал М'барак, — В Плоскогорье нам рады. Арит говорит, что Тамианта заворковала.

Когда голубой дракон спустился ниже, их слуха достигли протяжные трели Тамианты. Б'лерионов Набет выскочил из своего вейра. Ганарт С'лигара вылетел так, будто им выстрелили из пращи, бестолково хлопая крыльями и издавая хриплые крики.

Арит приземлился. Радостно ухмыляясь, М'барак повернулся к Морите; теплый прием явно улучшил его настроение. Затем всадница увидела Б'лериона. Он стоял под широкой аркой у входа в вейр учеников, где находилась раненая Тамианта, и приветственно махал здоровой рукой; потом потрусил навстречу гостям.

— Одно словечко наедине, — сказал он, обнимая Мориту. — Вчера ночью я возил Десдру и Оклину на плантации в Нерат. Теперь шипов точно хватит. Никто ничего не заподозрил.

Затем, уже нормальным голосом, продолжал:

— Крыло Тамианты заживает, С'лигару лучше, солнышко светит, в Вейре все хорошо, а мы с Прессеном только что водили Фальгу прогуляться. Кстати, моя дорогая, Прессен очень высокого о тебе мнения. К'рнот может сколько угодно повторять, что все сделала Диона, но мы-то знаем, как оно все было на самом деле! После вчерашнего Падения ранами драконов

занимался Прессен. А в свободное время он выпытывает у Фальги все, что она знает о лечении наших зверей. Хороший парень этот Прессен! Его расспросы помогают Фальге... дают ощущение, что она не сидит без дела, но приносит какую-то пользу. Ну, вот мы и пришли. Фальга, явился наш главный водонос.

Первое, что заметила Морита — громадную лохань слева от Тамианты, полную до краев. Рядом — аккуратная стопка ведер.

Б'лерион довольно ухмыльнулся.

— Моя идея! Каждый, кто хочет навестить Фальгу, делает крюк к озеру и приносит полное ведро воды. Раз в два часа кто-нибудь из учеников относит пустые ведра обратно на берег. Если посчитать, сколько в этом корыте ведер, сразу станет ясно, что посетителей у Фальги хватает.

Госпожа Плоскогорья полулежала на широкой кушетке, откинувшись на подушки; Морита с радостью отметила здоровый цвет ее лица. Фальга рассыпалась в благодарностях, но, заметив смущение гостьи, остановилась и попросила ее осмотреть крыло королевы. Что Морита с охотой и сделала.

«Холта говорит, что Орлита спит», — услышала вдруг всадница голос Тамианты.

Вздрогнув от неожиданности, Морита взглянула на Фальгу; та, казалось, была поражена не меньше, но ободряюще улыбнулась в ответ.

— Ты прилетела с Поиском, — начала она. — Но по-моему, собирать кандидатов еще рано.

Фальга жестом пригласила гостью присесть на край кушетки. Заколебавшись, Морита глянула на Прессена, но тот был чем-то занят в другом конце обширной пещеры.

— Я здесь не только из-за этого...

— Что же еще стряслось? — Фальга откинулась на подушки.

— Ничего, пожалуй, но мастеру Капайму нужна наша помощь.

Быстро — в который уже раз! — она рассказала о грозящей опасности. Б'лерион так искренне изумился, словно слышал все это впервые.

— Некоторые области Набола, Крома и Плоскогорья полностью изолированы. Мастер Капайм считает, что они могут подождать, ведь у вас такие потери...

— Морита, после того, как ты спасла мою королеву, ты можешь требовать от нашего Вейра все, что угодно... за исключением С'лигара и Гайнарта. К счастью, — Фальга весело расхохоталась, — он уже не в том возрасте... Б'лерион, насколько мне известно, ты летаешь сквозь время, когда заблагорассудится. Так что тебе и карты в руки. Возьмешь организацию этого дела на себя. И потом, вряд ли найдется хоть один холд, где бы у тебя не оказалось девушки или двух...

— Фальга! — Б'лерион мастерски изобразил возмущение и обиду. — Ладно, Морита, покажи мне графики мастера Капайма.

Из него вышел бы прекрасный актер. Он изучал карты и записи так, как будто видел их впервые.

— Морита, — Фальга задумчиво глядела на нее. — Если Тамианта сказала, что твоя золотая спит, то Плоскогорье не первый Вейр, посещенный тобой.

— Свой самый любимый Вейр я оставила напоследок.

— Холта только что сообщила Тамианте, что из Телгара прибыл Рейлинг со своим юным всадником, оба сильно возбужденные. Это как-то связано с твоим визитом?

Морита угрюмо кивнула, и Фальга спросила:

— Что, М'тани не согласился?

— Сторожевой дракон заставил Арита приземлиться на кромке.

Б'лерион от всей души выругался. Его хорошее настроение как рукой сняло.

— Если бы я прилетела на Орлите, я бы этого коротконого К'вера...

— Какая наглость, и от кого! — посерьезнев, сказала Фальга. — Подумать, какой-то коричневый всадник! Право же, моя дорогая, побереги свой гнев для кого-нибудь более заслуживающего внимания! Да на такого и плюнуть-то — только себя унижить! И что на М'тани нашло? Весь последний Оборот его просто не узнать! Может, просто устал сражаться с Нитями, ведь сколько уже лет... Стал каким-то злобным, раздражительным, а это сказывается на всем Вейре. И в обычное время это катастрофа, а уж во время эпидемии... Неужели придется силой сменить там Предводителя? Ладно, после с ним разберемся! Итак, Плоскогорье займется развозкой вакцины в восточную часть

Телгара. Бессера может летать сквозь время и, судя по ее довольной физиономии, частенько этим занимается. Б'лерион, кто из бронзовых?

— Шарт, Мелат, Одиот, — начал перечислять Б'лерион, загибая пальцы. — Набет, как ты и подозревала, Понтет и Бидорт. Получается семь... И, если мне не изменяет память. Н'мол, наездник Бидорта, родом как раз из Телгара. Конечно. Т'гел не единственный, кого не устраивает предводительство М'тани. Я же тебе говорил, Фальга, что стоит бронзовым Телгара почувствовать вкус власти, как там начнутся неприятности.

Он обаятельно улыбнулся Морите.

— Я очень ценю способности Ш'гала. Конечно, он страшная зануда... — Да-да, старика Б'лериона не обманешь! Но он отличный Предводитель! И нечего грозить мне пальцем, Фальга.

— Хватит болтать, Б'лерион. Холта передала через Тамианту, что нашей гостье пора возвращаться домой. Мы пришлем вам несколько мальчишек из наших Нижних Пещер, будет из кого выбирать. А если найдем еще подходящих парней и девушек, когда будем развозить зелье мастера Капайма, их тоже пришлем. Все, иди...

— Пойду провожу, — крикнул Б'лерион через плечо Фальге, торопясь вслед за Моритой к выходу.

— Хорошо, что у тебя только одна рука действует, — добродушно отозвалась Госпожа Плоскогорья.

— Я хотела бы на обратном пути заглянуть в Руат, — сказала Морита. — Как-то мне беспокойно.

— Так я и думал. Не волнуйся, все у них в порядке. Капайм послал туда еще людей, да и Десдра им помогает. Она говорит, Тайрон и его арфисты великолепно управляют с лордами и Главными мастерами.

Когда Морета вернулась в Форт Вейр, ее королева уже проснулась: ее разбудил искавший Мориту Ш'гал. Он нервно вышагивал взад-вперед и, не успев всадница войти, набросился на нее:

— М'тани прислал какого-то сопливого юнца, недомерка — сюда, в Форт! — крикнул он, кипя от ярости. — И этот мальчишка передал нашему сторожевому всаднику самое оскорбительное послание, какое я когда-нибудь получал! М'тани отказывается от всех обязательств, взятых Телгаром во время встречи у Одинокого Утеса — где меня, между прочим, вообще не было!

Ш'гал погрузил кулаком — сначала Морите, потом — в сторону Одинокого Утеса, затерянного среди керунских равнин.

— Там были приняты сомнительные решения, и я никак не могу их одобрить, хотя и вынужден выполнять... А М'тани — тот от всего отрекается! Пусть другие Вейры не лезут... так и было сказано — не лезут! — к нему со своими проблемами! И если мы так обеднели людьми, что приходится кланчить их в других Вейрах, то лучше подрезать крылья нашим королевам!

Вывкрикнув это, Ш'гал начал размахивать руками, словно ученик барабанщика.

Морита никогда не видел его таким рассвирепевшим. Она выслушала Предводителя молча, надеясь, что он выпустит пар и уйдет. Высказавшись по поводу ее бесстыдного полета в Телгар и наглого послания М'тани, он перешел к обычному брюзжанию; он был недоволен всем — перенесенной болезнью, жалкими размерами кладки, отсутствием порядка в Вейре... Наконец, Морита не выдержала:

— В конце концов, у нас королевское яйцо, Ш'гал. И нужно набрать побольше девушек, чтобы у маленькой королевы был хоть какой-то выбор. Помимо Телгара, я обратилась в Бенден, Айген, Исту и Плоскогорье, и нигде больше мое появление и мою просьбу не сочли чем-то предосудительным. А теперь уходи. Ты беспокоишь Орлиту.

Орлита и впрямь волновалась, но Ш'гал, как прекрасно понимала всадница, был тут не виноват. Причина крылась совсем в другом. В Вейре Телгар. Орлита металась взад-вперед перед своими яйцами, вращая глазами, в которых цвет менялся от красного к желтому, потом — к оранжевому, и подробно излагала своей всаднице, что она сделает с бронзовым Хогартом, драконом М'тани, как только он ей попадется.

Чтобы успокоить королеву, Морита почесала ей надбровные дуги и напомнила, что главное сейчас — заботиться о яйцах.

«Камиана идет», — сказала Орлита уже спокойнее; теперь ее глаза были скорее зелеными, чем желтыми. Морита подняла голову и увидела всадницу на пороге — та махала ей рукой.

— Лери велела подождать, пока вы обе немного

успокойтесь, — сказала Камиана, сочувственно улыбаясь. — Ш'гал как начнет, уже не остановишь! Послушать его, так эпидемию специально подстроили, чтобы ему досадить. А М'тани? Мы все устали сражаться с Нитями, но надо выполнять свой долг! Неужели нельзя его заменить? Обязательно ждать, пока Сутанита поднимется в брачный полет? Ну ладно, завтра мы развозим вакцину... Лидора, Хаура и я. Вот только Лери... может, уговоришь ее не лететь? С другой стороны, она все холды знает, даже самые уединенные. Она уговорила С'перена тоже сделать несколько рейсов, и даже К'лона, хотя он всего-навсего голубой всадник... — Камиана нахмурилась, явно сомневаясь в разумности подобного выбора. — Пожалуй, П'нин был бы лучше, но он ранен.

— К'лон и так знает о полетах сквозь время, — спокойно заметила Морита. — Научился сам и за последнее время приобрел большой опыт.

— Я и не знала, — Камиана выглядела обескураженной. — Что творится в Вейре, пока твоя королева зарывает яйца в песок!

* * *

В главном зале холда Руат, так недавно служившим лазаретом, установили сорок тележных колес в деревянных рамах — они должны были служить центрифугами. Сотня с лишним декоративных бутылок, убиточные изделия учеников мастера Кларгеша, тоже пригодились. Они стояли у лестницы, где в старые добрые времена возвышался пиршественный стол лордов Руата. Суматоха последних дней сменилась усталым спокойствием — практически все приготовления были закончены, оставалось только дожидаться начала самой вакцинации. Но нет ничего труднее ожидания. И от мысли, что ждешь не ты один, что вместе с тобой с тревогой ждут завтрашнего дня люди в других холдах, Вейрах и мастерских, на душе лучше не становится.

В углу, около прохода в кухню, за столом, на котором стыли остатки недоеденного ужина, на длинных скамейках сидели восемь человек — те, кого Алессан привык называть своей верной командой.

— Не нравится мне этот мастер Бальфор, мой

лорд, — говорил Даг, уставившись в полупустую кружку с бенденским.

— Его пока что не утвердили, — заметил Алессан, подняв глаза на старого конюха. Он слишком устал, чтобы обсуждать достоинства и недостатки нового Главного мастера скотоводов.

— Меня не волнует, утверждают его или нет, — угрюмо проворчал Даг. — Просто у Бальфора опыта маловато.

— Ну, зато он выполняет все, что требует мастер Капайм, — сказал Тьеро, бросая взгляд на Десдру.

— Горе, ах, какое горе... столько достойных людей мертвы... — тяжело вздохнул Даг и поднял свою чашу в молчаливом тосте. — И еще печальнее то, что целые семьи исчезли... их холды безлюдны и мастерство утеряно... Я слышал, лорд, что Сквилер умер... и Рунел, кажется, тоже? Кто-нибудь уцелел из его рода?

— Старший сын, его семья. Они отсиделись в своем холде...

— Ну, это толковый парень... — Даг приподнялся, стараясь не потревожить сломанную ногу. — Пойду-ка я брошу взгляд на ту гнедую кобылку... сегодня ночью она может ожеребиться. Фергал, помоги мне, сынок.

— Я пойду с тобой, если можно, — попросилась Рилл, девушка, которую тремя днями раньше привез в Руат М'барак. Она протянула Дагу костыли. — Рождение — счастливый миг!

— Где-то я видел ее, — вполголоса пробормотал Тьеро, глядя вслед уходящим.

— И я тоже, — кивнула Десдра. — Но никак не могу вспомнить... — Она откинулась на стену, завешанную картами и схемами развозки вакцины. — О, когда все это останется позади, я буду спать, спать и спать... А того, кто посмеет меня разбудить, я... я... нет, сначала отдохну и тогда придумаю достойное наказание этому негодю.

— Вино было отличное, — Фоллен встал и дернул Дифера за рукав. — Нам осталось приготовить еще три партии... Бутылку-другую могут случайно разбить, так что надо что-то иметь в запасе. Но теперь уже недолго.

Дифер зевнул, запоздало прикрыв ладонью рот. Но сейчас зевки вызывали гораздо меньше внимания, чем насморк или кашель.

Глядя в свой пустой кубок, арфист со вздохом сказал:

— А я еще тогда сидел и думал, что на Встрече в Руате будет, наверно, не так тоскливо, как на свадьбе в Кроне. Похоже, у меня в тот день с гсловой было не все в порядке.

Светло-зеленые глаза Алессана заискрились.

— Значит ли это, друг мой, что ты решил остаться в Руате?

Тьеро усмехнулся.

— Видишь ли, мой добрый лорд, в жизни каждого арфиста рано или поздно наступает момент, когда разнообразие и постоянная перемена мест начинают тяготить его... появляется желание найти уютное местечко, где ценили бы его талант, где он мог бы украсить своим остроумием разговоры за обеденным столом, где ему не приходилось бы перенапрягаться...

— Если ты действительно устал от кочевой жизни, я посоветовала бы тебе осесть в Руате, — заметила Десдра с некоторой язвительностью.

— Хотя сейчас я не могу обещать спокойную жизнь, — заметил Алессан с озорным блеском в глазах.

— В спокойной жизни радости мало, — Тьеро обнял Алессана за плечи. — Однако, мой лорд, у меня есть одно условие...

— Клянусь Первым Яйцом! Ты уже вытянул из меня покой на первом этаже и добрую часть десятины от наших мастерских...

— Ну, когда они еще начнут работать!

— ...скакуна по твоему выбору и отпуск в конце Прохождения, если тебе захочется сдать экзамен на мастера. Чего еще можно требовать от нищего лорда Руата?

— Я прошу только того, что заслуживает человек с моими талантами, — скромно ответил арфист, приложив руку к сердцу.

— Ну, так что за условие?

— Чтобы ты снабжал меня белым бенденским, — икнув, он протянул кубок Алессану. — Ну, что скажешь?

— Мой добрый арфист, если я смогу купить бенденское вино, ты свою долю получишь, — Алессан поднял свой кубок и чокнулся с Тьеро. — Договорились?

Тот снова икнул.

— Договорились.

Десдра посмотрела на Алессана, наклонилась и ткнула пальцем в бурдюк у него подмышкой.

— Ну и ну!

— Там немного уже ос-сталось, — заверил ее Алессан; его язык — как, впрочем, и у арфиста, уже заплетался.

— Вот и хорошо. Завтра вам понадобятся ясные головы, — сказала целительница. — Пошли, Оклина, ты совсем спишь.

Глядя на нее сквозь дымку, порожденную несколькими бокалами крепкого бенденского, Алессан подумал: «То ли она об Оклине заботится, то ли ей самой по лестнице не подняться?»

Женщины двигались целенаправленно, но неуверенно, и путь их был извилистым не только потому, что весь зал был заставлен тележными колесами, оборудованием и прочими предметами. Алессан внезапно решил перекрасить стены зала — слишком о многом напоминала их белизна.

— Послушай, Алессан, — Тьеро дергал его за рукав, — а где ты достаешь бенденское?

— Ес-сть у меня свои маленькие ссекреты, — пробормотал молодой лорд, склонив голову на стол.

— Ссекреты?! — с негодованием вскричал Тьеро. — От кого это? От своего ар-ар-арфиста?!

— Ну... если ты ссам уз-знаешь, то я сскажу, ты уг-гадал или нет...

— Это лишь справедливо, — начал излагать свою мысль Тьеро, — если арфист не может чего-то раз-зуз-нать — такой ар-рфист, который опытен в раз-зузнании всевозможных вещей — да, если ар-рфист не может раз-зузнять... значит, ему этого и знать не положено! Рразве я не прав, Алессан?

Но его собеседник уже крепко спал, уткнув лицо в сложенные на столе руки. Тьеро поглядел на молодого лорда с сожалением и некоторым возмущением во взоре, ткнул пальцем мех и осмотрел бутылку: нигде ни капли вина. За его спиной раздался шорох.

— Пустая? — сочувственно улыбаясь, спросила Рилл.

— Пустая, — печально ответил арфист. — И только хозяин знает, где полные... Но хороший ар-рфист должен

разы... раза... разуз... — он, окончательно запутавшись, грустно уставился на бутылку.

— Родился жеребчик, здоровый и сильный, — сообщила Рилл. — Думаю, это приятная новость для лорда Алессана, приятно будет об этом узнать. Даг и Фергал остались на конюшне, присматривают за малышом. — Девушка поглядела на спящего Алессана со странной нежностью; сейчас она выглядела почти хорошенькой.

Тьеро в растерянности моргнул. Может, это чудесное вино так ее преобразило? Раньше она казалась арфисту ничем не примечательной. Хотя, решил он, отчаянным усилием собравшись с мыслями, мордашка у нее ничего... Немного приодеть, выбрать платье поярче, сделать прическу... да, очень даже ничего... Где же он ее раньше видел...

— Я тебя знаю, — решительно заявил Тьеро.

— Я не отношусь к людям, насчет которых любопытствуют странствующие арфисты, — покачала головой Рилл. — Вставай, Тьеро! Нельзя, чтобы лорд спал здесь. Отведем его в постель.

— Нне уверен, что я ммогу встать...

— Попытайся. — В ее голосе прозвучало нечто такое, что Тьеро повиновался беспрекословно.

Рилл была всего на полголовы ниже Алессана. Подхватив лорда под плечо, она жестом велела арфисту поддерживать его с другой стороны. Вдвоем они сумели протащить Алессана по лестнице; Тьеро, едва держась на ногах, отчаянно цеплялся за перила. К счастью, покои руатанского лорда располагались у самой лестницы. Они уложили его в постель, и Рилл заботливо подоткнула одеяло. Тьеро помотал головой, но туман в ней не рассеялся.

— Я желаю... — начал он, — желаю...

— В комнате рядом полно кроватей, арфист, — сказала Рилл, видимо догадавшись о его заветном желании.

— И ты меня тоже ук-кроешь? — с надеждой спросил Тьеро.

— Ты так добра к бедному арфисту... — бормотал он пять минут спустя, — бедному выпившему арфисту... Однажды я вспоммм... нню... вспоммм... нню... — он провалился в сон.

Это утро началось, как и все другие. Хотя кашель все еще не прошел, Нессо, можно считать, уже оправилась после болезни. Она принесла Морите завтрак и такой длинный список жалоб на Горту, натворившую массу безобразий в Нижних Пещерах за время ее болезни, что всадница не выдержала и заявила, что ей надо срочно проверить упряжь Лери.

— Как будут королевы теперь летать вместе с Телгаром, — мгновенно переключилась на новую тему Нессо, — после того, что позволил себе М'тани...

Морита могла только благодарить судьбу, что предстоящее Падение скроет истинные цели королев; Нессо, очевидно, так и не поняла, что атака Нитей в Телгаре служила лишь предлогом для их сегодняшнего полета.

— Это в последний раз, — пообещала она. — Видишь ли, у нас есть определенные обязательства перед холдами и мастерскими; их надо выполнять, где бы не располагались поселения.

Нетерпеливо махнув Нессо рукой, Морита повернулась к своей королеве. Та, осторожно проверяя языком твердость скорлупы, переворачивала яйца: очень важно, чтоб они прогревались равномерно. Что касается золотого яйца, то о нем она проявляла особую заботу, осматривая, обнюхивая, облизывая и переворачивая его почти каждый час. Остальные подвергались такой же процедуре пару раз в день. «Вот провожу Лери, — решила всадница, — и отведу Орлиту на Площадку кормления». Кстати, после окончания истории с эпидемией, надо будет пополнить стада Вейра. Поговорить бы об этом с Петерпаром... Может, где-нибудь неподалеку нагуливают жирок на весенних побегах дикие стражи? Да... Вот пройдет этот тяжелый день, и она займется всеми делами, до которых сейчас просто руки не доходят...

Когда она пришла в вейр Лери, та уже была одета.

— Знаешь, — заметила Морита, глядя, как старая наездница, кряхтя, готовится к вылету, — может, тебе стоит остаться в Вейре? Ты приняла лекарство? Как твои суставы?

— Не напоминай мне о них! Просто плохо спала прошлой ночью. Все обдумывала, кого куда направить. М'тани не мог выбрать лучшего времени, чтобы встать в позу, — в голосе Лери звучал сарказм. — А

тебе, между прочим, придется сегодня иметь дело с Ш'галом и его капризами. Хорошо еще, что ты остаешься на Площадке Рождений, а то у него появились бы подозрения.

— Он еще спит.

— Еще бы! Горта сказала, что он в одиночку выхлебал два полных меха вина.

— Ты присмотришь за Лери, ладно? — глядя королеву по шее, попросила Морита, затем помогла застегнуть ремни упряжи.

«Разумеется», — раздалось у нее в голове и Холта с неожиданной нежностью ткнулась Морите носом в плечо.

— Ну и нахальная пошла молодежь! — изобразила возмущение Лери. — Болтать за спиной старших! Да еще с чужим драконом! — Она улыбнулась Морите. — Ладно, нам пора в путь. Когда я буду брать в Руате вакцину, то могу передать что-нибудь... Если, конечно, хочешь...

— Просто пожелай им удачи. И узнай, что Холта думает об Оклине.

— Это уж я не забуду!

Морита проводила Лери и Холту на карниз и помогла старой госпоже взгромоздиться на спину своей королевы. Отступив к стене, она помахала им на прощанье. Распахнув крылья, Холта прыгнула вниз, развернулась и в тот же миг ушла в Промежуток. Это привычка Холты уходить в Промежуток едва вылетев из вейра, у самой скалы, начинала беспокоить Мориту. Но Холта была так стара и так опытна... Вот пройдет вакцинация, и надо снова поговорить с Лери насчет Исты. Климат там мягче — и дракону, и всаднице должно стать легче.

Когда она добралась до Площадки кормления, Петерпар как раз разворачивал перед А'даном и Ф'де-рилом соблазнительные перспективы вечерней охоты на диких стражей. Конечно, если погода не испортится...

— Они обычно забиваются в какое-нибудь ущелье, — объяснил Петерпар Морите. — А кормиться вылетают, когда небо ясное. А'дан тоже хочет лететь.

— Я думаю, надо взять и С'гора, — сказал А'дан. — Малте полезно крылья поразмять, да и С'гора пора вытащить на воздух.

— Нечего ему сидеть в четырех стенах, — согла-

сился Ф'дерил, взглянув в сторону вейра С'гора. — Думаю, это нам удастся, — добавил он, подмигивая Морите. — Уж если А'дан что решил, его не остано-вишь.

— Однако, моя госпожа, — покачал головой Петерпар, — если мы будем бить стражей в своих холмах, то скоро их совсем не останется. Как ты думаешь, когда холдеры смогут пригнать нам стадо?

— Может, попросить разрешения поохотиться на их землях, пока эпидемия не кончится? — спросил А'дан. Ни он, ни Ф'дерил не болели; оба находились рядом с раненым Дилентом, пока свирепствовала эпидемия.

— Дельная мысль, — согласилась Морита. — Тогда холдерам не надо собирать стада и гнать сюда — как раз во время весеннего сева. У них и так сейчас не хватает рабочих рук.

— И надо собрать разбежавшийся скот в Керуне и Телгаре, — задумчиво кивнул Петерпар. — Множество домашних животных разбежалось, пока люди болели и не могли о них заботиться.

Он посмотрел на небо.

— Куда это полетели королевы? И С'перен, похоже, с ними.

— На Поиск, — небрежно ответила Морита.

— Королевы не летают на Поиск, — заметил Петерпар.

— Летают, когда с Госпожой Вейра обращаются так невежливо, как со мной в Телгаре, — Морита говорила сурово, чтобы прекратить дальнейшие расспросы. — Орлиту нужно покормить. Оставьте ей несколько бычков помоложе.

Улыбаясь, она отошла от мужчин. Ну, Петерпар, ну и глаз! Все-то он заметит! Однако, о Лери и Холте он не спросил; может, и к лучшему, что Холта сразу уходит в Промежуток... К'лон, наверно, раньше улетел, но он последнее время так часто улетает и прилетает, что вряд ли кто-нибудь обратит на это внимание. Забавно, как неожиданно пригодилась наглость М'тани. Кто бы мог подумать, что удастся использовать ее как предлог! Если теперь еще и Ш'гал проспит подольше...

Этим утром она чувствовала себя до невозможности хорошо. Все вызывало радость — и весенние ароматы в воздухе, и тепло солнца, и смех детей, игравших

у входа в Пещеру. Когда драконы наедятся, они вернутся на берег озера — их любимое местечко для отдыха и игр. Все хорошо и спокойно, и только в лазарете, куда Морита заглянула в поисках Яллоры, царила напряженная деловитая обстановка.

— Доброе утро, Морита, — приветствовала ее целительница, делая тем временем укол всаднику, получившему накануне ранение. — Вовремя ты появилась. Давай-ка я и тебе сделаю прививку. А то ловить вас потом, — она улыбнулась. — Всадников никогда нет на месте, а мастер Капайм велел вакцинировать всех...

Быстро и как бы небрежно (сказывалась богатая практика) она сделала Морите укол.

— Я могу тебе помочь? — спросила Госпожа Форта.

— Не стану возражать. Мне еще надо обработать Нижние Пещеры. Золотым всадницам я сделала прививки еще до того, как они улетели.

Морита была только рада помочь — по крайней мере, она с пользой проведет время. И правда, за работой утро прошло совсем незаметно. Когда она увидела Петерпара с А'даном и С'гором, то оставила Яллору и пошла к Орлите — сказать, что если та готова потерпеть до вечера, то у нее появится возможность разнообразить меню.

«Дикие стражи такие жесткие, — пожаловалась ее золотая. — Но обычно весьма вкусные, — добавила она, чувствуя беспокойство всадницы. — Кадит спит. Холта сообщает, что пока все идет по плану».

Вести порадовали Мориту. Ш'гал, конечно, узнает об участии всадников Форта в развозке вакцины — тут деваться некуда. Но пусть это произойдет попозже, когда он придет в себя от вчерашних возлияний и остынет после оскорбления, нанесенного М'тани. Возможно, она была слишком подозрительной, но казалось, Ш'гал получил странное удовольствие от того, как с ней обошелся Предводитель Телгара.

Вдруг Орлита встрепелась, ее глаза засверкали, она тревожно захлопала крыльями. Повернувшись ко входу на Площадку Рождений, всадница огляделась в поисках неожиданной опасности.

«Он не позволил лететь бронзовым, — беззвучно сообщила ее золотая. — Сутанита беспокоится. Он опасен».

— Ты говоришь с Сутанитой? — с удивлением спросила всадница. Сутанита была королевой Майридан, Госпожи Телгара; Морита не очень хорошо ее знала.

«Предводитель ушел в Промежуток. Летит на Падение, — беззвучный голос Орлиты оставался бесстрастным. — Сутанита предупреждает тебя — их бронзовые помочь не смогут».

— М'тани узнал, что Т'гел собирается развозить вакцину?

«Сутанита молчит», — королева снова свернулась вокруг своих драгоценных яиц.

— Как же М'тани обо всем узнал? Я полагала, что Лери и Т'гел обдумали все детали... И Керун должен получить сыворотку! — Морита нервно вышагивала вдоль Площадки. — Если не вакцинировать Керун, вся затея пойдет насмарку! — Схватив листы пергамента с записями Капайма, она судорожно принялась их изучать. Да, Керун и Телгар надо вакцинировать во что бы то ни стало, а там так много холдов и мастерских... Кто еще из всадников Форта знает эти районы?

«Летит Орибета!» — Орлита вскочила и, выгнув шею и расправив крылья, приготовилась насмерть защищать свою кладку от посягательств другой королевы.

— Не глупи, дорогая, — попыталась успокоить ее Морита. — Левалла прилетела ко мне.

Она выбежала из вейра навстречу Госпоже Бендена. Та приземлилась посреди чаши — подальше от Площадки Рождений и вейра Орлиты. Бросив взгляд на солнце, Левалла соскочила со своей королевы на землю.

— Здорово я все рассчитала! — бенденка приветственно махнула рукой.

— Рассчитала? — подняла брови Морита. — Ты что, прилетела сквозь время? — Левалла утвердительно кивнула. — Моя королева только что передала послание Сутаниты. Ты что-нибудь об этом знаешь? — Морите пришлось кричать, чтобы гостья услышала ее: драконы Вейра, встревоженные нервозностью Орлиты и загадочным появлением чужой королевы, подняли невозможный шум.

— Утихомирь ты их! — воскликнула Левалла. — Мне вовсе не хочется поднять на ноги весь Вейр. Мои извинения Орлите, но я должна была увидеть тебя немедленно, — она устало потерла лоб. — Да, мы знаем о том, что случилось на востоке. Сейчас середина

утра по нашему времени. М'ген заподозрил что-то неладное, когда лорд Шадер сказал, что никто из Вейра Телгар не взял у него вакцины. Ни у него, ни у мастера Бальфора... Вот так-то... Сутанита передала предупреждение тебе и Вимме... так что Майридан проявила настоящее мужество. С другой стороны, — Левалла загадочно улыбнулась Морите, — К'дрен говорит, что она собирается в брачный полет с Т'гелом, а уж он-то настроен против М'тани так, что дальше некуда... Особенно после всего, что случилось сегодня. В общем, — заключила Госпожа Бендена, — у нас есть кое-какие ресурсы, и мы выделили двух коричневых, которые неплохо знают холды Телгара — и речные, и те, что в долине. Д'сей согласился отправить одного из своих вдоль побережья Телгара вплоть до устья. Дейлова заверила меня, что готова взять холды и мастерские, расположенные в горах — ей, правда, придется перелететь во время, предшествующее Падению, однако ничего не подлаешь. Но у нас нет никого, кто бы знал долины Керуна, — она испытующе посмотрела на Мориту. — Только ты. Ты можешь полететь на этом голубом?

«Я лечу.» — хором сказали Холта и Орлита.

— Ого, — протянула Левалла, — похоже, назревает небольшая проблемка... Кстати, — она перешла на шепот. — Ш'гал знает?

— Нет, — покачала головой Морита, все еще не до конца понимая, о чем говорит Госпожа Бендена. Столько новостей сразу! Как в них разобраться! И тут над самым дном чаши в воздухе появилась Холта.

— Клянусь Яйцом, — воскликнула Левалла, инстинктивно пригибаясь. — От таких полетов можно заработать разрыв сердца! Ш'гал думает, что вчера ты летала только на Поиск, так? — Морита молча кивнула. — Отлично. Я его задержу. Отправляйся в Керун на любом драконе. Холды должны получить вакцину. У мастера Бальфора все готово. Ты только найди себе кого-нибудь. Мы с Орибетой сделали все, на что у нас хватило времени в этот день. Или еще сделаем... — с этими словами она шагнула навстречу появившемуся из своего вейра Ш'галу.

Холта спланировала ко входу на Площадку Рождений. Она испытующе поглядывала на Орибету, понимая, похоже, причину появления в Вейре чужой королевы. Морита поспешила перехватить Лери, пока та не

попалась на глаза разбуженному шумом и злему, как раненный страж, Ш'галу.

— Что происходит? Орлита вызвала Холту! Она была просто вне себя! Что-то о Сутаните и Орибете...

Морита жестом показала Лери на спешащего к Орибете и Левалле Ш'гала, и Холта, что-то успокоительно прошипев дрожащей от возбуждения Орлите, почти распростерлась на площадке. Может, Ш'гал и не заметит ее?

— М'тани задержал Т'гела и других бронзовых Телгара, собиравшихся нам помочь. Сутанита передала предупреждение нескольким королевам, но М'ген из Бендена уже подозревал неладное — никто из телгарцев не прилетел за вакциной. Тогда Бенден взял на себя долины Телгара и речные холды, Д'сей — побережье у устья, а Дейлова — горы...

— Значит остаются долины Керуна и ты! — закончила за Мориту Лери. — Что ж, одевайся! На востоке день уже наполовину прошел. С'перен позаботится о побережье западнее устья. Мне сразу казалось — что-то случится. Вот только я не могла понять, что именно. Лети, девочка, а я побуду с Орлитой! По правде сказать, — постанывая, она спустилась на землю, — мои кости сегодня болят слишком сильно, и я с удовольствием погреюсь рядом с твоей малышкой.

— Петерпар отправился на охоту. Он должен добыть для нее диких стражей. Проследи, чтобы она поела.

— Не беспокойся. Я даже приберегу парочку пожирнее для Холты. Но это, конечно, когда вы вернетесь... ей тоже не помешает подкрепиться...

«Тебе надо лететь в Керун, — прозвучал у всадницы в голове голос Орлиты, не отрывавшей глаз от бенденской королевы. — Тебя повезет Холта. Мне надо охранять яйца.»

— Да не нужна Орибете твоя кладка! — воскликнула Морита, садясь на Холту.

«Я ей уже это говорила,» — заверила всадницу старая королева.

Морита поправила упряжь, уселась поудобнее и дала знак, что готова к полету. Расправив крылья, Холта понеслась в сторону озера, прочь от Орибеты. Всадница только успела заметить Леваллу и Ш'гала, о чем-то оживленно беседовавших у входа в вейр

Предводителя. С облегчением она поняла, что Ш'гал ничего не заметил.

— Летим в Керун, Холта, — попросила Морита, представив характерный рисунок полей, известный ей не только с воздуха, но и с земли. У нее не оставалось даже времени подумать о своем стишке-заклинании — все ее мысли были заняты тем, что предстояло сегодня сделать.

Она думала о Керуне, карта которого висела на стене холда, где она родилась и выросла. Она знала его даже лучше, чем северные районы. — в Керуне прошло ее детство, тут она бегала и скакала верхом еще совсем девчонкой. С севером же она была знакома только со спины своего золотого дракона.

Сейчас в полях паслось мало скакунов — не то, что раньше. Однако Морита думала, что их будет еще меньше. Возможно, удалось собрать тех, что отбились от табунов и потому выжили... а значит, еще оставалась надежда, что удастся возродить некоторые породы, которыми так гордился Керун, славный на весь Перн своими бегунами. Холта плавно приземлилась около небольшого строения, где их с нетерпением ожидала группа людей. Среди них всадница сразу узнала Бальфора, неулыбчивого мужчину, известного своим немногословием. А может, он просто не хотел соперничать с излишне болтливым мастером скотоводов Суфуром... Сейчас, во всяком случае, Бальфор за словом в карман не лез.

— У нас все готово, Госпожа, — сказал он, жеста-ми поторапливая своих помощников, — все расписано по холдам с востока на запад. Мы постарались, чтобы вакцины хватило на каждого человека и на каждого скакуна. И приложили еще небольшой запас. Лети скорее, ведь полдень позади!

Бальфор, пожалуй, несколько преувеличивал: солнце висело в самом зените.

— Я постараюсь, — заверила его Морита, — Никуда не уходите. Я сейчас вернусь.

Она направила Холту на взлет — так, чтобы как следует оценить угол, под которым сейчас стояло солнце. Затем она поглядела на первую этикетку: холд Керун, расположенный там, где река вырывалась из глубокого каньона в своем безумном стремлении покинуть высокогорное плато. Холта ушла в Про-

межуток... В Речном холде Керун ее встретил благодарный и уже начинавший волноваться лекарь. Еще бы, ведь им обещали, что вакцина будет доставлена рано утром! Морита не стала здесь задерживаться.

Затем они отправились к северо-востоку, в холд Высокое Плато. Там скакунов предусмотрительно согнали в ущелье в ожидании вакцинации. Холдер сильно сомневался насчет «этой штуки», так как с самого начала карантина его связи с внешним миром ограничивались барабанными сообщениями. Он хотел поподробнее разузнать, что делается «там, внизу». Морита кратко ответила, что как только все пройдут вакцинацию, он сможет спуститься «туда, вниз» и сам все выяснить. Следующая остановка — западнее, в холде Круглого Холма.

Она слетала еще в четыре холда, и каждый раз, как они приземлялись в мастерской Бальфора, чтобы взять еще вакцину, солнце поднималось все выше и выше. И каждый раз Холта уходила в Промежуток все раньше и раньше. Дважды Морита спрашивала у старой королевы, не хочет ли та отдохнуть. И каждый раз Холта отвечала, что вполне в состоянии продолжать.

Солнце определяло координаты, которые всадница задавала Холте. Оно превратилось в сверкающий маяк, спускавшийся все дальше к западу. Морита работала, как автомат: задать Холте ориентиры, спуститься в холд, передать бутылки с вакциной и пакеты игольчатых шипов, терпеливо объяснить — в который уже раз! — сколько вакцины колоть людям, а сколько — скакунам; все это уже повторялось и в барабанных сообщениях, и в посланиях, развезенных гонцами. Однако, несмотря на гигантскую работу, проделанную Тайроном, в самых изолированных холдах, не затронутых эпидемией, царила паника. Неизвестное всегда кажется более страшным. То, что Морита прилетала на драконе, несколько успокаивало людей. Драконы означали безопасность.

Наконец, они доставили последнюю партию вакцины; мешок на спине Холты опустел. Они находились в маленьком западном холде посреди громадной равнины. Хозяин разрывался между желанием поскорее вакцинировать людей и животных, пока еще не стемнело, и стремлением проявить гостеприимство.

— Иди, у тебя же дел полно, — сказала Морита. — Мы все равно летим домой.

Цветисто поблагодарив ее, холдер начал раздавать бутылки своим помощникам.

Морита чувствовала как дрожит тело старой королевы.

— С Орлитой все в порядке? — спросила она, поглаживая Холту по шее.

— «Я слишком устала, не могу думать так далеко.»

— Ну что ж, один последний прыжок, Холта, и все.

Старая королева устало собралась для прыжка.

Они ушли в Промежуток.

* * *

— Не пора ли Морите вернуться? — голубой всадник нервно расхаживал взад-вперед.

Лери отвела от него взгляд. Его беспокойство только усиливало ее тревогу. Она раздраженно дернула плечом и посмотрела на Орлиту, мирно дремавшую рядом со своей кладкой.

— Бери пример с Орлиты. Она совершенно спокойна. И я не буду сейчас лезть к ним с вопросами. Момент может оказаться неудачным. Ну и устали же они, наверное.

Лери стукнула себя кулаком по колену.

— Я этого М'тани на кусочки разорву! А Холта займется его бронзовым!

К'лон воззрился на нее в изумлении:

— Но почему не Ш'гал...

Лери презрительно фыркнула:

— Старый Л'мал не стал бы ничего «обсуждать» с К'дреном и С'лигаром. Он давно уже был бы в Телгаре и сам выяснил отношения! Предводитель Вейра не может так себя вести, когда на континенте объявлено чрезвычайное положение. Ну, что ж, М'тани еще пожалеет об этом!

Улыбка Лери не сулила телгарцу ничего хорошего.

— В самом деле?

— Да. В самом деле.

Лери побарабанила пальцами по ножке бокала.

— Как только Морита вернется, сам в этом убедисься.

К'лон выглянул наружу.

— Солнце уже почти село. В Керуне, должно быть, темно.

Как догадался потом К'лон, и старая всадница, и королева узнали о трагедии в один и тот же миг. Просто реакция Орлиты оказалась более впечатляющей; ее вопль ножом резанул по нервам. К'лон резко обернулся. Орлита, секунду назад спокойно лежавшая в глубине Площадки, вскинулась на задних лапах; выгнув назад шею, она отчаянно кричала, и эти крики были полны безысходной тоски. Ее кожа как-то сразу обесцветилась, потеряв свой золотой отлив. Бросившись на песок, Орлита начала биться головой и хвостом, извиваясь и не замечая, что подминает под себя правое крыло.

«Холты больше нет,» — сказал Роget К'лону.

— Холта мертва? А Морита? — К'лон не мог этого осознать.

«Лери!»

— О, нет!

К'лон круто обернулся. Лери лежала на подушках с вытаращенными глазами и хватала ртом воздух. Одну руку она прижимала к сердцу, другой вцепилась в горло. К'лон бросился к ней.

«Она не может дышать.»

— Ты задыхаешься? — спросил К'лон, с ужасом глядя на ее искаженное лицо. — Ты хочешь умереть?

Мысль эта ужаснула его; он схватил старуху за плечи и яростно потряс. С жалобным криком Лери обмякла у него в руках и забилась в рыданиях.

— Почему? — воскликнул К'лон. Внезапно он осознал, что, поддавшись панике, не дал Лери умереть. Если Холта погибла, она тоже имела право уйти. Его затопила волна сострадания и угрызений совести.

— Как это случилось?

«Они слишком сильно устали и ушли в Промежуток... в никуда,» — ответил общий голос всех драконов Вейра.

— Что я натворил! — по лицу К'лона струились слезы. — Лери, прости меня! Роget, помоги! Что я натворил!

«Ты все правильно сделал, — печально ответили драконы. — Она еще нужна Орлите.»

Теперь и остальные звери присоединились к золотой королеве Форты. Они начали собираться у входа на

Площадку, трубными криками выражая сострадание собрату, который не мог тут же последовать за своим всадником — ведь скорлупа яиц еще только начала твердеть.

Люди, входя, склоняли головы перед Орлитой. К'лон заметил С'перена, Ф'нелдрила, Яллору и золотых всадниц. Камиана жестом приказала всем оставаться у входа. Но Яллора подошла к голубому всаднику и склонилась над Лери.

— Она хотела умереть, — выдавил К'лон. — И это ей почти удалось.

— Мы знаем... — лицо Камианы было искажено страданием.

— Налей вина, Камиана, — сказала Яллора, — и добавь побольше снотворного. Возьми в том коричневом флаконе. И К'лону тоже налей.

Но когда целительница поднесла кружку ко рту Лери, та плотно сжала губы и отвернулась.

— Выпей, Лери, — голос Яллары был непривычно робок.

— Так нужно, Лери, — поддержала ее Камиана. — Ты — все, что осталось у Орлиты.

Не выдержав немного укора в глазах старой всадницы, К'лон закрыл лицо руками.

— Умоляю, выпей... Тебе станет легче, — хрипло пробормотал С'перен.

— Отважная Лери, мужественная Лери, — одобрительно, словно ребенку, шептала Яллора, глядя, как старая госпожа пьет вино. — Надо отнести ее в вейр, — сказала целительница мужчинам. — Ну-ка, помогите.

— Нет! — вскричала Лери.

Орлита протестующе затрубила.

«Нет,» — сказали голоса.

— Я останусь здесь, — Лери показала на Орлиту.

— А она? — спросила Яллора у всадниц, кивнув на осиротевшую золотую.

— Орлита останется здесь, — чуть слышно ответила Камиана. Лери кивнула. — Она подождет, пока малыши не вылупятся.

— И тогда мы обе уйдем, — тихо добавила Лери.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Год 1543, двадцать третий день четвертого месяца

«Праздник Запечатления должен быть веселым и радостным», — уныло думал Капайм, наблюдая, как драконы один за другим увозят группы пассажиров в Форт Вейр.

Он не прислушивался к тому, что говорил ему Тайрон, и лишь прощальная фраза арфиста засела в памяти:

— ...я спою свою новую балладу, посвященную Морите...

— Посвященную Морите? — Капайм вопрошающе повернулся к Десдре, но та словно не слышала его вопроса.

— Капайм, — тихо позвала она.

Проследив направление ее взгляда, мастер увидел, что к ним, вытирая слезы, приближается К'лон.

— Лери и Орлита ушли в Промежуток, — дрожащим голосом сказал всадник. — Навсегда ушли... Никто не мог, да и не имел на то права, их остановить. Но мы следили за ними... Мы были с ними в их последние мгновения... Большого нам сделать не дано...

Десдра по-матерински обняла голубого всадника, а Капайм предложил ему свой платок, в котором, по правде говоря, он нуждался сам.

— Они задержались только из-за яиц, — рыдал К'лон. — Они были такими мужественными... такими благородными... Это ужасно — знать, что они собираются сделать, и не иметь ни малейшей возможности их остановить... Ужасно... мы знали, что настанет день, когда они уйдут... Как ушли Морита и Холта...

— Они могли покинуть нас в тот же день... — начал Капайм, понимая всю нелепость своего утешения. Но он не знал, как еще успокоить К'лона.

— Орлита не могла уйти, не дождавшись, пока ее яйца затвердеют, — тихо сказала Десдра. — А Лери оставалась с ней. У них была цель и они ее достигли... Что ж, сегодня не только печальный, но и радостный день — ведь на свет появятся новые драконы... В такой день можно с легким сердцем простится с миром. День, начавшийся с горя, завершится великой радостью. Появятся двадцать пять — нет, что я говорю! — пять-

десять новых жизней... ведь юноши, которых изберут сегодня, все равно как заново родятся на свет!

Капайм в изумлении глядел на Десдру. Сам он никогда не смог бы выразить все это так гладко и красиво. Пусть Десдра не отличается многословием, зато когда она хочет что-то сказать, у нее всегда готовы верные слова.

— Да, да, — кивал головой К'лон. — Я постараюсь не забывать... Я буду думать о том, что начинается в этот день... а не о том, что закончилось! — Он вытер глаза платком и, решительно расправив плечи, поднялся на своего печального Рогета.

Драконы не плачут, но Капайму казалось, что он легче выдержал бы вид слез, чем тот сероватый оттенок, который приобрела шкура Рогета, чем та мутную пелену, которой подернулись его глаза, такие живые и блестящие раньше. Вместе с Десдрой они уселись за спиной К'лона, и вскоре дракон уже доставил их в Форт Вейр. Всадник приземлил Рогета поближе к Площадке Рождений — нелегкая задача, ведь драконы садились и взлетали повсюду. Людей вокруг было видимо-невидимо.

Они быстро спустились на землю и помахали на прощание К'лону, сумевшему-таки перебороть свои слезы, но не печальное выражение на лице. К'лон помахал в ответ, и голубой дракон взмыл обратно в небо.

У входа в Нижние Пещеры Капайм заметил столы, приготовленные к праздничному пиру, обычно следующему за Запечатлением. Мастер от души надеялся, что успеет напиться до бесчувствия раньше, чем Тайрон начнет петь свою новую балладу. Погода стояла великолепная. И от этой мысли Капайму почему-то снова захотелось плакать. Но здесь, в Форт Вейре, он уже не мог себе этого позволить — Главный мастер целителей должен подавать всем пример выдержки. Сегодня — день начал, а не окончаний, напомнил он сам себе.

Стараясь не глядеть по сторонам (здесь все напоминало ему о Морите), он вслед за Десдрой прошел на Площадку Рождений, заняв место рядом с ней на одной из каменных скамеек огромного амфитеатра.

Его внимание приковали разложенные на песке Площадки яйца. Вот они лежат на равном расстоянии друг от друга, королевское яйцо — чуть в стороне на маленьком песчаном холмике, насыпанном чьими-то

заботливыми руками. Капайм как бы невзначай вытер лицо платком.

Похоже, не он один испытывал сейчас такую потребность. Повсюду среди собравшейся на скамьях толпы мелькали клочки ткани всех цветов и размеров. И от этого Капайму, как ни странно, стало немного легче на душе.

Могли ли собравшиеся сейчас на краю чаши драконы помешать Орлите и Лери? Усилием воли целитель заставил себя отбросить эти бесплодные размышления. Нет, остались половинки, и целое восстановить невозможно. Орлите не хватало ее всадницы, а Лери — Холты. Надо принять неизбежное... Что еще остается?

Он почувствовал дрожь и поглядел вниз, на Площадку. До Рождения оставались считанные мгновения. Драконы начали свою песнь. И не только те, что собрались на уступах огромной пещеры, нависавших над площадкой. Нет, эту песнь подхватили все драконы Вейра, даже те, израненные, что находились в глубине своих вейров; казалось, сами скалы Форта подпевали в ответ. Вся песня состояла из одной-единственной ноты, но в ней слышалось и горечь невосполнимой утраты, и надежда на близкую радость. Запоздалые гости гурьбой повалили занимать места.

Капайм снова огляделся, пытаясь узнать знакомые лица. В нижнем ряду, чуть слева, он увидел лорда Шадера с его леди, за ними — Леваллу, К'дрена и М'гена — бок о бок с мастером Бальфором, отказавшимся, между прочим, от высокой чести стать Главным мастером скотоводов Перна. Кое-кто поговаривал, что он, дескать, испытывает вину из-за того, что Морита погибла, помогая спасти его родной холд.

Десдра дернула Капайма за руку, привлекая его внимание к появившимся на Площадке лорду Алессану с леди Нерилкой. Они составляли необыкновенную пару — Алессан на полголовы выше своей спутницы; и, даже не сходя с места, лекарь видел необыкновенную бледность его лица. Он шел под руку с Рилл, а за ними, на почтительном расстоянии, что бывало не часто, Даг и Фергал. Справа от Алессана вышагивал Тьеро, такой же бледный, как и лорд Руата. Капайм, надо сказать, был весьма удивлен выбором Алессана, но Десдра уверяла, что Рилл действительно сможет поддержать мужа, и что Алессану сейчас требуется

именно это. В таких делах она обычно оказывалась права.

Капайм заметил в толпе и мастера. Тайрона, и лорда Толокампа с его новой леди, вызвавшей немало насмешливых взглядов. Целитель не знал, что должно означать появление Толокампа на столь многолюдном сборище. Особенно если учесть, сколько тот безвылазно просидел в своих покоях. Но, как бы то ни было, Толокамп явно сделал над собой усилие и снова вышел в свет. Похоже, Нерилка была права — он даже не заметил, что потерял одну из дочерей. Узнав о ее браке с Алессаном, Толокамп якобы сказал, что Руат поглотил его женщин, и если Нерилка предпочитает его гостеприимство стенам родного холда, то пусть больше не показывается отцу на глаза...

Появился и лорд Рейтошиган, как всегда, один. А песнь драконов становилась все громче и громче, все радостней и радостней, все уверенней и сильнее. Опоздавшие торопливо занимали свободные места. Окинув взглядом собравшихся, Капайм почти не увидел гостей с цветами Телгара, зато керунцев было очень много.

Песнь взвилась торжествующим гимном — драконы приветствовали появление на свет своих собратьев. Одно из яиц закачалось, шум разговоров смолк, сменившись напряженной тишиной ожидания.

Ш'гал вывел на Площадку одетых в белое кандидатов; впереди — четыре девушки. Жестом велел подросткам занять свои места, Предводитель Форт Вейра повел претенденток к королевскому яйцу. Капайм тем временем быстро сосчитал юношей — тридцать два. Не такой большой выбор, как обычно, но все же...

Лекарь перевел взгляд на девушек — Оклина выглядела потрясающе. Она запомнилась ему как застенчивая и робкая малышка, одна из многих девочек в шумной и веселой семье, когда-то населявшей Руат. Была она, говоря по чести, ничем не примечательной. Теперь же девушка словно расцвела. Капайм заметил, как пристально следит за каждым ее шагом Б'лерион. Бронзовый всадник тоже очень сильно изменился за последние дни, особенно после смерти Мориты. Слезы вновь застлали глаза лекаря.

Люди зашевелились, показывая на первое дрогнувшее яйцо — на нем появились трещины. Но теперь ка-

чались уже и другие яйца. Прямо не знаешь, куда и смотреть. Глаза разбегаются! Вот затрещало второе, третье... Песнь плыла в воздухе, до краев наполняя амфитеатр Площадки; казалось, еще немного — и она станет зримой, осязаемой.

Первое яйцо лопнуло, и из него высунулась мокрая головка жалобно пищавшего дракончика. Бронзовый! Добрый знак! Вздох облегчения пронесся над Площадкой. Перну сейчас требовалась вся удача, какая только существовала в мире. Новорожденный без колебаний заковылял к долговязому пареньку, с растерянным видом стоявшему напротив. Еще один хороший знак — дракон заранее знал, кого он выберет. Паренек явно не мог поверить своему счастью и неуверенно оглядывался на товарищей, пока те не подтолкнули его к дракончику. Мальчишка подбежал к нему и, упав рядом на колени, начал гладить...

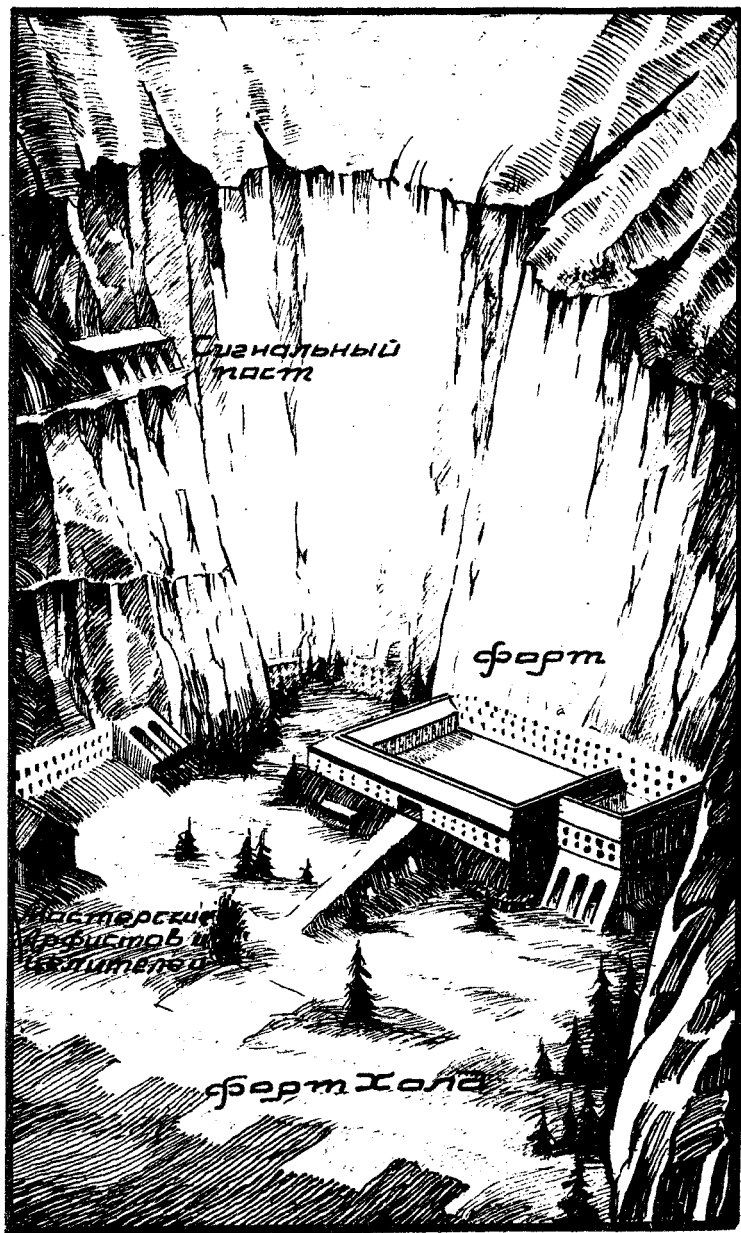
Капайм чувствовал, как по его щекам (в который раз уже за этот день!) катятся слезы, но теперь то были слезы радости. Чудо Запечатления свершилось, и своим таинством развеяло печаль и боль понесенных утрат. Пока он вытирал глаза платком, второй дракон, на сей раз голубой, нашел своего юного всадника...

Внезапно легкая суматоха на Площадке возвестила о главном событии — зашевелилось королевское яйцо. Оно, так казалось Капайму, раскачивалось куда сильнее прочих. Прошла минута, и оно раскололось почти пополам — осколки веером поднялись вверх. Маленькая королева, похоже, не заставит себя ждать. Еще одна хорошая примета! Странно, Капайм ни секунды не сомневался, кого она изберет. Он повернулся к Десдре, чтобы поделиться с ней радостью. Обнявшись, они смотрели, как Оклина подняла сияющие глаза, инстинктивно отыскивая взглядом Б'лериона.

— Ханната! Ее зовут Ханната!

Книга вторая

История Нерилки

Глава 1

*Год 1553, одиннадцатый день третьего месяца;
Интервал*

Я не арфистка, так что не ждите, что мой рассказ будет гладким, как море в летний полдень. Это история моей жизни, и хотя она настолько точна, насколько позволяет память, восприятие событий и людей может оказаться односторонним. Никто, однако, не станет отрицать, что я пережила те жестокие времена, когда Великий Мор едва не опустошил Перн; да, я осталась в живых, но печаль об умерших до срока продолжает терзать мое сердце.

Думаю, я должна, наконец, привести в порядок свои мысли относительно тех трагических событий. Конечно, самые тяжкие угрызения совести не вдохнут жизнь в умерших и не избавят выживших от гнетущего чувства вины. И все же... все же я не печалюсь о том, что не сделала или не сказала моим сестрам — в день, когда я видела их в последний раз. Теперь они далеко; они недоступны ни слову моему, ни взгляду, ни запоздалому последнему «прощай»...

В то свежее солнечное утро, когда мой отец, лорд Толокамп, и моя мать, леди Пендра, и четверо моих младших сестер отправились в свое злосчастное путешествие в Руат, на Встречу, которая должна была состояться через четыре дня, я не попрощалась с ними и не пожелала им счастливого пути. Потом, когда здравый смысл взял верх, мучительные раздумья овладели мной: не стала ли моя глупая обида причиной постигшего их несчастья? Однако, они не испытывали недостатка в добрых пожеланиях тем утром, и напутствия моего брата Кампена обладали, конечно, гораздо большей силой, чем любые слова, которые я сумела бы с трудом выдавить на прощанье. На него была возложена ответственность за Форт холд на время отсутствия отца, и он собирался в полной мере воспользоваться удобным случаем. Кампен — прекрасный парень, серьезный и надежный; правда, без следа юмора, и немного суховат. Он из тех людей, которые не прячут взгляда. Его замыслы удивляли даже моего отца, управлявшего холдом с неизменным усердием и твердостью. Я бы добавила, что

единственный знак одобрения, которым он удостоивал бедного Кампена, сводился к неопределенному ворчанию; впрочем, чего же мог ожидать лорд Форта от своего старшего сына и наследника, как не того же усердия и твердости?

Итак, если учесть пожелания наших охранников, присутствующих в полном составе, наших холдеров и учеников из мастерской арфистов, сказанного было вполне достаточно, чтобы любой из путников почувствовал себя удовлетворенным. Кроме, возможно, моей остроглазой сестренки Амиллы, которая не пропускала ничего, что впоследствии могла бы обратить к своей пользе.

Говоря по правде, я не желала им ничего плохого, да и не предвидела каких-либо трудностей — Падение Нитей завершилось днем раньше, не причинив вреда скованным морозами полям. Но и веселья в дороге я не могла им пожелать. Меня намеренно оставили дома; было так обидно слышать щебет сестер об их будущих победах на Встрече в Руате, и знать, что мне не суждено насладиться этим праздником.

И потом... Меня угнетала безаппеляционность, с которой было вынесено это решение. Одним движением руки мой господин вычеркнул меня из списка, не задумываясь о последствиях. Вполне типично для него, когда дело касалось человеческих отношений — он редко мог уловить сразу все нюансы. Возможно, вернувшись из Руата, он поймет... и, снедаемый угрызениями совести, на долгие недели затворится в своих покоях над главным залом.

На самом же деле не было никаких причин отказывать мне в этом маленьком удовольствии. Одним спутником больше или меньше... Какое это имело значение для отца? Я не претендовала на особый комфорт. Теряясь в догадках, я обратилась к матушке, напомнив ей о выполненных мной заданиях, иногда — весьма неприятных, которые были наложены на нас, девушек, жаждущих посетить первую Встречу, что устраивал Алессан Руатанский. Я наткнулась на стену. Вздвогнув от разочарования, я подумала, что лишилась последнего шанса, упомянув накануне о Суриане, моей молочной сестре. Она стала женой лорда Алессана и вскоре погибла — необъезженный скакун сбросил ее наземь.

— Потеря лорда Алессана еще так свежа... — ска-

зала мать. — Вряд ли он захочет увидеть твое лицо.

— Но он никогда не видел моего лица, — протестовала я. — Суриана была моей лучшей подругой. Ты знаешь, сколько писем прислала она мне из Руата! Будь она жива, я стала бы для нее самой желанной гостьей!

— Но она лежит в земле, Нерилка, уже целый оборот, — холодно напомнила мне мать. — Лорд Алессан должен выбрать себе невесту.

— Неужели ты всерьез полагаешь, что одна из моих сестер может привлечь внимание Алессана... — начала я.

— Имей же гордость, Нерилка! Хотя бы ради своего рода, — голос матери стал сердитым. — Форт — старейший из холдов Перна, и не одно из благородных семейств не...

— ...не захочет взять безобразных дочерей Форты, уродившихся в этом поколении. Ты слишком поспешила с замужеством Сильны. Она была единственной хорошенькой среди нас.

— Нерилка! Это возмутительно! Будь ты еще девчонкой, я бы...

Она сердито вскинула на меня глаза, в которых я узрела свою дальнейшую судьбу.

— Так как я остаюсь, то мне, вероятно, придется опять проследить за омовением слуг...

Я получила большое удовольствие от выражения, появившегося на ее лице; несомненно, она собиралась высказать именно эту мысль, — воздав, тем самым, за мою дерзость.

— Что ж, горячая вода и мыльный песок пойдут им на пользу... А когда ты покончишь с этим, займись очисткой ловушек для змей в дальних проходах! — Она вытянула палец, покачивая им у меня перед носом. — Я нахожу, Нерилка, что твое поведение не слишком подходит для почтительной дочери. Надеюсь, что к моему возвращению, твои манеры станут лучше... иначе, предупреждаю тебя, дело не ограничится капканом для змей! И если тебе недостаточно моих слов, то буду вынуждена обратиться к отцу! — Засим я была отпущена, покинув ее с покрасневшим от раздражения лицом.

Я переступила порог ее покоев с гордо поднятой головой, но угроза пожаловаться отцу была не из тех, которыми стоило пренебречь. Его рука с одинаковой суровостью карала и самого старшего и крепкого и самого юного из нас.

Безжалостно загнав наших работников в бассейны с

горячей водой и свирепо намыливая спины тех, чье усердие не соответствовало моему настроению, я снова обдумала разговор с матерью. Я уже сожалела о своей вспыльчивости — по нескольким причинам. Вероятно, мои шансы попасть на другую Встречу в этот Оборот упали до нуля; к тому же, я огорчила матушку.

Была ли она виновата в том, что ее дочери уродились столь некрасивыми? В свои пятьдесят она выглядела великолепно — привлекательная женщина, несмотря на почти непрекращающуюся беременность, результатом которой явились девятнадцать живых и здоровых отпрысков. Толокамп тоже считался видным мужчиной, рослым, сильным и, несомненно, мужественным — банда из Форт холда, как нас прозвали юные насмешники из Цеха арфистов, не была его единственным творением. Меня безмерно раздражало, что все мои сводные братья и сестрицы имели куда более приятную внешность, чем единокровные — если не считать Сильмы, моей старшей сестры.

Все мы — и чистой крови и полукровки — были рослыми и крепкими; комплимент, скорее лестный мужской, чем женской половине потомства лорда Толокампа. Возможно, я погорячилась, оценивая внешность родных сестер — Лилла, наша младшая (ей исполнилось только десять Оборотов) обладала более тонкими чертами, чем остальные девочки и со временем могла стать очень хорошенькой.

Однако я считала положительным расточительством, что все мальчишки — Кампен, Мостар, Тескин, Галлен и Джесс, — имеют такие длинные густые ресницы, тогда как наши были скорее жидкими; что у них большие темные глаза — в то время как наши, не столь яркие, выглядели почти водянистыми; наконец, им достались великолепные прямые носы — а мой собственный скорее напоминал клюв. У ребят были прекрасные вьющиеся волосы — и, на первый взгляд, мы, девочки, тоже не казались обделенными. Мои расплетенные косы спускались ниже пояса и были черны, как ночь, однако это придавало коже, по моему мнению, слегка желтоватый оттенок. У сестер дела обстояли еще хуже; локоны цвета придорожной пыли, которые не могли украсить ни гребни, ни ленты, являлись их проклятием. Нет, судьба слишком несправедливо распределила между нами родительское наследие! Некрасивые мужчины су-

меют найти и жен, и владения — особенно сейчас, когда Прохождение заканчивается, и Форт холд готовился расширить свои угодья; некрасивые девушки не нужны никому.

Прошло уже немало времени, как я распрощалась с романтическими мечтами, одолевающими всех молоденьких девушек, — как, впрочем, и с надеждой, что положение моего отца подарит мне то, чего не могла обещать внешность. Я не тешила себя мыслью о неожиданной победе; я просто любила путешествовать. Атмосфера праздника, вольная и слегка суматошная, пленяла меня. Мне так хотелось попасть на эту Встречу — первую, которую устраивал Алессан, новый лорд Руата. Я надеялась увидеть человека, похитившего сердце и любовь Сурианы — Сурианы из Туманного холда, чьи родители воспитали меня; Сурианы, моей дорогой подруги, одаренной всем, чего я была лишена, и бескорыстно изливавшей на меня сокровища своей дружбы. Алессан не мог сильнее горевать о ее смерти, чем я; эта трагедия отняла у меня ту жизнь, которую я ценила больше собственной. Часть моей души умерла вместе с Сурианой — и эти слова не были преувеличением. Мы понимали друг друга без усилий, с той же легкостью, как всадник и дракон; мы одновременно смеялись и плакали, часто испытывая одни и те же чувства, какое расстояние не разделяло бы нас.

В те счастливые Обороты в Туманном я даже выглядела почти хорошенькой в щедром отблеске прелести Сурианы. Несомненно, я была храбрее в компании с ней, без колебаний направляя своего скакуна по ее следам, сколь бы опасными не казались горные тропы. Не пугаясь яростного ветра, я могла плыть с ней на крохотном челне, в котором мы катались по реке и заливу, и взбираться на дикие вершины, окружавшие холд. У Сурианы были и другие таланты. Она обладала чистым звонким сопрано, с которым так хорошо сочетался мой более низкий голос. В Форте я перестала петь; собственный голос казался мне тут вялым и безжизненным. Она могла разыграть задорную сценку; она вышивала с таким изяществом, с такой тонкостью, что мать без опасений доверяла ей работу с самыми дорогими тканями. Я много переняла у нее в мастерстве рукоделия, получив потом немало ворчливых похвал от леди Пендры. Только в одном отношении я превос-

ходила Суриану, но все мое искусство целительницы оказалось бессильным, когда ей была нужна помощь. Впрочем, я не сумела бы срastить ее сломанный позвоночник — как не могла войти в мастерскую целителей чтобы продолжить обучение; Цех — не место для отпрыска благородной фамилии. Так что мне приходилось совершенствовать свои таланты в мрачной тишине кладовой Форт холда, набитой целебными травами.

Теперь меня ужасает жестокость той девочки, неспособной справиться с разочарованием и ложной гордостью и пожелать доброго пути своим более удачливым сестрам. Как вскоре выяснилось, удача покинула их в тот самый момент, когда они сделали первый шаг по дороге, ведущей в Руат. Но кто мог предвидеть это? В чью голову могла прийти мысль о смертельной болезни в то солнечное яркое утро холодного сезона?

Мы все слышали о странном животном, которое выловили в море близ побережья Керуна — отец часто проверял, хорошо ли его дети различают язык сигнальных барабанов. Мы жили рядом с главной мастерской арфистов, и немного из того, что происходило на северном континенте, оставалось нам неизвестным. Странно, но мы почему-то не обсуждали это послание, словно опасались неосторожно повторить весть, которую расслышали все. Итак, мы знали об этом необычном звере. Но что удивительного в том, что я не заметила связи между керунским сообщением и другим, более поздним, из Айгена, адресованным мастеру Капайму, главе целителей?

Итак, мои родители и четыре мои сестры — Амила, Мерсия, Мерин и Киста — отправились в это роковое путешествие через северные земли Форта, где отец намеревался посетить нескольких мелких холдеров. Я, с опустошенной душой, осталась дома.

К счастью, мне удалось ускользнуть от глаз Кампена; я не сомневалась, что у него заготовлено немало дел для меня — из тех, что оставил отец. Кампен обожал давать поручения, достигая, таким образом, двойного результата — он спасался от скучных обязанностей и сберегал свою энергию, направляя ее в русло выдачи советов и ценных указаний. А в этом он был очень похож на нашего отца. И действительно, когда отец умер, хозяйственный механизм Форт холда; как хорошо

смазанное колесо, ни на миг не замедлил своего вращения. Остался прежним и список моих обязанностей.

Сбор трав, корней и прочих лекарственных растений всегда возлагался на меня и моих сестер; эта работа была важнее любой другой, которую Кампен мог поручить мне в этот день. Поглощенный делами холда, Кампен никогда не замечал, что целебные травы не срезают в холодный сезон. С другой стороны, никто не собирался просвещать его на сей счет, во всяком случае, никто из девочек. А потому я позвала Габина и младших сестреночек — Мару, Нию и Лиллу — и отправилась с ними в экспедицию. Мы вернулись во второй половине дня с корзинками, набитыми ранним салатом и диким луком; Габин тащил тушку дикого стража — свой охотничий трофей. Эти очевидные доказательства нашего усердия заслуживали похвалу Кампена. Однако во время вечерней трапезы он разразился гневной речью о ленности работников и слуг, которые способны шевелиться только под палкой. Это было излюбленной темой выступлений лорда Толокампа, и я, вздрогнув, подняла глаза от тарелки с жарким, желая воочию убедиться, что слышу Кампена, а не нашего отца.

Не помню, как прошли следующие несколько дней. Ничего запоминающегося — кроме запросов мастеру Капайму, которые я слышала и на которые не обратила внимание. Впрочем, что-либо изменить было уже невозможно.

На пятый день рассвет выдался ярким, чистым, и я, уже успокоившись после испытанного разочарования, надеялась, что в Руате погода не хуже; значит, Встреча пройдет благополучно. Я знала, что у моих сестер нет шансов привлечь внимание лорда Алессана, но на таком многочисленном собрании отец мог переговорить с главами других благородных родов и найти что-нибудь подходящее для своих подрастающих дочек. В особенности сейчас, когда Прохождение заканчивалось, и холды готовились увеличить свои владения. Лорд Толокамп был не единственным, что желал расширить обрабатываемые земли и привлечь новых холдеров. Вполне возможно, найдутся молодые люди, готовые платить назначенную цену за покровительство Форта.

Я с удовольствием вспомнила, что в свое время нашлось предложение и для меня. Конечно, нелегко подымать новый холд, высекая его в скалах, но я

хотела стать хозяйкой самой себе. Гарбен был потомком боковой линии тиллекского рода — вполне респектабельная партия для третьей дочери Форта, если учесть ее внешность. Он даже нравился мне, но отец решительно отклонил его притязания. Несмотря на отказ, Гарбен в течении двух Оборотов баловал меня лестным вниманием, повторяя свое предложение всякий раз, когда докладывал о вводе в строй очередной камеры, увеличивающей площадь его холда. Он успешно врубался в скалу, но не мог перешибить упрямство лорда Толокампа.

Если бы отец поинтересовался моим мнением, я бы согласилась. Как однажды безжалостно бросила Амилла, я согласилась бы на что угодно в этом роде. Она была права, но все-таки Гарбен мне нравился. Он был рослым, на полголовы выше меня. Эта история окончилась пять Оборотов назад.

Суриана догадывалась о моих настроениях и не раз повторяла в письмах, что попросит у лорда Лифа (тогда отец Алессана был еще жив) разрешения пригласить меня в Руат. Она ждала первенца и не сомневалась, что старый лорд Руата с вниманием отнесется к ее просьбе. Но Суриана умерла, и даже этот проблеск надежды исчез, разбитый вдребезги — как и тело моей подруги, сброшенной на землю молодым необъезженным скакуном. Как могло это произойти? Не знаю... Суриана сообщила мне по секрету, что Алессан вывел новую породу верховых животных, поразительно резвых и быстрых. О смерти же ее я слышала не более всех остальных. Суриана сломала позвоночник и умерла, не приходя в сознание; все усилия лекаря были тщетными. Мастер Капайм, который знал о моих способностях к врачеванию и иногда беседовал со мной на медицинские темы, становился угрюмым и молчаливым, как только речь заходила об этой трагедии.

Глава 2

*Год 1543, одиннадцатый день третьего месяца,
конец шестого Прохождения*

Известие о новой трагедии в Руате пришло в тот же самый час, в который, Оборотом раньше, я узанала о смерти Сурианы. Когда отдаленный грохот барабана донес приказ мастера Капайма о карантине, я отвечивала пряности для старшего повара, и только собрав все свое самообладание, сдержала дрожь в пальцах; ни одна драгоценная крупинка не просыпалась на стол. Я оставалась внешне спокойной, благословляя небеса, что повар не понимает сигналов барабана — иначе в этот день мы вряд ли могли рассчитывать на съедобный обед. Закончив взвешивать специи, я тщательно закрыла банку, поставила ее на полку и заперла шкаф. Барабанная дробь раздалась снова; пока я спускалась на нижний уровень, сообщение было повторено еще раз, но оно ничем не отличалось от первого. Уже за порогом до меня донесся рев Кампена из его кабинета — он требовал объяснений.

К счастью, в мастерскую арфистов устремилась такая толпа, что мой поспешный уход остался незамеченным. Цеховой двор заполняли ученики и странствующие подмастерья, арфисты и целители. Оба цеха отличались превосходной дисциплиной, так что я нигде не заметила и следа паники — только некоторую напряженность и негромкий гул голосов.

Я прислушалась. Да, мастера Капайма вызывали уже не только в Керун и Айген; Телгар тоже запрашивал помощь. Ходили слухи, что главный мастер целителей улетел в Исту, а оттуда — в Южный Болл, по срочному вызову лорда Рейтошигана. И возил его не кто-нибудь, а сам Шгал — Предводитель Форт Вейра, на своем бронзовом Кадите.

Тут на широком крыльце показался мастер Фортин, помощник Капайма, и с ним еще двое — Десдра, странствующая целительница, и мастер Блейк из цеха арфистов. Во дворе мгновенно воцарилась тишина.

— Несомненно, вы все слышали сообщение, — начал Фортин, предварительно прочистив горло. Он был прекрасным лекарем, но не обладал той непринужден-

ностью и артистизмом, что отмечала мастера Капайма. Фортин возвысил голос, звучавший теперь пронзительно и резко: — Вы понимаете, что мастер Капайм не настаивал бы на сторогом карантине, если бы не было причин. А потому я рекомендую всем арфистам и целителям, посетившим в последние дни ту или иную Встречу, немедленно проследовать в малый зал, где ими займется почтенная Десдра. Остальных целителей покорно прошу собраться в главном зале. Мастер Блейк, прошу тебя...

Блейк шагнул вперед, поправил ремень и в свою очередь прочистил горло.

— Мастер Тайрон отсутствует в мастерской... выступает посредником в споре на рудниках. В соответствии с обычаем, как старший среди мастеров, я беру власть на себя, до тех пор, пока он не возвратится в Цех.

— Надеюсь, что мастер Тайрон сам попадетсЯ в карантин, либо помрет от этой болезни... — услышала я чей-то шепот. Однако соседи зашикали на говорившего, заслонив его от меня; обернувшись, я не смогла разглядеть бунтаря. Впрочем, это дело меня не касалось.

Прежде, чем возглавить цех арфистов, Тайрон был наставником отпрысков лорда Толокампа, так что я знала его довольно хорошо. У этого человека имелись свои недостатки; однако слушать его богатый сочный голос само по себе было наслаждением — независимо от того, что он пытался вложить в тупые головы и равнодушные мозги. Однако он никогда бы не стал главой цеха, если бы не обладал еще кое-чем кроме великолепного баритона. Я слышала разговоры — не без нотки зависти, могу добавить, — что он лишь один раз потерпел неудачу в посреднической миссии — и то по причине жестокого воспаления горла. Во всех остальных случаях ему удавалось склонить тяжущихся к разумному компромиссу.

Искушенный в дипломатии главный мастер арфистов, вероятно, предпринимал большие усилия, чтобы его подопечные не нарушали установленных в Форт холде порядков — несмотря на формальную автономию своего Цеха. Правда, я никогда не была свидетельницей этих страданий мастера Тайрона.

Мне показалось странным, что в такой критический момент мастер Блейк был вынужден взять на себя

руководство — как, впрочем, и то, что целителей представляли Фортин и Десдра. Где же находится мастер Капайм? Не в его правилах было возлагать на других неприятные поручения... Пока арфисты и целители строились в очереди у двух пунктов сбора, я выскользнула со двора, не почерпнув на этом собрании ни мудрости, ни уверенности — ничего, кроме тревоги.

Госпожа моя мать, мои сестры и отец стали затворниками в Руате. Стыдно признать, но я подумала — вот еще одна причина, по которой им стоило бы взять меня с собой. Право, я не нанесла бы серьезного убытка отцовскому кошельку... И я могла бы стать сиделкой, используя свой единственный талант, который так редко был нужен моим домашним... Я встряхнула головой и, укорив себя за столь недостойные мысли, быстро зашагала к дверям, что вели на самый нижний уровень холда — туда, где располагались кладовые.

Если это бедствие потребовало карантина, то мне нужно заняться проверкой наших запасов. Хотя в главной мастерской целителей хранилось немало лекарственных трав и медикаментов, большинство холдов и Цехов имели собственные кладовые с разнообразными снадобьями, состав и количество которых определялись по конкретным потребностям. Но ситуация пока была неопределенной; вдруг выяснится, что лишь какие-то редкие растительные препараты способны совладать с болезнью? Я собиралась устроить серьезную проверку в своих шкафах с лекарствами, но тут меня перехватил Кампен. Он слегка пофыркал — как всегда, когда волновался.

— Рилл, что там, за воротами? Я слышал, объявлен карантин? Значит, отец застрянет в Руате? Что же нам теперь делать?

Тут он вспомнил, что исполняет обязанности лорда Форта и, следовательно, не должен спрашивать совета у столь незначительной личности, как младшая сестренка. Он шумно откашлялся, выпятил грудь и попытался придать лицу выражение суровой твердости. Выглядело это смешным.

— Ну, мы сможем обеспечить наших людей лекарствами?

— Полагаю, что так.

— Не проявляй легкомыслия, Рилл. Сейчас не время для этого. — Он нахмурил брови и тяжело уставился на меня.

— Я как раз собиралась устроить проверку, братец. Но и без нее могу сказать, что мало кто подготовлен к такой неожиданности лучше Форт холда.

— Хорошо. Но когда закончишь, составь и дай мне список всех лекарств.

Он похлопал меня по плечу, словно я была одной из его любимых гончих, и торопливо вышел, фыркая на ходу. На мой пристрастный взгляд, он совершенно не представлял, что следует делать в такой катастрофической ситуации. Я занялась инспекцией своих запасов.

Иногда меня буквально устрашали размеры потерь в наших кладовых. Мы собираем, солим, коптим, сушим и запасаем куда больше пищи, чем способны поглотить желудки всех обитателей Форта в течении Оборота. Несмотря на героические усилия матери, старые продукты далеко не всегда использовались первыми и постепенно зарастали плесенью. Пещерные змеи и жуки заботились о них, шебурша и темных нишах продовольственных пещер. Мы, девочки, часто совершали осторожные рейды по кладовым, реквизируя кое-что в пользу нуждающихся; ни отец, ни мать не подавали милостыни — даже в тех случаях, когда случается неурожай, и люди во многих малых поселениях голодали. Родители говорили, что их древняя обязанность заключается в том, чтобы во время кризиса снабжать все владения холда, однако до этого дело никогда не доходило. Возможно, потому, что кризис они понимали по-своему. А наши бесполезные запасы все росли и росли.

Конечно, хорошо высушенные лечебные растения сохраняли целительную силу много Оборотов. Полки ломились от корзин с травами, тугих вязанок стеблей, банок с семенами и крутобоких горшков с мазями и бальзамами. Потный корень, стебли перистого папортника, жаропонижающие настойки и порошки — традиционные средства, которые применялись с тех пор, как начаты первые Записи. Тимус, аконит, чабрец, иссоп, туссилаго, кипрей... древние средства, древние названия... Я касалась каждого по очереди, зная: мы запасли их в таком количестве, что могли бы лечить до окончания жизни каждого из десяти тысяч обитателей Форта холда.

Мой взгляд скользнул дальше. Лунные деревья

дали в этом году небывалый урожай... Возможно, сама земля знала что вскоре понадобится людям? Но аконита тоже собрали очень много...

Успокоившись при виде такого изобилия, я уже шагнула к порогу, когда увидела полку, забитую стопками пергаментов. Медицинские записи холда — рецепты для приготовления микстур и порошков, настоек и укрепляющих средств. Их вели Оборот за Оборотом, со дня основания Форта.

Я перенесла светильник на стол и потянулась к нижней стопке — первым, самым древним нашим Архивам. Вероятно, эта болезнь случалась и раньше, за ту бездну времени, что минула со дня Великого Переселения. Кожанный переплет книги расслаивался, трескался под моими пальцами, хлопья пыли взлетали вверх. Если зоркий глаз моей матери не заметил этих вековых наслоений, то вряд ли она обратит внимание на причиненный мной ущерб. Однако, не желая портить больше, чем то было необходимо, я раскрыла том с максимальной осторожностью; от него пахло затхлостью старой кожи. Усилия мои, кажется, не имели смысла — чернила выцвели, оставив на месте строк россыпь похожих на мелкие веснушки пятен. К чему хранить эту пыльную реликвию? Я бы вышвырнула ее недрогнувшей рукой... Но, представив лицо матери, я осторожно положила на полку кипу рассыпавшихся листов.

Том, помеченный все еще четкой надписью «Пятое Прохождение», показался мне приемлемым компромиссом между прошлым и настоящим.

О небеса, какими дотошными летописцами были мои предшественники! Ни и скучища! Я почувствовала большое облегчение, когда в кладовую заглянул Сим с известием, что главный повар жаждет встречи с молодой госопжой.

Я придержала Сима, который отнюдь не горел желанием вернуться к мойке посуды, и черкнула пару строк Десдре. Я передавала в ее распоряжение все запасы лекарств Форт холда. Окажись ключи от кладовых в руках моей матушки, она вряд ли одобрила эту меру.

Внезапно панический страх кольнул меня; впервые я поняла, что леди Пендра так же смертна, как и все остальные. Мои руки со свитком застыли словно

парализованные, пока деликатное покашливание Сима не вернуло меня к реальности. Я вымученно улыбнулась слуге. Симу совсем не надо было знать о моих глупых страхах.

— Отнеси это в мастерскую целителей и отдай госпоже Десдре в собственные руки. Понял? Только ей, а не первому попавшемуся ученику с цветами их Цеха на шапке!

Сим энергично закивал, улыбаясь своей глуповатой улыбкой и шепча нечто успокоительное...

Я отправилась к повару, только что получившему от Кампена приказ подготовиться к прибытию гостей — в неопределенном количестве. Фелим выглядел совершенно потерянным, так как обед был уже сварен.

— Сделай суп, — велела я, — один из твоих превосходных мясных бульонов, и приготовь холодные закуски. Скажем, дичь с последней охоты — проверь в копильне, я думаю, она уже готова... Отличное мясное блюдо, особенно приправленные по твоему способу зеленью и корнями. И не забудь сыр! У нас полно сыра.

— Да, госпожа... Но на какое количество народа я должен рассчитывать? — Фелим был слишком добросовестным работником, чтобы решить эту проблему самостоятельно. К тому же, ему не раз попадало от матери «за расточительство», и теперь он старался получить самые точные указания — желательно, в письменном виде.

— Не волнуйся, Фелим... Я это выясню.

Оказывается, Кампен пребывал в уверенности, что все окрестные холдеры ринутся в Форт за его советами, и хотел достойно принять и воодушевить их в дни бедствия. Но переданную барабанами весть слышали все, и я сильно сомневалась, что холдеры рискнут нарушить столь ясное указание о карантине. Могли появиться лишь обитатели ферм, расположенных совсем рядом с Фортом, которые относились к главному холду. Однако большинство этих людей гораздо лучше Кампена знали, что делать в сложившейся ситуации.

Мне не хотелось разочаровывать брата. Я вернулся к Фелиму и посоветовала ему увеличить на четверть обычное число едоков, держать наготове котлы с супом и горячим кла, а также дюжину копченых птиц и столько же головок сыра. Проверив запасы вина, я нашла,

что уже вскрытых бочек нам хватит в любом случае.

Затем я отправилась на второй этаж, где обитали мои тетушки и прочие дальние родственники. Они уже слышали новость и были до крайности возбуждены. Я попросила их подготовить ряд пустующих комнат под лазарет. Вымести сор, протереть пыль и набить соломой чистые мешки для временных коек — не такая тяжелая работа; зато они будут заняты делом, а не досужей болтовней. Я поймала взгляд дядюшки Манчена, и мы оба ухитрились выскользнуть в коридор без свиты кудахтающих старушек.

Манчен был старшим среди всех братьев отца, еще оставшихся в живых, и моим любимцем. До неудачного падения со скалы он водил наши охотничьи отряды. Ему было даровано такое понимание бренности людской, такое смирение, соединенное с твердостью и мягким юмором, что я не раз удивлялась, почему моего отца избрали главой холда. На мой взгляд, Манчен подходил для этого гораздо больше.

— Я видел, как ты возвращалась от врачей. Каков же приговор?

— Капайма нет... возможно, он стал жертвой болезни. Десдра начала рассказывать целителям о симптомах.

Он с сухой усмешкой поднял брови — великолепные, круто изогнутые.

— Итак, они не знают, как с этим справиться? Да, малышка? — Я кивнула, и он задумчиво покачал головой. — Пойду загляну в Архивы. Лучше заняться с пергаментами, чем с мешками с сеном.

Я хотела что-то возразить, но он понимающе подмигнул мне и удалился.

К вечеру у нас собралось больше владельцев малых холдов, чем я предполагала; к ним присоединились мастера некоторых цехов, кроме целителей и арфистов. Угощение было обильным, и они просидели в главном зале всю ночь, обсуждая возможные случайности и способы переброски запасов между холдами в условиях карантина.

Я в последний раз наполнила дымящимся кла их кружки и отправилась в свою комнату, где читала старые Записи до тех пор, пока глаза мои не закрылись.

Глава 3

Год 1543, двенадцатый день третьего месяца.

Разбуженная отдаленным грохотом барабана, я вскочила в постели и выбежала в коридор; там его нервная задыхающаяся дробь была слышнее. Ужасные вести! Не успело затихнуть эхо первого послания, как за ним пришло второе, с юга — лорду Рейтошигану срочно требовалась помощь целителей. Значит, дела в Южном Болле обстоят плохо — в такой ранний час барабаны, как правило, молчали.

Даже не закрыв дверь своей комнаты, я торопливо натянула брюки, затем — рабочую тунику из толстой шерсти, и подпоясалась ремнем, на котором висело тяжелое кольцо с ключами от кладовых. Я решила надеть тяжелые башмаки — тонкая подошва домашних туфель не спасала от холода каменных полов на нижнем уровне и леденящего прикосновения наружных дорожек.

Барабаны ударили опять. Шли сообщения из Телгара, Исты, Айгена, и Южного Болла. Везде требовалась помощь целителей и добровольцев из северных холдов, пока не затронутых эпидемией. Через несколько минут ответили Бенден, Лемос, Битра, Тиллек и Плоскогорье — там уже формировались спасательные отряды. Воистину, дух Перна отличают стойкость, мужество и милосердие, подумала я.

На полпути к мастерской целителей, когда я пересекла ближние поля, пришло кодированное сообщение из Телгара: начали умирать всадники, их драконы кончали самоубийством, исчезая в Промежутке. Мимо, направляясь к фермам и загонам для скота, шли люди, и я предприняла героические усилия, чтобы казаться спокойной. Я улыбнулась, кивая головой и шла дальше; мне совсем не хотелось вступать сейчас в разговоры. Однако никто не остановил меня, чтобы узнать новости — я думаю, наши работники чувствовали, что ничего хорошего я сказать не могу. Едва смолкли отзвуки тяжких вестей из Телгара, как заговорила Иста. И там гибли всадники. Не понимаю, почему я решила, что бедствие минует их. Они выглядели столь величественными на своих огромных зверях, столь недо-

сягаемыми для недугов, часто гостивших в холдах, что мысль об их смерти даже не приходила мне в голову. Казалось, даже Нити не способны причинить им вреда, хотя я знала, что это не так — многих всадников и драконов уродовали шрамы. Потом я вспомнила, что всадники часто посещали Встречи, перебираясь от холда к холду. В последние же дни состоялось целых два праздника — в Руате и Исте; вполне достаточно, чтобы выманить наших защитников из их горных убежищ. Два — и эпидемия началась одновременно в обеих холдах! Как иначе она могла распространиться столь стремительно?

Я заторопилась к широкому двору, что пристроился между мастерскими арфистов и целителей. Он был уже полон народа; люди с цветами лекарского Цеха на одежде, седлали верховых животных, выючили на них тюки с медикаментами. Им предстоял долгий путь. Сверху, со скального карниза, доносилась угрюмая дробь барабанов. Все сообщения в Вейры и холды шли от имени Фортина. Где же мастер Капайм?

На крыльце мастерской появилась Десдра. Целительница сбегала вниз по ступеням, туго набитые седельные сумки хлопали ее по плечам, в руках она тащила выюк. За ней поспешали еще двое. Она выглядела так, словно ни на минуту не сомкнула глаз. Лицо женщины обычно бледное и холодное, раскраснелось от нетерпения и беспокойства, лоб изрезали морщинки. Я перебежала двор, надеясь перемолвиться с ней словом, пока она распределяет поклажу среди своих спутников.

— Нет, никаких известий, — услышала я; Десдра обращалась к кому-то из оставшихся. — Эпидемия пойдет своим чередом — с мастером Капаймом или без него. Следите за симптомами, которые я описала и слушайте барабаны, — вот все, что можно посоветовать сейчас. Не посылайте открытых сообщений, пользуйтесь кодом Цеха. — Она обернулась, наблюдая за длинной чередой людей и животных, покидавших двор, и тут я решила привлечь ее внимание.

— Целительница Десдра!

Ее взгляд переместился на меня; видимо, она не могла вспомнить, кто я и откуда.

— Я Нерилка. Если Цеху понадобится медикаменты, пожалуйста, сообщите мне, — я прижала руку к

грудь, подчеркивая последние слова. — У нас хватит лекарств, чтобы вылечить половину Перна.

— Не стоит беспокоиться, леди Нерилка, — сказала она, пытаясь придать лицу профессиональное бесстрашие.

— Речь не об этом. — Мой ответ прозвучал слишком резко, и Десдра удивительно моргнула. — Я знаю все коды... кроме личного шифра мастера арфистов. Но не трудно догадаться, где сейчас Тайрон — на горном перевале, торопится домой. — Глаза женщины широко распахнулись; теперь я полностью завладела ее вниманием. — Когда вам понадобятся лекарства, пошлите в холд ко мне. Или если вам нужна сиделка...

Кто-то нетерпеливо окликнул ее, и Десдра, благодарно кивнув, отошла. Затем барабаны начали выстукивать очередной перечень плохих новостей — на этот раз с востока, из Керуна. Я направилась домой, пытаясь осмыслить последнее сообщение. В Керуне умерли уже сотни, и четыре окрестных поселения не отвечали на сигналы главного холда.

У внешних ворот Форта до меня донеслись новые звуки. Я подняла голову, узнав трубный рев дракона. Ледяная рука стиснула мое горло. Зачем всадник прилетел в Форт — сейчас, в такое время? Я побежала к крыльцу. Тяжелая дверь была широко распахнута, около нее стоял Кампен с воздетыми от удивления руками. Несколько цеховых мастеров и два-три холдера из ближайших поселений толпились ниже на ступеньках, выпучив глаза на голубого дракона; его крылья распластались по каменным плитам двора. Я подумала, что зверь выглядит несколько поблекшим, затем снова бросила взгляд на крыльцо. По ступенькам, расталкивая холдеров и мастеров, поднимался мой отец.

— Объявлен карантин! Смерть гуляет по земле! Вы что, не слышали сообщений? Или вы оглохли? Прочь, прочь! Идите по домам и не высовывайте оттуда носа! Прочь! Убирайтесь!

Он толкнул в спину одного из холдеров, потом яростно махнул рукой в сторону верховных животных которых слуги выводили из конюшин. Два мастера чуть не столкнулись лбами, шарахнувшись в сторону и безуспешно пытаясь избежать его цепких пальцев.

Через минуту двор был чист, только пыль вздымалась на дороге под быстрыми копытами скакунов.

Голубой дракон затрубил снова, словно аккомпанируя испуганному визгу животных и криками людей. Он взмахнул вверх и исчез в Промежутке раньше, чем пролетел над высокой башней Цеха арфистов.

Отец повернулся к нам — ко мне, к моему брату и прочим домашним, которые, всполошенные ревом дракона, выскочили встречать его.

— Зачем вы собрали народ? Разве никто не слышал предупреждения Капайма? Вы сошли с ума! В Руате люди мрут, как мухи!

— Но тогда почему же ты появился здесь, мой господин? — возымел нахальство спросить мой глупый брат Кампен.

— Что? Что ты сказал? — Отец навис над ним, словно огнедышащий дракон. Не понимаю, как Кампен не превратился в горстку золы.

— Но... но... Ведь мастер Капайм объявил карантин...

Отец вскинул голову и, простирая руки ладонями вниз, словно хотел оттолкнуть нас всех подальше, про-рычал:

— С этой секнуды я в карантине — как и вы все! Я затворяюсь у себя, и ни один из вас, — его палец поочередно ткнул в каждого, — близко не подойдет ко мне, пока... — он сделал многозначительную паузу, — пока не пройдет должное время и не выяснится, что я здоров.

— Значит, это инфекционная болезнь? Насколько она заразна? — спросила я. Для нас было жизненно важным выяснить такие подробности.

— В любом случае я не стану подвергать опасности мою семью! — ответ прозвучал с таким высокомерным благородством, что я чуть не рассмеялась.

Ни одна из девочек не осмелилась спросить о матери и страших сестрах.

— Все сообщения записывайте и кладите мне перед дверью, — продолжал распоряжаться отец. — Почту будете оставлять в коридоре. Пока все!

Резким жестом он велел нам очистить дорогу и вошел в зал, направляясь к внутренней лестнице. Когда вверху затих сердитый топот его башмаков, мы начали нерешительно переглядываться.

— Что с матерью? — спросил Мостар; его глаза тревожно блеснули.

— Действительно, что же с матерью? — повторила

я. — Однако не будем торчать здесь, устраивая спектакль для слуг, — я кивнула головой в сторону дороги, где начали собираться маленькие кучки работников, привлеченных визитом дракона и нашим последующим совещанием на ступенях холда.

В едином порыве мы ринулись в зал. Я заметила, что не только мои глаза скользнули к плотно притворенной двери, что вела в покои отца.

— Мать знала бы, как защитить нас от заразы, — произнес Галлен; рот его страдальчески кривился.

— Я тоже знаю это, она обучила меня.

Мое короткое замечание как будто успокоило их. А я... думаю, я уже почувствовала тогда, что мать не вернется. Я отвечала за здоровье семьи, за то, что мы не ударимся в панику и не покажем свой страх людям.

— Мы — выносливое племя, Галлен, — мой голос оставался спокойным и ровным. — Ты сам знаешь это. Вспомни, ты не болел ни разу в жизни.

— Болел... Сыпным тифом!

— Ну, это никого не миновало, — насмешливо заметил Мостра; остальные тоже начали приходить в себя.

— Он не должен был нарушать карантин. — Тескин кивнул в сторону отцовской двери. — Нехороший пример для людей! Почему Алессан не задержал его в Руате?

Я тоже хотела бы знать это. Однако отец обладал таким напором, что даже люди старше его возрастом предпочитали ему не противоречить. Мне не хотелось думать, что Алессан проявил слабость, даже уступая желаниям гостя из вполне понятой вежливости. Все же карантин есть карантин!

Этой ночью я провалилась в беспокойную полудрему, и слишком возбужденная, чтобы глубоко заснуть, встала очень рано. Никто еще не поднялся — ни слуги, ни мои домашние, — и записка, лежавшая перед дверью отца, оставалась нетронутой. Я подняла и прочитала ее. О, вполне понятно, что он просил оставить у порога запасы еды, вина, и каких-нибудь жаропонижающих лекарств; но он также строго приказал Кампену забрать в холд Анеллу и «ее семью», как он выразился. Как же он мог покинуть мою мать и сестер в зараженном Руате, а потом требовать от своего старшего сына и наследника, чтобы тот позаботился о безопасности его любовницы? И двух детей, прижитых от нее.

В действительности, тут не было ничего скандаль-

ного. Мать просто не обращала внимания на такие вещи; она привыкла за долгие Обороты. Как-то мне довелось подслушать пару фраз из ее болтовни с тетушками. Она сказала, что жизнь становится легче, когда отец дарит внимание не только ей одной.

Но Анелла не нравилась мне. Глупая, с вечной приторной улыбкой на губах, прилипчивая, как колючка. Если бы ею не интересовался отец, она была бы не менее счастлива в объятиях Мостара; полагаю, она даже мечтала стать его леди. Долгое время я боролась со странным желанием сообщить ей, что у Мостара несколько иные идеалы — хотя младший сын Анеллы вполне мог оказаться произведением моего брата.

Упрекнув себя за столь недостойные мысли, я отрезала ножом часть записки, предназначенную Кампену, и сунула ему под дверь. Что ж, по крайней мере мальчик Анеллы обладал всеми фамильными чертами нашего рода.

Я спустилась в кухню, предусмотрительно позванивая висевшими на поясе ключами. Повар, его помощники и служанки, потягиваясь и протирая глаза, вылезали из-под своих покрывал. Они встретили меня робкими опасливыми улыбками; я улыбнулась в ответ и перечислила, что следует положить на поднос с завтраком для лорда Толокампа.

Кампен поджидал меня в зале, изрядно огорошенный своей частью отцовских распоряжений.

— Что же мне делать с этим, Рилл? — он потряс клочком пергамента. — Я не могу привести ее в холд при свете дня. Это неприлично!

— Воспользуйся входом около ям для огненного камня. Обычно там никого нет.

— Все равно, мне это не нравится... Очень не нравится!

— Нравится, не нравится... Какое это имеет значение, Кампен?

Стараясь избежать его ворчливых смущенных вопросов, я напустила озабоченный вид и отправилась взглянуть на Детскую; ее покои занимали часть этого этажа. Здесь, по крайней мере, был островок безмятежного спокойствия — если не считать писка дюжины младенцев и возни детишек постарше. Девочки занимались вышиванием под присмотром тетушки Лусии и ее помощниц. Из-за царившего тут гвалта тетушка не

слышала сигналов барабана, и потому оставалась в счастливом неведении. Детская имела собственную небольшую кухню, так что эту часть холда можно было изолировать полностью, если Форт станет очередной жертвой эпидемии. Я решила прислать сюда побольше продуктов и лекарств.

Следующей на очереди была прачечная и кладовая с запасами тканей. Я напомнила тетушке, заведовавшей всем этим хозяйством, что сегодня превосходный день для стирки — солнечный и не слишком холодный. Она была доброй женщиной, но слишком медлительной, и часто откладывала дела, считая, что ее прачки и так трудятся очень много. Я знала, что мать не раз корила ее за это. Мне не хотелось думать, что я присваиваю права матери — пусть даже временно — но чистая льняная ткань могла понадобиться нам в больших количествах.

В ткацкой мастерской все было в порядке. Ткачихи прилежно согнулись над своими станками, челноки летали без устали. На одном из станков только что закрепили огромный плотный рулон пряжи — гордость моей матери. Она сама была превосходной мастерицей. Тетушка Сира, следившая за работой, кивнула мне головой с отличавшим ее холодным достоинством. Хотя негромкий рокот станков не мог заглушить барабанную дробь, она не промолвила ни слова о событиях, происходивших в мире.

Я позавтракала в маленькой клетушке на первом подземном уровне — рабочей комнатке матери, — как и она, благодарная судьбе за эту возможность уединения. Барабаны продолжали грохотать, подтверждая прием очередных сообщений, затем передавали ужасные новости дальше. Снова и снова я слышала раскатистый грохот, и тяжесть, давившая на сердце, становилась все сильнее. Из Керуна пришли четыре послания; Руат был ближе, но оттуда вестей не поступало. Что с моей матерью и сестрами?

Стук в дверь прервал мои грустные мысли; почти с облегчением я услышала, что Кампен ждет меня на первом этаже. Поднимаясь по ступенькам, я сообразила, что брат уже должен был вернуться с Анеллой, и она, видимо, нацелилась на покои для гостей. Эти помещения в конце первого уровня были слишком роскошными для нее; я сама бы засунула эту девку

куда-нибудь на пятый этаж. Конечно, не могло быть и речи о том, чтобы поселить ее в комнатах матери, связанных удобным проходом с отцовской спальней; отец находился в карантине, а моя мать пока еще не умерла.

Анелла своеобразно восприняла приказ лорда Толокампа насчет «ее семьи». Она заявила не только с двумя детьми, но притащила свою мать, отца, трех младших братьев и шестерых приживалок. Наружная дверь, выходившая к ямам с огненным камнем, располагалась высоко в скалах; не представляю, как они ухитрились вскарабкаться туда. Я отправила их наверх, предоставив заботам тетушек.

Анелла недовольно надула губы, заметив, что комнаты находятся далеко от покоев отца. Однако ни Кампен, ни я не обратили на это внимания — как и на сварливый тон ее матери. Мне показалось, что два брата Анеллы — те, что постарше, — держаться куда скромнее; видимо, они не разделяли дерзких планов своей сестрицы. Хотя она могла и сама присмотреть за детьми, я вызвала няню из Детской и еще одну служанку. Я не собиралась выслушивать потом упреки отца; наш холд должен с честью принимать любого гостя. Но все это было мне не по душе.

Затем я спустилась в кухню, чтобы распорядиться насчет обеда. Фелим нуждался только в самых общих указаниях, дальше он все делал сам. Кухня была центром, откуда распространялись все слухи и сплетни. К счастью, никто из работников не понимал языка барабанов, но у них хватало соображения заметить, что сообщения поступают непрерывно. Я подумала, как легко догадаться о смысле посланий. Если вести радостные, барабаны гудели торжествующе, звонко, их туго натянутая кожа пела от удовольствия. Кто же мог упрекнуть меня в том, если сегодня мне казалось, что барабаны плачут?

К вечеру руки барабанщиков ослабли, и в передачах начали проскальзывать ошибки. Собрав все силы, я слушала, как они раз за разом повторяют послания из Керуна и Телгара — вопль о помощи, отчаянный призыв отправить целителей на замену тем, кто уже умер, пытаюсь справиться с болезнью. Я заткнула уши, иначе я не могла уснуть. Но эхо ужасных дневных вестей всю ночь отдавались в моих барабанных перепонках.

Одна из затычек выскочила, и в это утро мне был ясно слышен грохот барабанов, сообщивших о смерти моей матери и сестер. Я оделась и пошла утешить младших. Лилла, Ния и Мара рыдали, лицо Габина покраснело от усилий сдержать слезы. Он прижался ко мне, голова братишки уткнулась в мое плечо, и я сама заплакала. Я горевала о своих сестрах и о себе самой, не пожелавшей им счастливого пути.

Здесь и нашли нас старшие братья — все, кроме Кампена; и этим утром мы позволили себе роскошь предаться горю. Хотела бы я знать, многие ли из нас молились про себя о смерти Толокампа — ведь он обрек на гибель нашу мать и сестер.

Когда меня вызвал посланец Десдры, я почти с облегчением покинула залитую слезами комнату. Мы направились в кладовые. Когда мы проходили по главному коридору — не помню, почему я повела его этим путем, вместо того, чтобы сразу спуститься вниз — я услышала громкий голос отца. За поворотом мелькнуло платье Анеллы; на миг она обернулась, и я заметила ликующую ухмылку на ее лице. Меня передернуло от горечи и отвращения.

Посыльный, лекарский ученик, тяжело топал за мной, пока мы спускались по спиральной лестнице на нижний уровень. Когда я начала набивать мешок за мешком сушеными травами и корнями, что значились в присланном Десдрой списке, он отчаянно запротестовал, жалуясь, что не сможет дотащить такую гору в мастерскую. Похоже, он был прав, и я крикнула Сима; мой голос, наполнивший гулкие сводчатые переходы, почти не дрожал.

Сим моментально возник на пороге с выкаченными от страха глазами, словно он боялся, что забыл сделать что-то важное. Я предложила посыльному не жалеть его спину и пошла к лестнице, ведущей в кухню, чтобы найти еще кого-нибудь в помощь. Там стояла Анелла; высокомерно кивая головой, она подзывала оробевшего Фелима. Я замерла. Стоит мне появиться сейчас в кухне, где эта маленькая дрянь разыгрывает из себя

леди холда, как столкновение неминуемо. Тихо отступив назад, я вернулась в кладовую, взвалила на плечо пару мешков и, вслед за Симом и посланцем Десдры, выскользнула во двор.

Когда мы добрались до места, мастерская арфистов дрожала от радостных криков. Я не могла представить, чем вызван такой энтузиазм, но он был столь заразительным, что я тоже беспричинно разулыбалась — только потому, что кто-то находил в себе силы радоваться в такое время. Затем счастливый гул распался на отдельные голоса, и я безошибочно узнала сочный баритон мастера Тайрона.

— Туман задержал меня в пути, друзья, — голос главного арфиста был четким и ясным, — и охромевший скакун. Я раздобыл нового на ближайшем пастбище и тронулся дальше, когда услышал первое сообщение. Тут мне пришлось забыть про еду и сон; я двигался так быстро, как мог. Я почти загнал бедное животное — придется мне передать свои извинения хозяевам, но попозже, когда кожа на барабанах слегка остынет от нынешних вестей, — чувствовалось, что он улыбается; в ответ раздались слабые смешки. — Были и другие сложности... Откуда мне знать, что кордоны лорда Толокампа уже перекрыли все дороги? — В первый раз я услышала о том, что отец велел выставить охрану. Мастер Тайрон понизил голос почти до шепота: — Теперь скажите, что за лагерь он устроил для лекарей и арфистов, возвращающихся в свои Цеха? Что за глупость? Как можем мы работать, если отсутствует свобода передвижения?

Глаза посыльного Десдры с ужасом обратились ко мне при этих резких словах. Я постаралась сохранить спокойствие; не могла же я показать парню, что считаю распоряжения своего родителя нелепыми и бессмысленными. Во всяком случае, не с ним надо было объясняться по этому поводу.

В дальнем конце двора появилась Десдра; удивленно приподняв брови, она взглянула на нашу команду, навьюченную мешками.

— О леди Нерилка, я не рассчитывала, что ты будешь так щедр...

— Возьми все, что я могу дать... пока еще могу.

Она ни о чем не спросила меня; видимо, все было понятно.

— Я готова прийти к вам и ухаживать за больными, когда понадобится, — сказала я, пока Десдра снимала с моих плеч мешки.

— Ты должна заменить свою мать, леди Нерилка, — тихо ответила Десдра; в ее спокойных серых глазах мелькали симпатия и сочувствие. Я подумала, что мои суждения о ней были слишком поспешными; раньше она казалась такой холодной, отстраненной, замкнутой. Но что я могла ей сказать сейчас? Что обстоятельства изменились и она переоценивает мою роль? Видимо, переселение Анеллы было слишком мелким событием, чтобы заинтересовать кого-нибудь в обоих Цехах.

— Что с мастером Капаймом? — поспешно спросила я, видя, что Десдра собирается уходить.

— Он почти закончил изучение этой болезни, — в ее словах мелькнул горький юмор, — и в поисках средства от нее был на краю смерти. — Глаза женщины блеснули, потом она склонила голову. — Благодарю тебя, леди Нерилка.

За время нашей краткой беседы шум, доносившийся из мастерской арфистов, стих, и больше я не могла разобрать ни единой фразы. Повернувшись, я направилась к воротам; Сим вприпрыжку трусил за мной. Бедняга! Я забыла, что его короткие ноги не успевают за моим широким шагом.

— Сим, где этот лагерь, что велел устроить лорд Толокамп? — Я искала любой предлог, чтобы задержаться с возвращением в холд. Мой гнев еще не остыл, обида была слишком свежа, самообладание растаяло, как дым.

Слуга ткнул пальцем направо, где главная дорога, что вела на юг мимо рощи деревьев с облетевшей листвой, ныряла в маленькую долину. Я двинулась туда и через несколько минут уже могла разглядеть фигурки стражей, вышагивающих вдоль невидимой границы.

— И много ли путников собрано там?

Сим кивнул, со страхом уставившись в землю.

— Арфисты и лекари... все, которые возвращались в свои мастерские. И несколько бездомных... Они шли к целителям... и среди них есть больные... Что с ними станет, госпожа? Ведь они имеют право на помощь.

Да, верно. Даже моя мать была милостивой к этим людям, лишившимся своего холда.

— Охранники пропускают кого-нибудь в долину?

Сим кивнул: — Но обратно никому нет хода.

— Кто у них старший?

— Ченг, я слышал.

Ну, этого Ченга легко обвести вокруг пальца, если знать, как взяться за дело. Он любил выпить, и стоило ему присосаться к фляге, как ничто не могло оторвать его от горлышка, пока не проглянет дно. Задерживать арфистов и целителей, возвращающихся в свои Цеха? Мой отец был глупцом, перепуганным насмерть глупцом! Но для себя он сделал исключение, вернувшись домой из охваченного эпидемией Руата и подвергнув всех нас смертельной опасности. Ну, все это не означало, что я тоже поглупею. Я знала о своем долге перед Цехами Перна — разве не сам отец наставлял меня? И мы, возможно, сами будем нуждаться в их милосердии — прежде, чем минует это бедствие. Я потолкую с Ченгом... и с Фелимом тоже.

Когда я пересекла двор холда, в окне первого этажа появилась чья-то фигура. Отец? Да, это было его окно, и он пристально следил за Симом и мной. Сима, скорее всего, он не отличил бы от любого другого слуги, но узнал ли он меня? Я гордо поднялась по ступенькам и свернула в сторону кухни. Ведь я собиралась поговорить с Фелимом, не так ли?

— Что мне делать, леди Нерилка? — начал повар раньше, чем я успела открыть рот. — Она заявила сюда и начала распоряжаться... и ее приказы не понравились бы леди Пендре... — слезы брызнули из глаз Фелима, он захлюпал носом и начал вытирать щеки фартуком, завязки которого стягивали его объемистую талию. — Она была строгой, леди Пендра, но справедливой... С ней человек мог чувствовать себя спокойно... делай, что положено, и все будет в порядке... — он снова всхлипнул.

— Что надо было Анелле?

— Она сказала, что станет теперь хозяйкой в холде... И чтобы я приготовил особый бульон для ее детей, потому что у них слабые желудки... и чтобы к каждой еде подавались сладости, особенно для ее родителей... и жаркое — в середине дня и вечером... О, леди Нерилка, это же невозможно! — слезы градом катились по его щекам. — Я должен все это выполнять?

— Я разберусь, Фелим. Делай все, как мы говорили утром. Даже Анелла потерпит один день.

Потом я попросила его послать Ченгу остатки обеда — для задержанных охраной людей. Фелим кивнул.

— Я осмелился сделать это вчера вечером, леди Нерилка... Ваша матушка всегда так поступала. О, она была справедливой и милосердной... — теперь Фелим обливал слезами скомканную салфетку.

У него тоже доброе сердце, подумала я, стараясь не расплакаться при мысли о матери. Я представила себе Анеллу, и это помогло. Маленькая дрянь, подстилка! Заявилась сюда, и думает, что командовать в Форт холде все равно, что в той жалкой дыре, откуда ее вытащили! Ну и хаос воцарится у нас через пару дней! Слишком немного она знала об управлении таким сложным хозяйством; ей стоило подучиться, чтобы мой отец оставался доволен не только ее стараниями в постели. Какие бы планы Анелла не строила на будущее, башмаки моей матери ей были явно не по ноге. Кроме того...

Я опять столкнулась в главном зале с расстроенным Кампеном. Щеки его горели от прилившей крови, глаза были выкачены. Дорал, Мостар и Тескин, шептавшиеся с ним, тоже выглядели возбужденными.

— Что мы можем сделать? — пробормотал Тескин, судорожно стиснув пальцы на рукояти поясного ножа. Дорал стукнул кулаком по ладони.

— Нерилка, где ты была? Ты знаешь, что случилось?

— Анелла получила повышение?

— Да! Отец велел переселить ее в комнаты матери. Уже! — Не оставалось сомнений, что Кампен и все остальные оскорблены. — Он требовал тебя, Рилл! Он желает знать, где ты пропадаешь весь день и зачем ходила в этот лагерь.

— Просто хотела убедиться, что он существует, — ответила я, проигнорировав первый вопрос. — Когда это сделали?

— Сегодня утром, — ответил Тескин, кивнув на Дорала, который, видимо, был соучастником этой операции. — Поставили охрану и подготовили расписание дежурств. А теперь еще это! — он махнул рукой в сторону отцовской двери. — Он что, не мог подождать приличное время?

— Возможно, он болен и не хочет терять шанс приятно провести последние часы.

— Нерилка! — в голосе Кампена звучало негодование, но Тескин с Доралом фыркнули.

— Знаешь, Камп, — сказал Тескин, — может, она и права. Наш господин любит такие маленькие удовольствия.

— Хватит, Тескин! — с возмущением выкрикнул мой старший брат, забыв понизить голос.

Тескин пожал плечами.

— Ладно. Мы пойдем проверим охрану. Вернемся к обеду. И с хорошим аппетитом! — он подмигнул мне и, схватив Дорала под локоть, потянул к дверям. Всегда так! Бросают меня на растерзание Кампену.

Я решила предупредить нотацию насчет моих неподобающих манер.

— Гляди, Кампен! У нее два сына, ты знаешь! Как бы нас всех не переселили на верхние этажи.

Кажется, Кампену это не приходило на ум. Оставив его в глубокомысленных размышлениях о такой возможности, я ускользнула в свою комнату.

Вечерняя трапеза сулила мало приятного, однако мне пришлось спуститься вниз. Благодаря стараниям покойной матери учтивость сделалась для нас — для всех нас — почти инстинктивной, и даже брошенный Анеллой вызов не мог перебороть этой привычки. В зале былолюдно; особенно меня удивило обилие наших престарелых родственников со второго этажа. Посередине громоздились большие столы, обычно их раздвигали по праздникам. Даже кресло отца стояло на помосте — Анелла, видимо, не теряла времени даром.

— Ты приглашен? — спросила я подошедшего дядюшку Манчена.

— Нет. Но ведь она не знает, как у нас принято.

Я недовольно тряхнула головой. Теперь кое-кто мог рассчитывать на дядюшку Манчена, не говоря уже о других, как на свидетеля намечавшихся событий.

— Боюсь, я не нашел ничего полезного в Архивах, — спокойно заметил он. — А какие новости у тебя? Что слышно в Цехах? Ты ведь была там сегодня?

— Вернулся мастер Тайрон... С того рудника в горах.

— А! Ему не повезло. Пропустил такое прибавление в нашем холде!

— Он не слишком расстроен.

— И я его понимаю, — шепнул мой дядюшка, немного скосив глаза.

Я повернула голову — Анелла, в сопровождении своих родителей, проплыла в зал. Ее торжественный выход

слегка подпортил лихорадочный румянец на щеках и ковыляющая походка отца. Он не был пьян, как я потом узнала, просто хромал на одну ногу. Но я пребывала не в том настроении, чтобы проявлять терпимость и сострадание. Впрочем, старик выглядел почти смущенным.

Анелла, облаченная в плотное расшитое платье, совершенно не подходящее ни для траура, ни для семейного обеда, взошла на помост и направилась к креслу моей матери. Только рука дядюшки Манчена, стиснувшая мой локоть, удержала меня.

— Лорд Толокамп пожелал, чтобы я прочла вам это послание, — она старалась, чтобы голос звучал твердо, в безуспешной попытке поддержать авторитет новой власти, однако мне он напомнил визг несмазанного колеса. Развернув свиток, Анелла уставилась в него выкаченными от стараний глазами.

«Я, лорд Толокамп, вынужденный из-за карантина удалиться на время от дел Форт холда, объявляю свою волю: леди Анелла примет на себя управление холдом как его госпожа и хозяйка, пока наш союз, желаемый нами обоими, не будет скреплен согласно закону и обычаям. Мой сын, Кампен, действуя по моим указаниям, должен выполнять обязанности лорда Форта до тех пор, когда я смогу выйти из своих покоев.

Я требую, чтобы все, под страхом бесчестия и изгнания, соблюдали карантин в этом холде, не допуская чужих к его стенам, пока мастер Капайм или другой целитель, уполномоченный им, не отменит все ограничения. Я требую, чтобы этот мой приказ, обеспечивающий безопасность и здоровье Форта, первого и крупнейшего среди Великих Холдов Перна, выполнялся точно и строго.

Повинуйтесь, и мы спасемся. Беспечность грозит гибелью.»

Придерживая свиток, Анелла продемонстрировала нам письмо.

— Вот здесь, внизу, заверено подписью лорда и оттиском его кольца. — Затем она нанесла новый удар. — Лорд поручил мне выяснить, кто сегодня днем рискнул приблизиться к долине, где устроен лагерь, — ее выпученные глаза с жадным нетерпением уставились на нас.

Едва я шагнула вперед, как это же сделали Пет, Джесс, Ния и Габен.

— Хотите разгневаться меня? — вскричала Анелла. — Лорд Толокамп говорил только об одном из вас!

— Должно быть, все мы ходили туда раньше или позже, — спокойно заметил Джесс еще до того, как я успела собраться с мыслями. — К примеру, я никогда не видел таких лагерей.

— Разве ты не понимаешь? Там больные люди! — лицо Анеллы побледнело от страха. — Ты обречешь нас на гибель, если притащишься сюда с заразой!

— Точно, как наш лорд, — раздался чей-то голос из задних рядов.

— Что?! Кто это сказал? Кто смеет дерзить?

Ни звука в ответ, только шарканье ног по гладким плитам пола да покашливание. Даже я не смогла узнать остряка по голосу — и поблагодарила его. Из общих соображений я бы поставила на Тескина.

— Я узнаю, кто это сказал! — взвизгнула Анелла. — И скажу лорду Толокампу, что за змею он пригрел на груди!

Молчание. Она обвела зал угрожающим взглядом, затем рванула тяжелое резное кресло, в котором так недавно восседала моя матушка. У Анеллы не достало сил даже отодвинуть его; шепот и заглушенные смешки приветствовали ее попытки. Наконец, с помощью слуги она уселась; затем по левую руку расположился ее отец, по правую — мать. Те из нас, кто занимал обычно место на помосте, с дружным единодушием отклонили эту честь, направившись к нижним столам.

— Где сыновья лорда Толокампа? — требовательно спросила Анелла, когда мы устроились. — Кампен! — она ткнула пальцем в моего брата, зная его в лицо. — Тескин, Дорал, Галлен! Займите свои места. — Она сделала паузу и, наморщив лоб, пыталась что-то припомнить. — Налка? Разве она не старшая из дочерей, оставшихся в холде? Вот твоё место!

Дядюшка Манчен подтолкнул меня.

— Лучше иди, Рилл, хотя твоё имя слегка подпутали. Если ты оскорбишь ее при всех, отец этого не простит.

Он был прав. Я поднялась на помост, заметив, как мать Анеллы что-то шепнула ей.

— Где арфист в этом холде? Где он? Мы желаем оказать ему честь!

Касмодиан встал, вежливо склонил голову и ухитрился улыбнуться.

— Почему вы сели за нижние столы? — она подозрительно уставилась на Кампена и Тескина, когда те подходили к своим креслам.

— Со всем уважением хочу заметить, леди Анелла, — Тескин поклонился, на его губах заиграла ядовитая усмешка, — мы думали, что тут хватит места только для твоей семьи.

Это было сказано с отменной вежливостью. Анелла, не настолько тупая, чтобы не понять насмешки, на миг смешалась, однако ничего подходящего ей в голову явно не пришло. Мы уселись. Никто не напомнил о том, что не были названы остальные сыновья лорда Толокампа, так что Пет, Джесс и Габин вкушали трапезу с большим аппетитом, чем мы, старшие.

Касмодиан отважно занял место рядом с отцом Анеллы. По-видимому, только эти двое беседовали за верхним столом во время еды. Мне кусок не лез в горло; я с трудом проглотила несколько крох, не чувствуя вкуса пищи. С запоздалым раскаянием я думала о том добром, что не успела сделать для моей матушки и несчастных сестер. Сердце мое было переполнено яростью и гневом на ту, что так бесцеремонно захватила еще не остывшее место, и я поклялась, что не подниму руки ей в помощь. Пусть даже стены холда рухнут мне на голову! И я знала, что ей не поможет никто — даже в таком простом деле, как перечисление всех сыновей и дочерей лорда Толокампа.

Я выпила немного вина и, при первой же возможности, ускользнула на кухню — убедиться, что новая леди холда не пронюхала о моем распоряжении насчет остатков обеда. Затем, поднявшись к себе, я рухнула в постель и забылась тревожным сном.

Год 1543, пятнадцатый день третьего месяца.

Барабаны разбудили меня на рассвете; из-за вчерашних огорчений я забыла о своих затычках. Прислушавшись к их четкой дробь, я проснулась совсем. Двенадцать крыльев поднялись из Вейра Айген, чтобы отразить очередную атаку Нитей.

Как смогли в Айгене набрать двенадцать крыльев, если половина всадников лежала в бреду, и рука смерти уже коснулась Вейра? Восемь, может быть, девять... если сообщения о их потерях были точны... Вряд ли в такое ужасное время кто-нибудь стал передавать неверные сведения.

Набросив платье, я спустилась в кухню — к удивлению слуг, заваривавших только первый из многих котелков с кла. Его ароматный запах витал под закопченными сводами; я выпила чашку, и напиток согрел меня, заставив на миг позабыть вчерашние обиды. Когда появился Фелим, я помещивала овсянку в огромной кастрюле. Повар выглядел смущенным.

— Я отправил в лагерь целую корзину... еда была почти не тронута, моя госпожа! Не понравился обед?

— Не обижайся, Фелим, ты тут не причем. Немногие из нас могли есть вчера.

— Она осталась недовольной. Мало сладкого! — жалобно сообщил мне наш главный повар. — Чтобы приготовить еду, надо время — разве она не понимает? Если я получил приказ в середине дня, то ничего не успею сделать даже разорвавшись на части!

Я сказала что-то успокаивающее — больше по привычке, чем из желания оправдать в его глазах Анеллу. Недовольный повар мог стать причиной изрядных потрясений в таком огромном холде, как Форт. Анелле предстояло учиться на своих ошибках; пройдет немного дней, и она узнает, как нелегко управляться с нашим хозяйством.

И вдруг я поняла, что эта маленькая дрянь действительно стала госпожой Форт холда, захватив и власть, и почет, принадлежавшие прежде моей матушке. Но кое-что не должно было попасть в ее руки. Я дала Фелиму пару советов, вытекавших из реального положе-

ния дел, и помчалась в рабочую комнатку матери на первом подземном уровне.

Там я поспешно убрала все ее дневники и личные записи — мы, и девочки, и мальчишки, старались не попадать в них слишком часто. Они дали бы Анелле массу неоценимых сведений, причем не только о наших детских провинностях, но и про обитателей второго этажа. У матери были кое-какие драгоценности, не имевшие отношения к холду; эти вещи находились в полном ее владении и теперь их следовало разделить между нами, оставшимися в живых дочерьми. Я выполнила и эту задачу, сомневаясь, что мы получим хоть что-нибудь, если за дело примется новая леди Форта.

Наконец, набив две сумки стопками пергаментов и спрятав в одной из них маленький сверток с украшениями, я поторопилась в дальнюю кладовку и засунула их на самый верх, в темный угол, на полку, покрытую пылью десяти Оборотов. Возможно, Анелла устроит поиски; что же, пусть попробует — руки у нее короче моих, да и ростом она не вышла.

Я возвращалась обратно, когда Сим, с круглыми от расеянности глазами, наскочил на меня.

— Госпожа, она требует к себе леди Налку, — выпалил мой слуга.

— Да? Но, кажется, такой леди у нас в холде нет. Сим, сконфузившись, заморгал.

— Она, наверное, говорит о тебе, госпожа.

— Возможно. Но пока она не выучит мое имя, я могу не отзываться на другое. Верно, Сим?

— Да, моя леди... если ты так велишь.

— А потому вернись к ней, Сим, и скажи, что не можешь найти в холде леди Налку.

— Это все, что я должен сделать?

— Это все, что ты должен сделать.

Сим потрусил по коридору, бормоча под нос: он должен сказать, что не нашел леди Налку... нет никакой леди Налки... во всем холде. Вот все, что он должен сказать. Никакой леди Налки во всем холде.

Я пересекла двор, направляясь к мастерской целителей. Надо было урегулировать еще одно дело. Несомненно, в голове у Анеллы множество забот, более важных, чем проверка запасов лекарств, но рано или поздно кто-нибудь проинформирует ее и об имени леди Нерилки, и об ее занятиях. И она тут же доложит отцу о

моем самовольстве. Я не сомневалась, что едва он выйдет из своих покоев, как мне воздастся полной мерой, и воздаяние будет весьма болезненным. Между тем, мои обязанности заключались в разумном использовании медикаментов, а кто может сделать это лучше, чем сами целители?

Молодой румяный ученик отправил меня на кухню. Я помчалась туда, размышляя по дороге, что в последние дни провожу на кухнях слишком много времени.

— Мне нужны простерилизованные стеклянные бутылки, а это значит, что тебе придется пятнадцать минут кипятить их в чистой посуде, а потом... Леди Нерилка! — Десдра отвернулась от своего помощника; взгляд ее стал доброжелательным, чего я раньше за ней не замечала.

— Мастеру Капайму лучше?

— Да, значительно, рада сказать. Не каждый, кто заразился, умирает. Есть ли больные в Форт Холде?

— Если ты имеешь в виду нашего господина, то он сидит в своей комнате... и, кажется, достаточно бодр, чтобы раздавать приказы.

— Да, я слышала, — ироническая усмешка Десдры свидетельствовала, что большую часть этих распоряжений она не одобряет.

— Пока медикаменты в моем распоряжении, скажи, в чем ты нуждаешься?

Десдра взглянула на ученика, осторожно опускавшего бутылки в кипяток, и улыбнулась.

— Ты умеешь готовить отвар, фильтровать и смешивать лекарственные растворы?

Я молча кивнула.

— Тогда приготовь сироп — такой же, как для микстуры от кашля. Сейчас я напишу, что туда добавить, — в ее руках появился клочок пергамента и угольный стержень; торопливо, но разборчиво она стала выписывать ингредиенты смеси. — Я выяснила, что все эти препараты помогают... Не забудь добавить анестезирующий бальзам — только он способен справиться с ужасным кашлем. — Она рассеянно взглянула на меня и потянулась за новым пергаментным листком. — Сейчас я напишу для твоей матери... О, прости меня! — пальцы Десдры легко коснулись моего запястья, она виновато опустила голову. — Прости, девочка! Тебе придется взять на себя и это... Нужен бульон, укрепляющий бульон...

Горло распухает, больше ничем нельзя кормить больных...

Бедный Фелим, подумала я, потом вспомнила про внутреннюю кухню, маленькую и жаркую, в которой всегда горел ночной очаг. Последнее место, где Анелла не стала бы искать меня! А в суповой горшок пойдут любые обрезки мяса и кости.

— Свари крепкий бульон, охлади его... чтобы превратился в желе... так удобнее перевозить... — Она говорила, не спуская глаз с ученика, возившегося с бутылками, словно сомневаясь, что он в состоянии отсчитать пятнадцать минут по песочным часам.

Я понимала ее, надеясь, что с бутылками не случится ничего плохого. Какое-то странное возбуждение ощущалось в Десдре, и вряд ли оно было вызвано только лишь возвращением Тайрона, и тем, что мастер Капайм шел на поправку. Неужели ей удалось найти лекарство?

Возня с бульоном и сиропом от кашля заняла весь день. Чтобы улучшить вкус, я добавила немного пряностей, потом наполнила остывшей смесью две огромные бутылки и флягу, которую собиралась оставить в холде для наших нужд. Рецепт микстуры я внесла в Записи.

Когда мы с Симом притащили в Цех плоды моих дневных трудов, атмосфера сдержанного возбуждения, которое я заметила в Десдре, царила повсюду. Однако я ничего не успела вывести у молодого лекаря, принявшего у меня микстуру и сироп. Конечно, он пробормотал слова благодарности, но мысли его гуляли где-то далеко.

Наступил вечер; я едва тащилась по двору вслед за Симом. Тяжело, когда хочешь и можешь помочь, но старания твои никому не нужны... В окнах отца горел свет, как и в комнатах матери, но никто не выглянул наружу, чтобы уличить двух нарушителей глупых приказов.

Я оглянулась через плечо на проклятый лагерь; стражи медленно вышагивали вдоль линии пылающих костров. Может быть, моя микстура и бульон предназначались людям, лежавшим в беспамятстве за этой огненной чертой? Если так, то день не пропал даром. Ободренная этой мыслью, я поплелась к двери холда.

Глава 6

Год 1543, шестнадцатый — восемнадцатый дни третьего месяца

Кампен застал меня на следующее утро в моем убежище за приготовлением бульона:

— Вот ты где! Анелла тебя ищет.

— Ей нужна леди Налка, а дамы с таким именем в холде нет.

Кампен с отвращением фыркнул.

— Ты же прекрасно понимаешь, кто ей нужен!

— Тогда ей придется запомнить мое имя. Иначе я не приду!

— Капризничаешь, Рилл... А она отыгрывается на сестренках.

Раскаяние охватило меня. Погруженная в собственные несчастья и обиды, я забыла, что Лилла и Ния нуждаются в моей поддержке.

— Ей нужны платья, соответствующие новому положению... А ты у нас лучшая вышивальщица.

— Лучшей у нас была Киста, — с горечью вспомнила я. — А Мерил шила, будто по линейке... Но я приду.

Эта встреча оказалась не очень приятной, Анелла, поучавшая меня, была младше на несколько Оборотов, что делало ситуацию невыносимо оскорбительной. Я замкнулась в молчании, черпая утешение в том, как нелепо приходится ей вытягивать шею, чтобы заглянуть мне в глаза — она едва не становилась на цыпочки от усердия. Тяжелое расшитое платье — в каком из материнских сундуков Анелла его нашла? — было ей явно велико; оно сваливалось с покатых плеч, заставляя ее то и дело поддегивать ворот. Однако она выступала в этом нелепом убранстве с важностью наседки, разрешившейся первым яйцом. И это ничтожество пыталось меня поучать! Нет, ей не хватало ни ума, ни опыта, ни красноречия — ни, тем более, юмора.

— Почему ты отсутствовала целых два дня? Где ты была? Если встречалась с холдерами, хотя лорд запретил...

Решив при этом обвинении, что достаточно наслушалась глупостей, я спокойно сказала:

— Мне пришлось готовить бульон и сироп от кашля. Потом я проверяла запасы лекарств в наших кладовых,

советовалась с целителями... — Она вспыхнула, сообразив, что попала впросак. — В том и заключаются мои обязанности в холде.

— Почему же мне не сказали, что ты здесь? Твой отец... — внезапно она закрыла рот, словно боясь проговориться.

— Мой отец не много понимает в домашних делах. Этим занималась мать.

Глаза Анеллы злобно сверкнули, но мой голос был спокойным и ровным; я контролировала каждое свое слово.

— Никто не говорит со мной о вещах, которые я хочу знать, — пожаловалась она. — Тебя зовут не Налкой, но как же тогда?

— Нерилка.

— Очень похоже. Почему ты не явилась по моему приказу? — Она выглядела раздраженной, но это только смешило меня.

— Никто не звал леди Нерилку.

— Но они же знали, кого я хочу видеть!

— Умерли наши близкие... Весь холд погружен в траур...

Губы Анеллы сжались в тонкую линию, но то, что она собиралась сказать, промелькнуло в ее глазах; они снова начали вылезать из орбит — видимо, моя новая госпожа пыталась сдержать злость. Она шагнула к окну и устоялась на внутренний двор, дергая ворот платья, которое опять начало сползать с плеча. Потом резко повернулась ко мне.

— Твоя мать была такой хорошей хозяйкой... Я уверена, что у нее припрятан большой запас тканей. Ты можешь пойти со мной и выбрать несколько кусков на платье?

— Этим заведует тетушка Сира.

— Мне не нужна тетушка Сира! Я хочу, чтобы ты занялась вышивкой! Ты ведь умеешь это делать? — Я кивнула, и ее мысли тут же перескочили на другое: — А ключи? Где ключи? — Я показала на маленький ящик наверху материнского комода. С раздраженным возгласом Анелла подскочила к нему, дернула ручку и вцепилась в вождеденный символ своего нового положения. Она держала массивное кольцо обеими руками.

— Но который откуда? Где ключ от сундука с драгоценностями? И пряности... какой ключ от этого шкафа?

— Все кладовые обозначаются разными цветами. Ключи от шкафов и комодов — маленькие, ключи от кладовых — побольше. Эти — огромные, позолоченные — от главных залов. Зеленым цветом помечены те, где хранятся запасы для кухни...

Итак, мне пришлось потратить все утро, сопровождая преемницу моей матери из кладовой в кладовую — до самых нижних подземных уровней. На каждый ее вопрос я отвечала спокойно и с исчерпывающей полнотой — но только о том, о чем спрашивали; я не собиралась пускаться с ней в разговоры. Не знаю, что вызывало у меня большее отвращение — собственная покорность или ее полное невежество в хозяйственных делах. Разве мать ничему не учила ее — единственную дочь в их холде? Я надеялась, что мой господин еще проклянет час, когда позволил эмоциям восторжествовать над долгом. Мой рот наполнила горечь. Как несправедливо он поступил со мной! Оттолкнул Гарбена, моего единственного поклонника! А ведь его семья ничем не уступала роду Анеллы. Маленькая скользкая дрянь... Недолго ждать, пока отец прозреет, но в тот день — я вдруг поняла это с полной определенностью — не желала бы я находиться в Форт холде.

Анелле хотелось, чтобы я подобрала ткани и усадила девочек за шитье. Очевидно, в душе у нее оставалась капелька стыда — остатки трех отрезов должны были пойти на новые туники для Лиллы с Нией и стимулировать их усердие. Наладив работу, я поспешила откланяться под предлогом своих медицинских занятий; в конце концов, мне никто не обещал новой туники.

Я отправилась в Цех. Хорошо помню, то был первый раз, когда я услышала о прививке с помощью инфицированной крови — эту методику окончательно отработали днем раньше. Мне рассказали — с весьма драматическими подробностями — как мастер Капайм припомнил древний способ намеренного заражения пациентов в легкой форме, предохраняющего их от смертельной болезни. Сами лекари получили прививки первыми, так как более всех остальных нуждались в защите от мора. Мастер Фортин без особых страданий перенес недомогание, вызванное этой процедурой, и уже был на ногах. Скоро, очень скоро целители изготовят достаточно чудесной вакцины, чтобы предохранить тех, кто еще здоров. Перн был спасен!

Вначале эти оптимистические слухи смутили меня, но все оказалось правдой, и гнетущая атмосфера неуверенности и страха сменилась надеждой и облегчением. Я побежала обратно в холд; отчаяние, с которым я ждала новых смертей среди любимых мной, впервые оставило меня. Ворвавшись в комнату, где сестренки орудовали иголками над нарядами Анеллы, я сообщила хорошие новости. Сама Анелла все еще была там, жадно наблюдая за каждым стежком. Она с пристрастием допросила меня, прежде чем выскочить в коридор. Думаю, здоровье отца заботило ее больше благополучия всего остального холда.

Вечером трое целителей уже были у нас и их сразу же провели в покои отца. Его вакцинировали первым; Анелла, полагаю, являлась второй, потом — ее дети. К моему удивлению, сыворотки хватило, чтобы впрыснуть всей нашей семье; мои сестренки перенесли болезненный укол иглы без звука. Потом лекарь принялся за меня.

— Тут еще хватит на пятнадцать человек, леди Нерилка, — заявил он, наполняя шприц. — Десдра сказала, что ты знаешь, кому в первую очередь надо сделать прививку.

Несомненно, нянечкам, которые занимались с детьми, нашим трем арфистам, Фелиму и его помощникам, дяде Манчену и тетушке Сире — единственной, хранившей секрет выделки парчи, что была гордостью Форт холда. И Барнду, начальнику стражи, — он занимал важнейший пост, да и сын его значил не намного меньше. Манчен мог при случае заменить любого из них и, к тому же, он являлся единственным человеком, который рисковал прикрикнуть на Толокампа.

* * *

Утро пропало. Вместе с сестрами я трудилась на Анеллу, которая стояла над нами, критикуя каждый стежок, дергая нас то так, то этак. Терпение мое истощилось. Лилла, Ния и Мара работали не покладая рук, вдохновленные надеждой на новые туники.

У Анеллы была дурная привычка пересказывать распоряжения лорда Толокампа моим братьям — все они касались недопустимости разбазаривания запасов и доб-

ра Форт холда. Мой отец не собирался помогать нуждающимся; наоборот, он заявил, что в это тяжелое время Форт должен показать всему континенту пример твердости и сберечь богатство для своих обитателей.

Среди прочего, Анелла проболталась, что Цеха арфистов и целителей обратились к Форт холду за помощью — им требовалась и пища, и медикаменты, причем в больших количествах. Отец получил от Капайма и Тайрона просьбу о встрече, которая была назначена на следующее утро. «Вряд ли они что-нибудь получают,» — с ухмылкой заметила Анелла.

Это переполнило чашу моего терпения. Больше я не собиралась проявлять ни вежливости, ни снисходительности, ни послушания. Я не могла выносить ни этой женщины, ни отца — человека, чья трусость и эгоизм обесчестили мою семью. Я не хотела оставаться в холде, чью скупость станут проклинать на смертном ложе тысячи несчастных.

Мне удалось ускользнуть от Анеллы — под тем предлогом, что я намерена заняться сладостями, которые обожало все ее семейство. Я спустилась в свою кухню рядом с кладовыми и поставила на огонь огромную кастрюлю с плодами лунного дерева, залив их сладким сиропом; потом бросила туда травы, указанные в рецепте Десдры. Пока эта смесь кипела, я занялась главным делом — грабежом наших лекарственных запасов, откладывая изрядную часть трав, корней, листьев, сушеных стеблей и соцветий — все, что могло пригодиться в мастерской целителей. Это добро я упаковала в большие мешки, затолкав их в самый темный угол кладовой — на тот случай, если Анелле придет мысль произвести инспекцию. Впрочем, для этого она была слишком ленивой. Прогулявшись в свою комнату, я добавила к этим тайным запасам тючок с самой необходимой одеждой. Смесь в кастрюле тем временем прокипела и, разлив ее в большие оплетенные бутылки, я занялась сладостями. Я наделала их столько, что в ближайшие три дня Анелла и ее родители могли не отходить от стола.

Вечером я разыскала дядюшку Манчена и, отдав ему сверток с материнскими украшениями, попросила разделить их между сестрами.

— Ну, а ты? — спросил он, взвесив на ладони туго перевязанный шнурком пакет. — Ты что-нибудь взяла себе?

— Так, мелочи... Сомневаюсь, что драгоценности нам нужны там, куда я иду.

— Пришли мне весточку, Рилл. Я буду скучать по тебе.

— Я тоже, дядюшка. Присмотри за сестренками, ладно?

— Разве я не делал этого и раньше?

— Лучше, чем любой другой! — Я не могла больше говорить, к глазам подступали слезы. Надеюсь, что моя решимость не ослабеет до утра, я сбежала вниз по ступенькам к себе на первый этаж.

* * *

На следующее утро, когда я начала варить на своей маленькой кухоньке очередную порцию бульона, в воротах холда появились две рослые фигуры — мастер арфистов и мастер целителей шли на встречу с лордом Толокампом. Я позвала Сима, велела ему взять на кухне корзинку с едой для охраны лагеря и ждать меня в коридоре около хранилища лечебных трав еще с двумя слугами. Мне надо было кое-что сделать.

Я сбросила платье и натянула одежду, более подходящую для задуманного мной; затем набила в поясную сумку разные мелочи. Взгляд, брошенный в маленькое зеркало на стене, подсказал, что делать дальше. Волосы, темные и блестящие, были моей гордостью; на миг я заколебалась, потом схватила ножницы. Это заняло минуту — длинные густые пряди падали, устилая пол, стальные лезвия рассекали нить моей судьбы. Я смела волосы под шкаф и стянула ремешком на затылке то, что осталось.

Затем я покинула комнату, бывшую моим убежищем с тех пор, как мне исполнилось восемнадцать весен, и проскользнула длинным коридором к покоям отца.

Его дверь находилась в глубокой нише — весьма подходящем для моих целей укрытии. Не успела я притаиться там, как заговорили барабаны, сообщая радостную весть — Орлита принесла великолепную кладку из двадцати пяти яиц, и одно из них было королевским. Несомненно, в Вейре устроен праздник по этому поводу. У меня потеплело на сердце, как вдруг из-за двери доносился раздраженный голос отца. Чем он был недово-

лен? Золотой королевой Форт Вейра, подарившей Перну такой выводок? В обычные времена он потребовал бы кувшин с вином, чтобы отметить такое событие.

В этот час в главном зале не было никого; люди работали в мастерских или на фермах. Я шагнула поближе к двери и, прижавшись к ней ухом, могла разобирать почти каждое слово. И у мастера Капайма, и у Тайрона, голоса были звучными, особенно когда их охватывало раздражение. Мой отец бубнил и мямлил им в ответ.

— Двадцать пять яиц! И одно — золотое! Превосходная кладка, особенно если учесть, что Прохождение заканчивается, — услышала я голос Капайма.

Затем раздалось:

— Морита... бормотание... Кадит... Ш'гал... был так болен...

— Это не наше дело, — заметил Тайрон. — Никогда не слышал, чтобы болезнь всадника повлияла на его дракона. Во всяком случае, раз Ш'гал вылетел в Нерат отбивать атаку Нитей, он, вероятно, полностью восстановил силы.

Я знала, что и вождь Форт Вейра, и его госпожа перенесли болезнь и выздоровели — из Цеха лекарей к ним срочно отправили Яллору, когда целитель Вейра умер. Но почему Ш'гал летал в Нерат? Это было выше моего разумения.

— Полагаю, они могли бы сообщить нам о состоянии дел в Вейрах, — произнес отец. — Я обеспокоен.

— Вейры, — Тайрон подчеркнул это слово, — выполняют свой долг перед Перном. И холдам не о чем беспокоиться.

— Разве я принес болезнь в Вейры? — раздраженно заговорил отец. — Или в холды? Если бы всадники не болтались то тут, то там...

— И если бы лорды не стремились набить мясом и зерном каждый уголок в своих кладовых... — голос Капайма тоже стал сердитым.

— Сейчас не время для взаимных обвинений! — миротворец Тайрон отреагировал быстро. — Ты же знаешь не хуже прочих, Толокамп, что эту гадость завезли на континент моряки! — голос арфиста звучал неодобрительно; я не сомневалась, что отец, как и все мы, осведомлен о причине эпидемии. — Давай возвратимся к разговору, прерванному такими добрыми новостями, — он откашлялся. — В этом лагере полно моих людей, и

7
многие серьезно больны. Пока у нас не хватает вакцины на всех, но несчастные могли хотя бы иметь нормальное жилье и хороший уход.

Итак, мои предположения были верны! Скупость отца уже почувствовали оба Цеха, которые Форт холд по традиции снабжал всем необходимым!

— Среди них есть лекари, — угрюмо заметил отец. — Ты же сам мне говорил!

— Звание не защищает целителей от болезни и, к тому же, они не могут работать без медикаментов! — тон Капайма стал настойчивым. — У тебя большие запасы лекарственных растений...

— Собранных и приготовленных моей несчастной леди...

Как смел он говорить о матери таким горестно-фальшивым тоном!

— Лорд Толокамп, — я поняла, что мастер Капайм до крайности раздражен, — мы нуждаемся в этих препаратах.

— Для Руата, да?

Неужели он считал несчастный холд причиной постигшей нас трагедии?

— Кроме Руата есть и другие холды, которым нужна помощь, — Капайм ответил так, словно Руат шел последним в его списке.

— Каждый лорд должен был сам позаботиться о запасах лекарств. Это их дело, не мое. Я не собираюсь опустошать свои кладовые, когда моим людям грозит болезнь!

— Всего лишь грозит! В то время, как Вейры, изнуренные болезнью, простерли защиту намного дальше своих традиционных территорий! — судя по тону мастера Тайрона, он считал свой аргумент чрезвычайно важным. — Как ты можешь отказать, Толокамп?

Ответ отца ошеломил меня.

— Очень просто, Тайрон, — сказав «нет». И учти — границу холда не переступит ни один человек извне! Даже если он придет из области, не затронутой мором! Он может оказаться разносчиком какой-нибудь другой заразы, а я не хочу рисковать здоровьем своих людей. И не позволю даже прикоснуться к замкам на моих кладовых!

Разве отец не слышал скорбную дробь барабанов, раздавших о мертвых? Их были тысячи — в Исте и

Керуне, Айгене и Телгаре, и в Руате тоже. Умерла моя мать и сестры, слуги и охранники, сопровождавшие их; Форт потерял сорок человек, но не четыреста, не четыре тысячи и не сорок тысяч.

— Тогда я отзову целителей из твоего холда, — произнес спокойным голосом Капайм.

— Но... но... ты не посмеешь!

— Почему же, — теперь заговорил Тайрон, — посмею. Мы оба посмеем. — Я слышала скрип кресла, когда он поднялся на ноги. — Мастера подчиняются своим Цехам, равно как и подмастерья с учениками. Ты не забыл об этом, Толокамп?

Я едва успела выскользнуть из ниши и спрятаться в темном углу, как дверь распахнулась, и Капайм ринулся в зал; лицо его покраснело от гнева. Тайрон, который шел следом, громко хлопнул дверью.

— Я заберу отсюда наших людей и присоединюсь к тебе в лагере, — сказал он.

— Не думаю, что тебе стоит туда идти, — угрюмо заметил глава целителей.

Мое дыхание пресеклось; возможно, они только играли, рассчитывая, что угроза возвратит лорду Форту здравый смысл?

— Толокамп начал слишком часто полагаться на щедрость Цехов! Надеюсь, что этот случай станет примером для остальных. Лорды не должны забывать о наших привилегиях.

— Забирай наших, Тайрон, и уходи. Но в лагере не появляйся! Твое место сейчас — в Цехе, с твоими и моими людьми.

— Мои люди, — произнес с горьким смехом Тайрон, — за немногим исключением, умирают сейчас в его проклятом лагере. Пожалуй, в мастерских надо остаться тебе.

Теперь я знала, куда мне идти, и как искупить непримиримую жестокость отца.

— Мастер Капайм, — я шагнула вперед, — у меня есть ключи от всех кладовых. Когда мне исполнилось шестнадцать Оборотов, матушка повесила на мой пояс кольцо с запасными ключами.

— Как ты?.. — начал Тайрон, наклонившись вперед и пытаясь разглядеть в полумраке мое лицо. И он, и Капайм не узнали меня, сообразив, однако, что с ними говорит одна из дочерей лорда.

— Леди?.. — Капайм, склонив голову, с любезной улыбкой ждал, чтобы я назвала свое имя.

— Нерилка. Я помогала собирать травы... лекарства, в которых отказал вам лорд Толокамп, — я отвечала быстро, не дожидаясь, пока столь высокопоставленные люди узнают меня. Тайрон кивнул, видимо, понимая, что я слышала их разговор с отцом. — Что ж, если владетель Форта не может помочь, я предложу вам то, что сделано моими руками. Но при одном условии.

— Если это в моих силах... — тактично начал Капайм.

— Я хотела бы уйти из холда вместе с вами и отправиться в этот ужасный лагерь. Мне сделали прививку — вчера лорд Толокамп был так щедр... В любом случае, я не останусь там, где меня оскорбляет наглая девчонка, захватившая место моей матери... Лорд Толокамп взял ее в холд со всей семьей, а лекарей и арфистов бросил умирать в лагере... — как мою мать и сестер в Руате, чуть не добавила я. Вместо этого, судорожно вздохнув, я потянула мастера Капайма за рукав. — Сюда! Быстрее!

В любую минуту Толокамп мог выйти из столбняка, в который его погрузил ультиматум двух мастеров, и взречься, требуя к себе Барнда или кого-нибудь из моих братьев.

— Я выведу наших людей из холда тем путем, которым мы пришли, — заявил Тайрон. Он повернулся и твердыми шагами пересек зал.

Капайм пристально взглянул на меня.

— Если ты покинешь холд без разрешения отца... особенно когда он в таком настроении... Ты понимаешь, что это значит?

— Мастер Капайм, сомневаюсь, чтобы он заметил мой уход... — Возможно, сам отец сказал Анелле, что меня зовут Налка. — Здесь крутые ступеньки, будь осторожен, — предупредила я, внезапно забеспокоившись — мастер целителей никогда не блуждал в задних переходах Форта, узких и плохо освещенных.

Капайм пару раз споткнулся на темной лестнице и с облегчением вздохнул, когда мы повернули в широкий коридор, что вел к кладовым. Сим вместе с двумя парнями подпирал стену рядом с дверью кухни.

— Ты быстро обернулся, — кивнула я Симу, успокоив его улыбкой, так как при виде мастера целителей,

он вытаращил глаза. — Лорд Толокамп ценит проворных слуг... — Капайм кивнул мне в ответ, прислушиваясь к скрежету замка.

Я распахнула дверь и вошла в темную комнату. Когда загорелась лампа, Капайм заметил, что не раз бывал здесь раньше. Мать всегда приглашала его, чтобы посоветоваться насчет болезней, нередко гостивших в нашем холде. Я провела целителя в главное хранилище, в углу которого ожидали припрятанные вчера тюки и бутылки с микстурой.

— Погляди, мастер Капайм, — я кивнула на тянувшиеся вдоль стен полки, — вот плоды моих трудов — с тех пор, как я стала достаточно взрослой, чтобы срезать лист, выкопать корень, сорвать пучок травы. Не все, что собрано здесь, можно пускать в дело, ведь даже травы и корешки теряют со временем целебную силу. Их пожирают змеи, и я надеюсь, что хотя бы им наши лекарства идут на пользу. Но и остатков для Форт холда хватит на многие Обороты. Лорд Толокамп зря беспокоится.

Я повернулась к Симу, кивнув на мешки, и мой догадливый слуга начал грузить своих приятелей, потом сам прихватил две сумки.

— Если ты не возражаешь, мастер Капайм... — я протянула ему бутылку, оплетенную ремнями. — Здесь сироп от кашля, приготовленный мной вчера.

Прихватив вторую бутылку, я взвалила на плечо тюк с одеждой и вышла в коридор. Капайм молча шел следом. Снова ключ со скрипом повернулся в замке; мои спутники ждали, пока я закрою дверь.

— Направо, Сим... пойдём к выходу у кухни. Лорд Толокамп не любит, когда топчутся по коврам в главном зале. — Сим с покорным видом проглотил мою ложь. — Надо выполнять его приказы, даже если придется пройти несколько лишних шагов.

Глаза Капайма округлились — похоже, он только сейчас понял, что участвует в похищении, если не в прямом грабеже. Впрочем, я не задумывалась сейчас о его чувствах; меня больше волновало, удастся ли нам выбраться из холда. Когда слуги ушли вперед, я шепнула целителю:

— Хотелось бы мне прихватить больше... но не идти же к лагерю целой толпой. А на четырех слуг стража не обратит внимания. — Тут он устоял на мою одеж-

ду. — И никого не взволнует, если один из них пойдет дальше... прямо в лагерь. — Капайм с сомнением взглянул на огромную бутылку в своих руках, и я добавила: — Не волнуйся. Кого удивит, что мастер целителей возвращается из холда с припасами? Вот если бы ты шел с пустыми руками, это выглядело бы странным.

Он откашлялся.

— Леди Нерилка, если ты сейчас уйдешь...

— Я уйду.

— ... когда лорд Толокамп так раздражен...

Я остановилась и посмотрела ему в лицо. Когда мы пойдем через кухню, никто не должен слышать наших споров.

— Ты хочешь сказать, что я не увижу своего приданого? Так что же? Я знаю травы, умею готовить лекарства, ухаживать за больными... Лучше мне заниматься делом в лагере, чем сидеть в темном углу и... — я чуть не добавила — вышивать наряды для своей мачехи. — Твои лекари перегружены работой. Любые руки пригодятся сейчас.

Капайм кивнул.

— К тому же, — я положила ладонь на сумку, в которой позвякивали ключи, — я могу проскользнуть обратно в холд, если понадобится... в него ведет много путей. Не удивляйся, наши работники часто это делают. И я сумею. — «Особенно в одежде слуги,» — мелькнуло у меня в голове.

Посмотрев на Сима, поджидавшего нас у кухонной двери, я вспомнила, что и двигаться должна как слуги. Я перешагнула порог с опущенной головой, ссутулив плечи и сгибаясь под тяжестью ноши; мои колени казались чуть вывернутыми внутрь, ноги устало шаркали по каменным плитам.

Мы очутились во дворе, в самом углу. Мастер Капайм бросил взгляд налево, на крыльцо, перед главным входом — Тайрон, вместе с целителями, что присматривали за нашими стариками, и тремя арфистами спускался по ступенькам.

— Он наблюдает за ними и не видит нас, — шепнула я Капайму, заметив фигуру отца в открытом окне. Возможно, сейчас он почувствовал, как леденящее дуновение смерти промчалось по коридорам его холда. — Постарайся не выступать с такой важностью, мастер Капайм. На пять минут стань слугой, который с неохотой покидает

безопасный холд, страшась приблизиться к обреченным на смерть людям.

— Они еще не все мертвы, — сердито сказал Капайм.

— Конечно, нет! Но лорд Толокамп полагает, что они умрут, и слуги тоже не сомневаются в этом. — Мы уже шли по двору, и я уловила поблескивание шлемов над зубцами внешней стены. — Не останавливайся! — мой шепот прибавил резвости запнувшемуся Капайму. Я боялась, что на нас обратят внимание стражи у ворот.

Но их глаза следили за процессией, возглавляемой Тайроном. И какими бы не были полученные ими приказы, вряд ли они посмеют нарушить привилегии Цехов Перна. Я могла представить себе реакцию Барнда: «Задержать Главного мастера арфистов, мой лорд? Как могу я это сделать? И целителей тоже? Но разве они не имеют права вернуться в свой Цех?»

Старый бедный Барнд! Он почитал своего лорда, но даже над нерушимой скалой его верности гордо высилась башня закона!

В воротах произошла маленькая заминка, пока мастер Тайрон прокладывал путь сквозь толпу стражей. Возможно, у них вылетела пара-другая горячих слов, но никто по настоящему не попытался задержать главного арфиста. Через минуту он скорым шагом повел своих спутников вниз по дороге.

Мы с Капаймом выскользнули незамеченными через черный вход рядом с кухней. Я продолжала неуклюже ковылять по тропинке, загребая ногами пыль и надеясь, что пара ничтожных слуг не удостоится внимания охраны. Сим со своими приятелями шел далеко впереди. Я видела, как они приблизились к границе лагеря; Ченг вылез из своей караульной будки, с некоторым подозрением поглядывая на их ношу. Затем его нос учуял корзинку с обедом, и бдительный страж тут же успокоился.

Тем временем я размышляла над словами Тайрона. Он был прав — мастеру Капайму лучше оставаться в своей мастерской. Кто, кроме него, мог возглавить целителей в такое тяжелое время?

Я замедлила шаги и повернулась к нему.

— Если ты переступишь границу лагеря, мастер Капайм, тебя не выпустят обратно.

— Если много путей ведет в холд, то и в лагере найдется незаметная тропинка, — мудро заметил целитель. — Посмотрим, леди Нерилка.

Пожалуй, он был прав. Мы поднялись на невысокий перевал, с которого начинался спуск в котловину, и я уже видела небольшую кучку людей, мужчин и женщин, собравшихся в ожидании пищи.

Сим и слуги, сбросив поклажу у будки охранников, торопливо отправились обратно. Я застыла на месте, предоставляя Капайму идти дальше одному. Сделав вид, что тяжелая бутылка оттягивает мне руку, я согнулась над ней, не поворачивая лицо к Ченгу — он слишком хорошо меня знал. Но доблестный страж во все глаза уставился на главного целителя.

— Стой, мастер Капайм! — рявкнул он, заступая дорогу. — Еще десяток шагов, и я не смогу пропустить тебя назад!

— Мне надо передать в лагерь этот груз, — Капайм кивнул в сторону кучи тюков и поставил рядом бутылку с микстурой. — Тут целебные травы и лекарства, их надо нести осторожно.

— Сейчас устроим! — Ченг повернулся к толпе узников и крикнул: — Эй, там, внизу! Четырех парней сюда! Передайте мешки кому-нибудь из лекарей! Мастер Капайм сказал, что в них лекарства!

Ченг отошел подальше и повернулся к главному целителю. Они о чем-то заспорили, и я, пригибаясь за камнями, начала быстро спускаться по склону. Вслед долетел сердитый голос охранника:

— Нет, мастер Капайм, нет! Лорд спустит с меня шкуру, если я позволю...

Эта перепалка значительно облегчила мой побег. Возможно, я была слишком самонадеянной, когда полагала, что мастеру Капайму лучше оставаться в Цехе. Но как же иначе он мог поддерживать барабанную связь и советоваться с другими главными мастерами — особенно сейчас, когда они с Тайроном забрали своих людей из Форт холда? И каким бы преданным своему Цеху он не был, его изоляция в лагере принесла бы всем больше вреда, чем пользы. К тому же, сам лагерь просуществует недолго — если целители приготовят достаточно вакцины.

Была и еще одна, более эгоистическая причина, по которой я не хотела видеть в лагере мастера Капайма. Я намеревалась затеряться там, изменить свое имя и свой холд. Два-три целителя или арфиста, бывавшие в Форте, могли бы разоблачить меня, но вряд ли они

узнают леди Нерилку в этом лагере, среди несчастных больных людей, в окружении нищеты и смерти вместо привычного комфорта.

Хотя Десдра не отказала мне прямо, однако она не собиралась воспользоваться моей помощью для ухода за больными — такое занятие явно не подходило молодой леди благородной фамилии. Может быть, ей казалось, что я — недоучка, пустышка; и, вероятно, кое в чем она была права, со стыдом призналась я самой себе, вспоминая некоторые свои суетные мысли. Однако я не желала становиться заложницей собственного происхождения и ранга; я жаждала приносить пользу, и жизнь в Форте, безопасная и бесцельная, мало соблазняла меня. И мне совсем не хотелось тратить молодость и силы на пополнение гардероба моей мачехи.

Эти мысли стремительно промелькнули у меня в голове, пока я торопливо спускалась вниз, посмеиваясь над своей неуклюжей походкой — благородных девушек в холдах обучали двигаться крохотными шажками, так что казалось, что они будто плывут над полом. Я так и не смогла освоить до конца это искусство.

Я шла за мужчинами, тащившими мешки, бутылки и корзины с жалкой едой. Двое из них были арфистами; остальные носили цвета Речного и Морского холдов. Кто они? Возможно, гонцы, которых направили к лорду Толокампу с просьбой о помощи?

Тропинка свернула в рощу, за которой я увидела грубые хижины, возведенные на скорую руку. Да, нам повезло, что погода оставалась ясной и довольно теплой — в третий месяц Оборота обычно бушуют метели, ледяной ветер несет хлопья снега. Рядом с жалкими убежищами пылали костры; пламя лизало бока старых закопченных котлов. Может быть, в них кипел суп, сваренный моими руками?

Одна из хижин, побольше, стояла в отдалении; доносившиеся оттуда стоны и лающий кашель подсказали мне, что там был лазарет. Два арфиста понесли к нему мешки с травами и микстуру; остальные, тащившие корзины с едой, начали оделять скорчившихся у костров людей ломтями черствого хлеба. Женщины занялись обрезками мяса и костями, бросая их в котлы. Никто не произнес ни слова; похоронное молчание было самым страшным в этой сцене.

Вслед за арфистами я заторопилась к лазарету.

На пороге меня встретил рослый небритый мужчина в одежде лекаря. Глаза его покраснели от усталости.

— Что вы принесли? — резко спросил он. — Коренья, травы?

Я кивнула головой:

— И еще настойку от кашля, совсем свежую — леди Нерилка сделала ее прошлым вечером.

Он усмехнулся и взял у меня из рук тяжелую бутыл.

— Приятно слышать, что не все тут согласны с досточтимым лордом.

— Он трусливый глупец!

Брови целителя удивленно взлетели вверх.

— Не менее глупо говорить так о своем лорде, девушка!

— Он — не мой лорд! — я не опустила взгляд под пристальным взглядом. — И хватит о нем! Я пришла помочь тебе. Я умею готовить отвары из трав — леди Нерилка и ее мать, погибшая в Руате, обучили меня. Я... я помогала им раньше. Я готова ходить за больными и не боюсь смерти... всех, кто мне дорог, унесла болезнь.

Он положил тяжелую руку мне на плечо. Разве кто-нибудь осмелился бы столь фамильярно прикоснуться к леди Нерилке? Но жест этот не обидел и не оскорбил меня... Что может быть дороже человеческого сочувствия?

— В этом ты не одинока, девочка... — он сделал паузу, ожидая, что я назову свое имя. — Спасибо за помощь, Рилл. Лучшая из моих сиделок скончалась, — он кивнул на тело, неподвижно вытянувшееся у стены; лицо женщины было бледным и застывшим. — Мы многое можем сделать... разве что облегчить им кончину.

Мне захотелось подбодрить его; если целитель выглядит беспомощным в глазах пациентов, никакое лечение не пойдет им на пользу.

— Скоро сюда привезут вакцину... Первая партия уже готова.

— Откуда ты знаешь, Рилл? — прошептал он, с такой силой стиснув мое плечо, что я чуть не вскрикнула.

— Об этом все знают... Вчера семье лорда сделали прививки. Вскоре и вам...

Он угрюмо усмехнулся.

— Вскоре, но вряд ли в первую очередь...

На одном из тюфяков застонала женщина, забилась в приступе кашля. Я пошла к ней; так началось мое двадцатичетырехчасовое дежурство в качестве сиделки. Нас было четверо — три женщины и Макабир, странствующий лекарь, — на шестьдесят пылающих в жару страдалцев. Я так никогда и не узнала, сколько же людей находится в лагере — население его менялось быстро. Люди прибывали пешком и на скакунах в надежде на помощь Цехов и Форт холда; многие везли послания. Одни, убедившись, что цель их недосыгаема, уезжали; другие, которым некуда было идти, оставались в унылых бараках; кое-кто переселялся затем в наш лазарет. Их было немало, этих скитальцев, не соблюдавших карантина — впрочем, западная часть континента заселялась первой и людей здесь жило больше, чем на востоке. Но территории, примыкавшие к Форт холду, пострадали гораздо меньше, чем Руат. От путников мы узнали, что только вмешательство мастера Капайма остановило эпидемию в Южном Болле — иначе Рейтошигана ждали бы такие же тяжелые испытания, как и несчастного лорда Алессана.

Я слышала, что он жив. Но от всей их семьи кроме Алессана осталась только его младшая сестра. Его потери оказались больше моих. Но была ли столь же велика его прибыль?

Я падала с ног от усталости и недосыпания, меня окружали муки, боль и смерть — и все же я была счастлива. Счастлива? Как странно! Ведь за день мы потеряли двенадцать больных из шестидесяти, исходивших кровавым кашлем на жалких тюфяках нашего лазарета... и их места заняли еще пятнадцать страдалцев. Но впервые в жизни я делала что-то серьезное и нужное; я помогала несчастным людям, и их горячая благодарность согревала мое сердце. Я открыла для себя много неприятного, отталкивающего — некоторые интимные моменты этой новой работы были тяжким испытанием для любого человека моего сословия. Однако, подавляя отвращение и позывы к рвоте, я закатывала рукава и принималась за дело. Я не могла отказаться; я не хотела и не собиралась бросать этих беспомощных, жалких мужчин и женщин, попавших под тяжелое колесо рока.

Сознание того, что болезнь не страшна мне, добавляло уверенности, хотя иногда похвалы Макабира вгоняли ме-

ня в краску. Я трудилась ночь и день среди стонов и хрипа умирающих; каждый, кто выжил, становился наградой моему усердию, искуплением грехов алчности и трусости отца. И хотя никто не знал и не догадывался об этом, я, дочь Форта, вела свой собственный счет погубленным и спасенным жизням.

Затем все кончилось. Утром в лагере появился целитель из мастерской Капайма с запасом вакцины. Сделав прививки, он сообщил, что охрана снята, больные будут немедленно переведены в лазарет Цеха, а все прочие могут отправляться домой. Впрочем, если странники желают восстановить силы перед дорогой, то двери целителей и арфистов Форта всегда раскрыты перед ними...

Я решила отправиться в путь, хотя Макабир уговаривал меня начать обучение в мастерской целителей.

— У тебя настоящий дар, Рилл... Не зарывай свой талант в землю.

— Я слишком стара для тоги ученика, Макабир...

— При чем тут возраст! С твоими руками и головой обучение займет не больше Оборота. А через три любой целитель Перна будет счастлив иметь такого помощника!

— Я свободна теперь, Макабир. И я хочу увидеть другие места и другие холды...

Он вздохнул, потер широкой ладонью усталое лицо.

— Ну, ладно. Вспомни о том, что я сказал, если путешествие тебе наскучит.

Глава 7

Год 1543, девятнадцатый — двадцатый дни третьего месяца

Я покинула лагерь вечером, с нарисованной от руки картой, что показывала дорогу к трем северным холдам. Они лежали вблизи границы с Руатом, с нетерпением ожидая спасительную вакцину и лекарства. Макабир пытался отговорить меня; я и сама предпочла бы выйти в путь утром, хотя лунный свет был достаточно ярким. Но там, на севере, продолжали умирать люди. К тому же, утром в лагере могла появиться Десдра или еще кто-нибудь из Форт холда; я не хотела, чтобы старые знакомые узнали меня. С леди Нерилкой было покончено — если не насовсем, то надолго.

Я проехала мимо Форт холда, не пытаясь разглядеть в окне фигуру отца, миновала фермы и загоны для скота, рощи фруктовых деревьев с оголенными ветвями. Многие ли из тех, с кем я провела всю жизнь, кого покинула меньше двух дней назад, вспоминали сейчас обо мне? Возможно, сестры... да Анелла, чьи наряды уже не украсятся моими вышивками.

Конечно, было глупостью выезжать под вечер. Работа в лазарете вымотала меня, и теперь я дремала в седле, судорожно вцепившись в поводья. К счастью, мой скакун оказался трудолюбивым созданием — он мерно рысил по дороге, все вперед и вперед, не требуя понуканий. Глубокой ночью я достигла первого из холдов и успела накачать вакциной каждого его обитателя раньше, чем свалилась с ног. Мне дали выспаться до позднего утра. Вскочив с постели, я принялась было бранить добрую леди, поджидавшую меня с завтраком, но женщина спокойно объяснила, что к соседям высланы гонцы. Они ждут меня; для них одна мысль о том, что их не забыли, не бросили на произвол судьбы, уже была облегчением.

Итак, я отправилась дальше и прибыла во второй холд после полудня. Очевидно, я все еще выглядела утомленной, и мои хозяева принялись настаивать, чтобы я поделила с ними трапезу. По их словам, в последнем, третьем поселении не было ни одного случая болезни, так что я могла передохнуть. Эти люди жаждали новостей, они хотели услышать живой рассказ вместо сухого

пугающего грохота барабанов, что день за днем доносился к ним из холда Высокий Холм, места моей следующей остановки.

Высокий Холм лежал на самой границе с Руатом. Когда копыта моего скакуна вновь зацокали по дороге, я молчаливо решила покориться судьбе. Руат! Он был моим предназначением, местом, куда я так долго стремилась, но не могла попасть — в силу причин и обстоятельств, довлеющих над моей жизнью и желаниями. Не в радости, но в горе и печали взметнутся передо мной его башни... Что ж, зато теперь я могла предложить несчастному холду свои руки, свой труд и свое мастерство! Лишь всадники рисковали приземляться в нем, и вести об опустошении Руата, донесенные барабанами, устрашали.

Постепенно я начала все яснее и яснее понимать, что мор не щадил никого; ни возраст, ни положение и власть, ни крепкое здоровье не были преградой для смерти. Конечно, самые старые и самые юные оказались и наиболее уязвимыми, но эпидемия унесла столь многих в расцвете сил, что на плечи выживших свалилась тройная ноша. Не это ли соблазняло меня облечь свои намерения роскошным флером самопожертвования и целесообразности? Главное, чтобы дела двигались — и не важно, явно или тайно я буду направлять их.

Я добралась в Высокий Холм, когда солнце начало склоняться к закату, и тут же была отправлена зашивать длинный глубокий порез, заработанный одним из хозяйских мальчишек. Мои возражения и намеки на собственную неопытность действия не возымели. Их врач ушел в Форт за помощью, как только барабаны принесли вести из Руата. Я ничего не могла сказать им про человека по имени Трельбин, и обитатели холда, печально покачивая головами, решили, что он, вероятно, погиб. Хозяйка, леди Гейна, умела справляться с небольшими ссадинами, но приступить с иглой к серьезной ране побаивалась. Ну, тут я имела больше опыта — мне уже приходилось помогать хирургам.

Сшить неровные края раны гораздо тяжелее, чем два куска ткани; как известно, ткань не жалуется, не стонет и не вертится под руками. В моих тюках был анестезирующий бальзам, и я обработала им порез, чтобы уменьшить страдания паренька. Через полчаса работа была закончена. Леди Гейна, восхищаясь тонкостью нало-

женного шва, перебинтовала сына; кажется, мое искусство поразило ее.

Потом я занялась прививками. Все обитатели Холма получили положенную дозу вакцины, кроме пастухов с высокогорных пастбищ, которые месяцами не видели чужих и никак не могли заразиться. Леди Гейна, которая побаивалась, что инфекцию разносит ветер, попросила рассказать о симптомах болезни. Я передала ей все, что говорил Макабир; возможно, мои объяснения оказались далеко не полными — все-таки я не проходила обучения в Цехе Капайма — но добрая леди была вполне удовлетворена.

Гейна и Беструм, ее муж, сказали, что их сын и дочь отправились на Встречу в Руат в свите лорда Толокампа. Голоса моих хозяев были печальны; ни слова, ни весточки не пришло с тех пор от их детей. Видимо, они надеялись, что я попробую отыскать молодых людей в Руате.

Беструм как раз чертил для меня карту, когда наше занятие было прервано возбужденными криками и приветствиями, раздавшимися снаружи. Подскочив к окнам, мы увидели голубого дракона, приземлившегося во дворе и нагруженного десятком тюков. Мы бросились к выходу.

— Я — М'барак, всадник Арита, из Форт Вейра. Подбираю стеклянную дребедень — бутyli, бутылки и бутылочки, — юноша усмехнулся, кивнув на слегка позвякивающий груз своего дракона. — Ну, что вы сможете уделить для спасения Руата?

Молодой всадник учтиво поклонился, когда леди Гейна поднесла ему дымящийся кла и кекс — превосходный кекс, смею заметить! Прожевав первый кусок, он заявил, что скакуны тоже подвержены болезни и нуждаются в вакцинации. Мои хозяева, переглянувшись, не без гордости сообщили, что всем обитателям их холда уже сделаны прививки, и М'барак во все глаза уставился на меня. Брови всадника удивленно приподнялись и лицо приняло такое озадаченное выражение, что я едва не расхохоталась; видимо, он считал меня одной из женщин Высокого Холма. Правда, моя одежда была довольно странной — брюки, тяжелые башмаки и теплый плащ, которым снабдил меня в дорогу Макабир вместе с туникой своего Цеха. Но туника оставалась в одном из тюков, а без нее я совсем не походила на странствующего лекаря.

— Собираешься обратно в мастерскую? — спросил меня М'барак. — Или ты не против заняться скотом и верховыми скакунами? Это принесло бы огромную пользу Руату. Я могу взять тебя туда, — его глаза озорно блеснули, — избавив от долгого и утомительного путешествия. Тьеро, их арфист, отбарабанит в твой Цех, чтобы о тебе не беспокоились. — Всадник вздохнул, снова покосившись на мой странный наряд. — Очень важно собрать людей в помощь Руату... людей, получивших вакцину и не подверженных болезни... Ты ведь ее уже не боишься, верно?

Я только кивнула головой; при этом неожиданном предложении сердце подпрыгнуло у меня в груди. Во мгновение ока я могла очутиться там, куда стремилась так отчаянно и страстно! Когда Суриана еще была жива, Руат казался мне средоточием свободы и счастья; он притягивал, как магнит. И теперь, когда я сбросила ярмо Форт холда — теперь, наконец, я вольна идти в Руат! Лететь в Руат! Именно теперь, потому что его бедствия были равносильны приглашению. Да, Руат претерпел печальные изменения и, вероятно, разительно отличался от холда, описанного Сурианой. Но я могла принести там пользу — как Рилл, не как леди Нерилка. А это являлось тем делом и той целью, которые я искала, не так ли?

— Если нужны хорошие конюхи, у меня тут есть двое... — с энтузиазмом начал Беструм. — В ожидании весны парни маются от безделья — вырезают побрякушки из раковин, чтобы скоротать время. Рилл, — он кивнул в мою сторону, — уже успела продырявить им шкуры своей иглой, так что мор этим молодцам не страшен.

Так и было решено. Оба конюха — несомненно, братья, — крепкого сложения, флегматичные мужчины — собрали свой нехитрый скарб. Леди Гейна сходила за тяжелыми меховыми плащами, которые должны были защитить нас от ледяного дыхания Промежутка. Она суетилась вокруг нас со своими служанками, собирая провизию — этих запасов хватило бы до лета, как мне показалось. Потом принесла три огромные бутылки, и мы с М'баракком навьючили их на Арита позади остальных тюков.

Не первый раз я прикоснулась к дракону, но теперь этот контакт оказался более длительным и тесным. Кожа его была теплой, гладкой и мягкой и оставляла

на ладони странный запах, похожий на аромат пряностей. Внезапно Арит оглушительно затрубил, но его всадник тут же успокаивающе улыбнулся мне. По словам М'барака, дракон не имел ничего против странной поклажи, которую навалили ему на спину. Мы еще раз проверили свой хрупкий груз, переложив его одеждой; в кладовых Форта было множество таких же бутылей, но я не могла припомнить, что матушка делала с ними.

Под конец я бросила последний взгляд на рану мальчика. Все было в порядке; шов не разошелся, и он спокойно дремал после кружки слабого снотворного из плодов лунного дерева. Затем я распрощалась с Гейной и Беструмом. Мы провели вместе лишь несколько часов, но они провожали меня с пожеланиями счастья и здоровья. Я сказала им, что попытаюсь узнать о судьбе их детей и пришлю весточку по барабанной связи. Глаза Гейны наполнились слезами; она знала, что надежда на счастливый исход невелика и, все же, была мне благодарна.

Беструм забросил меня на спину дракона — так, что я шлепнулась прямо за гибким сильным телом М'барака. Надеюсь, я ничего не повредила бедному зверю. Братья-конюхи, Пол и Сейл, взошли на наш летучий корабль с меньшей помпой и уселись сзади. Я почувствовала, как исчез холодок страха, сменившись радостным предвкушением — словно эти двое были каменной стеной, ограждавшей меня от мрака, холода и бесконечной, безбрежной пустоты.

Арит сделал небольшой разбег и прыгнул в воздух; затем его огромные, слегка просвечивающие на солнце крылья развернулись, первым же взмахом подбросив дракона вверх на добрую сотню локтей. Это было восхитительное ощущение! Теперь, когда мощные крылья Арита уносили нас в вечерние небеса, я, казалось, стала лучше понимать всадников. Да, они были особыми людьми... теми, кому доступно счастье упоения полетом, владыками воздушной стихии... Я плотнее запахнула плащ, чувствуя тепло огромного тела дракона; спина М'барака защищала меня от встречного ветра.

Должно быть, он понял мое состояние. Повернув голову, он весело ухмыльнулся и крикнул:

— Теперь держись, Рилл! Идем в Промежуток!

Если полет на спине дракона наполнял душу восторгом, то ледяная тьма, разорвавшая мир пополам,

внушала безотчетный ужас. Мрак, холод, пустота... Страх! Горло сжимали тиски удушья, и я не могла крикнуть, позвать на помощь... Какой-то частью сознания я понимала, что мне ничего не грозит — ведь дракон и всадник чувствовали то же самое... они испытали это много раз... И все же панический вопль едва не сорвался с моих губ — в тот самый момент, когда мы снова вырвались под свет солнца, и прохладный воздух высоты потоком хлынул мне в лицо. Мы были над Руатом — там, куда нас перенес безошибочный инстинкт Арита, колдовской непостижимый дар драконьего племени.

Я никогда раньше не посещала Руат, но Суриана не раз посылала мне свои наброски и описания холда. Обширное поселение, выдолбленное в скале, с башнями и мощными стенами... Конечно, оно осталось неизменным — и все-таки было непохоже на рисунки моей подруги. Она восхищалась живительным руатанским воздухом, дружелюбием и гостеприимством его обитателей, так не похожем на засушенную вежливость Форты... Она перечисляла людей — из благородных фамилий и простых странников — посещавших холд и в теплый, и в холодный сезоны. Она писала о садах и пышных лугах, раскинувшихся вдоль реки, о равнинах, по которым стремительно мчатся скакуны... Но в ее посланиях не было ни слова о чудовищных могильных курганах, о чернеющих кругах выжженной земли, о сломанных повозках и рваных шатрах, усеивавших берег реки, на котором еще недавно, под яркими знаменами и пестрыми тентами, бурлила веселая толпа прибывших на Встречу гостей.

Я застыла, потрясенная этим зрелищем; сдавленный возглас за спиной свидетельствовал, что мои спутники тоже не остались равнодушными. М'барак — несомненно, тактичный юноша, — молчал, пока голубой дракон по пологой дуге спускался над разоренным холдом. Теперь я заметила первые признаки жизни — пятеро исхудавших мужчин грелись во дворе под лучами вечернего солнца.

— Дракон, братец, — раздался у меня над ухом негромкий голос, в котором слышалось глубокое удовлетворение.

Бросив взгляд вниз, я увидела огромного бронзового, который высаживал своих пассажиров на широкой пло-

щадке перед конюшнями. Бронзовый взлетел, освобождая место Ариту, его крылья сверкнули в солнечных лучах расплавленным золотом, вытянутые лапы с чудовищными когтями мелькнули над нами. Арит, завершив круг, приземлился точно на том же месте, откуда взмыл в небо его собрат.

— Морита, — произнес М'барак, почтительно склонив голову. Стройная женщина со светлыми короткими волосами повернулась к нему. Я невольно вздрогнула — госпожа Форт Вейра стояла бы последней в списке тех, кого я ожидала встретить в Руате.

Воспоминание кольнуло меня — я видела лицо Мориты в тот особый неповторимый миг, когда она, склонив голову и к чему-то прислушиваясь, смотрела на свою королеву... Где это было? Во дворе Форта? Она светила какой-то внутренней умиротворенностью, безмятежным спокойствием, причину которого я не могла тогда понять. Конечно, она не раз бывала в Форт холде — с тех пор, как приняла власть над Вейром из рук прежней госпожи, Лери. Но то были редкие визиты, по случайной оказии, и хотя я видела ее в главном зале Форта, мы не обменялись ни единым словом. Мне казалось, что она была сдержанной или слишком застенчивой и молчаливой; правда, в присутствии громогласного лорда Толокампа мало кому удавалось вымолвить хоть пару фраз.

— Поторопитесь! — голос М'барака прервал мои размышления. Всадник прыгнул на землю и повернулся к маленькой группе встречающих. — Помогите разгрузить эти глупые бутылки... И еще — тут люди, которые могут ухаживать за скакунами. Торопитесь! Мне надо вернуться к Падению, — не то Ф'нелдрил сдерет шкуры и с меня, и с Арита!

Двое мужчин и гибкая темноволосая девушка двинулись к нам. Мгновенно, инстинктивным чутьем я узнала Алессана; девушка, по-видимому, была его сестрой, Оклиной — единственной, оставшейся в живых. Второй мужчина был облачен в голубую тогу арфиста. Пол и Сейл спешили, и я начала передавать им мешки с провизией и бутылки. Огромные стеклянные емкости леди Гейны благополучно перенесли посадку.

— Если ты слезешь, Морита сможет сесть, — с извиняющейся улыбкой произнес М'барак.

Итак, мы обменялись местами с Моритой. Мне хотелось бы поговорить с ней — она казалась сейчас не

такой далекой и отстраненной, как в Форт холде — но ни повода, ни времени для подобной беседы не оставалось. Несомненно, она не узнала меня. Когда голубой дракон начал разбег, Морита обернулась — но ее последний взгляд тоже был предназначен не мне.

Я посмотрела на Алессана — прикрыв глаза от солнца, он следил за голубым, пока тот не исчез в Промежутке. Затем молодой лорд улыбнулся и приветствовал меня и братьев. Пожатие его руки было крепким и дружелюбным.

— Вы прибыли помочь нам со скакунами? Говорили М'барак, что вас ждет на развалинах Руата?

Вначале я решила, что он несколько драматизирует ситуацию — стены холда все-таки оставались целыми — но потом поняла: Алессан не хотел скрывать от нас суровую реальность. Холд — это люди, не камни; а людей-то почти не осталось. И лорд Руата упомянул об этом со свойственным ему суховатым юмором, о котором писала мне Суриана. Суриана! Если бы моя молочная сестра знала, в какое время и при каких обстоятельствах я окажусь в Руате! Она была мертва, а Руат... Руат действительно лежал в развалинах.

— Нас послал Беструм из Высокого Холма, лорд Алессан, — произнес один из братьев — тот, у кого в волосах просвечивала седина. — Я — Пол, мой брат — Сейл. Мы привыкли иметь дело со скакунами... — он сделал паузу. — Беструм передает свои соболезнования и привет...

Алессан повернул голову, его улыбчивые зеленоватые глаза остановились на моем лице, и все, что писала о своем муже Суриана, мгновенно всплыло у меня в памяти. Я видела и ее наброски, но либо они слегка приукрашивали действительность, либо внешность Алессана разительно изменилась; теперь он совсем не напоминал беззаботного юношу. В глазах, в линии рта, в слегка нахмуренных бровях читалась твердость — и, в то же время, от его облика веяло печалью. Той печалью, что может поблекнуть, подернуться дымкой времени, но не исчезнет никогда... Он был высохший, изможденный; кости выступали под кожей, заметные даже сквозь ткань туники, руки — огрубевшие, в ссадинах и мозолях, словно у последнего слуги.

— Мое имя Рилл, — сказала я, возвращаясь к действительности из водоворота воспоминаний. Чтобы пре-

дупредить дальнейшие расспросы, я добавила: — Мне тоже приходилось иметь дело с животными. Я немного умею врачевать и знаю все целебные травы и корни. Кое-что у меня с собой...

— У тебя есть что-нибудь от этого ужасного кашля? — спросила девушка и ее огромные темные глаза странно блеснули. Вряд ли этот блеск был вызван моими словами или надеждой на целительную микстуру в моем багаже; но лишь много позже я узнала о тех необычных событиях, что разыгрались здесь перед нашим появлением.

— Да, у меня найдется немного настойки... — я потянулась к своим сумкам.

— Холдер Беструм просил узнать о его сыне и дочери, — внезапно произнес седоватый Пол, переминаясь с ноги на ногу; взгляд его брата блуждал по сторонам, избегая глаз лорда Алессана.

— Я справлюсь в Записях, — голос арфиста был спокоен, но мы все заметили, как дрогнула щека Алессана и как тихо, чуть заметно вздохнула его сестра. — Я Тьеро, — продолжал арфист, пытаюсь улыбкой снять напряжение. — Ну, Алессан, чем мы займемся сейчас?

И таким образом Тьеро деликатно повернул наши мысли от тягостного прошлого к неопределенному будущему. А вскоре мы уже не думали ни о прошлом, ни о будущем; настоящее полностью поглотило нас.

Алессан быстро объяснил, что надо сделать. В первых, немногочисленных больных, еще остававшихся в лазарете, устроенном в главном зале, следовало перевести в помещения на втором уровне холда. Затем предстояло отскрести главный зал от пола до потолка. При этих словах Алессан бросил взгляд на рослых братьев; несомненно, я могла заняться полом, но потолок требовал мужской силы и ловкости.

— Мы наладили производство сыворотки, — добавил он и кивнул в сторону широко распахнутой двери. — Кровь можно взять у животных, которые выжили после болезни.

Пол повернулся к пустовавшим на три четверти стойлам, переступил с ноги на ногу и бросил взгляд на брата. Я, ошеломленная, поднесла ладонь к губам. Несчастные звери! Отощавшие — кожа да кости! — с длинными мосластыми ногами и свалывшейся шерстью, они ничем не напоминали крепких, мощных скакунов, гордость Руата. Ходячие скелеты...

Наше замешательство не укрылось от глаз Алессана.

— Почти все скакуны, выведенные моим отцом, погибли, — тихо сказал он. — Но я занимался другой породой... выносливыми животными, бегунами... они мчались, как ветер... Они оказались менее подвержены этой напасти...

— Жаль, как их жаль... — прошептал Пол, покачивая поседевшей головой и не спуская взгляда с ворот конюшни.

— О, я снова выведу эту породу! — лицо Алессана ожило, засветилось. — Вы слышали про Дага, моего старшего конюха? — спросил он братьев. Оба с интересом кивнули. — Даг сейчас на горных лугах. Мы сохранили несколько жеребых кобыл и молодого самца... Так что есть с чего начать.

— Приятно слышать, лорд, приятно слышать, — казалось, слова Сейла были предназначены покачивающимся в стойлах животным, а не Алессану.

— Но, — руатанский лорд смущенно улыбнулся, — сейчас надо заняться другим. Надо вычистить заразу из холда...

Пол начал решительно закатывать рукава.

— Мой брат и я — мы не многим можем помочь тебе, лорд. Но если надо скрести и мыть, мы будем скрести и мыть.

— Отлично, — усмехнулся Алессан. — И если мы не выполним все как надо, Десдра заставит нас проделать работу с начала. Завтра она появится в Руате, чтобы проверить состояние холда.

Мы подошли к резной двери холда. Рядом, во дворе, Тьеро и еще один человек, Дифер, собирали странное устройство, похожее на мельничное колесо. Им помогали человек десять.

— Это центрифуга для приготовления сыворотки, — пояснил Алессан. — Мы сделали уже несколько штук.

Братья дружно кивнули, словно им и в самом деле было понятно, о чем идет речь. На лице Сейла мелькнула сконфуженная улыбка.

Оклина поджидала нас в зале вместе с целым отрядом служанок, вооруженных ведрами с горячей водой, вениками и тряпками. В стеклянных бутылках плескалась голубоватая жидкость, в которой я узнала дезинфицирующий раствор. Теперь мы все закатали рукава, и я заметила, что руки Алессана были красными и вос-

паленными по локоть; видимо, с раствором работал он сам. Затем мы принялись скрести.

Мы скребли до захода солнца и продолжили это занятие при свете масляных ламп. Мы отмывали потолок, стены и пол, гигантский камин и ступени лестниц, двери и ставни на окнах, крыльцо и ближайшие к залу коридоры. Обжигая руки в горячей воде, мы терли и мыли, чистили, драили и поливали едким раствором. Новые светильники сменяли догоревшие, а мы все продолжали гнуться над ведрами и шаркать тряпками по стенам.

Я вздрогнула, когда Алессан коснулся моего плеча, и подняла голову — все остальные уже закончили работу.

— Наверно, ты и во сне будешь орудовать тряпкой, Рилл, — сказал он с добродушной насмешкой.

У меня еще хватило сил, чтобы подняться вслед за Оклиной в коридор первого уровня и дотрестись до своей комнаты. Когда дверь за сестрой Алессана закрылась, я вспомнила, что даже не пожелала ей доброй ночи. В голове у меня вертелись те несколько слов, которые я должна буду завтра шепнуть Десдре... Но я не успела додумать их до конца. Я рухнула на кровать и провалилась в сон.

Глава 8

*Год 1543, двадцать первый — двадцать второй дни третьего
месяца*

Я пробудилась, недоуменно моргая — как всякий человек, обнаруживший, что он проснулся в странном и неожиданном месте. С некоторым трудом я убедилась, что не попала обратно в свою комнату в Форт холде. Главным отличием была тишина. Наконец, до меня дошло — барабаны замолчали. Я встала, оделась, и так начался мой первый день в Руате.

Я уже находилась в зале, запивая душистым класнаскоро приготовленный завтрак, когда протяжный крик Арита возвестил о прибытии Десдры. Голубой дракон снова был нагружен множеством бутылок — большие болтались по бокам, маленькие позвякивали в тюках.

У меня не было возможности переговорить с Десдрой; Алессан забрал нас с Полом и Сейлом на пастбище. Он собирался выбрать животных покрепче и заняться вакциной.

Возможно, скакуны еще не оправились после перенесенной болезни или привыкли к человеческим рукам, но они покорно шли в конюшню; каждый из нас вел двоих. После третьего похода на луг все стояла были заняты, и Алессан показал, как брать кровь из шейной вены. Животные довольно спокойно отнеслись к этой операции. Я работала в паре с Сейлом; заметив, что ему непривычно орудовать игольчатым шипом, я занялась этим сама — пока объездчик придерживал голову скакуна.

Был уже полдень, когда мы закончили возиться со всеми двадцатью четырьмя животными. Полученную кровь слили в большие стеклянные банки и отнесли в главный зал, где были установлены центрифуги. Казалось, не я одна испытываю сомнения насчет этих самодельных устройств, но Десдра держалась столь уверенно и спокойно, что никто не задавал вопросов. Проверив крепления колес, она подала сигнал нескольким группам мужчин, и те навалились на длинные рычаги. Люди часто сменялись, чтобы поддерживать необходимый темп; колеса чуть слышно гудели, поскрипывали оси. У меня мелькнула мысль, что в случае неприятностей

с одной из банок вся наша вчерашняя работа по очистке зала пойдет насмарку; потом я решила, что подобные опасения просто неуместны в атмосфере радостной надежды, воцарившейся в Руате.

Среди нас появилась Оклина, приглашая работников отведать наваристого супа с теплым свежее испеченным хлебом. Люди сгрудились вокруг длинного стола на козлах; те, кому не хватило места, стояли, прислонившись к стенам. С миской в руках к столу подошла Десдра. Прихлебывая суп, целительница несколькими скупыми фразами объяснила важность нашей задачи. Только поголовная и немедленная вакцинация стад могла предотвратить повторную эпидемию. Все обитатели Руата могли принять участие в этом деле и преградить болезни дорогу на континент. Слова целительницы были выслушаны в напряженном молчании.

Опять закрутились колеса. Пол, Сейл и я не стали дожидаться первой порции вакцины и пошли в конюшню. Там уже суетился Даг, заливая подогретым вином смесь отрубей и луговых трав — как утверждал старый конюх, это средство обеспечивало быстрое восстановление потерянной крови. Затем мы как следует обтерли животных, выбирая из грив и хвостов колючки засохшей грязи и репейник.

Несмотря на сломанную правую ногу, Даг трудился наравне с нами. Если он не мог с чем-то управиться, на помощь приходил его внук — нахальный паренек по имени Фергал. Этот мальчишка, казалось, подозревал всех в злостных намерениях — не исключая и лорда Алессана, подошедшего вместе с сестрой взглянуть на животных. Правда, Оклину юный негодяй слушался беспрекословно, но поручения остальных старших вызывали либо недовольное ворчание, либо град довольно наглых комментариев. Даг его обожал; наверно, ему представлялось, что этот длинноногий жеребенок просто резвится. Но, несмотря на мерзкие манеры, Фергал был терпелив и добр с животными. Одна из кобыл, с раздутым брюхом, явно ожидающая потомства в ближайшие дни, пользовалась его особой благосклонностью. Едва мальчишка приближался, она вздергивала голову, играла ушами и трогательно тянулась к нему.

— Первая порция сыворотки скоро будет готова, — внезапно сказал Алессан.

Меня удивило, что из всей компании лишь Фергал

да я проявили интерес к этому замечанию. Братья из Высокого Холма, уютно устроившись на кипах сена, болтали с Дагом; эта тройца вежливо отклонила приглашение полюбоваться на предмет наших усилий.

Когда мы пришли в зал, Десдра осторожно сливала из банки маслянистую желтоватую жидкость, объясняя, что это надо делать осторожно, чтобы не взболтнуть темный осадок. Затем, под зорким взглядом целительницы, мы начали копировать ее движения, сначала переливая лекарство из банок в стеклянные бутылки, потом закачивая препарат в шприцы. Для каждой инъекции полагалась чистая игла, чтобы уменьшить вероятность заражения. Прохаживаясь по обширному залу, Десдра безжалостно заставляла нас — включая и трех выздоравливающих — вновь и вновь повторять весь цикл.

— После полудня подвезут еще бутылок, — сказал Тьеро. — М'барак собирался облететь половину малых холдов на западе. — Вероятно, арфист хотел подбодрить нас, но был вознагражден лишь дружными стонами.

— Сколько же нужно этой пакости? — нахально спросил Фергал, поглядывая в сторону луга. Там, среди стогов сена, бродил поредевший табун его возлюбленных скакунов.

— Столько, чтобы хватило для всех кобыл и жеребцов в Телгаре, Керуне, Руате, Форте, Болле, Айгене и Исте, — сказал Алессан. Я вздохнула, представив бесконечный ряд бутылей, заполненных желтоватым эликсиром.

— В Исте не разводят скакунов. Иста — остров, — безапелляционно заявил Фергал, демонстрируя свои познания в географии.

— Но люди и животные там тоже пострадали от мора, — ответил парнишке Тьеро. — Керун и Телгар уже наладили производство сыворок, так что Руату не придется работать за всех.

— Руат даст все, что сможет, — твердо произнес Алессан, словно бы не слыша этой перепалки. — И вакцина от наших скакунов будет самой лучшей. А теперь — за дело!

Трудились мы весьма упорно — причем все, кто мог держаться на ногах. Выздоровливающие сидели у чанов с горячей водой, мыли стеклянную посуду или плотно закупоривали бутылки; затем на них одевали сплетенные из тростника чехлы. Ребятишки служили гонцами или,

взявшись по двое, осторожно перетаскивали готовую сыворотку в холодные кладовые.

Я выкачивала кровь из бедных зверей. С облегчением покидая коридоры холда, насыщенные едким запахом дезинфицирующего раствора, я приводила скакунов с пастбища, потом отправлялась за новой парой; по крайней мере, я могла глотнуть свежего воздуха. Во избежании ошибки, Даг помечал краской обработанных мной животных — они были слишком слабы, чтобы расстаться с двойной дозой крови. Мои частые прогулки позволили ближе рассмотреть то, что лорд Алессан назвал развалинами Руата. Курсируя между пастбищем и конюшней, я старалась каждый раз выбирать новую дорогу, размышляя над тем, что и как стала бы приводить в порядок, если бы получила право голоса в руатанских делах. Невинное развлечение, не более того.

Поздним утром раздался бой барабанов — нам сообщали потребность холдов в сыворотке и имена всадников, которые будут ее развозить. Алессан хотел, чтобы эти сведения были записаны, но Тьеро не мог целыми днями слушать барабанные коды — дел у арфиста хватало.

— Пусть этим займется Рилл, — спокойно заметила Десдра.

— Ты понимаешь сообщения барабанов, Рилл? — в голосе Алессана звучало удивление. Вопрос застал меня врасплох; я уже надеялась, что Десдра не узнала дочь лорда Толокампа в коротковолосой, измученной и грязной Рилл.

— И, вероятно, ты знаешь все коды, Рилл? — Десдра была совершенно невозмутима и, похоже, не собиралась открывать всем и каждому источник моих талантов. Целительница повернулась к Алессану: — Пусть наполняет бутылки вакциной в перерывах между посланиями. Совсем недавно Рилл пришлось побегать... так что сидячая работа ей не повредит.

Я приняла к сведению, что Десдра в курсе моих приключений, и мне дозволяется сохранить инкогнито. К счастью, Алессан был слишком занят и не поинтересовался, откуда простая девушка, добровольная помощница лекарей, понимает в таких таинственных материях. Зато теперь я получила возможность посидеть. Не знаю, откуда черпал энергию Алессан, но с каждым часом мне становилось все яснее, почему Суриана так

восхищалась им. Безусловно, он был достоин уважения по многим причинам. Я прекрасно понимала, чего он добивается. Алессан хотел восстановить свой холд; он жаждал, чтобы его залы и мастерские вновь наполнились людьми, а поля — цветущими злаками. И я была готова остаться здесь и помогать ему.

Меня поджидало еще одно открытие. Вернувшись в холд, с его четко сложившейся иерархией отношений, я автоматически приняла на себя прежние обязанности. Опять я раздавала слугам дневные задания, объясняя, как быстрее и лучше выполнить работу. К счастью, никто не оспаривал ни моих распоряжений, ни права отдавать их; все были заинтересованы в том, чтобы дела продвигались поскорее.

Оклина более остальных нуждалась в моей помощи. Несмотря на внешнюю хрупкость, она работала не меньше своего брата, и меня, привыкшую делить хозяйственные обязанности с сестрами и тетушками, ужасал груз, который тащила эта юная девушка. Ее вряд ли можно было назвать красавицей — возможно, по этой причине наши отношения сложились легко и просто. Смуглая, с темными волосами и резкими чертами лица, столь же непривлекательными в глазах мужчин, как и мои собственные, она обладала, тем не менее, грациозной фигуркой и врожденным изяществом. Улыбка — само очарование; черные глаза — огромные, выразительные — иногда затуманивались некой загадочной пеленой. Я часто ловила ее задумчивые взгляды, неизменно прикованные к северо-западу — возможно, там жил юноша, пленивший ее сердце? Из Оклины вышла бы превосходная жена и хозяйка; оставалось надеяться, что Алессан не станет задерживать ее в Руате, но устроит за человека доброго и достойного. Конечно, Руат уже не назовешь богатым холдом, но чистота крови руатанских владельцев оставалась неоспоримой.

Итак, мы работали, забывая про свои бутылки и центрифуги лишь на несколько мгновений — достаточных, чтобы проглотить чашку супа с куском мягкого хлеба. Неожиданно появились свежие фрукты — дар одного из южных холдов, куда всадники увозили нашу вакцину. Почему при виде спелых плодов лунного дерева в глазах Оклины заблестели слезы? Я сомневаюсь, что их вызвало бескорыстие этого дара — не настолько она была чувствительна. Бросив взгляд на Алессана, я заме-

тила, что он с грустной улыбкой смотрит на сочный оранжевый ломтик в своей ладони, словно тот о чем-то напоминал ему. Впрочем, я могла ошибаться; когда руатанский лорд махнул рукой, приказывая вновь приступить к работе, лицо его было спокойным. Тут ударили барабаны, и я записала очередное послание.

* * *

К концу следующего дня — то был мой третий день в Руате — лишь немногие из нас сумели проглотить кусок за ужином; утомление оказалось сильнее голода. Внезапно от стола, где Алессан, Десдра и Тьеро склонились над списками и картами, долетел возбужденный возглас.

— Мы сделали это! — снова раздался голос Алессана. Он выпрямился; широкая улыбка осветила его утомленное лицо. — И сделали достаточно — даже если треть бутылок перебыют при доставке! Вина всем! Оклина, возьми Рилл и принесите четыре фляги из моих запасов!

Алессан бросил сестре длинный ключ, который она ловко поймала в воздухе. Затем, подхватив меня под руку и облегченно улыбаясь, она миновала кухню и стала спускаться по крутой лесенке, ведущей вниз, к холодным кладовым нижнего уровня.

— Ну, брат и в самом деле доволен, Рилл! Он редко трогает свое вино, — она хихикнула, — бережет для особых случаев! — Ее очаровательное личико вдруг стало печальным. — Надеюсь, что у нас появятся и другие поводы открыть бутылку-другую... Вот мы и пришли.

Когда она распахнула узкую дверь, за которой рядами тянулись полки с бутылками и глиняными флягами, я застыла в изумлении. Даже неяркий свет лампы, падавший из коридора, позволял различить характерную форму сосудов.

— Это же бенденское! — вскричала я наконец.

— Да. Ты когда-нибудь пила его?

— Нет, откуда... — Толокамп не имел разорительной привычки поить своих дочерей редкими винами; с нас хватало и розового тиллекского. — Но я слышала о нем... Оно и вправду такое хорошее, как говорят?

— Ты можешь убедиться сама, Рилл.

Оклина сунула мне две тяжелые фляги, потом вынесла в коридор еще пару и заперла дверь.

— Ты уже закончила обучение у целителей, Рилл?

— Нет, о нет... — Я не хотела лгать Оклине; в глазах этой девочки было столько беззащитной доверчивости... — Я только помогаю им... добровольно... Видишь ли, я не хочу возвращаться в свой холд.

— О, наверно, там умер твой муж, и ты...

— У меня не было мужа.

— Ну, Алессан что-нибудь придумает... Если ты, конечно, захочешь остаться в Руате. Ты так помогла нам, Рилл... и ты, я вижу, так хорошо разбираешься в хозяйстве... Я хочу сказать, умерло много людей... земли пустуют... мы должны снова заселить их! Алессан подбирает людей — ну, из тех, кто оказался без холда... Уже есть несколько человек, отличные работники, достойные... — Она вдруг зарделась и сокрушенно покачала головкой. — Ох, Рилл, наверно, я плохо говорю... Но Алессан попросил узнать, согласишься ли ты остаться. Ты заслужила его великое уважение... Вот Тьеро, — Оклина хихикнула, — тот твердо решил остаться... хотя они с Алессаном еще не сталкивались насчет заработков и приработков.

Эти шутливые споры насчет жалованья и оплаты «дополнительных услуг», под которыми Тьеро понимал разгрузку стеклянной посуды, происходили между арфистом и Алессаном раз по пять в день. Я уже не могла представить Руат без этой парочки, постоянно обсуждавшей — причем в самой любезной манере! — свои финансовые проблемы. Тьеро пришел на Встречу вместе с другими странствующими музыкантами в надежде на хороший заработок, но все его товарищи, как и постоянный арфист Руата, пали жертвой эпидемии.

Когда мы вернулись в главный зал, мужчины уже сдвинули к стене центрифуги и огромные стеклянные бутылки для сыворотки. Алессан и Тьеро очистили столы, место наших торопливых трапез, а Даг с Фергалом принесли из кухни котел с тушеным мясом. За ними тащился Дифер с тарелками и чашками и, наконец, появилась Десдра с огромным деревянным блюдом. На нем горой были навалены фрукты и головки сыра — включая и ту, что послала леди Гейна. Не думала я, что от ее даров хоть что-нибудь осталось!

Снаружи доносился шум негромкого веселья остальных наших работников, топивших в вине труды и заботы двух последних дней. Мы, восемь человек, сидели за

столом — странная компания для любой трапезы и любого торжества — но великая задача, разрешенная сегодня, сплотила нас всех, не исключая и Фергала. Мальчишка с таким высокомерным пренебрежением отказался от чаши вина, что, я уверена, лишь трудовые подвиги на конюшне спасли его от хорошей нахлобучки. Я не сомневалась, что Фергал не хуже взрослых разбирался в кое-каких запретных для его возраста удовольствиях — люди его типа обладают инстинктивным знанием подобных вещей. И эта публичная демонстрация добродетели лишь укрепила мои подозрения. Впрочем, несмотря на свою дерзость, мальчишка мне нравился.

Наш маленький и неожиданный праздник наполнил меня счастьем. Алессан занял место рядом со мной, и я, необычайно взволнованная, втайне наслаждалась его близостью. Мы сидели рядом на скамье; его рука, отдыхавшая на столе, касалась моих пальцев; бедро случайно задевало мое колено, он весело улыбался мне, когда Тьеро отпускал очередную шуточку. Я смеялась в ответ — смущенная, с сильно бьющимся сердцем; возможно, мой смех мог показаться несколько нарочитым. Но я сильно устала и прекрасное белое вино Бендена было слишком крепким для меня.

Вдруг Алессан наклонился ко мне, положил ладонь на мою руку. Я затрепетала.

— Как тебе бенденское, Рилл?

— У меня от него кружится голова, — быстро ответила я. Если он заметил мое необычное поведение, то пусть знает его причину — и эта причина выглядела не хуже любой другой.

— Нам всем надо расслабиться сегодня. Мы заслужили отдых.

— И ты — больше, чем другие, мой лорд.

Он пожал плечами, опустив взгляд в чашу и медленно поворачивая ее; отблески огней переливались в прозрачной глубине напитка.

— Наверно, ты права, — голос Алессана был тих, и острая жалость к нему на миг кольнула меня.

— За Руат, — шепнула я, подняв чашу.

Слегка удивленный, он посмотрел на меня; его странные зеленоватые глаза блеснули.

— Скажи, Рилл... только откровенно... Я измучил всех за эти два дня?

— Ради Руата...

— Это, — он кивнул в сторону прислоненных к стене колес центрифуг и огромных бутылей для вакцины, — это делалось не ради спасения Руата.

— Это уже сделано. Ты сам сказал, что долг Руата — помочь всему Перну.

Алессан смущенно усмехнулся, но улыбка его была доброй. Я поняла, что мои слова ему приятны.

— Руат возродится, вот увидишь! И скоро — я уверена в этом! — мне казалось более безопасным говорить о Руате, чем о наших весьма неопределенных отношениях.

Что-то странное промелькнуло в его глазах.

— Значит, Оклина говорила с тобой? Ты остаешься?

— Мне бы хотелось... Мор сгубил моих родных... я потеряла дом...

Его теплая сильная ладонь с благодарностью сжала мои пальцы:

— И у тебя есть какие-нибудь желания... условия? Мы можем обсудить все, что ты хочешь... — его голос дрогнул от сдерживаемого смеха, взгляд метнулся в сторону Тьеро.

Вопросы Алессана застigli меня врасплох; я не могла придумать ничего определенного — кроме того, что твердо остаюсь в Руате. Видимо, он понял это и снова крепко сжал мою руку.

— Подумай как следует, Рилл, и скажи мне позже. Ты знаешь, я справедлив к своим людям.

— Меня удивило бы иное...

Он ухмыльнулся моей откровенности, долил в чаши вина, и мы традиционным способом скрепили наш договор. Затем, в дружеском согласии, мы прикончили хлеб с сыром, прислушиваясь к разговорам за столом и к доносившейся снаружи музыке.

— Не нравится мне этот мастер Бальфор, мой лорд, — произнес Даг, уставившись на свои тяжелые узловатые руки. Он говорил о человеке, которому, судя по всему, предстояло занять должность главного скотовода Керуна.

— Его пока что не утвердили, — ответил Алессан. Мне показалось, что он не хочет сейчас обсуждать такие щекотливые вопросы — во всяком случае, не при Фергале, который всегда держал ушки на макушке.

— Меня не волнует, утверждают его или нет... Просто у Бальфора опыта маловато.

— Ну, зато он выполняет все, что требует мастер Капайм, — произнес Тьеро, бросив взгляд на Десдру.

— Горе, ах, какое горе... столько достойных людей мертвы... — Даг поднял свой кубок в молчаливом тосте, и мы выпили, почтив память погибших. — И еще печальнее то, что целые семьи исчезли... их холды безлюдны и мастерство утеряно... Я слышал, лорд, что Сувер умер... и Рунел, кажется тоже? Кто-нибудь уцелел из его рода?

— Старший сын и его семья. Они отсиделись в своем холде...

— Ну, это толковый парень... — Даг руками перебросил через скамью ногу в лубке и заявил: — Пойду-ка я брошу взгляд на ту гнедую кобылку... сегодня ночью она может ожеребиться. Фергал, помоги мне, сынок.

— Я пойду с тобой, если можно. Рождение — счастливый миг! — Фергал выглядел недовольным, и я поспешила предложить свои услуги, протянув Дагу костыли. Мне хотелось наполнить грудь свежим ночным воздухом — так, чтобы доброе бенденское поскорее выветрилось из головы. А еще я предпочла бы сейчас находиться подальше от лорда Алессана; прикосновения его рук пьянили не хуже вина.

Мое сердце радостно билось; счастье переполняло его. Впрочем, я не собиралась смущать Алессана ни словами благодарности, ни заверениями в своей преданности — хотя, несомненно, испытывала оба эти чувства. К чему слова? Случай, каприз судьбы — и свершилось чудо: меня пригласили остаться в Руате! Я не хотела вспоминать о том, что действительность была гораздо прозаичней — просто я могла принести пользу. Мне доверяли, я могла жить и работать здесь — вот что главное! В том самом холде, который рисовался в моих грезах средоточием счастья. И я, возможно, еще увижу, как радость опять возвратится в эти стены... Чего же еще желать?

Поддерживая Дага, я перешагнула порог, и Фергал тотчас очутился рядом с нами. Он не собирался бросать деда на мое попечение.

Ночь была ясной, воздух — свежим, и в лицо мне словно пахнуло весной, что уже подбиралась к Руату с юга. Обмениваясь кивками и улыбками с людьми, что сидели у линии костров, мы медленно ковыляли к конюшне. Я несла фонарь, хотя наши ноги помнили

каждую плиту двора, каждый камушек дороги. Фергал шел впереди.

— Если она не ожеребится к полуночи, дело плохо, — вдруг заявил Даг, погруженный в какие-то свои расчеты.

— А кто производитель?

— Один из старых жеребцов лорда Лифа... Может быть, удастся сохранить породу... — он искоса посмотрел на меня. — Ты остаешься с нами, Рилл? Да?

Я кивнула, не в силах ответить; счастье и облегчение, принесенные доброй моей удачей, были слишком драгоценны, чтобы говорить о них вслух. Даг покачал лохматой головой.

— Нам нужны люди вроде тебя. Кто-нибудь еще остался в твоих краях? — снова лукавый взгляд из-под насупленных бровей.

— Никого — из тех, за кого я могла бы поручиться, — дружелюбно ответила я, надеясь унять любопытство старого конюха. За последние два дня у нас не оставалось ни сил, ни времени для бесед; теперь же я понимала, что буду вынуждена придумать какую-нибудь правдоподобную историю.

— Не каждая женщина сумеет разобраться с делами большого холда, — продолжал бубнить Даг. — До этого мора тебе, наверно, жилось полегче, чем здесь?

— Да... И я с грустью думаю о том, что потеряла... — Может быть, этот уклончивый ответ его устроил. Я не хотела говорить неправду; когда-нибудь истина выйдет наружу, но к тому времени корни мои прорастут в землю Руата. Происхождение мне простят, но ложь?..

К счастью, мы добрались до конюшни. Пол и Сейл уже были там, бдительно расположившись на тюках сена по обе стороны кобылы. Чтобы не терять времени, они занялись починкой кожаной упряжи, оставшейся после Встречи. Пол сунул Фергалу куртку; мальчишка посмотрел на деда и, когда тот кивнул, набросил одежду на плечи, сооротив гримасу Полу. Даг и я устроились на тюках и выбрали несколько уздечек, чтобы было чем занять руки.

— Парень Беструма... второй сын... присматривает себе землю, — прервал Пол продолжительное молчание.

— Ну? — отреагировал Даг.

— Крепкий паренек и хороший работник. У него и девушка есть... из соседнего холда.

— Думаешь, Беструм отпустит его? После того, как потерял двоих в Руате?

— Отпустит. Парню нужна свобода и свое хозяйство. Беструм это понимает. Он справедливый человек, Беструм.

— Кому же знать, как не тебе с Сейлом... — Даг одобрительно кивнул. Потом посмотрел на Пола и, раздумывая, прищурился: — Надолго он вас отпустил? С моей сломанной ногой...

— Дед, ты обещал, что я буду помогать тебе! — недсвольно воскликнул Фергал, окинув Пола свирепым взглядом.

— Конечно, парень, конечно... но тут работы не для двоих.

— В горах весна приходит позже, — заметил Пол, не обращая внимания на мальчишку.

— Пока в нас нет нужды, — добавил Сейл.

— Может, стоит спросить Беструма? Когда я пошлю письмо леди Гейне о ее детях? — сказала я.

— Если ты будешь так любезна...

Тьеро выяснил, что дочь леди Гейны скончалась в первой же волне смертей на руках у старой служанки, которая тоже умерла. Обе они лежали под самым крайним курганом. Сын много работал, помогал Норману, управляющему, свозить в холд запасы зерна и сена. Их погребли под вторым огромным холмом... Где же нашли покой матушка и мои сестры?

— Она забеспокоилась, — сказал Сейл, не подымая головы. Фергал вспрыгнул на тюк, вытянул шею и, приподнявшись на цыпочках, заглянул в стойло.

— Рожает! — заявил он так авторитетно, что я едва подавила смехок.

Мужчины промолчали — видимо, никто не хотел смущать парнишку. Теперь мы все слышали шуршание соломенной подстилки, на которую опустилась кобыла. Сколь мудры животные в таких делах и какой благой пример подают они людям! Раздалось тихое ржание — никаких криков, пронзительных воплей, рыданий, жалоб на судьбу или проклятий тому, кто довел ее до этого состояния.

— Копытца, — шепотом объявил Фергал. — Пошла голова! Все нормально!

Не удержавшись, я взглянула на Дага; пощипывая соломинку, старик подмигнул мне.

— Ну, — пробормотал Фергал, — еще раз, моя красавица... еще чуть-чуть... ну, вот и все!

Мы услышали пофыркивание кобылы, потом — слабый шорох, и бросились к стойлу, не в силах больше переносить неизвестность. Она вылизывала жеребенка. Мотая головой, напрягая длинные неуклюжие ножки, маленькое создание пыталось встать, повизгивая от усилий. Ободряюще фыркнув, кобыла подтолкнула его носом, прямо под крохотную метелку хвоста. Подогнув ноги, малыш сделал еще одну попытку, запутался в собственных конечностях и рухнул на бок.

— Жеребчик! — торжествуя завопил Фергал, первым обратив внимание на эту важную подробность. Он распахнул дверцу стойла и ворвался внутрь. — Милая ты моя! Хорошая девочка! Какой у тебя чудесный сынок! — мальчишка гладил кобылку по носу, ласкал уши, в голосе его звучала непривычная ласка. Затем он начал оглаживать жеребенка, чтобы тот почувствовал прикосновение человеческих рук. Казалось, новорожденного это не беспокоило; малыш все еще пытался разобраться со своими ногами.

— Парень понимает в скакунах... да, понимает, — произнес Пол, рассудительно покачивая головой.

— Он трижды сам ходил на горные пастбища, с тех пор, как я сломал ногу, — в голосе Дага звучала гордость.

Я повернулась к выходу.

— Пойду обрадую лорда Алессана.

— Давай, — Даг подтолкнул меня — Хорошие новости нынче дороги.

Когда я вернулась в зал, Оклина с Десдрой уже ушли — вероятно, отправились в постель, время было уже за полночь. Тьеро, навалившись боком на стол и выразительно жестикулируя, произносил речь. Алессан, коему она была адресована, свесил голову и время от времени слегка похрапывал.

— Это лишь справедливо, — чрезвычайно дружелюбным тоном излагал свою мысль Тьеро, — если арфист не может чего-то разузнать — такой арфист, который опытен в разузнавании всевозможных вещей — да, если арфист не может разузнать... — он на миг задумался и решительно закончил: — значит, ему этого и знать не положено! Разве я не прав, Алессан?

Продолжительный храп был ему ответом. Мгновение Тьеро с молчаливым упреком смотрел на руатанского

лорда, потом сунулся к торчавшей перед ним фляге и горестно вздохнул.

— Пустая? — спросила я, забавляясь разочарованием, отразившемся на длинном лице арфиста. Его нос, чуть свернутый на бок, дернулся.

— Пустая... И только хозяин знает, где п-полные... Но хороший арфист должен разы... раза... разуз... — окончательно запутавшись, он печально уставился на опорожненную бутылку.

Я улыбнулась, вспомнив наш с Оклиной поход в тайный винный погребок Алессана.

— Родился жеребчик, здоровый и сильный. Думаю, это приятная новость для лорда Алессана. Даг и Фергал остались на конюшне, присматривают за малышом. — Я опустила взгляд на спящего Алессана, его лицо казалось расслабленным, мирным. Сейчас он выглядел моложе, словно в этот час все заботы покинули его... Все ли? Или его зеленые глаза, прикрытые веками, по-прежнему были подернуты печалью?

— Я т-тебя знаю, — вдруг заявил Тьеро.

— Я не отношусь к людям, насчет которых любопытствуют странствующие арфисты, — пряча глаза, ответила я. — Вставай, Тьеро! Нельзя, чтобы лорд спал здесь. Отведем его в постель.

— Н-не уверен, что м-могу встать...

— Попытайся.

Я высокая, но все же уступаю ростом Тьеро и Алессану, и не такая сильная, чтобы в одиночку дотащить своего нового хозяина до кровати. Перебросив его руку через плечо, я дернула арфиста за пояс. Он с трудом занял вертикальную позицию и подхватил Алессана с другого бока.

Мой руатанский лорд был тяжелым! А Тьеро — не слишком надежным помощником. Он продвигался по лестнице, цепляясь рукой за перила, и мне только оставалось надеяться, что деревянный полированный брус столь же прочен, как каменная кладка. К счастью, покои Алессана располагались невысоко. Мы с трудом протаскивали его через первую комнату, все еще заставленную складными койками и табуретками — до этой части внутреннего холда у нас руки еще не дошли. Завтра или послезавтра тут надо будет прибрать.

Я рывком сдернула тяжелое шерстяное покрывало с кровати Алессана; оно свалилось на пол, путаясь у

нас в ногах, пока мы укладывали руатанского владельца в постель. Ноги его свесились за край, на лице гуляла блаженная улыбка. Может быть, он скакал сейчас рядом с Сурианой по цветущим горным лугам? Тьеро ухватился за свисавшую с балдахина занавеску, оборвал ее и начал бормотать извинения. Стянув с Алессана башмаки, я подняла его ноги на ложе, расстегнула пояс и попыталась перекатить тяжелое тело на правый бок.

— Я ж-желаю... — начал Тьеро, пока я укутывала Алессана покрывалом, подтыкая его под плечи. Вдруг он снова разулыбался во сне, и у меня перехватило дыхание от нежности. — Я ж-желаю... — арфист уставился на меня, напряженно хмурясь, потом голова его упала на грудь.

— В комнате рядом полно кроватей, арфист, — сказала я, догадавшись о его заветном ж-желании. Сомневаюсь, чтобы мне удалось дотащить Тьеро до его собственной постели.

— И т-ты меня тоже укроешь?

Очередное пожелание было высказано таким печальным тоном, что я едва не расхохоталась. Пошатываясь, Тьеро направился за мной в соседнюю комнату. Я сняла покрывало; с усталым и благодарным вздохом мой подопечный улегся на бок.

— Т-ты так добра к бедному арфисту... бедному выпившему арфисту... — бормотал он. — Однажды я вспоммм... ммю... вспоммм... нню... — он провалился в сон.

Да, вполне возможно, вспомнит, что именно он прозвал нас бандой из Форт холда — меня, моих сестер и братьев. Я сильно подозревала, что хорошая память Тьеро может сильно подпортить наши отношения. Впрочем, это — его проблема.

Из последних сил я доплелась до своей комнаты и рухнула в постель. Никого не оказалось рядом, чтобы укрыть меня, но об этом я не сожалела.

Год 1543, двадцать третий день третьего месяца

Ярким, сияющим выдался рассвет в этот день, когда горе снова погасило весну в наших сердцах. Невзирая на излишества предыдущего вечера — или благодаря им — мы встали отдохнувшими и позавтракали рано. На лицах цвели улыбки; даже Десдра, обычно суховатая и сдержанная, не составляла исключения. За завтраком обсуждались дневные планы. Алессан, горя нетерпением, побежал в конюшню, чтобы оценить новое пополнение своего табуна. Мы с Оклиной собрали подростков и нескольких мужчин из выздоравливающих — тех, что покрепче, — и начали перетаскивать центрифуги, бутылки и банки в опустевшие помещения скотоводческой фермы. Постепенно главный зал холда принимал свой обычный вид.

Остальных Дифер повел в холмы на охоту. В кладовых Руата почти не осталось мяса; к тому же дичь обещала внести приятное разнообразие в наши трапезы.

Сгибаясь под грузом стеклянной посуды, я размышляла над очередностью дальнейших работ — их надо было обсудить вечером с Алессаном. Неделя упорного труда — и весь мусор, все обломки будут расчищены. Но что делать с могильными холмами, напоминающими об этом ужасном времени? Когда они осядут, мы сможем выровнять почву и поставить памятные знаки. Но до того оставалось надеяться лишь на весну, которая прикроет могилы зеленым флером травы...

— Драконы! — закричал кто-то из носильщиков, и мы бросились во двор холда. Первым приземлился Б'лерион на бронзовом Набете, и личико Оклины вспыхнуло счастьем. Вслед за ним на каменные плиты опустилась королева Бессеры — Госпожи Вейра Плоскогорье. Еще шесть огромных зверей все бронзовые, планировали на дорогу. Просторный двор Руата вдруг стал тесен, будто превратился в палатку с кровлей из драконьих крыльев. Звери выглядели довольными, поздоровевшими, их тела ярко сверкали на солнце.

Не дожидаясь моей помощи, Оклина бросилась к Б'лериону с тяжелой бутылкой сыворотки. Всадник соскользнул на землю, и я заметила, как вспыхнуло его

лицо. Они глядели друг на друга; Оклина — нежно и преданно, бронзовый всадник — расплывшись в радостной улыбке. Наконец, он взял из ее рук оплетенную бутыл.

Я почувствовала чью-то руку на своем плече. Десдра стояла рядом, протягивая мне полную бутылок сумку.

— Не удивляйся, Рилл. Это — решенное дело.

— Я не удивляюсь... вернее... она еще так молода! А Б'лерион! Говорят, что он — тихоня, но...

— В Форт Вейре зреет королевское яйцо.

— Но Оклина нужна здесь! Ее брат потерял слишком многих...

Десдра пожала плечами, словно хотела сказать, что не бывает потерь без прибылей и, сунув мне в руки сумку, подтолкнула к воротам. Я вышла на дорогу; мысли, словно беспокойные ящерицы, метались в моей голове. Оклина была совсем еще юной... Неужели Алессан одобряет этот союз? Странно... У него не было наследников, а дети сестры, если бы они остались в холде, могли бы продолжить руатанский род. О, я прекрасно знала, сколь часто благородные девушки Руата становились повелительницами Вейров... И там женщины тоже рожали детей, но их потомство принадлежало племени Дракона. Нет, я не искала бы такой судьбы для себя! Слишком тесной и неразрывной была связь между всадником и драконом, слишком всепоглощающей, чтобы в их союзе нашлось место третьему! И все же... все же я завидовала Оклине — завидовала счастью, написанному на ее лице, когда она так смотрела на Б'лериона. Радужно сверкавшие глаза Набета были обращены к молодой паре, будто он понимал и разделял их чувства. Я не удивлялась; я знала, что такая власть дарована драконам. Правда, мне самой не хотелось бы, чтобы кто-то постоянно следил за моими мыслями и чувствами. Но я полагаю, всадники к этому привыкли.

Едва мы успели перевести дух, отгрузив первую партию лекарства, как прибыли королевы из Форт Вейра. К моему удивлению, среди них была даже Лери, прежняя Госпожа Форты; ее старушка Холта опустилась во дворе, а молодые королевы Камианы, Лидоры и Хауры сели на дороге. Следом появились С'перен и К'лон, бронзовый и голубой всадники.

Лери выглядела превосходно, шутила с Алессаном и Десдрой, время от времени бросая испытующие взгляды

на Оклину. Я заметила, что Холта тоже не оставляет вниманием сестру моего господина. Означало ли это, что между ними недавно возникла какая-то связь? Недавно? Тут я припомнила, что сама появилась в Руате три дня назад, но за такое краткое время произошло многое... столь многое, что дни теперь казались мне месяцами. Когда М'барак привез меня, Алессан с Моритой прямо светились от счастья... Да и Оклина тоже. Возможно, Лери прибыла в Руат, чтобы проверить, как обстоят дела сегодня?

Я укорила себя за излишнее любопытство. Вейр обладал правом Поиска подходящих претендентов, особенно когда речь шла о королевском яйце. И Оклина, сколь бы юной она не являлась, могла быть избрана. Но при чем тут Алессан и Морита? Что связывало их?

Мы работали не покладая рук до полудня, нагрузив вслед за восьмеркой драконов с Плоскогорья шестерых зверей из Форт Вейра и столько же из Исты. Вытирая со лба пот, я попробовала прикинуть, когда вернется наш воздушный транспорт. Примерно пять минут занимало у дракона приземление; за следующие пять мы грузили его бутылками с вакциной, затем — три-четыре минуты требовал взлет. Перемещение в Промежутке — три секунды — в счет не шло, но посадка, разгрузка и подъем — это опять пятнадцать минут. Значит, на рейс приходилось полчаса, и наши двадцать драконов возвратятся еще не скоро — если только не прибудет отряд из другого Вейра.

Я была поражена, когда с неба свалилась шестерка истинцев, а вслед за ними — королевы из Форта.

— Не пытайся понять это, Рилл, — сказала Десдра, заметив мой ошарашенный вид. — Драконы способны на многое...

На этот раз звери выглядели уставшими, их шкуры поблекли. Впрочем, тут не было ничего удивительного — полет в Промежутке забирал много энергии. Лицо Лери осунулось; видимо, возраст давал о себе знать. Какой же силой духа обладала эта немолодая женщина, взявшая на себя такую задачу!

Внезапно королевы сердито взревели; голубой скорчился в страхе. Лери и остальные всадницы застыли в напряженных позах — казалось, они проводят молчаливое совещание. Потом старая Госпожа Форт Вейра кивнула мне и сняла с Холты один из тюков.

— Передай С'перену, он ответит; моей малышке уже хватит.

Холта подпрыгнула и тяжело взметнулась над ограждавшей двор стеной, обдав меня пылью и потоками холодного воздуха. Запрокинув голову, я всматривалась в золотистый силуэт, пока королева не исчезла в промежутке, потом пошла в зал. По дороге я сунула тюк с бутылками С'перену — похоже, его бронзовый не возражал против лишнего груза.

— Это можно снести вниз, в холодные кладовые, — сказал Алессан, кивая на остатки сыворотки. Мы наготовили ее с запасом — на случай, если часть бутылей разобьется при посадке. Алессан задумчиво оглядел наши запасы и добавил: — Позже, отправим все излишки в Керун. Кто бы не стал мастером скотоводов, лекарство ему пригодится — Я поняла, что он говорит о Бальфоре.

В дверях показался Дифер, а за ним — остальные охотники. Они весело ухмылялись — каждый тащил по паре жирных птиц. Алессан оживился.

— Ну, вечером устроим пир! Все, как положено: жаркое, вино, танцы! Оклина, Рилл! Посмотрите, что еще найдется к столу в наших запасах!

Взрыв одобрительных восклицаний был ответом на его предложение. Возвратившиеся мужчины помогли вытащить из зала остатки нашего медицинского производства, потом расставили тяжелые обеденные столы. Их вынесли в один из ближайших коридоров, когда началась эпидемия — вместе со скатертями, еще испачканными вином и едой. Те, кто праздновал за ними начало Встречи, сейчас лежали в могильных курганах... Оклина и я быстро собрали скатерти и — с глаз долой! — сунули их в гору белья, предназначенного для стирки.

— Простите, что покидаю вас, — сказала Десдра, сортировавшая в тихом уголке листки пергамента со своими заметками. — Мне пора в Цех. Что ж, несмотря на все это, — она махнула рукой, очевидно, имея ввиду царивший в зале беспорядок. — Руат начал возрождаться.

— Ты должна навестить нас вместе с мастером Капаймом, — сказала Оклина; ее глаза еще сияли после утреннего свидания с Б'лерионом. — Вот увидишь, как тогда будет выглядеть Руат! Верно, Рилл?

— Ну, дайте только развернуться... Мне не надо много времени, чтобы все привести в порядок! — заявила

я с такой пылкостью, что Десдра рассмеялась.

Потом она подмигнула мне — так, чтобы не видела Оклина, — подхватила под руку и отвела в сторонку.

— Хорошо, что ты пришла сюда, Рилл. Вряд ли тебя оценили бы по достоинству в Форте. — Она сжала мой локоть. — И спасибо тебе за помощь... за лекарства и за то, что ты сделала в лагере.

Покраснев, я кивнула головой.

— Да, наконец-то я в Руате... Нерилка только мечтала об этом, а Рилл — решила и сделала! Тут я могу принести пользу... тем более, если Оклина... — Целительница вздернула бровь, и я, прижав ладони к пылающим щекам, попыталась исправить свою ошибку: — Я совсем не это имела в виду, Десдра! У меня нет никаких планов на сей счет! Богатство вернется в Руат, а Алессан... он перенес с достоинством свое горе и честь его не пострадала. Он по-прежнему завидный жених, и скоро самые знатные семейства с дочерьми на выданье начнут обхаживать его...

— А разве ты, леди Нерилка, недостаточно знатна?

— Тсс! Была знатна, — я подчеркнула первое слово, — и немного радости принесла мне эта знатность. Тут мне лучше. Я не имела будущего в Форте, а теперь сама стала частью будущего Руата...

Твердое пожатие руки Десдры свидетельствовало, что она целиком и полностью согласна со мной. Пристально взглянув на мое лицо, целительница шепнула:

— Должна я кому-нибудь намекнуть о твоих делах? Я буду очень осторожна.

— Если так, передай дядюшке Манчену, что видела меня. Скажи, что я здорова и счастлива. Он успокоит моих сестер.

— Кампен тоже, знаешь ли, беспокоится. Они с Тескином целый день обшаривали окрестности, искали тебя. Вероятно, собирая травы, ты свалилась со скал.

Я кивнула, молчаливо подтверждая эту версию, удобную для обеих сторон. Губы Десдры чуть дрогнули в улыбке; склонив на прощанье голову, она отошла.

Однако оставалось еще одно небольшое дело — мне хотелось узнать, как избавиться от едкого запаха дезинфицирующего раствора, пропитавшего стены зала и коридоров. Я шагнула следом за целительницей, и в этот момент раздался пронзительный вскрик Оклины. Она чистила медные украшения каминной полки; внезапно

руки ее бессильно повисли, она отступила назад и упала бы, но Десдра ухитрилась ее подхватить.

И тут из дверей, что вели во внутренний холл, вырвался мертвенно бледный Алессан.

— Мориитааа!

То был вопль смертельно раненного зверя, стон человека, потерявшего волю к жизни, раздавленного несчастьями. Он рухнул на колени, согнулся, замолотил кулаками по полу, в кровь сбивая пальцы; тело его сотрясалось от рыданий.

Я не могла этого вынести. Подскочив к нему, я опустилась рядом — его окровавленные руки били теперь по моим коленям. Внезапно он обхватил меня за плечи, уткнувшись лицом в грубую ткань моего рабочего фартука. Ошеломленная, я прижимала к себе голову Алессана, бормоча какую-то бессмыслицу, что-то успокоительное, и пыталась сообразить, что же произошло.

Морита! Что плохого могло приключиться с ней в Форт Вейре? Или с ее королевой? Орлита находилась около своих яиц на Площадке Рождений — наверно, самом безопасном месте на всем Перне.

Краем глаза я заметила, что Тьеро и Десдра стоят рядом, но их слова не могли пробить стену ужаса и мрака, отгородившую Алессана. Он задышался и дрожал; ни тело ни разум, ни душа его не могли, не хотели смириться с неизбежным.

— Что бы ни случилось, дайте ему выплакаться, — сказала я. — Но Морита! Что с ней?

— Что бы не случилось, — эхом повторила Десдра, — это погрузило Оклину в беспамятство. Я ничего не понимаю! Ведь он — не всадник, и она пока тоже!

Вдруг раздался протяжный мрачный вой — гораздо более громкий, чем мог испустить сидевший на цепи страж порога.

— Во имя Яйца! — вскричала Десдра.

Я почувствовала боль в ее голосе и, повернув голову к дверному проему, наткнулась на дикий взгляд Б'лериона. Бронзовый всадник стремительно вошел в зал; его дракон, посеревший, измученный, распластал крылья по каменным плитам двора. Траурный рев зверя еще звучал в наших ушах.

— Оклина! — взгляд Б'лериона метался среди заполнивших зал людей, возбужденных, недоумевающих.

— Она без сознания, — сказала Десдра, кивнув на

стол, где распростерлось тело девушки. Рядом хлопотала ее служанка. — Что с Моритой?

Б'лерион перевел полные слез глаза с Оклины на руатанского лорда, плечи которого содрогались под моими руками. Голова всадника поникла, он сделал нетвердый шаг к Алессану. Подскочивший Тьеро обхватил его за пояс, стараясь поддержать.

— Морита... Она ушла в Промежуток...

Я не могла понять, о чем он говорит. Драконы и всадники постоянно уходили в Промежуток. И возвращались.

— Вместе с Холтой... Всадники из Телгара отказались... Морита знала те места... полетела... Но Холта уже была уставшей! Сильно уставшей! Они обе ушли в Промежуток... И погибли!

Я крепче прижала к груди лицо Алессана; теперь его слезы смешивались с моими. Гибель отважной дочери Вейра и, в еще большей степени, несчастье Алессана, угнетали меня. О, небеса Перна, сколько же горя может вынести один человек! Он мужественно принял удары, нанесенные страшным мором его семье и холду, он оплакивал Суриану гораздо дольше, чем стали бы делать большинство мужчин... А теперь — это новая трагедия! Внезапно душу мою переполнил гнев на отца. Есть ли в мире хоть какая-то справедливость? Почему на руатанского лорда обрушивается несчастье за несчастьем, а Толокамп, бросивший на смерть жену и дочерей, наслаждается здоровьем, удачей и мирскими утехами? Разве он заслуживает этих благ?

Теперь я понимала, что светилось в глазах Алессана, когда голубой Арит принес меня к подножиям руатанских скал. Любовь! Они сияли любовью! В тот день, я слышала, шесть человек покинули Руат на час — и Алессан с Моритой были среди них. Эта отлучка многим казалась странной... Может быть, тогда они и познали друг друга? Но я не ревновала к Морите; я радовалась, что у нее было хоть немного счастья. Нечасто мне приходилось видеть Ш'гала, Предводителя Форт Вейра, но симпатий он не внушал. А Морита была такой милой, такой очаровательной... Бедная Морита! Бедный, Бедный Алессан! Как успокоить его, как умерить горе?

У Десдры был ответ. Подождав, пока рыдания Алессана утихли, она, с помощью Тьеро, мягко подняла

его с моих колен. Я не могла пошевелиться, ноги свело судорогой. Сквозь пелену слез я видела, как целительница поднесла кружку к губам Алессана.

В ту минуту мне показалось, что его взгляд будет вечно преследовать меня. Тоскливый, невидящий... Он выпил лекарство, веки опустились и милосердный сон окутал несчастного лорда Руата. Множество рук потянулось к Алессану, чтобы перенести его в постель; я решила посидеть около него, хотя Десдра сказала, что он проспит до самого утра.

— Как помочь ему? — спросила я, вытирая слезы.

Целительница покачала головой:

— Дорогая моя леди Нерилка, если б я знала ответ, то была бы мудрейшей из всех лекарей и арфистов Перна... — Она беспомощно развела руками. — Я даже не уверена, что он захочет принять помощь... Эта новая утрата... О, как она жестока, как тяжела!

Мы раздели Алессана и набросили на него шерстяное покрывало. Лицо его, внезапно постаревшее, отливало восковой бледностью, глаза запали, под ними пролегли синие тени. Десдра нащупала его пульс и облегченно кивнула. Присев на край постели, она уронила на колени руки; пальцы ее чуть заметно подрагивали.

— Они с Моритой... — я не закончила фразу, тут же раскаявшись в своей дерзости.

Десдра кивнула.

— Да. В день, когда мы собирали эти шипы... — Я уставилась на целительницу, не понимая, о чем она говорит. По ее строгому лицу скользнула тень улыбки. — Какой это был чудесный день! Я рада, что им досталось немного счастья... пусть даже запретным путем. Правда, Руату нужно другое, но тогда он не думал о Руате... — ее рука легла на плечо Алессана.

— Ты хочешь сказать, что руатанский лорд нуждается в наследниках?

За всю историю Перна Госпожа Вейра ни разу не возвращалась в холд, но множество благородных леди из холдов переселялись в Вейры. Морита могла бы выносить ребенка Алессана, но он остался бы в Вейре. Рано или поздно Алессан должен был взять жену — или наложницу. Лорд мог устанавливать любые законы в своем холде, особенно если дело шло о продолжении рода. Эта заповедь была едва ли не священной для каждой девушки.

Десдра подняла голову и пристально посмотрела на меня.

— Ты должна открыть ему свое имя, леди Нерилка.

Я пожала плечами; эта мысль казалась мне нелепой. Алессану нужна какая-нибудь умная очаровательная красавица, которая сумела бы вытянуть его из череды бед и несчастий.

Десдра поднялась, пробормотав, что принесет мне поесть. Я промолчала, расстроенная и обессиленная. Этим вечером кусок не лез мне в горло.

Глава 10

*Год 1543, двадцать четвертый день третьего месяца
— двадцать третий день четвертого месяца*

Не знаю, как хватило у нас сил пережить следующие дни. Б'лерион остался с Оклиной. Для меня было очевидно, что Вейр станет ее судьбой. Она слышала драконов — редкая способность, которой были одарены лишь всадники и некоторые люди, тесно связанные с Вейрами. Очевидно, этим талантом в какой-то степени обладал и ее брат; иначе я не могла объяснить, как он узнал о гибели Мориты. Обостренное чутье ко всему, что касалось Алессана, а также беседы с Оклиной, Десдрой и Б'лерионом, помогли мне восстановить картину случившегося.

Благодаря мысленной связи, объединявшей драконов и всадников, они мгновенно ощутили эти две смерти — Холты и Мориты. Позднее Б'лерион рассказал нам о специальных тренировках и строгих правилах, которые должны были предотвратить подобные трагедии. Но не всегда можно следовать закону, и есть случаи, когда знание не спасает от ошибок.

Во время Падения Нитей нередко случалось, что всадник получал раны, тогда как его дракон оставался невредимым. Конечно, происходило и обратное. Раненый всадник обычно передавал своего зверя здоровому соратнику — это помогало сохранить силы боевого крыла. Каждый дракон отличался некоторыми особенностями полета, известными его всаднику; однако в критической ситуации многие бойцы могли отправиться в сражение с Нитями на любом из драконов Вейра. И потому — разве можно винить Лери, разрешившую Морите оседлать шею Холты? Но уставшие всадники и уставшие драконы, совершали ошибки, а к вечеру того горестного дня и Холта, и Морита переступили пределы возможного. Я вспомнила, как тяжело поднялась в воздух старая королева с последним грузом сыворотки — она едва не задела верхушку ограждавшей двор стены.

— Да, — грустно покачивая головой, сказал Б'лерион, — Холта сильно устала и торопилась домой. Она взлетела и тут же ушла в Промежуток — не дожидаясь команды Мориты, не получив образ места, куда хотела

попасть наша Госпожа... Они затерялись во тьме и холоде... навсегда, навеки...

Позднее, когда мастер Тайрон начал писать балладу о последнем полете Мориты, по настоянию вождей всех Вейров он несколько отступил от истины. В его саге Морита гибнет вместе со своей королевой, не с Холтой. Правда об этой трагедии могла бы нанести непоправимый ущерб, и большинство людей никогда ее не узнало. Я оказалась в меньшинстве и совсем не уверена, что меня это радует. Не потому, что знание подоплеку событий умаляет в моих глазах героизм Мориты... нет, совсем нет! Мне больно сознавать, что нелепая ошибка послужила причиной стольких страданий.

Положившись на мое благоразумие и сдержанность, Десдра многое доверила мне. Я узнала, как Вейры, истощенные болезнью, сумели выдержать возросший груз обязанностей — ведь в эти дни им приходилось не только обороняться от Нитей, но и развозить вакцину по всем холдам, не исключая самых крошечных. По словам Десдры, драконы могли перемещаться не только в пространстве, но и во времени. Лишь растягивая часы таким странным противоестественным образом, многократно возвращаясь вспять и дублируя самих себя, Морита с Холтой успели доставить вакцину во все холды Керуна. Однако временные скачки обессилили и всадницу, и старую королеву; это и было истинной причиной трагедии.

В тот роковой день М'тани, вождь Телгара, ссылаясь на карантин, отказался выпустить своих людей из Вейра. Морита была единственным свободным всадником Форта, знавшим все укромные уголки долин Керуна, где прятались десятки малых холдов. Она полетела — и погибла... М'тани, так напомнивший мне лорда Толокампа, мог бы послать целое крыло... Я так никогда и не узнала, что сделали с ним повелительницы других Вейров; Оклина не рассказывала об этом, но думаю, наказание было суровым.

Зато я начала понимать, чем занимались шесть человек — Алессан, Морита, мастер Капайм, Десдра, Оклина и Б'лерион — перед моим прибытием в Руат. Меня всегда удивляло, что запасы игольчатых шипов у лекарей казались неистощимыми. Теперь я знала, кто и когда пополнил их, собрав на далекой Исте; и час, который истек в нашем мире, растянулся для сборщиков на целый день, проведенный в будущем.

Итак, многое стало мне ясным — кроме того, как помочь Алессану.

Он очнулся к полудню; я дремала, но тихий шорох разбудил меня. Его пальцы бездумно теребили одеяло, застывший взгляд равнодушно скользнул по моему лицу. Я отвела глаза; волна печали, исходившая от Алессана, затопила меня.

— Десдра дала мне снотворное? — Я кивнула, и он едва заметно пожал плечами. — Вряд ли это поможет. Ничего не поможет... — его губы что-то шептали, тихо и невнятно; я склонилась ближе. — Расскажи мне... расскажи Рилл... как все произошло... почему...

Я начала говорить — медленно, спокойно, стараясь превозмочь подступающие к глазам слезы. Внезапно Алессан прервал меня:

— Почему она не полетела на Орлите?

— Яйца, Алессан. Орлита была на Площадке Рождений у своей кладки. И с ней — Лери.

— Чадолюбивая Орлита! Заботливая Лери! — голос его вдруг стал громким, резким, заставив меня вздрогнуть. Сильное тело Алессана напряглось, крепко сжатые кулаки и стиснутые зубы подсказали мне, какая борьба шла в его душе. Потом лицо его расслабилось, и он горько произнес: — Драконы и всадники, хранители Перна... О, если бы отец отпустил меня... отпустил к ним! Моя жизнь могла сложиться совсем иначе...

Он отвернулся к окну, и я знала, что перед глазами его стоят три могильных холма, поглотивших людей Руата. А за ними — за ними маячила ледяная тьма Промежутка, в которой растворилась златовласая Морита.

Алессан поднял на меня взгляд.

— Ты сидела здесь пока я спал, моя преданная Рилл... верный страж, охраняющий жизнь того, кто уже не хочет жить...

И тут заговорили моя собственная боль, печаль и страх. Воспоминания о строгом и чопорном Форт холде исчезли, испарились, канули в небытие; сейчас я была только подругой несчастной Сурианы — или обитательницей Руата, новой моей родины, моей мечты, моей судьбы. И я поняла, что любое горе проходит, сглаживается, как могильный курган под весенним ливнем. Время лечит все — но время надо выиграть.

— Ты не можешь умереть, лорд! — слезы звенели в моем голосе. — У тебя остался Руат!

— Руат... Стоит ли жить ради Руата? Не прошло и месяца, как он едва не убил меня...

— Но ты сражался ради жизни! Благородно и храбро!

— Благородство и храбрость немного значат в могиле... — он простер руку к окну, где комья мерзлой земли скрывали тела тысяч и тысяч погибших. — Там лежит Руат!

— Ты — Руат! Пока ты дышишь, пока радуешься и страдаешь, ты — Руат! — Я понимала, что долг — плохая замена любви прекрасной женщины, но не могла остановиться. — Руату нужен наследник твоей крови, лорд Алессан. Или ты хочешь, чтобы холд попал под руку Форта, Тиллека или Крома? Я — твой холдер, и я требую — дай Руату сына! И тогда... тогда, если хочешь, я сама смешаю яд, чтобы ты мог освободиться.

С быстротой, которой я не ожидала от погруженного в горе человека, он схватил меня за руку.

— Что ж, заключим договор! Когда у тебя будет ребенок, леди Нерилка, я выпью чашу!

Я в ужасе и смущении уставилась на него. Похоже, он решил выполнить мое требование с моей же помощью! Странная сделка — чаша с ядом в обмен на дитя! И тут я сообразила, что Алессан назвал мой титул и имя.

— Ты колеблешься? — с иронией спросил он. — Наверно, дочь такого благородного рода предпочитает брачный союз? Я не против, леди.

— Нет, Алессан, не со мной... нет...

— Но почему же, Нерилка? Ты будешь превосходной госпожой для этого холда. И разве ты случайно оказалась в Руате? Или твоя цель — отомстить мне за смерть матери и сестер?

— О, нет, нет! Просто я не могла оставаться в Форте! Подумай сам, можно ли жить под властью человека, недостойного даже презрения? Лорд Толокамп отказался помочь целителям, загнал в лагерь бездомных... Нет, Алессан, я не думала о мести! Руат был моей последней надеждой! — Задыхнувшись, я прижала свободную руку к груди, потом спросила: — Но как ты узнал меня?

— Суриана, — с некоторым раздражением ответил он. — Вы же воспитывались вместе! Она рисовала, рисовала бесконечно, и твое лицо смотрело на меня чуть не с каждого ее наброска. Как же я мог не узнать Нерилку, даже с обрезанными волосами и покрытую пылью с головы до ног? — Рука Алессана крепко стиснула мой ло-

коть. — Ну, девочка, иди ко мне! Поверь, я предлагаю неплохой договор. Ты станешь владычицей холда, и ни один лорд не посмеет оскорбить тебя. Чего ты боишься? Я был хорошим мужем для Сурианы... наверно, она писала об этом.

— Ты добрый и отважный человек, я знаю. Но сейчас... сейчас ты не можешь отвечать за свои слова, мой лорд.

Его щека дернулась, зеленоватые глаза холодно установились на меня.

— Моя леди, я всегда выполнял обещания! Ребенок и холд — в обмен на чашу! Что тебя сдерживает?

— Но ты же любишь Мориту!

— Так вот в чем дело! А я полагал, что в тебе заговорила девичья скромность! Значит, леди Нерилка не хочет подбирать объедки. Странно! Мне всегда казалось, что в Форте живут очень бережливые люди.

Он насмеялся надо мной! И тянул, тянул к себе, не давая опомниться! Дрожащими губами я попыталась изложить ему множество причин, по которым мое грехопадение не могло состояться столь скоропалительно. Главная из них заключалась в том, что момент был совершенно неподходящим для любовных игр. Но у Алессана нашлись весьма убедительные возражения.

— Человек, который познал вкус смерти, нуждается в любви, Рилл, — заявил он и потянулся к застежкам моей туники. Я была близка к капитуляции, когда мы услышали скрип открывающейся двери и тихие шаги.

— Ты получила отсрочку, Нерилка, — его тихий напряженный голос не сулил мне ничего хорошего. — Но запомни: мы — лорд и холдер — заключили сделку, и ее надо довести до конца, чем скорее, тем лучше. Я жажду покоя — и чаши из твоих рук.

Вошел Тьеро; на вытянутой добродушной физиономии арфиста появилось облегчение, когда он увидел, что Алессан проснулся и разговаривает со мной.

— Тебе что-нибудь нужно, мой лорд?

— Одежду, — сказал Алессан, повелительно протягивая руку. Я достала чистую тунику из шкафа, а Тьеро подал ему башмаки. Наш господин быстро оделся и, подхватив нас под локти, вывел из комнаты.

Если его появление и оказалось приятным сюрпризом для всех обитателей Руата, то ненадолго. Он подозвал к себе Дифера, отправил за Дагом одного из подростков

и пожелал узнать, где Оклина. Когда она стремительно вбежала в зал и попыталась обнять его, он резко отстранился. Затем велел нам пройти в свой кабинет и тихим, но не терпящим возражений голосом, перечислил, чем следует заняться каждому.

Все были так рады вновь увидеть Алессана погруженным в активную деятельность, что никто не обратил внимания на эти странности. Я, однако, понимала, что он приводит в порядок дела Руата перед смертью. Теперь наш лорд просиживал долгие часы с Тьеро, отправляя массу посланий; некоторые — с помощью барабанной связи, другие, письмами — с верховыми гонцами. Часть из них я слышала — просьбы насчет кобыл и породистого скота для возобновления стад Руата, призыв ко всем бездомным направляться в холд. Иногда упоминалось и о марках, что щедро давал займы отец Алессана; но даже сейчас его наследник взыскивал долги только с северных холдов, почти не пострадавших во время эпидемии. Всех мужчин Алессан разослал по округе — они должны были проверить состояние небольших поселений —, подсчитать запасы, выяснить, засеяны ли поля.

Работа не приносила мне радости, и постепенно я начала замечать, что и остальных охватывает такое же чувство. Мы трудились упорней и тяжелей, изготавливая сыворотку, но в те дни наши сердца горели радостным ожиданием. Теперь же равнодушие и холодная сдержанность Алессана словно заморозили обитателей Руата. Холд был прибран, запасы подсчитаны, все зримые последствия эпидемии устранены — конечно, кроме трех могильных холмов на речном берегу. Оклина посадила у крыльца цветущий кустарник, однако часть растений сразу же завяла, словно лучи яркого весеннего солнца не могли справиться с холодом, который источали теперь стены Руата.

Я мучилась, вспоминая разговор с Алессаном. Неужели мои слова вызвали в нем такие страшные, пугающие изменения? Но ведь я хотела спасти его, предотвратить самоубийство, которого он так жаждал!

Дней через десять после смерти Мориты, во время нашей унылой вечерней трапезы, Алессан вдруг поднялся и попросил внимания. Вытянув из-за пояса тонкий пергаментный свиток, он непререкаемым тоном объявил:

— Лорд Толокамп оказал мне честь, дав соизволе-

ние на брак с его дочерью, леди Нерилкой.

Много позже мне попался на глаза этот свиток, завалявшийся в углу сундука. На самом деле согласие отца выражалось в крайне оскорбительной форме; он писал: «Если желаешь, возьми ее. Она мне больше не дочь». Вряд ли тогда Алессан был настроен щадить мои чувства; и то, что он сделал это, больше свидетельствует о его великодушии, чем сухой тон и холодные глаза.

Среди сидевших за длинным столом прокатился удивленный шепот. На меня, однако, никто не посмотрел, даже Тьеро. Десдра, вернувшаяся в Руат пятью днями раньше, невозмутимо уставилась в тарелку.

— Леди Нерилка? — робко спросила Оклина, обратив к брату широко раскрытые глаза. — Ты знаешь ее? Алессан кивнул.

— Род руатанских владетелей должен быть продолжен, — сказал он с безрадостным смешком. — Рилл придерживается того же мнения.

Все повернулись ко мне; замерев, я глядела в стену, пытаюсь сдержать лихорадочное биение сердца.

— Теперь я вспоминаю, где видел тебя! — воскликнул Тьеро и улыбнулся — первый голос, первая улыбка среди наступившего безмолвия. Поднявшись, арфист склонил голову: — Поздравляю, леди Нерилка.

Оклина, всплеснув руками, подбежала ко мне и обняла, плача и смеясь одновременно:

— О, Рилл, Рилл! Это действительно ты?

— Итак, лорд Форта не возражает, — твердый голос Алессана перекрыл поднявшийся гул. — У нас есть арфист и достаточное число свидетелей, так что формальности не займут много времени.

— Но нельзя же делать все так... так стремительно! — возразила Оклина, хрустнув пальцами.

Я взяла ее руку в свои ладони.

— Именно так, Оклина! У нас полно работы и слишком мало марок, чтобы устраивать торжественную церемонию.

Ее милое личико стало испуганным; я знала, что она боится за меня. Встав, я подошла к Алессану. Он протянул мне руку, и мы повернулись лицом к собравшимся. Мой лорд достал из кошелька золотую свадебную марку — видимо, она была приготовлена заранее, — и, согласно обычаю, попросил меня стать госпожой его дома, матерью его детей, почитаемой превыше всех в холде

Руат. Я взяла монету, украшенную выгравированной на ней датой, и повторила слова формального согласия. Губы мои едва двигались, когда я обещала стать матерью его детей, почитаемой превыше всех в стенах Руата. Но таков был наш уговор!

Оклина настояла, чтобы принесли вино — шипучее белое вино Лемоса, — и все подняли тост за наш союз. Тьеро произнес положенную речь, сокрушенно заметив, что не приготовил новой песни, достойной свершившегося события. Меня поздравляли горячо; рукопожатия казались искренними, одна или две женщины вытирали слезы, но свадьба наша, конечно, была не слишком радостной. Невесте полагалось улыбаться — и я улыбалась, хотя губы мои дрожали.

Тьеро вписал в Архивы Руата наши имена и день, когда состоялось бракосочетание. Затем Алессан взял меня под руку и извинился перед собравшимися. Так я стала леди Руата.

В ту ночь он был добр и бесконечно терпелив со мной. И лишь одно разбивало мое сердце — та отрешенность, бездумная покорность судьбе, с которой он воспринял все случившееся.

В ближайшие дни ничего не изменилось. Я не хотела, чтобы вчерашние друзья гнули передо мной спины и осталась для всех просто Рилл. Дядюшка Манчен прислал матушкины украшения вместе с тяжелым сундучком марок — моим приданым. В его письме было одно место... там, где он передавал слова отца, сказанные, когда открылся мой побег: «Руат поглотил моих женщин, и если Нерилка предпочла его родному холду, она мне больше не дочь».

Дядюшка, добрая душа, решил — пусть лучше я узнаю об этом от него. Но он соглашался с тем, что я все сделала правильно, и желал мне удачи. О, как я хотела, чтобы эта добрая удача была столь же зримой, как драгоценные камни, и я могла показать ее Алессану! С большим удовлетворением дядюшка добавлял, что поворот в моей судьбе привел Анеллу в бешенство. Она не поверила сказке о моем падении со скалы, считая, что я в тоске и печали скрываюсь где-то в холде. После долгих розысков ей пришлось в конце концов сообщить Толокампу о пропаже. Но отец был бессилен; пока не пришло письмо Алессана, он не знал, где я скрываюсь.

Семьи бездомных, на переполненных повозках и под-

водах, прибывали непрерывным потоком. Мы с Оклиной кормили их, отправляли женщин в теплые бассейны холда, стараясь оценить достоинства и недостатки наших новых поселенцев. С мужчинами беседовали Тьеро, Даг, Пол, Сэйл и Дифер, обычно — за миской супа и чашкой кла. Удивительно, но решающее слово часто принадлежало Фергалу; он общался с детьми, по крохам собирая информацию, и Алессан всегда выслушивал его мнение.

Несмотря на недавнее бедствие, Руат сохранил свой престиж и оставался притягательным центром для многих, лишившихся своих холдов или желавших поселиться в новом месте. К нам устремились младшие сыновья из правящих фамилий Керуна, Телгара, Тиллека и Плоскогорья; эти люди, в основном — молодые, были превосходными руководителями. Начали прибывать ремесленники, направленные своими Цехами; с ними шли фургоны, до верха груженные материалами и инструментом. Пустые залы, комнаты и переходы Руата постепенно заполнялись людьми; в домиках предместья вновь раздавались женские голоса и звенел смех детей, затевавших игры на танцевальной площадке и в окрестных лугах. Разбив их на группы, Тьеро возобновил школьные занятия. Теперь, куда бы я не пошла, меня встречали радостные лица и веселые приветствия. Постепенно наши унылые и мрачные трапезы оживились, обретая видимость былой непринужденности и сердечности. Так продолжалось до тех пор, пока М'барак, служивший посыльным между Форт Вейром и Руатом, не объявил о прибывавшемся Запечатлении.

Тут каждый из нас вспомнил о Морите, Лери, Орлите с ее выводком — и об Оклине. Хотя Алессан никогда не упоминал о своих намерениях насчет сестры, я не сомневалась, что ей будет позволено занять место среди претендентов на Площадке Рождений Форт Вейра. Все мы понимали, что частые визиты Б'лериона в Руат обусловлены не только обычной вежливостью и нетерпением влюбленного всадника.

Итак, однажды Алессан поинтересовался, есть ли у меня приличествующий событию наряд. Тон у него был довольно мрачный.

— Ты не хочешь идти? — спросила я.

— Хочу, не хочу! Разве это важно? Лорд и леди Руата должны присутствовать на Запечатлении! К тому же, Оклина станет еще больше волноваться без нас... —

Быстрый взгляд на его лицо подсказал мне, что иного решения я и не могла ожидать. — Загляни в сундуки моей матери. Ты слишком высокая, чтобы носить ее одежды, но там, помнится, были ткани...

Глаза его подернулись грустью и, резко повернувшись, он зашагал в купальню — отмываться после утомительного путешествия в один из дальних холдов, принятого в тот день.

Вечером он был у меня — как всегда, внимательный и усердный; заснули мы только под утро. Я не сомневалась, что ребенок еще не зачат, и эта неудача наполняла меня спокойствием. Сейчас лишь одно казалось важным — то, что Алессан будет жить еще по крайней мере месяц. Он вызывал мой интерес с тех пор, как Суриана поселилась в Руате, но теперь я испытывала совсем другие чувства... Теперь он жил в моем сердце и столь много значил для меня, что раньше я не могла бы этого представить при самом необузданном полете фантазии. Я дорожила каждым его случайным прикосновением, ловила каждое слово, жест, взгляд... Я копила их подобно скупцу, алчно стяжающему марки, чтобы питать свои мысли и глаза, когда Алессана не было рядом.

Вместе с Оклиной и двумя женщинами, владевшими иглой, я склонялась над платьем из мягкой красной ткани. Эта работа была наслаждением; сердце мое пело, с каждым днем все больше избавляясь от тяжелого груза. Когда мы все вместе сидели над шитьем, моя новая сестричка начинала щебетать, рассказывая всякие истории о своем холде, смешные или грустные... и в некоторых упоминалась Суриана. Оклина знала уже, что разговоры о моей любимой подруге не расстраивают меня — эта боль отгорела и прошла.

Нудная и не слишком приятная работа, которой занимались мы с Алессаном, начала затягивать меня. Я стала находить своеобразное удовольствие, закладывая основы наших новых предприятий, принимая и расселяя прибывающих холдеров и ремесленников. Мы были вынуждены соблюдать жесткую экономию, и мой сундучок с марками не раз поддерживал наши начинания. К счастью, покойная матушка научила меня управляться с делами холда.

Главная мастерская целителей с благодарностью возместила Руату материалы и труд по изготовлению вакцины. Алессан, стиснув зубы, принял этот скромный

заработок. Гордость его страдала, но марки мастера Капайма позволили нам оплатить изготовленные Цехом кузнецов плуги, каркасы повозок и колеса. По вечерам мы с Алессаном за полночь сидели над своими расчетами и записями; мы согласно трудились в тишине, которую нарушала только Оклина, приносящая скромный ужин. Изредка мне казалось, что Алессан как будто начинает оттаивать. Потом воспоминания или какие-нибудь внешние причины вновь погружали его в тяжелое мрачное молчание.

Так прошел месяц.

Глава 11

Год 1543, двадцать третий день четвертого месяца

Раздавшийся утром грохот барабанов предупредил нас о приближении всадников. За Оклиной прибыл Б'лерион — с великолепным плащом в руках, чтобы защитить ее от холода Промежутка. Мы встретили его на ступенях холда и выслушали традиционные слова — просьбу к Оклине принять участие в Запечатлении. Спокойным ровным голосом Алессан дал свое согласие; лицо моего господина оставалось равнодушным, когда он соединил руки Оклины и Б'лериона.

Слезы блеснули в глазах бронзового всадника; Оклина, плача, обхватила брата за шею. Алессан решительно расплел ее руки и подтолкнул девушку к Б'лериону. Черты его закаменели, когда всадник повел Оклину к дракону, ожидавшему посреди двора. Я знала, чего стоило Алессану это спокойствие и мысленно склонила голову перед его мужеством.

Потом за нами прилетел М'барак. Глаза его подозрительно щурились, губы подрагивали, и я вдруг испугалась, не зная, что еще за беда ждет нас в Форт Вейре.

День Запечатления считался радостным праздником, знаменовавшим начало новых содружеств между людьми и драконами. Я, однако, не могла представить, чтобы это Запечатление, первое после сокрушительной эпидемии, вызвало много веселья. И действительно, в Форт Вейре царила мрачная атмосфера; всадники шатались как пьяные, их глаза покраснели, кожа драконов приняла сероватый оттенок. Гости, в большинстве не понимавшие, что произошло, тоже находились в подавленном настроении.

На заре, когда Руат был еще погружен в сон, Лери с Орлитой ушли в Промежуток. Навсегда.

Вместе с многочисленной толпой в ярких праздничных одеждах мы в молчании двинулись к широким ступеням, что вели в пещеру Рождений. Я надеялась, что всеобщее уныние не скажется каким-либо неблагоприятным на новорожденных дракончиках и юной королеве; это было бы ужасно! Я чувствовала, что силы мои на исходе, и с ужасом ждала новых горестей.

Алессан, бросив тревожный взгляд, сжал мою руку. Миг — и все переменилось. Мне стало казаться, что если

мы переживем этот злосчастный день, то он не покинет меня. Во всяком случае, не в следующий месяц. Могла ли я рассчитывать на большее? Сейчас мне оставалось только сохранять горделивое спокойствие. Да, сегодня я имело право гордиться! Я была госпожой Руата, одного из древнейших холдов Перна, и девушка нашей крови, наша сестра, могла стать в этот день всадницей королевы! Так подбадривала я себя, шагая рядом с Алессаном и от всей души надеясь, что его мужество послужит мне опорой.

Он был бледен, но по-прежнему поддерживал меня, пока мы пересекали Площадку. Нелишняя предосторожность; трудно сохранять достоинство, когда горячий песок обжигает ступни сквозь тонкие подошвы башмаков! Алессан подвел меня к нижнему ярусу, вдоль которого тянулась вырубленная в камне скамья. Мы уселись, и мой супруг начал разглядывать яйца, с особым интересом посматривая в сторону золотого — оно лежало в стороне от остальных, на небольшом песчаном холмике.

Я огляделась. Тут был Капайм, весьма невеселый, часто шмыгавший носом. Рядом с ним сидела Десдра, недавно избранная мастером целителей; вид у нее был печальный и гордый одновременно. Она не собиралась возвращаться в свою прежнюю мастерскую, и что-то подсказало мне, что вряд ли они с Капаймом когда-нибудь расстанутся.

Вошел мастер Тайрон в окружении огромной толпы арфистов всех рангов; их было так много, что я едва не упустила появления лорда Толокампа с его пестро разряженной маленькой красоткой. Она бросила взгляд на заполненные ярусы и вместе со своим повелителем направилась к местам подальше от нас — конечно, не случайно. Потом один за другим стали входить Предводители Вейров со своими господами; я заметила, что Фальга сильно хромает, с трудом преодолевая полосу горячего песка. Рейтошиган из Болла, как всегда, прибыл один. Главные мастера цехов, их жены и подруги, чинно рассаживались на скамьях второго и третьего яруса; передо мной мелькали эмблемы и цвета Телгара, Керуна, Исты. Кто-то сзади взволнованным шепотом начал перечислять вождей и повелительниц Вейров, лордов, прибывших с востока, севера и юга; внезапно я поняла, что отныне и навсегда принадлежу к этим великим мира сего.

Взревели драконы, восседавшие под куполом огром-

ной пещеры; их трубный клич отдался эхом радостного гула среди сотен теснившихся на скамьях людей. Ш'гал, вождь Форты вывел на площадку четырех девушек и стал размещать их вокруг королевского яйца; взмахом руки он велел приблизиться к основной кладке трем десяткам подростков. Внезапно яйца дрогнули и начали раскачиваться. Песнь драконов становилась все громче, все торжественней. У меня замерло сердце. О, небеса Перна, пусть это будет Оклина! Такой выбор стал бы лучшим предзнаменованием конца наших несчастий!

Она стояла так гордо — уже не тоненькая застенчивая девочка, нет — юная женщина, уверенная в себе, полная какой-то загадочной силы. Слезы набежали мне на глаза, я стиснула руки и вдруг почувствовала, как ладонь Алессана коснулась моих пальцев.

Одно из пестрых яиц, как раз под нами, стало раскачиваться сильнее. Я слышала возбужденные голоса за спиной; там заключали пари, какое из яиц лопнет первым. Внезапно раздался треск, и мокрая голова дракончика явилась нашим восхищенным взорам. Малыш жалобно пищал, пытаясь освободиться от скорлупы. Он был бронзовым! Добрый знак! Пошатываясь, новорожденный заковылял прямо к тощему пареньку с копной русых волос. Тот, казалось, не осмеливался поверить в свою удачу и взглядом искал поддержки у соседей, пока мальчишки со смехом не вытолкнули его вперед. Подросток опустил-ся на колени перед бронзовым малышом и робко погладил его.

Слезы бежали по моему лицу; думаю, среди тысячной толпы никто не упрекнул бы меня за это. Слезы текли, смывая горечь накопившихся обид, врачую раны потерь... Я как будто проснулась ясным утром после долгого страшного сна. Алессан крепко сжимал мою руку. Сквозь пелену слез я видела голубого малыша, прильнувшего к одному из мальчишек. Драконы тянули свой протяжный звонкий хорал, к нему добавились курлыканье новорожденных и восторженные крики подростков, которым вторили голоса их счастливой родни.

Неожиданно золотое королевское яйцо дрогнуло, и все взоры устремились к нему. Пальцы Алессана жгли мою руку. Я догадывалась, что он переживает много больше, чем осмеливается показать. Что означала для него неудача? Утрату надежды, веры в успех, в счастливую звезду и стойкость своего рода?

Яйцо трижды сильно качнулось и треснуло почти напополам; полетели осколки скорлупы, и маленькая королева вдруг появилась перед нами, словно вынырнув из роя золотистых осколков. Еще одно благоприятное знамение!

Девушки замерли в тревожном ожидании; рядом раздался тяжелый вздох Алессана. Но вдруг необъяснимая уверенность наполнила меня — я знала, кто будет избран! Быстро, гораздо проворнее, чем прочие малыши, золотая королева устремилась к Оклине. Я инстинктивно потянулась к Алессану, и он обнял меня, когда наша девочка подняла сияющие глаза, отыскивая взглядом Б'лериона.

— Ханната! Ее зовут Ханната! — голос Оклины, ликующий, изумленный, звенел от счастья; в этот миг она казалась прекрасной.

— Алессан! О, Алессан! — повторяла я, прильнув к его плечу.

— Она знала, что Оклина будет избрана, — вдруг прерывающимся голосом произнес мой супруг, и я поняла, что он говорит о Морите. — Она знала! — Алессан обнял меня, прижал к себе так сильно, что мне стало трудно дышать. Я ощутила лихорадочный стук его сердца и сотрясавшие тело рыдания; он склонил голову мне на грудь, словно искал забвения и опоры — поддержки, которую я была готова оказывать ему всю жизнь. Не для того ли я уродилась такой высокой и крепкой? Несколько минут мы сидели так, потом Алессан оторвался от меня и оглядел песок. Я поняла, что он ничего не видит — он не сделал никакого знака, когда Б'лерион и Оклина посмотрели на нас. Махнув им рукой, я показала в сторону выхода.

В опустевшей пещере воцарилась тишина; несокрушимые стены отгораживали нас от суматошного и радостного возбуждения, наполнившего чащу Вейра. Наконец, Алессан поднял голову, взгляд его скользнул по затоптанному песку площадки и рядом опустевших каменных скамей. Что-то изменилось в нем... что-то неуловимое, едва заметное... Возможно, горестные узы, сковавшие его дух, начали слабеть... или даже лопнули в миг торжества Оклины? Возможно, начало новой жизни сестры станет концом несчастий ее брата? Возможно... Но сумеет ли он начать все заново?

— Я отдал ей праздничный наряд... ее наряд, при-

готовленный для Встречи... — прошептал он так тихо, что я с трудом расслышала. — Она так помогла мне... подарила надежду... Я никогда не забуду ее, Рилл...

— Никто из нас не забудет ее, Алессан.

Он не плакал, хотя глаза у него покраснели, а на скулах выступили пятна. Достав платок, Алессан вытер мои мокрые щеки — как когда-то в детстве дядюшка Манчен. На губах его не было улыбки, но линия рта, прежде каменно-твердая, чуть смягчилась; морщины на лбу разгладились.

— Сегодня у Оклины праздник. И ничто, никакие прошлые печали, не должны омрачать его. Рилл, моя верная гордая Рилл... Не бойся, я не потребую у тебя той чаши... — Мы спустились на песчаную арену; он смотрел себе под ноги, не замечая, что я готова расплакаться от счастья. — Слишком много дел ожидает нас в Рутате... особенно теперь, когда Оклина покидает нас... Но разве я мог встать на ее пути — так, как отец когда-то встал на моем? Нет, я никогда бы этого не сделал, — он покачал головой и задумчиво добавил: — Да, стоило прийти в Форт Вейр, чтобы понять: жизнь окончена, и жизнь начинается....

— О, Алессан!

Мы стояли на горячем песке, и теперь, когда не требовалось сохранять достоинство перед лицом великих событий и могущественных людей, я схватила Алессана за руку и бросилась бежать. Радость переполняла меня, несла вперед, словно крылья дракона.

— Поспешим, милый! Мои ноги горят... и нельзя слишком долго задерживаться с поздравлениями.

С коротким смешком Алессан бросился вслед за мной к выходу, туда, где уже начинался праздник. Мы выскочили из пещеры. Над нами, рассекая сияющие небеса, реяли бесчисленные стаи драконов; огромные звери с распростертыми крыльями заполняли чашу, переливались, текли через край, и отблески солнца золотили их могучие тела.

Глава 12

Год 1553, одиннадцатый день третьего месяца; Интервал

Сейчас, когда я заканчиваю свое повествование, наступили мирные времена; уже пять Оборотов — пять чудесных, необыкновенных Оборотов! — ни одна Нить не запятнала небеса Перна. Кое-где остались еще печальные отметины, следы того, что перенес Руат, но могильные холмы сгладились и стали почти незаметными в пышной траве.

Да, изменилось многое, и все перемены были благотворны. Госпожой Форт Вейра стала Камиана, новым Предводителем — добродушный, могучего сложения телгарец Г'дрел; его Дориант настиг Пелианту, королеву Камианы, в брачном полете. Сейчас мы редко слышим о Ш'гале, ставшем командиром крыла, зато Г'дрел и Камиана — частые гости в Руате. Г'дрел иногда поддразнивает Алессана, напоминая про скакуна по кличке Визгун. Пожалуй, он единственный, кроме Фергала, кто рискует на такие шутки, хотя во всех прочих отношениях Алессан вовсе не кажется таким уж недоступным и мрачным.

Б'лерионов Набед обошел всех бронзовых в погоне за Ханнатой Оклины; впрочем, никто не сомневался в исходе этого полета. Два ее сына играют теперь вместе с нашими, так как я пять раз выполнила первую половину своей оригинальной сделки с Алессаном, подарив ему четырех сыновей и дочь, которую мы назвали Моритой. Алессан не захотел, чтобы я рожала еще — несмотря на мои уверения, что беременность не тяготит меня. Действительно, я была счастлива, когда вынашивала детей, и не испытывала ни страданий, ни мук, как другие женщины.

Постепенно Алессан дал себе волю, обратившись сердцем к собственным детям. Сначала он делал вид, что безразличен к ним — как будто боялся, что его любовь пометит их черным знаком беды. Страх снедал его, страх потерять тех, кто стал ему дорог. Но, к моему удовольствию, все малыши росли здоровыми и сильными; даже неизбежные детские болезни почти миновали их. Морита... Что сказать о ней? Десдра чистосердечно призналась мне, что не видела ребенка прелестней. Она стала солнышком, чьи лучи растопили последний ледник в душе ее отца. Он не мог справиться с собой... он ее

обожал, поклонялся ей — и раньше, и теперь. А она распускалась, словно весенний цветок, под его взглядом и ласковыми руками...

Я знаю — Алессан никогда уже не станет таким беззаботным, жизнерадостным и веселым, как описывала его Суриана. Но теперь он снова улыбался... хохотал над шуточками бессовестного Тьеро, над забавными выходками сыновей. Радость вернулась к нему; он счастлив, когда руатанские скакуны выигрывают забег, когда холд посещают гости и старые друзья.

Мы устроили нашу первую Встречу следующей весной, когда земля вновь оделась цветами и свежей зеленью, а в садах расцвели плодовые деревья. Мы долго готовились к ней, и я не раз видела, как тень грусти набегают на лицо Алессана. Трудно было ожидать иного; я старалась делать вид, что ничего не замечаю.

Наверно, он любит меня иначе, чем Суриану и Мориту... Да, я уверена, что его любовь ко мне не похожа ни на страсть, которую он питал к моей бедной подруге, взбалмошной и темпераментной, ни на его глубокую привязанность к златовласой всаднице. Мы так хорошо понимаем друг друга, что зачастую говорим одни и те же слова... и между нами никогда не случалось разногласий в том, что связано с Руатом, с нашими детьми и с населяющим холд людом. Алессан благодарен за мою помощь, и его признание стало для меня самой дорогой наградой, ценной вдвойне, когда я вспоминаю о том, что ни разу не дождалась добрых слов от своего отца.

И постепенно, по мере того, как исчезал страх Алессана вновь потерять самое для него дорогое, сковавший его душу лед теплыми ручьями истек в долины спокойствия и любви. Он помнил о своих потерях... Но женщина, которую он прижимал по ночам к своей груди, не стала тенью Сурианы или сном о Морите; то была Нерилка, его жена, мать его детей, госпожа его холда.

На этом пора кончать мою историю. Начало ее было печальным, но тяжкие испытания научили меня ценить подаренное судьбой счастье. И пусть то, что я рассказывала, утешит других в горе и поддержит в радости.

КОММЕНТАРИИ

1. ОРИЕНТИРОВОЧНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ПЕРНА

За 60 Оборотов до Великого Переселения на южном материке начало функционировать кибернетическое устройство Айвас.

Первый Оборот — Великое Переселение на северный материк

1 — 48	— Начальный период заселения северного материка	
49 — 98	— Первое Прохождение	— 50 Оборотов
99 — 98	— Первый Интервал	— 200 Оборотов
299 — 348	— Второе Прохождение	— 50 Оборотов
349 — 548	— Второй Интервал	— 200 Оборотов
549 — 598	— Третье Прохождение	— 50 Оборотов
599 — 798	— Третий Интервал	— 200 Оборотов
799 — 848	— Четвертое Прохождение	— 50 Оборотов
849 — 1248	— Четвертый Интервал, долгий	— 400 Оборотов
1249 — 1298	— Пятое Прохождение	— 50 Оборотов
1299 — 1498	— Пятый Интервал	— 200 Оборотов
1499 — 1548	— Шестое Прохождение	— 50 Оборотов
— 1543	— Время Мориты и Нерилки; Великий Мор	
1549 — 1748	— Шестой Интервал	— 200 Оборотов
— 1553	— Оборот, в котором Нерилка написала свои воспоминания	
1749 — 1798	— Седьмое Прохождение	— 50 Оборотов
1799 — 1998	— Седьмой Интервал	— 200 Оборотов
1999 — 2048	— Восьмое Прохождение	— 50 Оборотов
2049 — 2448	— Восьмой Интервал, долгий	— 400 Оборотов
— 2447	— рождение Джексона; начало времени Лессы и Флара	
2449 — 2498	— Девятое Прохождение	— 50 Оборотов
— 2465	— 17-ый Оборот 9 Прохождения, 2465 Оборот с момента Великого Переселения или 2525 Оборот по отсчету Айваса — начало событий, описанных в последнем романе «Все Вейры Перна»	

II. ГЛАВНЫЕ (ВЕЛИКИЕ) ХОЛДЫ ПЕРНА И ЗАЩИЩАЮЩИЕ ИХ ВЕЙРЫ

Вейры перечислены в порядке их основания

1 Форт Вейр

Форт Холд (древнейший холд)

Холд Руат (следующий по старшинству)

Холд Южный Болл

2. Вейр Бенден

Холд Бенден

Холд Битра

Холд Лемос

3. Вейр Плоскогорье

Холд Плоскогорье

Холд Набол

Холд Тиллек

4. Вейр Айген

Холд Керун

Холд Верхний Айген

Холд Южный Телгар

5. Вейр Иста

Холд Иста

Холд Айген

Холд Нерат

6. Вейр Телгар

Холд Телгар

Холд Кром

III. ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ФОРТ ВЕЙР

Ш'гал	— Предводитель Форт Вейра; дракон — бронзовый Кадит
Морита	— Госпожа Форт Вейра; дракон — золотая Орлита
Л'мал	— предыдущий вождь Форта, которого сменил Ш'гал; дракон — бронзовый Клиннит
Лери	— старая Госпожа Форт Вейра, которую сменила Морита; дракон — золотая Холта
Г'дрел	— всадник, будущий Предводитель Форт Вейра, сменивший Ш'галла; дракон — бронзовый Дориант
Камиана	— всадница, будущая Госпожа Форт Вейра, сменившая Мориту; дракон — золотая Пелианта
Лидора	— всадница; дракон — золотая Илита
Хаура	— всадница; дракон — золотая Ферта
С'перен	— всадник; дракон — бронзовый Клиот
П'нин	— бронзовый всадник
Л'раеш	— всадник; дракон — коричневый Сорт
М'барак	— всадник; дракон — голубой Арит
К'лон	— всадник; дракон — голубой Ровет
Т'рал	— всадник; дракон — коричневый Манет
Р'лимак	— всадник; дракон — голубой Гайонт
С'гор	— всадник, приятель Берчара; дракон — зеленая Малта
Т'нук	— всадник; дракон — зеленая Тапета
А'дан	— всадник; дракон — зеленая Таграта
Н'мен	— всадник; дракон — голубой Джелт
Ф'дерил	— всадник; дракон — голубой Дилент
Ф'нелдрил	— всадник, наставник молодежи; дракон — коричневый Мнант
Т'регел, Д'лтан, Б'греал	— молодые всадники, ученики Ф'нелдрила
Нессо	— хозяйка Нижних Пещер
Теллани, Горта	— женщины из Нижних Пещер
Курмир	— арфист Форт Вейра
Берчар	— лекарь Форт Вейра
Яллора	— целительница, присланная в Форт Вейр из Главной мастерской лекарей на смену умершему Берчару
Деклан, Майлон	— юноши, ожидающие Запечатления
Петерпар	— конюх

ПРОЧИЕ ВЕЙРЫ

Ф'гал	— Предводитель Вейра Иста; дракон — бронзовый Саналт
Вимма	— Госпожа Вейра Иста; дракон — золотая Тарента

Л'бол	— Предводитель Вейра Айген; дракон — бронзовый Тимент
Дейлова	— Госпожа Вейра Айген; дракон — золотая Перфорта
К'дрен	— Предводитель Вейра Бенден; дракон — бронзовый Тузут
Левалла	— Госпожа Вейра Бенден; дракон — золотая Орибета
М'тани	— Предводитель Вейра Телгар; дракон — бронзовый Хогарт
Майридан	— Госпожа Вейра Телгар; дракон — золотая Сутанита
С'лигар	— Предводитель Вейра Плоскогорье; дракон — бронзовый Гайнарт
Фальга	— Госпожа Вейра Плоскогорье; дракон — золотая Тамианта
Бессера	— всадница из Вейра Плоскогорье; дракон — золотая Одита
Диона	— всадница из Вейра Плоскогорье; дракон — золотая Киланта
Б'лерион	— всадник из Вейра Плоскогорье, возлюбленный Оклины; дракон — бронзовый Набет
К'рнот	— всадник из Вейра Плоскогорье, наставник молодежи
Барри	— лекарь Вейра Плоскогорье
Прессен	— новый лекарь Вейра Плоскогорье, присланный на замену умершему Барри
Инд	— лекарь Вейра Иста
Ч'мон	— всадник из Айгена; дракон — бронзовый Хелинт
А'мурри	— всадник из Айгена; дракон — зеленая Гранта
Т'гел, К'дал	— всадники из Телгара
Л'вин, В'тер, Х'грейв, М'ген	— всадники из Бендена
Наттал	— хозяйка Нижних Пещер из Вейра Плоскогорье

ФОРТ ХОЛД

Толокамп	— лорд Форт холда, отец Нерилки
Пендра	— его леди, мать Нерилки
Их дети (в порядке старшинства):	
Кампен	— старший брат Нерилки и наследник Форта (около 27—30 лет)
Пендора	— старшая сестра (выдана замуж в другой холд)
Мостар	— брат
Дорал	— брат
Тескин	— брат
Сильма	— сестра (выдана замуж в другой холд)
Нерилка	— третья дочь Толокампа и Пендры (около 20—23 лет)
Галлен	— брат
Джесс	— брат
Пет	— брат
Амилла	— сестра

Мерсия и Мерин — сестры-близнецы
 Киста — сестра
 Габин — младший из братьев Нерилки (около 13—14 лет)
 Мара — сестра
 Ния — сестра
 Лилла — младшая из сестер Нерилки (10 лет)

Прочие обитатели Форт холда

Манчен — брат Толокампа, любимый дядюшка Нерилки
 Лусия — тетушка, старшая в Детских комнатах
 Сира — тетунка, старшая в ткацкой мастерской
 Анелла — наложница Толокампа, потом — его леди
 Барнд — начальник охраны холда
 Ченг — стражник
 Фелим — главный повар
 Касмодиан — арфист
 Сим — слуга Нерилки
 Гарбен — один из холдеров Форта, поклонник Нерилки

Обитатели малого холда Высокий Холм

Беструм — холдер Высокого Холма
 Гейна — его леди
 Пол и Сейл — братья, конюхи

ХОЛД РУАТ

Лиф — покойный лорд холда Руат, отец Алессана
 Ома — его леди, мать Алессана
 Алессан — молодой лорд Руата
 Суриана — его покойная леди (трагически погибшая)
 Оклина — его младшая сестра, впоследствии — всадница
 Форт Вейра; дракон — золотая Ханната
 Макфар — брат Алессана
 Норман — один из руатанских управляющих, распорядитель скачек
 Фарелей — старший барабанщик
 Сканд — лекарь
 Фоллен — лекарь, присланный в Руат после смерти Сканда
 Гелли, Вандер — холдеры, скотоводы
 Рунел — холдер, знаток скакунов
 Тьеро — странствующий арфист, осевший в Руате после эпидемии
 Даг — старший конюх
 Фергал — его внук, подросток
 Хелли — конюх
 Дифер, Кулан, Турвин — холдеры

ЦЕХА АРФИСТОВ И ЦЕЛИТЕЛЕЙ

Капайм	— Главный мастер целителей
Фортин	— его заместитель
Десдра	— женщина-лекарь
Макабир	— странствующий лекарь
Куитрин	— лекарь из Южного Болла
Горби	— лекарь из Керуна
Семмент	— лекарь из Плоскогорья
Бурдион	— лекарь из Исты
Миббут, Килос, Лореана, Рапал, Снил, Галниш	— лекари
Тайрон	— Главный мастер арфистов
Брейк	— его заместитель

ПРОЧИЕ ХОЛДЫ, ЦЕХА И МАСТЕРСКИЕ

Диатисс	— лорд Тиллека
Грам	— лорд Нерата
Бурдион	— лорд Айгена
Шадер	— лорд Бендена
Рейтошиган	— лорд Южного Болла
Фитатрик	— лорд Исты
Суфур	— Главный мастер скотоводов из Керуна
Бальфор	— мастер скотоводов из Керуна
Талпан	— целитель животных из Керуна, друг детства Мориты
Кларгеш	— мастер-стеклодув
Сувер	— холдер из Южного Болла, знаток скакунов
Варни	— капитан судна, совершившего плавание на южный материк

IV. НЕКОТОРЫЕ СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ

- Алая Звезда* — планета системы Ракбета; вращается вокруг светила по вытянутому эллипсу
- арфист* — представитель одного из наиболее почитаемых и могучих Цехов Перна; арфисты были певцами, музыкантами и хранителями истории и традиций. Кроме этого, они обучали детей, выполняли юридические функции, изучали новые территории и составляли их карты, разрабатывали коды барабанной связи, распространяли новости и т. д. Через разветвленную сеть странствующих арфистов их Главная мастерская в Форт холде собирала сведения обо всех землях, фактически выполняла функции разведки. Целью арфистов являлось поддержание на Перне мира и прогрессивного развития
- ашенотри* — перинитское название азотной кислоты (HNO_3); применялась для уничтожения Нитей, упавших на землю
- бальзам* — анестезирующая и заживляющая раны мазь; являлась универсальным лечебным средством. В частности, бальзам использовался для врачевания ожогов, которые Нити наносили драконам и всадникам
- Белиор* — большая из двух лун Перна
- Вейр* — место, где обитали от двухсот до четырехсот драконов и их всадников — кратер потухшего вулкана. В собирательном смысле Вейром называлась цеховая организация всадников, охранявших Перн во время Прохождения и разбивших драконов в мирные периоды
- вейр* — пещера (логово) дракона с примыкающим к нему жилищем всадника
- Встреча* — праздник и ярмарка, которые устраивались раз в один-два Оборота каждым из крупнейших холдов
- всадник* — одаренный телепатическими способностями человек, в юности запечатливший дракона; во время Прохождения Алой Звезды всадники и драконы защищали территорию холдов от атак Нитей. В соответствии с мастью своего дракона, всадники называются бранзовыми, коричневыми, голубыми и зелеными; всадники золотых самок-королей называются господами Вейров
- десятина* — подать, которую холды выплачивали защищающим их Вейрам
- Долгий Интервал* — вдвое больше обычного Интервала; возникает в тех случаях, когда в силу флуктуаций орбиты Алой Звезды, она не подходит к Перну достаточно близко, чтобы сбросить Нити
- дракон* — искусственно выведенный теплокровный полуразумный ящер; превосходно летает, способен

практически мгновенно перемещаться во времени и пространстве, выдыхать пламя и телепатически общаться с некоторыми людьми. Размножается яйцами. Живет пятьдесят-шестьдесят лет в телепатическом симбиозе со своим всадником, которого избирает в момент появления из яйца. Категории драконов: золотые королевы — самки-производительницы, самые крупные и немногочисленные представители рода драконов; бронзовые, коричневые и голубые самцы (перечислены в порядке убывания размеров и силы); бесплодные зеленые самки

- Древние* — 1) в романе «Странствия дракона» — всадники и население пяти Вейров, приведенных Лессой из прошлого; часть из них (из Форт Вейра и Вейра Плоскогогорья) изгнана в Южный Вейр; 2) первопоселенцы, предки перинитов, прибывшие с Земли
- Запечатление* — взаимопроникновение сознаний новорожденного дракона и выбранного им всадника; порождает дальнейшую связь человека и зверя на всю жизнь
- Записи, Архивы* — летописи событий, которые велись в каждом Вейре, Цехе и холде Перна
- Звездные Камни* — Звездная Скала, Палец, Глаз-камень — камни-ориентиры, установленные на краях кратеров в каждом Вейре, и предназначенные для наблюдений за Алой Звездой
- Интервал* — период времени между сближениями Алой Звезды с Перном, равный двумстам Оборотам
- кла* — горячий бодрящий напиток, приготовленный из коры деревьев определенного вида и имеющий привкус корицы
- Конклав* — совет лордов, решающий вопросы управления холдами; в частности, в его компетенцию входит подтверждение полномочий правителей холдов
- крыло (боевое крыло)* — соединение, включавшее 15—30 всадников; в Вейре было от десяти до двадцати крыльев
- лорд* — владетель одного из Великих холдов и его территории, глава благородного семейства. Должность лорда была наследственной в пределах семьи, но его прерогативы подтверждались Конклавом, и не всегда новым владельцем становился старший сын; обычно избирался наиболее достойный или честолюбивый
- лунное дерево* — плодовое дерево, в период цветения отличается сильным ароматом. Культивируется на плантациях и растет в диком состоянии
- Нижние Пещеры* — гигантские помещения, вырубленные в основании котловины Вейра; использовались с хозяйственными целями. Там располагались кухни, кладовые, жилые комнаты для женщин и детей. Этими службами заведовала женщина, носившая титул Хозяйки Нижних Пещер; фактически — экономка Вейра

- Нити* — микозоидные споры с Алой Звезды, которые способны в период Прохождения достигать Перна, где они зарываются в землю и, в процессе своего развития, уничтожают все органические вещества
- Оборот* — перинитский год
- огненный камень* — минерал, содержащий фосфин; драконы заглатывают его, чтобы испускать пламя.
- огненные ящерица (файр)* — небольшие крылатые ящерицы; согласно преданиям, из них были выведены драконы. Файры способны перемещаться в Промежутке и вступать в мысленную связь с людьми
- озеро* — естественный водный бассейн на дне котловины Вейра
- Падение* — атака Нитей
- Переселение* — великое переселение первопоселенцев Перна с южного на северный материк; о нем еще помнят во времена Мориты и Нерилки, но совершенно забыли через тысячу Оборотов, во времена Лессы и Ф'лара
- Площадка Рождений* — арена с теплым песком внутри самой большой пещеры Вейра; эта пещера-амфитеатр служит для общих собраний людей и драконов. В теплом песке Площадки Рождений созревают яйца драконов
- Поиск* — путешествие всадников по мастерским и холмам Перна с целью отбора кандидатов на ближайшую церемонию Запечатления. Попастъ в число кандидатов и запечатлеть дракона — особенно новую золотую королеву — считалось чрезвычайно почетным для девушки или юноши
- Предводитель Вейра* — бронзовый всадник, чей дракон догнал в брачном полете старшую из королев Вейра. Вождь выполнял функции боевого и административного руководителя Вейра
- Промежуток* — измерение Вселенной, в котором отсутствуют понятия времени и пространства; драконы способны перемещаться через Промежуток в любую указанную им пространственно-временную точку обычного мира
- Прохождение* — период, в течение которого Алая Звезда находится достаточно близко от Перна, чтобы сбрасывать на него Нити; равен пятидесяти Оборотам
- Ракбет* — желтая звезда, солнце Перна
- Рассветные Сестры* — три яркие звезды, особенно хорошо видимые в южном полушарии Перна; одна из них долгое время считалась древней прародиной перинитов, пока не было выяснено их искусственное происхождение
- страж порога* — летающий ящер довольно больших размеров, отдаленный родич драконов. Используется как сторожевое животное. В естественном состоянии дикие стражи живут и охотятся стаями
- Тимор* — меньшая из двух лун Перна

- холд* — место обитания жителей Перна; первоначально, для защиты от Нитей, залы и помещения холда вырубались в скалах. В дальнейшем названия наиболее крупных (Великих) холдов Перна были распространены на соответствующие области северного континента; во времена Нерилки в них проживали тысячи людей. На территории каждого Великого холда были десятки малых холдов, населенные десятками-сотнями обитателей
- холдер* — 1) владелец малого холда;
2) в собирательном смысле — житель холда (в отличие от всадников, живших в Вейрах, и ремесленников, живших в мастерских своих Цехов)
- Цех* — профессиональное объединение ремесленников или специалистов (кузнецов, лекарей, арфистов, рыбаков, скотоводов и т. д.). Цеха имели Главную мастерскую, расположенную вблизи одного из великих холдов, и ряд мастерских в других местах. Цеха были полностью автономны и независимы от власти лордов; управлялись выборными Главными мастерами
- чаща (чаша Вейра)* — внутренняя поверхность кратера, в котором располагался Вейр

Некоторые идиоматические выражения

Во имя Первого Яйца

Во имя Яйца

Клянусь Первым Яйцом

Клянусь Скорлупой

Во имя Первой Скорлупы

Что б тебе ни Скорлупы, ни Осколков! (проклятье)

Уйти навечно в Промежуток (умереть)

Каков дракон, таков и всадник (пословица)

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	3
Пролог (пер. М. Нахмансона)	13
Морита — повелительница драконов (пер. М. Сайнер)	19
История Нерилки (пер. М. Сайнер-мл.)	323
Комментарии	434

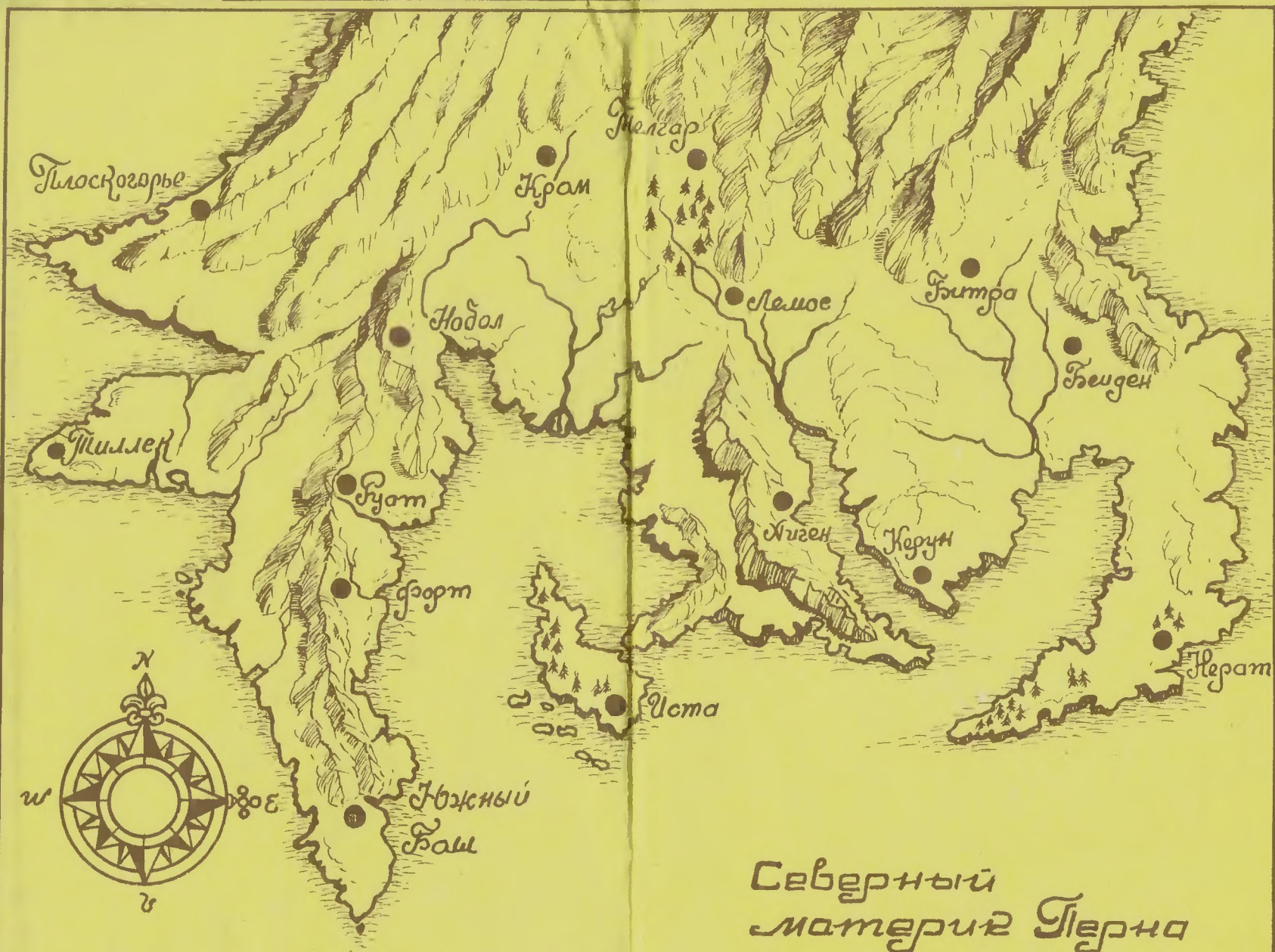
Литературно-художественное издание

ЭНН МАККЕФРИ
ДРЕВНИЙ ПЕРН

Литературный редактор М. Нахмансон
Технический редактор Т. Савичева
Корректор М. Сайнер

Подписано к печати 28.07.93 г. Формат $84 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. листов 2,52. Тираж 50 000 экз.
Заказ 327.

Отпечатано в типографии им. Котлякова
195273, Санкт-Петербург, ул. Руставели, 13.

fantasy

Морита – повелительница драконов
История Нерилки

ЭНН МАККЕФРИ

